БТ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ЭВЕРИ КОРМАН

КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА

КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА / ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

БТ

БТ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

РИЧАРД ОЗБОРН

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге два романа:

«ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ» Ричарда Озборна;

«КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА» Эвери Кормана.

Приступив к расследованию жестокого и загадочного убийства знаменитой рок-звезды, детектив из Сан-Франциско Ник Карран обнаруживает, что попал в призрачный мир, где сопутствуют друг другу лживость и соблазн. Ник оказывается не в состоянии устоять перед чарами своего подозреваемого номер один — сногсшибательной и свободной от предрассудков писательницы Кэтрин Трамелл, чей шокирующий вымысел описывает расследуемое им убийство с точностью до мельчайших и самых кровавых деталей.

Попав в ловушку любви и крови, Ник находится на краю пропасти, и лишь только основной инстинкт самосохранения удерживает его от рокового шага...

Сложные взаимоотношения между супругами вынуждают их расстаться. Отец с сыном остаются одни и начинается трудный процесс приспособления их друг к другу... (За исполнение главной роли в одноименном фильме Дастин Хоффман был удостоен премии «Оскар» Американской Академии киноискусств).

РИЧАРД ОЗБОРН

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

☆☆☆

ЭВЕРИ КОРМАН

КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА

«ЛИЕСМА СИСТЕМС»
РИГА
1993

Эта книга из выпускаемой серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА». В нее вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных и кассовых кино- и видеофильмов.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.

Использование данного знака без согласования с издательством преследуется по закону.

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, запрещена.
Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с согласия издателя.

ISBN 9984-502-02-3

© В. Суриков, оформление, 1993

© В. Суриков, знак серии, 1993

© Carolco/Le Studio Canal+V.O.F., 1992 («Basic Instinct»)

© Avery Corman, «Kramer vs. Kramer» 1993

РИЧАРД ОЗБОРН

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

RICHARD OSBORNE

«BASIC INSTINCT»

Перевод с английского — *Алексей Цветков.*

ПРОЛОГ

Из мерцавшего огоньками проигрывателя компакт-дисков, установленного у окна спальни, лилась негромкая музыка.

За окном пробуждался город Сан-Франциско, поднималась непривычная для этих мест ясная утренняя заря — в этот день не будет знаменитого сан-францисского смога.

На кровати, огромной кровати из желтой латуни, возлежал Джонни Боз — мужчина отменного здоровья и, помимо всего прочего, человек вкусов — вкусов, как хороших, так и плохих. Он обожал искусство и музыку, а также «презренную» роскошь. Его отрицательные влечения были куда более пагубны — сильнодействующие наркотики, пристрастие к которым переросло в небольшую зависимость от них, и неправедные женщины.

Женщина, опоясавшая ногами его голое тело, была восхитительна. Ее длинные светлые волосы стекали по нагим плечам; ее совершенные груди, дразняще висевшие наподобие спелых фруктов над его лицом, были, однако, вне пределов досягаемости его жаждущих губ.

Женщина наклонила свой красный ротик и с жадностью поцеловала его, выбросив, как жало, язык. Он вер-

нул поцелуй, глубоко засосав ее язык в свой рот. Она взяла его руки, подняла их над головой и скрутила их. Затем выдернула из-под подушки белый шелковый шарф и, связав одним его концом запястья рук мужчины, а другой конец шарфика прикрепила к латунному изголовью кровати. Мужчина натянул свои путы и закрыл от наслаждения глаза.

Она соскользнула вниз на его тело, и он вошел в нее, проникая очень глубоко, подчиняясь напору ее бедер. Он ожил, пронзая ее, врываясь, пробуравливаясь внутрь, ощущая на себе вес ее влажного тела.

Они были полностью захвачены моментом, поглощены жестокой силой наркотического секса. Прикрыв глаза, она приподнялась над ним, а затем всей тяжестью собственного тела рухнула вниз, сев на него, как на кол. Ее груди увеличились и окрепли.

Он почувствовал, как глубоко внутри забил ключом оргазм, и откинул голову, выставив напоказ свое белое горло. Рот его раскрылся в безмолвном крике, глаза глубоко запали в глазницы. В восторге от прелестных мук он неистово рванул шарф, обвязывавший его руки.

И наступил ее момент. Серебряным светом в ее руках мельком сверкнуло нечто стальное, острое и смертоносное. Ее правая рука быстро и безжалостно опустилась; оружие прокололо его мертвенно-бледную шею, теперь неожиданно окрасившуюся кровью в алый цвет. Он забился в конвульсиях, ошеломленный болью, предшествовавшей стремительной, насильственной смерти и переполнявшей его силы оргазма.

Снова и снова ее рука бросалась на его шею, его грудь, его легкие. Кремовые простыни превратились в красные.

Он умер, вливая в нее не только свое естество, но и душу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Белые и красные проблесковые огни полицейских машин, словно рассыпанных в бродвейском квартале 3500 перед «Пасифик Хайтс Викториэн» Джонни Боза, мерцали, как маяки. Эфир был заполнен треском и болтовней регулировщиков движения. Немногочисленные ранние пташки, или, как называют зевак полицейские, — дог-уокеры[1], будто театралы наблюдали за разворачивающимся перед ними действием: на сцене находились полицейские, принявшие на себя беззаботный вид, который сопутствует тем, кто постоянно сталкивается с убийствами.

Немаркированный полицейский автомобиль — без хрома и других украшений, то есть абсолютно *без всего*, что сразу же наводило на мысль о том, что это может быть *только* полицейский автомобиль, — медленно проехал вниз по улице и остановился возле группы машин и «фараонов». Двое вышедших из нее мужчин уставились на элегантный фасад здания, выполненный в технике городского дома викторианской эпохи.

[1] Дословно: люди, выгуливающие собак (*англ.*) — *Здесь и далее прим. пер.*

Старший в этой паре, Гас Моран, одобрительно кивнул.

— Прекрасное место для убийства, — произнес он.

— Определенно мы добиваемся убийств высшего класса в нашем городе, — заметил его партнер. — Это, должно быть, способствует туризму.

Вряд ли два человека могли быть более отличны друг от друга. Подобно машине, которой он управлял, в Гасе Моране можно было безошибочно угадать представителя личного состава департамента полиции Сан-Франциско. Но глаза его замечательным образом демонстрировали цену этого двухдесятилетнего периода разрушения иллюзий. Этот человек явно устал.

Его напарник, Ник Карран, был моложе, да и фигурой мощнее. На нем был надет дорогой костюм, и, когда вы останавливали на нем взгляд, один только вид этой фешенебельной одежды начисто отметал мысль о его принадлежности к копам. И у него были свои преимущества: знание законов улицы, городской преступности, легкая развязность и самоуверенность человека, изо дня в день живущего своей собственной жизнью, с пистолетом в нательной кобуре. И в отличие от «выгоревшего» напарника, игра с ежедневно меняющимися правилами для Ника Каррана все еще продолжалась. Большую часть времени единственным правилом в этой игре было отсутствие всяких правил. Законы улицы становились все более низменными, но Каррану удавалось удерживать ее в руках. Он не сдавался и ни в коем случае не считал себя побежденным.

Около дверей дома они протиснулись сквозь толпу полицейских и вошли в элегантное жилище. Моран, словно хороший сеттер, втянул в себя воздух и зажал одну ноздрю. В доме стоял запах — запах, с которым он сталкивался — не столь часто, — но его достаточно почувствовать лишь однажды, чтобы навсегда запомнить, что он обозначает.

— Деньги, — констатировал Гас. Он посмотрел на утонченную обстановку: совершенная, художественно оформленная мебель, толстые ковры, картины на стенах.

— Неплохо, — признался он. — И чем, ты сказал, занимался этот сукин сын?

— Рок-н-роллом, Гас. Его звали Джонни Боз.

— Никогда о таком не слыхал.

Ник усмехнулся: было бы весьма удивительно, если бы Гас что-либо знал о Джонни Бозе. Музыкальные вкусы Морана, так уж было, ограничивались техасским свинг-стилем кантри.

— Он был потом, уже после тебя. Середина шестидесятых, если помнишь, — хиппи, лето любви...

— Счастливые денечки, — согласился Моран.

— И где-то потом появился Боз. Пять или шесть хитов. Затем он остепенился, по рок-н-ролльным понятиям. Приобрел клуб где-то на дне, в Филлморе. — Ник бросил взгляд на висевшую в прихожей картину Пикассо. — Правда, сейчас-то он точно находится на вершине.

Моран направился в залитую кровью спальню.

— На вершине, говоришь? Теперь уж нет, — заметил Гас.

Боз до сих пор валялся на кровати — кусок мяса, привязанный к латунному сооружению. Моран с трудом смог бы представить более кровавые раны, чем эти многочисленные колотые ранения горла, и, особенно, туловища и сердца, недавно тяжело бившегося под воздействием наркотиков и экстаза. Дорогое белье было матовым от засохшей крови, матрац был пропитан ею до самых пружин.

Карран долго смотрел на труп, будто в уме фотографируя его, затем отвернулся и, посмотрев на набившихся в комнату копов, покачал головой.

— А, все дерьмовые полицейские уже в сборе, — проворчал он.

Здесь находилась судебная команда — ребята из группы по осмотру места происшествия, которые исковыряют всю комнату в поисках отправной точки для расследования; команда коронера, которая проделает то же самое с трупом Боза; и двое парней из отдела по расследованию убийств — Харриган и Андруз. Последним двум, действительно, не повезло — они попали на место преступления как раз в тот самый короткий отрезок времени,

когда их смена уже заканчивала патрулирование, а Карран с Мораном только заступили на службу. Еще несколько человек в форме стояли неподалеку и глазели по сторонам. В общем, обычная для места преступления братия.

Кроме того, на сцене оказались еще два копа, бывшие не из тех, кто может нормально смотреть на случай насильственной смерти. Карран направился в угол этой роскошной спальни и с сердитым видом уставился на лейтенанта Фила Уокера и капитана Марка Толкотта. Уокер, шеф отдела по расследованию убийств департамента полиции Сан-Франциско, безусловно, имел право появиться здесь — хотя Каррана злило, что гибель бывшей рок-звезды притягивает высших чинов, в то время как смерть, скажем, какой-нибудь благоденствующей старушки в Хантерз-Пойнте — нет. Присутствие Толкотта, заместителя шефа полиции и доверенного лица, носителя политического багажа мэра, говорило о том, что затевалось нечто грандиозное. Нечто, как понимал Ник Карран, имеющее малое отношение непосредственно к убийству, но тесно связанное с политиканами города Сан-Франциско.

Гас Моран, парень не промах, взглянул на двух начальников и поднял глаза на своего напарника:

— Никогда не позволяй себя убивать, Ник. Иначе не побыть тебе одному.

— Ты как всегда прав. Обязательно последую твоему совету.

— Вы, ребятки, знакомы с капитаном Толкоттом? — обратился Уокер к Гасу и Нику.

— Конечно, — ответил Карран. — Обязательно читаю о вас в газетной колонке Херба Кина.

— Забавно, Ник, — процедил Толкотт.

— Капитан, а чем занимается здесь человек столь высокого ранга? — Моран знал, *как* быть дипломатичным, и он преуспевал в этом больше, чем Карран.

Толкотт сложил руки на груди и в точности как главнокомандующий обвел комнату глазами.

— Наблюдаю, — ответил он до смерти серьезно.

Гас Моран усмехнулся, Ник Карран тоже еле удержался от того, чтобы не рассмеяться в полный голос. Уокер сердито посмотрел на него. Его взгляд красноречиво говорил: не обливай грязью злопамятных людей.

Коронер вытащил из печени Джона Боза что-то, похожее на большой термометр для мяса. Эта штука вылезла из трупа, издав отвратительный чмокающий звук.

— Время смерти? — спросил Уокер.

Коронер посмотрел на шкалу.

— Девяносто два градуса. Он немного остыл... ну, скажем, часов шесть. — Он взглянул на часы. — В общем, считаю, что смерть произошла около четырех утра, плюс-минус...

Группа предварительного осмотра распаковывала небольшой электронный аппарат. Он был похож на вакуумный очиститель с лампочкой, испускавшей тонкие лучи зеленого света. Это было новое устройство, над которым суетился весь департамент полиции Сан-Франциско, — лазерный сканер, способный обнаружить любые следы присутствия человеческого существа в комнате — отпечатки пальцев, капли крови, волосы или кусочки кожи.

— Так что случилось? — потребовал отчета Толкотт.

— Около часа назад пришла прислуга и обнаружила тело, — ответил Уокер. — Служанка — ни жива ни мертва.

— Замечательно начинать с этого день, — заметил парень из коронерской компании.

Лазерный сканер был готов к работе.

— Кто-нибудь, задерните занавески, пожалуйста, — попросил сотрудник оперативной бригады.

Один из копов задернул тяжелые портьеры, и комната погрузилась во тьму. Считыватель сканера вспыхнул нездоровым зеленым светом, и этот луч, отражаясь от зеркального потолка, скакал по лицам полицейских, окрашивая их в кладбищенский серый цвет.

— Так, может, прислуга и прикончила его, — предположил Гас.

— Ей пятьдесят четыре года и весит она двести сорок фунтов[1].

[1] Один фунт равен приблизительно 0,45 кг.

— На трупе никаких синяков, — проинформировал коронер.

— Значит, это не прислуга, — невозмутимо продолжал Гас. — Она должна была бы быть полегче.

— Боз ушел из клуба вчера около полуночи, — сообщил Андруз. — После никто его не видел. Не видел живым, по крайней мере.

— Он покинул клуб в одиночестве? — спросил Карран.

— С подружкой, — ответил Харриган.

— Нет, — сказал Моран, — этой пятьдесят, к тому же вес... двести сорок фу... Я так думаю...

Ник посмотрел на труп.

— Чем это его?

— Ножом для колки льда, — ответил Харриган, протягивая Каррану чистый снаружи пластиковый пакетик для вещдоков. В нем, как в кровавой ванне, лежал острый нож.

— Очень персональное оружие. Ударить можно только с близкого расстояния. Ты уже принюхивался к нему, исползал его вдоль и поперек. Как много ранений?

— Около дюжины, — ответил коронер. — Три или четыре поверхностных и еще восемь или около того — любое из них могло его прикончить. Привязанный таким образом, он должен был истечь кровью и умереть в течение нескольких минут. С дюжиной колотых ран он напоминал дьявольское решето. Как дуршлаг, Ник, прости Господи.

— Где вы это обнаружили, этот нож? — спросил Ник Карран.

— В целости и сохранности лежал на кофейном столике в гостиной.

Лазер обнаружил что-то на постели: мокрые пятна, похожие на темные подтеки.

— Это можно обнаружить на всей поверхности простыни, — сообщил оперативник. — Этой дряни здесь с полгаллона[1].

— Очень впечатляюще, — произнес Ник.

[1] Один американский галлон равен примерно 3,8 л.

— Он кончил перед тем, как его кончили, — заметил Гас Моран.

— Кончил и издох в тот же момент, — хихикая продолжил Харриган.

— Хватит! — строго прервал их Толкотт. — *Джентльмены*, это очень личное. Мистер Боз вносил огромные средства в предвыборную кампанию мэра. Он был председателем правления Дворца изящных искусств...

Гас нахмурился:

— Я-то думал, что он был звездой рок-н-ролла.

— Он был *бывшей* звездой рок-н-ролла. Он уже отошел от этих дел, — пояснил Уокер

— В Сан-Франциско, Гас, рок-н-ролл тоже считается искусством, — съехидничал Ник.

— Господин Боз был человеком, сознающим свой гражданский долг, он был очень уважаемой, респектабельной звездой рок-н-ролла, — назидательно произнес Толкотт.

И это было правдой, несмотря на существовавший в Филлморе бозовский клуб. Когда-то этот район служил пристанищем серьезному джазу и рок-н-роллу. Сейчас он стал местом обитания яппи — с весьма унылыми, но в то же время очень престижными клубами, ресторанами с дорогой моментальной кухней и расположенными в нем тенденциозными лавчонками.

Все полицейские подумали о том, что труп на кровати ну никак не тянул на *«господина»*, даже если и отбросить в сторону «чувство гражданского долга» и «уважаемый».

— А что это такое? — заинтересовался Гас, всматриваясь в кучку белого порошка на зеркале столика, граничащего с кроватью.

— Черт возьми! — пробормотал Карран, — Без проверки я сказал бы, что это похоже на преисполненный гражданским долгом и очень уважаемый кокаин. Я имею в виду, так кажется мне. Я *могу* ошибаться...

Толкотт отказался от такой подачки. Он выговорил беспристрастно, хладнокровно, без ошибочного холода в голосе:

— Слушай сюда, Карран. Мне это очень дорого обойдется. А посему — никаких ошибок.

Слово «ошибки» в лексиконе Толкотта обозначало не столько огрехи в полицейской работе, сколько просчеты, могущие быть опасными в политическом отношении для всего департамента и лично его шефа.

— Слышал, Гас, — предупредил Ник, — чтобы не было никаких ошибок.

— Будем стараться, — отреагировал Моран. — Что еще с человека можно взять? Ведь так?

— Верно. Итак, кто подружка?

— Ее имя Кэтрин Трамелл, проживает на Дивизадеро, дом двадцать два-тридцать пять.

— Еще один приятный райончик, — заметил Моран. — Таким образом, нам открывается возможность совершить увлекательное путешествие по заливу с осмотром местного Багдада. У-ух, виноват. Забылся. Больше не буду так говорить.

— Смотри, Гас, — пригрозил Карран, направляясь к дверям.

Уже на ступенях, вдали от чужих ушей, Гас Моран сказал:

— Толкотт уже на ногах!.. Да в такую рань!.. Обычно он не кажет носа, пока не досмотрит восемнадцатый сон.

— Угу, — согласился Карран. — Джонни Боз и наш мэр, должно быть, тесно связаны.

— Ник!

Они обернулись и увидели на верху лестницы лейтенанта Уокера.

— Какие проблемы, Фил? — поинтересовался Карран. — Мы должны попросить прощения? Или что?

— Вам назначено на три часа. Вы обязаны появиться в это время.

— Забудь, Фил. Я не прав, но разве мы уже поймали убийцу? Ты хочешь, чтобы я занялся расследованием преступления, или предпочитаешь, чтобы я встречался с этими проклятыми психоаналитиками из департамента?

— Встреча состоится, расследование — *тоже*. Но сделай доброе для нас всех дело — смени позу.

Карран осклабился:

— Как насчет двух, а не трех?

— Ник, если ты хочешь сохранить работу, приедешь на встречу в три часа. Усек?

— Ага. О'кей, все понял.

— Мне уже лучше, — сказал Фил Уокер. — Надеюсь, и тебе полегчает.

— Черт возьми, Ник, — произнес Гас, — у тебя дар — куда бы мы не двигались, ты всегда захватываешь с собой веселый солнечный свет.

— Ты прав. Двинем-ка в сторону Дивизадеро.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если вы проедете по всей длине одной из самых протяженных улиц, пересекающих Сан-Франциско с севера на юг, то вам повстречаются почти все возможные виды районов — полный спектр — от супербогатых поместий до грязных и жалких лачуг. Тму-Таракань в этом смысле более предпочтительна, нежели Дивизадеро. В одном конце, внизу, у самой поверхности воды вы повстречаете разных бездельников, пьяниц и наркоманов. Наверху, на холмах, в кварталах начиная с двух тысяч двухсотого, живут богатейшие люди Сан-Франциско.

Дом двадцать два—тридцать пять по Дивизадеро был достоен своих соседних собратьев — более крупный, чем городской дом, с тем же запахом денег, который так и витал в последнем пристанище Джонни Боза.

Ни для одного из двух полицейских не было неожиданным то, что они были встречены прислугой, и они не были бы удивлены, если бы та направила их к заднему входу, которым пользуются разносчики и домашние. Горничная была узкоглазой и, более чем наверняка, нелегальной иммигранткой; она узнала власти в лицо сразу, как только их увидела. И она не выглядела осчастливленной.

Они вытащили свои значки:

— Я — детектив Карран, это — детектив Моран. Мы из департамента полиции Сан-Франциско.

На лице горничной вспыхнуло выражение страха.

— Полиция, — утешительно пояснил Моран. — Полиция, а не *La Migra*[1].

Горничную, похоже, это успокоило не полностью.

— Да, — произнесла она. — Входите.

Прислуга провела их в дом и оставила в гостиной одних.

Это была величественная, элегантная комната с высокими сводчатыми окнами, выходящими на восток в сторону голубой долины Сан-Франциско-Бея. Карран и Моран были впечатлены — убийцы нечасто допускают копов в свои столь шикарные норы.

На правой стене висела картина, и Гас Моран, приблизившись, исследовал ее с видом знатока.

— Разве это не привлекательно, — начал он, — у Боза Пикассо и у Трамелл тоже. Его и ее Пикассо.

— Я и не подозревал, что ты знаешь, кто такой Пикассо, Гас. Не предполагал, что сможешь отличить его картину от полотен других живописцев.

— Это просто, — с усмешкой рассказал Моран. — Надо только знать, чего искать. Как, например, большую подпись. Смотри: здесь внизу в углу написано: «Пикассо», и это ясно как день. Это посмертное разоблачение.

— Но его картина кисти Пикассо больше, чем ее, — заметил Ник.

— Говорят, это не имеет значения, — пояснил молодой женский голос.

Моран с Карраном обернулись. В шаге от лестницы стояла прелестная блондинка, чьи чистые голубые глаза были широко расставлены. Ее скулы вызвали бы зависть у любой манекенщицы. Она была одета в вышитый чер-

[1] Служба эмиграции, в обязанности которой в том числе входит выявление и выдворение за пределы страны незаконно проникнувших на территорию США иностранцев.

ным и золотым цветами жакет, плотно облегающие черные джинсы и черные ковбойские ботинки. Она походила на тот тип женщин, на которых мог положить свою лапу рок-звезда.

— Мы просим прощения за беспокойство, — начал Карран, — но нам бы хотелось задать вам несколько...

— Вы могли бы покороче? — хладнокровно прервала она. Если она и была испугана появлением полицейских, то очень уж хорошо скрывала свой страх.

— Убийство, — продолжил Ник.

Женщина кивнула самой себе, будто Карран только подтвердил что-то, в чем она уже была наполовину уверена.

— Что вы желаете?

— Когда вы в последний раз виделись с Джонни Бозом? — спросил Гас.

— Он мертв?

— А почему вы так думаете? — Гас не сводил глаз с ее лица с тех пор, как она появилась в комнате.

— Ну, иначе вы вряд ли пришли бы сюда, не так ли?

«Счет один—ноль в пользу этой малышки», — подумал Ник Карран.

— Где вы были прошлой ночью? — спросил он.

Она пожала плечами:

— Думаю, вам нужна Кэтрин, а не я.

— Разве вы не...

Ник Карран прервал своего напарника:

— А вы кто?

— Я — Рокси.

— Вы живете здесь? Вы проживаете с Кэтрин Трамелл?

— Угу. Я здесь живу. Я ее... Я ее подруга.

— Это хорошо — иметь друзей, — похвалил Гас.

— И где же мы можем найти вашу подругу, Рокси?

Она ответила не сразу, но посмотрела на них. Карран с Мораном почти видели, как происходит ее мыслительный процесс, как она просчитывает свой следующий шаг, раздумывая, как лучше защитить себя и свою «подругу». Над Рокси почти витал дух непогрешимости. Она, видно, принадлежала к тем людям, которые всячески стараются

оставить полицию на голодном информационном пайке. Она молчала из принципа.

— Ну, так что, собираетесь говорить? — спросил Гас. — Или раздумываете, как самой же себе сделать хуже?

Рокси сопротивлялась еще некоторое время, но затем сдалась:

— Она на пляже. У нее домик на Стинсон-Бич.

— Стинсон-Бич слишком большое место, — заметил Ник. — Не могли бы вы сказать несколько определеннее?

— Сидрифт, — ответила Рокси. — Сидрифт, дом четырнадцать ноль два.

— Ну вот, это было не так сложно. Ну, ведь правда? — сказал Ник. Оба копа собрались уходить.

— Вы только зря потеряете время, — решительно окликнула их она. — Кэтрин не убивала его.

— Я и не говорил, что она его убила, — парировал Ник. — Но, может быть, она подбросит нам идею, кто это сделал. Конечно, если это были не вы.

Рокси встряхнула головой и расплылась в усмешке:

— Не считаете ли вы, что вам пора уходить? До Стинсона неблизкий путь.

— Ага, — согласился Гас, — но и погода сегодня располагает к небольшим путешествиям.

Гас был прав. День располагал к поездкам, а поездка в Стинсон сопровождалась многочисленными ландшафтами и прекрасными видами: Голден-Гейт-Бридж, затем через Саусалито по сто первому хайвею на хайвей номер один — знаменитую дорогу, проходящую по берегу в тесных объятиях скал, которая изгибалась и вела на север.

Городок Стинсон-Бич ничего особенного из себя не представлял. Пара бакалейных лавок, парочка баров, несколько обслуживающих туристов магазинчиков по продаже самопальных сувениров.

Население его представляло из себя веселую комбинацию богачей, имеющих пляжные домики, наподобие тех, что в Малибу, некоторых хиппующих типов, свято хранящих свои ценности, воспоминания которых слегка одурманены шестидесятыми, и простого рабочего класса,

родившегося и выросшего здесь, но менее других групп приспособленного к здешней жизни.

Кэтрин Трамелл, судя по всему, была одной их тех, кто использовал Стинсон в качестве своеобразной площадки для игр. Ее дом находился вдалеке от первого хайвея. Он несколько рискованно выдавался над водами океана, предоставляя импозантные, будто с театрального балкона, виды на пляж и Тихий океан.

На стоянке перед домом были припаркованы два «лотуса-эспритса». Один был житейского черного, а другой житейского белого цвета, словно их владельцы не хотели привлекать к себе внимание, даже если и сидели за рулем двух наиболее экзотичных автомобилей.

Гас Моран бросил взгляд на машины и усмехнулся.

— Следует, — произнес он.

— Что *следует?*

— После картин Пикассо у него и у нее, два «лотуса», опять же его и ее, это следующий логический шаг.

— Может быть, это ее и ее.

— Вполне возможно. В любом случае, в конце концов, приятно увидеть, что кто-то имеет более скоростную машину, чем твоя.

— Более дорогую, быть может, — ответил Ник, — но уж никак не более быструю.

Они говорили не об их немаркированном полицейском автомобиле, а о личной машине Ника, на которой он ездил в свободное от службы время, — пятилитровом «мустанге».

Входная дверь дома была огромна и величественна. Посреди нее находились две стеклянные панели, незанавешенные шторками. Занавешенная дверь или нет, но право на частную жизнь должно соблюдаться. Во всяком случае, до тех пор, пока вы, как и Ник, не наплюете на закон и не заглянете внутрь.

Первый этаж дома замечательно просматривался, и он мог увидеть через стекла входной двери все, вплоть до террасы, возвышавшейся над пляжем как подвесной сад. Там, спиной к Нику и глядя на море, восседала женщина.

— Что-нибудь видишь? — поинтересовался Моран.

— Просто гляжу по сторонам, — ответил Ник и пошел вперед.

Женщина на террасе, казалось, была настолько же удивлена, настолько же привлекательна, как и ее подруга, Рокси. Она окинула долгим взглядом Ника и отвернулась. Ее скоротечное любопытство было удовлетворено, и, судя по всему, вид гулявших вдалеке волн она находила более интересным. Ее голубые глаза выбили его из колеи. Они были широко открытыми, но и знающими, и они, словно солнечные лучи, скользнули по его лицу, в то же время внимательно изучая его.

Как и Рокси, она была блондинкой, и, к тому же прелестной. Но там, где Рокси слишком походила на модель, Кэтрин Трамелл поражала менее ярко выраженной, но классической красотой. Ее лицо напоминало те, что так гордо взирают на мир с портретов работы восемнадцатого века, — лицо высокопоставленной женщины, аристократки. И еще: за этой наружностью патрицианки скрывался утонченный подтекст, призрачная чувственность.

— Мисс Трамелл? Я детектив...

— Я знаю, кто вы, — спокойно прервала женщина. Ей не хотелось встречаться с ним взглядами. Она смотрела на воду, будто черпая из ее буйства хладнокровие.

— Как он умер?

— Он был убит, — ответил Гас.

— Само собой. Как именно он был...

Ник быстро прервал ее:

— Ножом для колки льда.

Она на мгновение прикрыла глаза, будто представляя Джонни Боза, окровавленного, жестоко убитого, и затем тонко улыбнулась — странной, безжалостной, самодовольной улыбкой. Эта улыбка, или это лицо, охладила Гаса, и он взглянул на своего напарника, и его поднятые брови сигналили: *чокнутая.*

Ник проигнорировал невысказанное вслух мнение своего партнера:

— Как долго вы жили с ним?

— Я не жила с ним. Я *трахалась* с ним.

Сейчас она напоминала маленькую девочку, произ-

носящую запретные слова, чтобы шокировать своих стариков.

Гас был непоколебим:

— Ну, так и кто же вы? Про[1]?

Наконец, она обернулась к нему полным лицом, на ее пухлых губках блуждала все та же улыбка:

— Нет. Я — любительница.

— Как долго вас связывали с ним сексуальные отношения?

Она легонько повела плечами: — Год... полтора года.

— Были ли вы с ним прошлым вечером? — спросил Ник.

— Да.

— Вы поехали с ним домой?

— Нет.

— Но вы видели его?

— Я уже ответила вам.

— Где? Когда?

Кэтрин Трамелл вздохнула, будто вопросы Ника были слишком грубы, слишком общи, чтобы беспокоиться и отвечать на них.

— Мы выпили в клубе. Ушли оттуда вместе. Я приехала сюда. Он поехал домой. — Она пожала плечами, давая языком жестов понять: вот и вся история.

— Был ли с вами кто-нибудь прошлой ночью?

— Нет. Прошлой ночью я была не в настроении.

Ник уже давно вывел для себя, что он не должен обращать внимание на мисс Кэтрин Трамелл, а должен думать о Джонни Бозе или интересах шефа полиции в этом преступлении, факте, что человек был зверски убит. Кэтрин Трамелл считала все это всего лишь нарушением этикета.

— Разрешите спросить, мисс Трамелл. Вы жалеете, что он умер?

Кэтрин посмотрела на него, ее голубые глаза облизали его, как волны внизу облизывают берег.

— Да. Мне нравилось трахаться с ним, — ответила она и вновь уставилась на воду.

— И этот парень, Боз,.. — начал Гас Моран.

[1] Проститутка; профессионал (*амер. сленг*).

Она оборвала его, подняв руку вверх, как регулировщик, останавливающий движение.

— Я, действительно, больше не хочу с вами разговаривать.

Гасу Морану с трудом удалось укротить свой нрав, но отношение Кэтрин Трамелл начинало действовать на него, как и на его напарника.

— Послушайте, леди, мы можем продолжить в другом месте, если вы предпочитаете игры с такими правилами.

Она была непоколебима:

— Зачитайте мне мои права и арестуйте меня. Тогда я отправлюсь с вами.

Это не было вызовом, это была констатация факта. У Ника создалось впечатление, что Кэтрин Трамелл сможет каким-нибудь сверхъестественным способом отвертеться от них, если они и возьмут ее с собой.

— Мисс Трамелл...

— Арестуйте меня, следуйте по уставу, иначе...

— Иначе? — возмущенно переспросил Гас. — Никаких «иначе» не существует и в помине.

— Иначе, — упорствовала Кэтрин Трамелл, — убирайтесь отсюда к чертовой матери! — Женщина вновь обратила на них взор своих голубых глаз... — Пожалуйста, — тихо добавила она.

В департаменте полиции Сан-Франциско было полно копов, считавших, что Карран и Моран склонны действовать импульсивно, вне зависимости от ситуации, и делают это неправильно. Но даже Ник с Гасом не смогли бы оправдать арест Кэтрин Трамелл. У них не было ничего: ни доказательств, прямых или косвенных, ни возможных мотивов. Она была такой загадкой для этих двух полицейских, что у них не было даже подозрений.

Поэтому они последовали тому, что она советовала им. Они убрались из ее дома к чертовой матери.

Они проехали миль пятнадцать назад, в сторону города, пока один из них не заговорил.

— Прелестная девочка.

Это сказал Гас.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ник почти успевал на назначенное на три часа рандеву. Гас во всю скорость гнал немаркированный полицейский автомобиль по сто первому хайвею, как маньяк, пронесся по Голден-Бридж, проклиная водителей, создавших затор на мосту со стороны Марина, и обычную полуденную «пробку» в Президио.

Как бы то ни было, хоть дорога от Стинсон-Бич до Главного управления полиции неблизка, часы показывали лишь четверть четвертого, когда Ник рывком распахнул дверь кабинета Бет Гарнер, штатного психиатра полиции Сан-Франциско.

— Виноват, Бет, — ворвавшись в ее офис, извинился Ник. — Мне незапланированно пришлось прокатиться до самого Стинсона.

Карран выглядел более расстроенным своим опозданием на встречу, нежели доктор. Бет Гарнер была привлекательной молодой женщиной тридцати лет с двухлетним стажем работы в должности. Ник Карран был ее давним другом — будучи как в качестве клиента, так и накоротке, в качестве любовника. Связь с полицейским детективом — даже если не принимать во внимание то, что он является ее пациентом — было крупным нарушением правил полицейского департамента и профессиональной этики. Но хотя Карран и обладал ярко выраженным магнетизмом, квинтэссенция полицейского была столь привлекательна, что ставила работу в полиции на первое место.

Она была искренне рада увидеться с ним:

— Как ты, Ник?

Карран достаточно знал о психиатрии и психиатрах, чтобы понять, что когда те спрашивают «как ты?», то интересуются не только и не столько твоим здоровьем.

— Провокационный вопрос, Бет. Все прекрасно.

— Прекрасно?

— Ну, давай, Бет. Ты знаешь, что у меня все великолепно. Черт возьми, как долго я буду вынужден все это терпеть?

— Так долго, как скажет «Ай-Эй» — Внутренняя служба, — холодно ответила Бет. Она раздражала Карана. Это немного отличалось от реакции других копов, бывших под ее наблюдением. Где-то в глубине души у каждого полицейского таилось зерно сомнения в отношении психиатрии. Как-то это было немужественно — встречаться с психоаналитиком. Унизительно. Ежедневно городские полицейские подавали рапорты о всем происшедшим с ними на улицах Сан-Франциско в Главное управление, где за ними потом наблюдали, пока не отправляли в госпиталь в Напу. Или иной раз копы слышали, что кто-либо из их коллег направлен на «психиатрическое обследование». А в чем заключается разница между копом, находящимся под психиатрическим контролем, и каким-нибудь наркоманом, дергающимся на Маркет-стрит и вопящим, что он Иисус Христос?

— Это дерьмо собачье! — вспыхнул Карран. — Я это знаю. И ты это знаешь. Все происходящее меня сильно утомляет.

Бет Гарнер понимающе улыбнулась. Это так похоже на действия копа — завуалировать нормальными фразами то, что ему не по нраву, или то, чего он даже боится.

— Почему бы тебе не присесть? Поговорим — это еще пока никому не вредило.

Карран сел и сложил руки на груди.

— Это дерьмо собачье, — снова заявил он.

— Да, возможно что и так. Но чем скорее мы пройдем через эти занятия, тем быстрее они окажутся у тебя за спиной, тем быстрее ты о них сможешь забыть. Ты, как и я, знаешь, что не мною это установлено, все эти правила.

— Правила тоже дерьмовые, — декларировал Карран.

— Вовсе не обязательно.

— На что ты намекаешь?

— Будут у тебя какие-либо внешние проявления или нет, Ник, но ты должен перенести последствия травмы, полученной в результате... того происшествия.

— Бог мой! Происшествие! Какого черта ты не называешь все своими именами? Убийства. Смерти. Убиты двое бедных, беззащитных туристов в тенниских от «Фишерман Воф». Погибли сторонние наблюдатели, вставшие на пути пуль, выпущенных из девятимиллиметрового автоматического револьвера, который, так уж случилось, находился в руках вполне определенного детектива из департамента полиции Сан-Франциско. И ты еще смеешь что-то говорить о травме?! Никогда не упоминай про *мою* травму! Какую травму получили эти бедняги, застреленные копом? *Вот это* я называю травмой.

— Итак, ты чувствуешь себя виновным?

— Бога ради, Бет, а кто не испытывал бы на моем месте этого чувства?

— Что ж, это вполне здоровое чувство.

— О, пожалуйста...

Бет Гарнер сделала некоторые пометки в личном деле Ника, в открытую лежавшем на ее столе. Она делала записи мелким, чистым, аккуратным почерком.

— Итак... Как дела? — спросила она. — В повседневной жизни? Есть ли проблемы со сном, или что-нибудь типа того?

— Дела идут отлично. Я говорил тебе... дела идут так хорошо, как...

— Как?

— Как только они могут идти, когда у тебя такая работа, как у меня, и департамент все время тебя сдерживает, намекая, что ты — полный кретин.

— Теперь можешь поверить, что это не так. Это я тебе говорю. Ты ведь мне доверяешь?

— Да, — спокойно ответил Карран.

И он говорил правду. Не потому, что она была психоаналитиком с белым воротничком, но потому что кроме всего прочего и перво-наперво она была его другом.

— А что в личной жизни? Есть ли тут о чем доложить? Хочешь ли о чем-нибудь рассказать мне?

— Моя личная жизнь... О, наверное, ты имеешь в виду мою *сексуальную* жизнь? Что ж, в этом смысле у меня все в норме. — Он сделал паузу и улыбнулся. В действительности, не было смысла лгать ей. — Моя половая жизнь, по правде, находится в глубоком дерьме с того самого момента, как я перестал видеться с тобой. Перестал встречаться с тобой вне твоих профессиональных обязанностей. — Он поднял руку и показал ей раскрытую ладонь. — Видишь, у меня уже мозоли стали появляться.

— Это ведь что-то юношеское, Ник? Правда?

— Я думаю, да. Извини, Бет.

— Пьешь? Ты воздерживаешься от алкоголя?

— Вот уже три месяца, — ответил он. — Для человека с потребностями в выпивке крепостью не менее «Джека Даньелза» три месяца без рюмки — это настоящее событие.

— Наркотиками балуешься?

— Нет.

— Кокаин?

— Никакого кокаина, — многозначительно ответил Карран. — Бет, я работаю без задних ног. Я не пью, я даже больше не курю.

Она улыбнулась. Человек, бросивший курить при такой сумасшедшей работе, показывает чудеса самообладания.

— Как это, не куришь?

— С этим тоже покончено, — коротко пояснил Ник. Он находился здесь уже более пятнадцати минут, и им овладевали нервы. Ему жутко хотелось уйти отсюда,

вернуться на улицу и отыскать того, кто зарезал Джонни Боза. Его работа была столь же сильнодействующа, сколь и любой наркотик. — Теперь, Бет, не будешь ли ты так любезна сообщить Внутренней службе, что я в форме? Это я, не больше не меньше, здоровый, полностью готовый полицейский. Так что дай мне возможность свалить отсюда к дьяволу.

Бет Гарнер сделала паузу перед ответом. Удовлетворить его просьбу — значит, никогда больше его не увидеть, даже по работе. Она не могла больше рекомендовать ему посещение психиатра. Ей казалось, что Ник представляет из себя именно то, что только что он сказал: нормальный полицейский детектив с грязной работой, которую кому-то все равно надо выполнять — вот так, если, конечно, на свете существует «нормальный» детектив по расследованию убийств.

— Я напишу доклад для Внутренней службы...

— И...

— Я дам им понять, что средний, здоровый, полностью замороченный, готовый полицейский... Как это тебе?

Карран тепло улыбнулся:

— Спасибо, Бет.

Он направился к дверям ее офиса.

— Я теряю тебя, Ник, — произнесла Бет Гарнер.

Она говорила тихо, до такой степени тихо, что, может быть, он и не слышал ее слов.

Ник все еще не выполнил своих бюрократических обязанностей. После того как закончилась его встреча с Бет Гарнер, он направил свои стопы на четыре пролета ниже — из спокойствия Главного управления по работе с персоналом департамента полиции Сан-Франциско в шумный хаос детективного бюро. Там царило обычное тихое сумасшествие, порождаемое трезвонящими телефонами, стучащими пишущими машинками и мощными полицейскими, оскорбляющими подозреваемых и друг друга. Контроль над ростом преступности в городе, в котором всякое возможно, таком, как Сан-Франциско, — это не занятие для тех, кто любит спокойную рабочую обстановку. В действительности, Ник Карран получал удовольствие от подконтрольной анархии бюро; он пристрастился к беспорядку и суматохе, будто это было для него естественной средой обитания. Сегодня, однако, неразбериха вокруг была удручающей, отражающей испытываемые им волнения: убийство Джонни Боза, очевидная страсть Бет Гарнер, тонкая усмешка Кэтрин Трамелл, ее умные глаза.

Гас Моран приветствовал его с еще более нежеланными новостями. Старый детектив выглядел очень уставшим, когда появился Ник.

— Толкотт сидит в офисе у Уокера.

— Великолепно.

— До сих пор, предполагаю, наблюдает. Видно, утренних наблюдений ему недостаточно.

— Придурок он наблюдающий!

— Как идут дела с хорошенькой леди-доктором?

— Она скучала по мне.

Гас открыл дверь уокерского офиса:

— Это хорошо, когда она сама цепляется. Это — на всю жизнь.

Толпа в офисе главы отдела по расследованию убийств была немного меньше сборища копов этим утром в спальне Джонни Боза. Харриган и Андруз просидели весь день на телефонах, разыскивая подноготную информацию о Бозе, его делах, его друзьях, его врагах. Кроме того, они сличали данные о месте преступления и ожидали Морана с Карраном, чтобы и те смогли выложить все, что успели откопать.

Уокер выглядел нервным и возбужденным, раздраженным ожиданием двух детективов. И хотя, если уж на то пошло, он сам настоял на встрече Каррана с Гарнер, начальник Ника с трудом мог простить тому его небольшое опоздание. Толкотт же нисколько не убавил той спеси, что он продемонстрировал в восемь утра.

Гас с Ником еще не успели закрыть за собой дверь, как Уокер выскочил из своего кресла:

— Прекрасно! Начинаем.

Харриган, будто эти слова подключили его к сети, начал чтение своих записей:

— Шестнадцать проникающих колотых ранений в грудь и шею. Никаких четких отпечатков, никаких следов взлома, ничто не пропало.

— Другими словами, — сказал Моран, ныряя в кресло, — ничего нет.

— Дай закончить человеку, — произнес Карран. Он наливал две чашки кофе из кофеварки, стоявшей на столике невдалеке от окна. Затем в одну из них он налил обезжиренных сливок и добавил сахар — как раз столько, сколько любит Гас.

— Я ценю это, Ник, — высказал Харриган с сарказмом. — Действительно, ценю. — Он не для того работал весь этот проклятый день, чтобы ему оказывала покровительство парочка копов.

— Всегда рад, офицер, — ответил Ник. Он поставил чашку с кофе перед Гасом и сделал глоток из своей.

— На ноже для колки льда не было обнаружено ни единого отпечатка, — продолжал Андруз за своего коллегу, как будто тот составлял с ним единую команду борцов. — Так что преступление относится к группе «Ка-дэ»...

— Ка-дэ? — переспросил Толкотт.

— Кусок дерьма, — перевел Гас. И после некоторых раздумий добавил: — Капитан.

— Ножичек для колки льда как раз такой, какой можно приобрести в доброй тысяче магазинов — в торговом центре, скобяных лавках, шопах типа «Остановись и отоварься» и даже у Андроника. Можно отрядить на поиски пять тысяч «фараонов» и все равно концов никогда не сыскать.

— А что насчет шарфа? — спросил Карран.

— Дорогой. «Гермес», стоит шесть сотен зелененьких. — Харриган в удивлении наклонил голову. — Шесть сотен баков за один шарфик. Кто это так разбрасывается деньгами?

— Богатые люди, — ответил Гас.

— Ага, я понимаю. Но шесть сотен за шарф? За этот кусочек шелка?

— Харриган, — произнес Уокер тоном, приказывающим прекратить прения.

— Я связался с «Гермесом» — есть тут один их офис на Юнион-сквейр. Они продают по восемь — десять штук в неделю только здесь, в нашем городе. В Мэрин есть еще парочка магазинов, которые их также обслуживают, существует еще один «Гермес» в Сан-Рафаэле, там тоже — по восемь-десять штук. Под Рождество продается еще больше, сказали они. В общем, как сообщили в «Гермесе», за год по всему миру расходится около двадцати тысяч их изделий. А это двенадцать миллионов баков в год. За *шарфики*. Вот таким образом.

— Мы могли бы сконцентрироваться на поисках шарфов, проданных в районе залива, — сказал Уокер. — Это не невозможно. Если она купила его в.., мать твою, Гонконге, или Париже, или еще где-то в том же духе, то мы можем даже Бога не молить о том, чтобы отследить судьбу шарфа.

— Она? — переспросил Моран. — Почему вы считаете, что это была *она*?

— Есть ли доказательства, что он занимался сексом с мужчинами? — адресовал вопрос Харригану и Андрузу Уокер.

Оба детектива отрицательно замотали головами:

— Не-а.

— Это была *она*, Гас.

— Ага, — подтвердил Андруз. — Биологический анализ показал, что у нас нет оснований предполагать, что он интересовался парнями.

— Никаких мальчиков для Боза, — вывел Гас.

— Расскажите нам о нем, — попросил Карран.

— Порошок *был* кокаином, Ник...

Карран обменялся с Толкотт взглядами, скрестившимися наподобие мечей.

— ...высокого качества, высокого содержания. Это дерьмо много чище любого из тех партий, что люди из отдела по борьбе с наркотиками встречают на улицах. Большая часть компонентов соответствует низкосодержащему крэку. Судя по всему, обнаруженный кокаин относится к так называемому «высококачественному порошку восьмидесятых — эпохе Рейгана».

— Некоторые люди так старомодны, — вставил Моран. — Та-а-а-ак старомодны.

Все полицейские, включая Уокер, но исключая Толкотт, расхохотались. Последним тенденциозным проявлением вкуса Гасом Мораном была покупка выходного костюма, и случилось это в 1974 году. Он до сих пор ко всеобщему смущению время от времени надевал его.

— Ага, — продолжил Андруз, — он втягивал его. Были обнаружены следы частиц кокаина на его губах и пенисе...

— Он что и членом его втягивал? — вмешался Моран.

Андруз усмехнулся:

— Ну тебя, Гас, дай закончить. Боз оставил после себя около пяти миллионов долларов, наследников нет. Криминального за ним ничего не числится, за исключением поданной на него и его группу жалобы о погроме, устроенном в 1969 году в гостиничном номере. Он выплатил штраф, заплатил отходные за убытки и был выпущен на свободу.

— То есть нам известно, что он увлекался кокаином, — резюмировал Харриган, — был без ума от девочек и рок-н-ролла.

Ник Карран сделал еще один маленький глоток кофе и спросил:

— Он и от мэра был без ума? Так?

Толкотт одарил его одним из своих взглядов, от которых могла бы расплавиться сталь.

— О'кей, — ответил Уокер, — так что насчет девочек?

— Было их несколько, все так или иначе проходили через его клуб. Его подруга, его возлюбленная, его малышка, его женщина, его любовница — во всех этих ролях Кэтрин Трамелл.

Толкотт воспрянул духом:

— Она проходит по делу? Ее подозреваете?

— Ник? — спросил Уокер.

Карран пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Гас?

— Мне пришлось согласиться с мнением моего коллеги о причастности к расследуемому делу мисс Трамелл.

— Ладно, — сказал Уокер, — тогда дайте мне высказать свое мнение. Она — подозреваемая.

Каждый из присутствующих был премного удивлен таким поворотом дел, и Толкотт подпрыгнул на кресле, будто его тряхануло током:

— На каком основании?

У Уокера, оказалось, существовали свои собственные заметки:

— Кэтрин Трамелл. Тридцать лет. Приводов нет, судима не была. *Magna cum laude*[1], Беркли, 1983 год. Специализация на двух предметах — литература и психология. Дочь Марвина и Элейн Трамелл.

— Ну, это мы могли и в справочнике «Кто есть кто» прочитать, — произнес Толкотт.

— А почему она должна быть в «Кто есть кто»? — наивным тоном спросил Карран. — Она — проворный книжный червь. Поступила в Беркли... Так, за ради Бога! Очень хорошая государственная школа. Не из тех элитных колледжей, что внизу, в Пало-Альто, — Толкотт, злой на самого себя, сделал попытку спрятать перстень Стэнфордского университета, надетый на пальце правой руки.

— Она не самая спокойная женщина, — сказал Уокер. — Я знаю, уже встречался с ней.

— Она никак не упоминала, что является сиротой?

— У-у-у, как это печально, — посочувствовал Гас. — Дайте-ка вспомнить. Да, действительно, намекала.

Уокер вернулся к своим записям:

— Кэтрин Трамелл. Единственная наследница вышеупомянутых Марвина и Элейн Трамелл, которые в 1979-м году погибли в результате несчастного случая, имевшего место в Тихом океане. Маленькая Кэтрин, которой в то время было восемнадцать лет, стала единственной наследницей... ста десяти миллионов долларов.

— Да вы что?! — выдавил Харриган.

Цифра, казалось, на мгновение материализовалась и повисла в воздухе комнаты.

[1] Ученая степень (*лат.*).

Ник встряхнул головой, будто пытаясь прочистить мозги:

— Да вы меня надуваете! Сколько она получила?

— Сто десять *миллионов* долларов, — еще раз повторил Уокер.

— Для тех из вас, — начал Гас, — кто будет делать самостоятельные подсчеты в домашней обстановке, объясняю, это такая циферка — одиннадцать, а за ней еще семь нулей.

— Не верю ушам своим, — выдавил из себя Толкотт. — Но как можно вносить имя мисс Трамелл в список подозреваемых только на основании ее необычайного везения?

— Подождите. Дальше — больше. Она незамужем...

— Я тоже свободен, — встрял Гас. — У вас что-то есть на эту девочку, так поручите мне ее защиту. Действительно...

— ...но она уже однажды была обручена. С Мануэлем Васкесом.

— Своим садовником? — предположил Харриган.

— Мануэль Васкес? — переспросил Ник. — Подождите-ка секунду... Мы, случайно, говорим не о *Мэнни* Васкесе?

— О нем самом, — согласился Уокер.

— Теперь вы и меня решили дерьмом вымазать, — обиделся Андруз.

— Это немыслимо, — решительно произнес Харриган.

— Кто? Кто это такой? — настойчиво добивался Толкотт.

— Этого не может быть, — сказал Моран.

— Они даже оплатили лицензию... в прекрасном штате под названием Нью-Джерси.

— Да кто? О ком вы? — Толкотт приподнялся над своим креслом как человек, пропустивший мимо ушей всю «соль» анекдота, заставившего остальных изойтись от хохота.

Харриган решил прекратить его страдания:

— Мэнни Васкес, капитан. Вы должны помнить его... Он был боксером, выступал в среднем весе... Он был

блистательным боксером: великолепные движения, прекрасный правый...

— Вставная челюсть, — подсказал Ник.

— Нет, не помню. — Толкотт выглядел озадаченным.

— Вспомните, капитан. Мэнни Васкес был убит во время боя, прямо на ринге. Это вызвало чертовскую шумиху в... где же это было?

— Атлантик-Сити, штат Нью-Джерси, — посмотрел в свои заметки Уокер. — Случилось это в сентябре 1984-го.

— Мне это начинает нравиться, — признался Ник. — Она получает сотню миллионов баков. Она трахается со спортсменом и рок-н-ролльной звездой. И еще имеет ученую степень в сфере промывания человеческих мозгов.

— Но ничто из того, что вы сказали, еще не делает ее кандидатом в убийцы Джонни Боза, — запротестовал Толкотт. — Ничто из вышесказанного не доказывает, что у нее была хоть какая-то причина желать его смерти. А частная жизнь гражданина — это его личное дело.

— Особенно в Сан-Франциско, — сказал Гас Моран, особенно ни к кому и не обращаясь.

— Однако я не закончил, — продолжал Уокер.

— О, дайте мне возможность догадаться, — попросил Ник. — Она работала в цирке акробаткой? Нет? А как насчет того, что она и вовсе мужик? Перемена пола? Я прав?

— Ты забыл, что у нее ученая степень в области литературы, Ник. Она — писатель...

— Небось скучный, — заметил Моран.

— А вот и нет. В прошлом году она издала роман. Издала его под псевдонимом. Не желаете ли узнать, о чем он?

— Погоди-ка, — сказал Ник. — Дай мне отгадать...

— Сомневаюсь, что тебе удастся, — кинул Уокер.

— Что ж, она издала роман, — констатировал Толкотт. — Состава преступления в этом нет.

— А я и не говорил, что это подсудно. Но его сюжет, скажем... ну, немного необычен. — Уокер сделал драматическую паузу. — Он об отошедшей от дел рок-н-рол-

льской звезде, которую в один прекрасный день прикончила его подружка.

Смех прекратился.

— Я думаю, что было бы неплохо мне провести время с этой книжкой в руках, — сказал Ник.

Позже этой ночью Ник сидел в одиночестве в своей квартире и читал на сон грядущий книгу Кэтрин Вулф «Любовь ранит». Он уже прочитал ее краткое содержание на обложке. Там же было фото автора и краткая, в две строчки, биография: «Кэтрин Вулф проживает в Северной Калифорнии, где в настоящий момент работает над своим третьим романом».

Теперь Ник, страница за страницей, листал книгу, пока вдруг не прекратил чтение, отбросил в сторону роман и схватил в руки телефонный аппарат. Он спешно набрал номер Гаса.

Еще до того как Гас успел высказать ему свое недовольство по поводу позднего звонка, Ник прокричал в трубку: «Страница шестьдесят седьмая, Гас. Ты знаешь, как она прикончила своего любовника? Ножом для колки льда! В постели! И руки его были связаны белым шелковым шарфиком!!!»

Он повесил трубку в оглушительной тишине.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Следующим утром у всех собравшихся в офисе Уокера было по экземпляру книги Кэтрин Вулф «Любовь ранит». Предыдущей ночью Ник прочел книгу и не знал теперь, что и подумать. Он немногое знал, да и не пытался знать о литературе. Ему с трудом удавалось прочесть что-нибудь, кроме полицейских отчетов и «Сан-Франциско Кроникл», но и он почувствовал силу написанного и поразился нервирующей своей аккуратностью сцене убийства. Дюжину раз во время ночного чтения он возвращался на страницу, где были напечатаны выходные данные издания. А там черным по белому было напечатано то, во что верилось с огромным трудом: книга вышла из печати за полтора года до убийства Джонни Боза. Жизнь — или, если быть точным, — смерть, повторяющая искусство.

В зале заседаний присутствовала вся их честная компания, включая и Толкотта. Кроме того, к ним присоединились Бет Гарнер и пожилой доктор Ламотт. Он не был полицейским врачом, и копы, находившиеся в комнате, как и на любого гражданина, бросали на него осторожные взгляды.

Бет Гарнер взяла на себя честь представить этого человека:

— Доктор Ламотт преподает предмет «Патология психопатического поведения» в Стэнфорде. Мне думается, что будет вполне разумным просить его проконсультировать департамент по нашим вопросам. К сожалению, они не входят в сферу моей компетенции.

— Доктор Ламотт, — обратился Толкотт таким тоном, будто уже завел дело на пожилого эксперта, — позволите задать вам один вопрос?

— Именно для этого я и нахожусь здесь, капитан.

— Есть ли у вас какой-либо практический опыт работы в области судебного права?

Каждый коп, пребывавший в комнате, в уме задался тем же вопросом, но уже в отношении самого Толкотта: «А у *тебя* он есть?» Уокер пробежал взглядом по их лицам в надежде, что никто не произнесет крамольной мысли вслух.

— Да. Я член Группы психологической экспертизы при департаменте юстиции, — гордо ответил врач.

— Ага, — удовлетворенно произнес Толкотт. — Теперь все в порядке.

«Один—ноль в пользу психоаналитика», подумал Ник.

Уокер взял бразды правления заседанием в свои руки.

— Доктор Гарнер вкратце ввела нас в суть нашего дела. Мы все с нетерпением ждем, что вы можете нам теперь сказать.

— В действительности все довольно просто, — терпимо, будто выступая перед группой своих студентов, начал Ламотт. — Существует два возможных предположения. Первое: человек, написавший данную книгу, является вашим убийцей, который совершил настоящее злодеяние с выполнением всех описанных действий, тем самым выполнив своеобразный ритуальный обряд.

— Может ли принадлежность к социальному классу, уровень здоровья, популярность или воспитание автора иметь отношение к делу? — спросил Толкотт.

— Сумасшествие не признает социальных границ, — улыбнулся Ламотт.

— Второе предположение, доктор? — поинтересовался Уокер.

— Тоже очень простое — и опять-таки отвергающее теорию классов — кто-то, впавший от чтения данной книги в глубокий аффект, возжелал действовать в соответствии с указанными там подробностями. В этом случае описанная в книге сцена убийства воскресила в преступнике врожденный инстинкт или, возможно, подогрело подсознательное желание причинить ущерб автору книги.

— А что насчет жертвы? убитого парня? — спросил Моран.

— В конечном счете, он был нечем большим, нежели только средством. Если действительной жертвой являлась автор книги, тогда убийца совершил это преступление таким образом, чтобы подставить ее. Возможно, чтобы отдать ее под суд публики, унизить ее.

— А что, если это совершила автор? — Ник пристально вглядывался в доктора, будто не полностью доверял ему. — Что мы будем иметь, если автор воплотила в жизнь одно из своих творений?

Вопрос, казалось, не удивил доктора.

— В этом случае мы сталкиваемся с глубоко разрушенной личностью. Довольно сложно выявить уровень зла при психопатическом расстройстве, но, выражаясь понятной терминологией, легче предполагать «зеркальное убийство».

— Но писательница? — настаивал Ник. — Что, если это была она?

Доктор был прозаичен:

— Мы имеем дело с отклоненным, дьявольским сознанием. Эта книга, должно быть, творилась месяцами, возможно, годами до того, как была издана. Преступление было изложено, обдумано на бумаге, прежде чем совершено в действительности.

— Так, но если убийство прежде было совершено на бумаге, — сказал Ник, — то зачем нужно было его повторять в жизни?

— В действительности, издание книги должно было бы быть достаточным, более чем достаточным. Фанта-

зия, даже преданная бумаге и растиражированная, обычно в целом удовлетворяет психопата. *Обыкновенно.* Но наш случай — выходящий из ряда вон. Преступление, совершенное самой писательницей, или «зеркальное преступление» — вот два возможных аспекта нашего убийства.

— Вот так, — выдохнул Андруз.

— Убийство было запланировано автором много месяцев назад, а затем она выполнила его. Это служит признаком бесспорного факта — психопатически-одержимое поведение с точки зрения не только ненормальности убийства как такового, но и с точки зрения механизма атакующей защиты... защитных механизмов организма.

Только Бет Гарнер, казалось, уловила смысл сказанного доктором. Лица же пяти копов беспомощно смотрели на возвышавшегося над ними эксперта. Один лишь Гас Моран не собирался выглядеть немым «фараоном».

— Док, иногда я гоню такую пургу, — с усмешкой сказал он. — Но что это вот вы сейчас откололи?

— Она написала книгу для того, чтобы та выполнила свое предназначение, — создала ей алиби, — пояснила Бет Гарнер. — Я верно излагаю, доктор Ламотт?

— Абсолютно, — признал эксперт.

— Она написала себе алиби, — начал Гас. — Она рассчитала все чертову уйму времени назад в надежде, что придет день, когда она скажет себе: «Эй, подруга, сегодня я собираюсь покончить с Джонни Бозом». Что-то вроде того.

— Механизм, вызывающий психопатическое поведение, до сих пор нуждается в многочисленных исследованиях, — с грацией заметил доктор Ламотт.

— Это, и правда, невероятно разумно, — сказала Бет Гарнер. В ее голосе было почти восхищение: — Эта подруга сказала себе: «Вы думаете, я до такой степени дура, чтобы кого-то убить тем же способом, что я сама же и описала в своей книге? Нет, этого я делать не буду. Мне ведь понятно, что в этом случае подозрение упадет в первую очередь на меня».

— Так? — Ник рассматривал преступление со всех

углов зрения. — А что, если убила не автор? Что, если кто-нибудь, кому случилось прочитать эту книгу, подумал: «Замечательная идея!»?

— Тогда я вам не завидую, — признался доктор Ламотт.

— Оставим в покое тот факт, что никто, *никто* не завидует нам, доктор Ламотт, — угрюмо сказал Карран. — Но интересно, почему *вы* сказали, что не завидуете нам?

— Потому что вы столкнулись с человеком, который столь одержим, что этот он или она...

— Она, — подсказал Харриган. — Мы почти доподлинно это установили.

— Очень хорошо, — согласился Ламотт, — *она* до такой степени одержима, что готова убить невинную или, в конечном счете, не относящуюся к делу жертву для того, чтобы обвинить человека, написавшего эту книгу.

— Но почему?

— Других идей нет. Но мы знаем, что имеем дело с человеком с затаенной, укоренившейся маниакальной ненавистью в отношении автора. И с полным отсутствием уважения к человеческой жизни.

Гас Моран кивнул:

— Понимаю, док. Другими словами, вы имеете в виду, что мы лицом к лицу столкнулись с «самым великим», «единственным в мире»? Со свихнувшимся на этой идее? Правильно? Вы это сказали несколько иначе, но смысл-то в этом? Я прав?

Доктор Ламотт был уже просто не в состоянии следовать характерному для него тону, особенно учитывая формулировку детектива Гаса Морана.

— Ладно, скажем просто: мы имеем дело с очень опасным и очень больным человеком.

— Чокнутым, — резюмировал Гас. — Придурком.

— Если вы иначе не можете, то да, — согласился доктор Ламотт. — Именно так.

— Иначе не могу, — сказал Моран. — Придурком.

— Что еще нового? — спросил Ник Карран, думая о тех глазах.

— О'кей, — оживился Уокер. — Доктор Ламотт, от лица департамента мне хотелось бы поблагодарить вас за участие.

— Всегда рад, лейтенант.

— Ник, Гас, пойдемте-ка навестим прокурора.

Помощник прокурора округа Джон Корелли — толстый, весь заплывший жиром, с неувядаемым беспокойством во взгляде, что сопутствует неблагодарной работе человека, занимающего его должность, — не был счастлив видеть у себя Уокера и других копов из отдела по расследованию убийств. Об убийстве Джонни Боза со всеми трагическими и сенсационными подробностями уже раструбили в газетах и по телевидению. И не только в местных. Агентства и крупные нью-йоркские и лос-анджелесские медиа-магнаты представляли это преступление как главную новость недели. Нет ничего лучше хорошего убийства, для того чтобы поднять газетные тиражи и рейтинги. И для прокурора нет ничего лучше хорошего убийства, чтобы создать себе репутацию... Правда, только в том случае, если ему удается представить жюри присяжных вероятного преступника и разогнать затем всякую тень сомнения в его виновности.

А восхитительная Кэтрин Трамелл на эту роль не годилась. Арест прекрасной наследницы, конечно, всколыхнет сердца газетчиков, но и Корелли тоже сможет потом обжечься, а он не хотел быть поджаренным на газетном костре.

Он быстро отмел всякие советы представить Кэтрин Трамелл перед большим жюри:

— У вас нет никаких материальных улик, — бормотал он, шагая мелкой рысцой по коридору Дворца правосудия Сан-Франциско. — Вглядитесь сами, здесь нет доказательств.

Гасу Морану пришлось почти схватить его, чтобы остановить.

— У нее нет алиби, Джон, — сказал Гас, чуть ли не умоляя прокурора.

— О'кей. У нее нет алиби. Большое дело. Но вы не можете притянуть ее к преступлению без улик, просто так, за уши. Предоставьте мне волосы. Покажите кровь. Дайте вагинальные выделения. Губную помаду. Что угодно — тогда, может, и поговорим. Но я даже не хочу это обсуждать без доказанных мотивов к убийству. Какие мотивы?

— Удовольствие, — ответил Ник. — Она сделала это ради наслаждения.

Корелли посмотрел на него и пожал плечами, будто Карран вызывал у него сожаление:

— Ник, уйди с глаз моих долой. Пожалуйста.

— Но если не она, то кто? — поинтересовался Уокер.

— К счастью, это уже не мои проблемы, — сказал Корелли. — И скажу тебе как юрист, это и не твоя проблема. Ты должен представить правдоподобные доказательства, что это была она. Не такие доказательства, которые освобождают от подозрений каждого жителя Сан-Франциско. Подобного рода доказательства — что этого не делал никто другой — еще не означают, что убивала *она*. Усек?

— Так какого же черта нам делать, Джон? — вскипел Ник.

— Я не знаю. Это не мое дело. — Он освободился от объятий полицейских и направился к лифту, теребя рукой нижнюю пуговицу пиджака, будто попытался ее оторвать. — Поверьте мне, я не могу предъявить ей обвинение. И даже если я это сделаю, ее адвокаты разобьют меня в пух и прах, доказывая, что это было «зеркальное убийство». Любой прочитавший книгу мог это сделать.

— Мы можем ее задержать? — спросил Уокер.

Двери лифта распахнулись, и Корелли вошел в кабину.

— Вы, судя по всему, хотите подставить свои шеи, тогда, говоря словами Конрада Хилтона[1], чувствуйте себя как дома. — Двери лифта начали закрываться, но Ник руками остановил их. Все копы-собеседники Корелли втиснулись в маленькую кабину.

— Конрад Хилтон, — задумчиво сказал Гас Моран.

[1] Конрад Николсон Хилтон (1887 — 1979) — основатель всемирно известной гостиничной корпорации.

— Мне это по душе. Может, и я как-нибудь использую это выражение.

— Я направляюсь к судье, — умолял их помощник прокурора округа. — Ладно вам, парни.

— Так что нам теперь делать, Корелли? — потребовал Ник. — Дай-ка мне самому догадаться... Ты хочешь посоветовать нам ничего не предпринимать. Так ведь?

— Неплохо бы для начала, — согласился Корелли. — Затем, когда вы не будете предпринимать никаких шагов в отношении Кэтрин Трамелл, опять ничего не делайте. И выполняйте это задание десятикратно... двенадцать раз.

— Я имел в виду, мы хотим задержать ее для допроса, — сказал Уокер. — С этим у нас не возникнет никаких проблем? Правильно?

— Неправильно, — признался Корелли.

— Кэтрин Трамелл имеет достаточно денег, чтобы сгноить к чертовой матери весь наш департамент, — продолжил за него Толкотт.

— Она была последним человеком, видевшим Джонни Боза. Ведь этого уже достаточно, чтобы задать ей несколько рутинных вопросов. Так?

— Ник, если бы она была какой-нибудь задницей с Маркет-стрит, я бы сказал: «Дело твое. Кто тебе запрещает?» Но она-то владеет этим чертовым состоянием!

— Я возьму ответственность на себя, — решился Уокер.

Все посмотрели на Толкотта.

— Что ж, давай, Уокер. Вся ответственность ложится на тебя... Если ты так хочешь.

— Эр-Сэ-Зэ, — пробормотал Гас. — В случае, если кто-либо не знает, что это означает, расшифровываю — это значит: «Рискуешь своей задницей».

— Я не хочу, капитан Толкотт, — признался Уокер. — Но я возьму ответственность на себя.

— Она — твоя, — коротко ответил Толкотт.

Лифт остановился на первом этаже, двери распахнулись, и вся группа устремилась в холл. Корелли шел, потряхивая головой. Он, видимо, был не самым счастливым человеком на свете.

— Добром это не закончится. Она сольется в танце с каким-нибудь адвокатом-суперзвездой, который сможет высосать из нас потом в качестве компенсации все деньги честных сан-францисских налогоплательщиков. — Он остановился и ткнул пальцем в Уокера. — А то, что ты взял на себя всю ответственность, ни фига не значит. Она сотрет тебя в порошок.

— Точно так она и сделает, — согласился Толкотт.

— Нет, не сделает, — тихо возразил Ник.

Они все остановились в коридоре как вкопанные и уставились на него. Ник говорил это с такой уверенностью и такой силой внушения, что это прозвучало так, как будто он знал нечто, чего не знали они, будто он имел какую-то ниточку, ведущую в мыслительный аппарат Кэтрин Трамелл.

— Ах так! Не сделает? — переспросил Корелли. — Что это делает тебя уверенным в этом?

Ник улыбнулся, улыбнулся своей умной улыбкой:

— Не думаю, что она будет прятаться за чьими-нибудь спинами. По правде, думаю, что она вообще не будет прятаться.

— Но почему ты так уверен? — настаивал Корелли. — Ведь все мы можем ошибаться, и ты — не исключение, Карран.

— Я сказал, что беру ответственность на себя, — заявил Уокер.

— Ага, но из-за интуиции Каррана? — Корелли не мог допустить мысли, что такой трудолюбивый, уважаемый полицейский лейтенант, как Уокер, может хотя бы рассматривать возможность совершения такого дикого поступка, как арест миллионера.

— Она не будет прятаться, — настаивал Карран. — Это не в ее стиле. Кэтрин Трамелл получает удовольствие именно от попадания в рискованные ситуации.

Толкотт согласно покачал головой:

— Если она такая же сумасшедшая, как и ты, Карран.

— Эй, капитан, — обратился Гас Моран к Толкотту, — знаете, как говорится: «Свой свояка видит издалека».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ник Карран не признавался в этом ни Гасу Морану, ни даже себе самому, но он с нетерпением ожидал новой встречи с Кэтрин Трамелл. За те двадцать четыре часа, что прошли с их знакомства, он почти непрерывно думал о ней. Он был привлечен большим, нежели только ее красотой. В ней было что-то еще, что очаровывало его. Он пробегал в уме по всем словам, которыми они обменялись во время их короткой беседы днем ранее. Чтение ее книги «Любовь ранит» предоставило ему возможность постичь ее психологию, ее душу. На обратном пути в Стинсон он обнаружил, что смакует будущую встречу, когда он увидит, как она будет себя вести, узнав, что власти подозревают ее в совершении убийства.

Пустые богатенькие особы женского пола, играющие с огнем, не были в новинку детективам по расследованию убийств. Но обычно, когда начинало особенно припекать, такие девочки прятались за громкими именами своих семей. Но Ник был уверен до мозга костей, что Кэтрин Трамелл не будет играть по таким правилам; не

будет, что бы ни случилось. Ему просто хотелось узнать, как далеко ее можно загнать и как она будет вырываться.

По ней нельзя было сказать, что она удивлена их появлением. По правде, на какую-то долю секунды на ее лице возникли штрихи удовольствия, будто она была возбуждена, снова увидев их в дверях своего дома.

На ней были небрежно надеты шорты и спортивный свитер с блеклой и от того призрачной картинкой Беркли на груди. На ней не было никакой косметики, и ее кожа, казалось, испускала свежесть. Ее глаза были чисты. Было видно, что она провела эту ночь далеко не в рыданиях по своему безвременно ушедшему любовнику.

Ник начал с цели визита:

— Мисс Трамелл, мы бы хотели, чтобы вы проехали с нами и ответили на некоторые наши вопросы.

Она долго смотрела на него; на ее лице блуждала *та самая* пренебрежительная улыбка.

— Вы арестовываете меня? — поинтересовалась она.

— Ну, если по-другому вы не хотите играть.

— Это не в ваших интересах. Играть будем по всем правилам: зачитайте мне мои права, наденьте наручники, предоставьте право на телефонный звонок.

— Прямо как в фильмах, мадам, — ответил Гас.

— А это обязательно? — спросил Ник.

Кэтрин Трамелл мгновение колебалась, будто провоцируя их. Потом, показалось, она нашла лучшее решение.

— Нет. Я не думаю, что это так уж необходимо.

— Тогда надо бы собираться, — сказал Ник. — Дорога до города неблизкая...

— М-м-м... Можно ли мне переодеться во что-нибудь более подходящее? Это займет всего лишь минуту.

Гас Моран и Ник Карран согласно кивнули.

— Хорошо, — с улыбкой произнесла она. Она открыла пошире входную дверь и сделала гостеприимный жест. — Заходите.

— Присаживайтесь, — предложила она и исчезла в смежной с гостиной комнате.

Пляжный домик был своеобразной святыней модерно-

вого дизайна, обставленный футуристическими созданиями из матово-черной мягкой стали и блестящего хрома.

Мебель и картины на стенах были прекрасны, но их внимание привлекло то, что находилось на кофейном столике прямо перед ними. Это была кипа пожелтевших от времени газетных вырезок: огромные статьи из двух основных ежедневных изданий Сан-Франциско — «Хроникл» и «Экзаминер» — с теми заголовками, что были так хорошо знакомы Нику Каррану.

«Полицейский-наркоман признан невиновным в убийстве туристов» — кричал заголовок «Экзаминер». «Большое жюри присяжных называет выстрелы случайными» — гласила «Хроникл». Здесь же были вырезки из двух оппозиционных газет — «Ист-Бэй Экспресс» и «Зе Гардиан». В них были объемистые статьи, констатирующие, что Ник был не виновен, но только потому, что он является жертвой устаревших нравов, трактующих продажу и употребление наркотиков, как криминальное преступление.

Ник чувствовал себя точно так же, как если бы был изжеван чьими-то мощными челюстями. Он был в состоянии лишь сидеть, уставившись на свою собственную глупейшую историю: его собственное лицо, неожиданно застывшее в жутко сердитой гримасе, адресованной фотографу «Экзаминер», поймавшему его в нескольких шагах от здания суда. Ему даже пришлось согласиться, что выглядел он далеко не невинным агнцем — фотография сделала его таким же злодеем, как сам дьявол.

— Похоже, у тебя появляется личный фэн-клуб, Ники, — зашептал Гас Моран.

— Как долго это займет? — крикнула Кэтрин из своей костюмерной.

Все, на что еще был способен Ник, так это придать своему голосу кажущееся хладнокровие:

— Сложно сказать. Это зависит от того, о чем у вас есть поведать нам.

— Тогда это не займет много времени.

Затем Ник осознал, что он может видеть ее отраженной в полный рост в зеркале и стоящей в углу соседней комнаты. Он видел ее через полураскрытую дверь и

думал: случайность это или она умышленно дразнит его. Она безыскусно скинула с себя всякую одежду и стояла теперь обнаженной на середине комнаты, спиной к нему. Она сняла заколку со своей головы, и ее длинные волосы рассыпались до самых плеч. Затем она собрала их на французский манер.

Ник откровенно пялил глаза.

— Вы всегда разбрасываете по дому старые газеты? — спросил он, ничуть не отводя глаз от ее вида в зеркале.

Она взяла из шкафа легкое платье и нырнула в него. Под низ она ничего так и не надела.

— Они у меня разбросаны тогда, когда я нахожу в них что-то интересное для чтения, — ответила Кэтрин.

Женщина вышла из соседней комнаты.

— Готова, — доложила она.

— Вы знаете, — начал Гас Моран, поднимаясь со своего места, — мы обязаны вам сказать, что вы имеете право на адвоката.

— А почему я должна испытывать необходимость в адвокате?

— Некоторые люди чувствуют себя увереннее, когда на их допросе в полиции присутствует адвокат, — монотонно продолжал Гас. — Это случается каждый день.

— Детектив Моран, — сказала Кэтрин Трамелл, — я не принадлежу к «некоторым людям».

— Я предупреждал вас, — заметил Гас.

Кэтрин Трамелл сидела на заднем за Гасом сиденье, но ему как-то удавалось каждые несколько секунд бросать на нее взгляд.

Они проехали уже несколько миль от Стинсон-Бич, когда Кэтрин наконец прервала молчание. Она подалась со своего места вперед, чтобы поговорить с Ником.

— У вас есть сигарета? — спросила она.

— Я не курю.

Она немного наклонила голову:

— Ну ведь вы курите.

— Я бросил.

— Поздравляю.

Она вновь откинулась назад и начала копаться в своей

косметичке. Мгновением позже она сунула сигарету в губы и подожгла ее, глубоко вдохнув в себя дым.

— Мне показалось, у вас не было сигарет, — заметил Ник.

— Я нашла несколько в косметичке. Угостить вас одной? — она протянула ему пачку.

— Я уже сказал вам, что завязал.

Она улыбнулась своей понимающей улыбкой:

— Это ненадолго.

— Благодарю, — кисло ответил Ник.

Гас взглянул на своего напарника, беспокоясь, что Кэтрин Трамелл вызовет у Ника взрыв грозного темперамента.

— Итак... — вежливо начал Гас, стараясь повернуть разговор в спокойное русло. — Итак, вы сейчас работаете над новой книгой?

— Да, пишу.

— Это будет что-нибудь такое же возмущающее спокойствие, как и предыдущая?

— Это — обогащающий опыт, — ответила Кэтрин Трамелл.

— Не врубился. Чем вы обогащаетесь?

— Творчество учит как лгать, — живо ответила она.

« О, черт, — подумал Гас, — эта женщина ходит по очень тонкому льду. Каждое произнесенное ею слово — многозначительно».

— Как это? Что вы имеете в виду под выражением «учит как лгать»?

— Вы врете, но таким образом, что заставляете всех поверить в то, что вы говорите или сочиняете, — сказала она как на лекции перед студентами Беркли, пишущими семинар. — Этому есть вполне конкретное название.

— Да неужели? Какое же?

— Это называется прекращением недоверия.

Гас расхохотался:

— Мне нравится. — Он посмотрел на Ника. — Ты слышал, Ник? «Прекращение недоверия». Мне думается, я смог бы прекратить свое недоверие — и надолго. Что скажешь, Ник? Ты хочешь прекратить свое недоверие?

— Это заслуживает того, чтобы постараться.

— Это не столь просто, как звучит, — сказала Кэтрин, резко раздавливая сигарету в пепельнице.

Они проехали еще несколько миль по извилистому хайвею. На этот раз тишину прервал Ник:

— Так о чем же ваша новая книга?

— Вы разве не знаете, что автору таких вопросов ни в коем случае не задают?

— Что? Это к неудаче или что-то типа того? Я не могу поверить, что вы суеверны.

— Я и не суеверна. Если уж на то пошло, то в этом нет ничего общего с суеверием.

— Тогда, почему нет? — привязался Ник. — Вы боитесь, что кто-нибудь украдет вашу идею?

— Нет, и не это.

— Как же вас понимать? — спросил Гас, присоединяясь к беседе.

— Некоторые авторы считают, что рассказ о сюжете, до того как все написано, приводит к потере свежести в письме. Такой рассказ истощает, изнашивает сюжет до того, как автору удастся воплотить его в жизнь.

— Ерунда, — признался Ник. — Как это может повредить? Вы представляете это как что-то хрупкое, что-то, что можно разрушить, в то время как это всего лишь идея в голове.

— А я и не знала, что вы — литературный критик, — заметила она.

— Я и не являюсь им. Вы даже предположить не могли, что я не курю, — ответил уколом на укол Ник.

Следующие несколько миль ими вновь владело молчание. Затем она заговорила.

— Книга о детективе, — неожиданно заявила она. — Он влюбляется в неправедную женщину.

— Ты слышал это, Ник?

— И что с ним происходит?

— Она его убивает, — тихо ответила Кэтрин Трамелл.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Все комнаты для допросов главного управления департамента полиции Сан-Франциско во Дворце юстиции на Брайант-стрит имели вид внутренностей холодильника. Одна из них, та, в которой расположились Корелли, Толкотт и Уокер, считалась одной из самых приличных, но все же и ее оформление было угнетающе казенным. Здесь был установлен рабочий стол, позаимствованный из департамента по труду, несколько кресел с обитыми черным винилом сиденьями и корзина для ненужных бумаг. Впереди стола была укреплена видеокамера, чей объектив наподобие ствола ружья был направлен на одинокое пустующее кресло.

Это место было приготовлено для Кэтрин Трамелл.

Она вошла в комнату в сопровождении Ника Каррана и Гаса Морана и обозрела помещение и сидевших в нем мужчин прохладным взглядом. Она выглядела здесь неуместно, и если это и поняла, то никоим образом не подала вида. Карран замечал, что сокрытие эмоций было второй природой Кэтрин Трамелл.

Как только она появилась в комнате, Корелли вскочил на ноги и выбросил вперед свою мясистую ладонь:

— Я — Джон Корелли, мисс Трамелл, помощник окружного прокурора. Я должен поставить вас в известность, что наша встреча будет записываться на видео. Мы действуем в пределах наших прав и...

— Обратное я не заявляла, — прервала его Кэтрин.

— Я — капитан Толкотт. — Капитан, казалось, хотел было извиниться, но, хорошенько подумав, ограничился лишь пожатием ее тонкой руки.

— Лейтенант Уокер, — представился Уокер. Он не выглядел извиняющимся, но смотрел на нее холодным взглядом.

— Можем ли предложить вам чего-нибудь? — заискивающе вопросил Толкотт. — Возможно, чашечку кофе?

— Нет, спасибо.

Корелли вытащил носовой платок и промокнул лоб. Окна были наглухо закрыты, и в комнате было достаточно душно.

— Когда к нам присоединится ваш адвокат? — поинтересовался Корелли.

Ник сделал все возможное, чтобы скрыть усмешку.

— Мисс Трамелл отклонила свое право на адвоката, — внес ясность он.

Корелли с Толкоттом резко взглянули на Ника Каррана. Кэтрин Трамелл поймала этот взгляд и всмотрелась в лица присутствующих.

— Я что-то упустила? — спросила она.

— Я *заранее сказал* им, что вы откажетесь от услуг адвоката.

— Почему вы отвергли свое право на присутствие адвоката, мисс Трамелл?

Кэтрин проигнорировала его вопрос; ее взгляд был сфокусирован на Нике. Она смотрела на него с восхищением. Впервые.

— А почему вы предполагали, что я его приглашу?

— Вот я и сказал им, что вы не захотите прятаться ни за чью спину, — спокойно пояснил Ник. Они беседовали вдвоем, словно больше в комнате не было ни души.

— Мне незачем прятаться.

Они еще какое-то время смотрели друг на друга, по-

сле чего Кэтрин села и кивнула в сторону своих инквизиторов, как бы говоря им: «Приступайте». Затем она внутренне успокоилась, остыла, взяла себя в руки. Она вынула из косметички сигарету, подожгла ее и бросила использованную спичку на крышку стола перед собой.

— У нас в здании запрещено курить, мисс Трамелл, — предупредил Корелли.

— Что вы собираетесь делать? — Она приподняла одну бровь. — Обвинить меня в курении?

В Сан-Франциско — столице «бестабачного» мира — нашлось бы немало воинствующих некурящих, возжелавших бы не только обвинить ее в курении, но и весело осудивших бы, приговорив к электрическому стулу.

Но как бы там ни было, Корелли не собирался пользоваться такой возможностью. Он поспешно отступил.

Кэтрин направила струю дыма через стол, прямо в сторону Ника.

Корелли решил, что пришло время напрямую перейти к теме их беседы:

— Не расскажете ли вы нам, мисс Трамелл, о природе ваших отношений с мистером Бозом?

— Вот уже примерно полтора года я занималась с ним сексом, — сухо ответила она. — Мне нравилось заниматься с ним любовью. — Она установила полный контроль над комнатой и, выговаривая свои слова, переводила свой взгляд с одного полицейского на другого.

Мужчинам в комнате нравилось то, что, как представители закона, они слышали здесь все что угодно, видели все что угодно; считалось, что ничто на свете не в состоянии шокировать их. И чаще всего именно так дела и обстояли. Они слышали здесь разные признания: от злостных, безжалостных убийц; от людей, жестоко обращавшихся с детьми или бивших своих жен; от наемных убийц и торговцев наркотиками. А копы были, в основной своей массе, консервативными выходцами из набожных католических семей ниже среднего класса. И услышать от привлекательной, богатой, получившей хорошее воспитание и прекрасно образованной женщины такие небрежные речи о сексуальной жизни было для них крайне оскорбительно.

— Вы использовали в своих отношениях с ним элементы садомазохизма? — спросил Корелли.

Она обратила свой взор на помощника прокурора округа. Ее взгляд был до того пронзителен и ослепителен, что у того создалось чувство, что на него посмотрел маяк.

— Более определенно... Скажите точнее, что вы имеете в виду, мистер Корелли? — поинтересовалась она, все так же невинно.

Корелли почувствовал себя очень неловко.

— Вы когда-нибудь связывали его?

— Нет.

— Итак, вы никогда его не связывали, — настойчиво повторил Корелли.

— Нет. Джонни нравилось использовать свои руки. Я любила его руки... и его пальцы. — Она положила свои собственные элегантные руки на грязную крышку стола и оценивающе посмотрела на них, будто пробуждая в памяти картину того, что когда-то ее руки делали с Джонни Бозом и его с ней.

— В своей книге вы описывали белый шелковый шарфик, — сказал Уокер. — Шарфик фирмы «Гермес».

Кэтрин Трамелл, соглашаясь, кивнула:

— Я всегда очень нежно относилась к белым шелковым шарфам. — Она ласкала собственные запястья. — Они подходят для любого случая.

— Но вы, кажется, сказали, что любите, когда мужчины используют руки? — заметил Ник, уверенный, что поймал ее на лжи — хоть и небольшой, но и это, по его мнению, была победа, пусть и маленькая.

Она одарила его мимолетной улыбкой.

— Нет. Я сказала, что мне нравилось, когда *Джонни* использовал свои руки. — Она вгляделась в глубину глаз собеседника. — Я не устанавливаю никаких правил, Ник. Никаких правил. Я просто плыву по течению.

— Вы убили Джонни Боза, мисс Трамелл? — спросил своим самым «судебно-официальным» голосом Корелли.

— Нет, — коротко ответила она.

— Скажите, вы вынесли из нашей беседы какую-нибудь пользу?

— А почему я должна выносить из нее какую-либо пользу? У меня как-то создавалось впечатление, что вы выполняли свою работу, а я — свой долг.

— Вы сами *хотите* быть подозреваемой в смерти Джонни Боза? — спросил Уокер.

— Нет... но если говорить о пользе, лейтенант Уокер, то я должна быть просто сумасшедшей, чтобы сначала написать книгу об убийстве, а затем и прикончить Джонни тем же способом, что я описала. Я бы сама себя таким образом объявила убийцей. Но я не идиотка. Разве не так, Ник?

— Мы знаем, что вы не сумасшедшая, мисс Трамелл, — заверил ее Толкотт.

— Может, эта книга, как раз и есть то, на что вы рассчитываете, дабы сорваться с крючка? — поинтересовался Уокер.

— Создание этой книги *уже* создает вам алиби, — предупредил Ник.

— Это так, правда? — простодушно поинтересовалась она. Она на мгновение поймала глазами взгляд Ника, а затем опустила их вниз, на стол. — Ответ такой: нет. — Она швырнула окурок на пол и затоптала его носком туфельки. — Я не убивала его.

К допросу приступил Гас. Он откинулся на спинку кресла и вежливо улыбнулся:

— Вы принимаете наркотики, мисс Трамелл?

Этот вопрос ее ничуть не взволновал.

— Иногда. — Она немного раздвинула ноги, представив взору Ника нечто большее, чем просто стройное бедро.

— Вы когда-нибудь пользовались наркотиками в присутствии и при непосредственном участии Джонни Боза? — спросил Корелли.

Она слегка кивнула:

— Конечно.

— Наркотиками какого типа?

Ник наслаждался видом. Неожиданно она скрестила ноги, прервав эту идиллию.

— Кокаин, — ответили она Морану. Затем она улыбнулась Нику. — Вы когда-нибудь трахались, приняв дозу кокаина? — Непристойность слегка заиграла на ее губах. — Вам следовало бы попробовать. Это просто великолепное ощущение.

— Это — преступление, — строго заметил Уокер.

— Вам ведь приходилось играть в игры? — спросил Ник. — Игры — это в вашем духе. Убийство, наркотики. Ведь это все игры.

— Я специалист в психологии. Игры — составная часть психологических исследований. Кроме того, игры очень забавны. — Она подожгла другую сигарету, и над ее головой взвилось облачко голубого дыма.

— А как насчет бокса? Ведь это тоже игра. Бокс представляется вам забавой? — На какое-то мгновение они не отводили друг от друга глаз. Напряжение между ними возросло и потрескивало теперь, как шаровая молния.

— Бокс не относится к нашей теме, — строго произнес Толкотт. — Карран, не отвлекайтесь от обсуждаемого нами вопроса.

— Кэтрин будто не слышала Толкотта. Она отвечала Нику, как если бы они были в комнате вдвоем, без свидетелей:

— Бокс... Бокс тоже *был* забавен.

— И это все? Просто забавен?

— Когда умер Мэнни, бокс перестал казаться забавным, — объяснила она. — Это не очень-то забавно — видеть, как человека, которого ты любишь, забивают насмерть.

— Могу себе представить, — с липкой улыбкой заметил Толкотт.

— Что вы почувствовали, когда я сообщил вам о смерти Джонни Боза? — сухо спросил Ник.

— Я почувствовала, что кто-то прочитал мою книгу и решил сыграть в игру.

— Мне показалось, что вам нравятся игры.

Она медленно покачала головой:

— Но игры не такого рода.

Ник наклонился к ней и посмотрел ей прямо в глаза:

— Но это ведь не причинило вам боль? Это показалось вам игрой, неожиданной, обеспокоившей вас игрой.

— Да, смерть Джонни Боза не причинило мне боль.

— Потому что вы не любили его. Так?

Она коротко кивнула:

— Это так.

Их глаза были теперь прикованы друг к другу, будто они хотели увидеть нечто, находящееся за ними, быть может, черепа.

— Но, несмотря на это, вы трахались с ним...

— Любовь не имеет ничего общего с наслаждением, Ник. Всегда можно достичь удовольствия. Вы никогда, уже будучи женатым, не трахались ни с кем? А, Ник? Я имею в виду, помимо вашей жены.

Был момент, долгий момент тишины. Ник выразительно смотрел на нее.

— А откуда вы знаете, что детектив Ник Карран был женат? — Уокер задал как раз тот вопрос, который все они хотели задать.

Она была непоколебима, отметая его вопрос.

— Быть может, я просто так предположила, лейтенант. Какая разница? — Она затянулась сигаретным дымом. — Хотите сигарету, Ник?

Корелли пожал плечами:

— Вы знаете друг друга? Если да, то Нику придется убраться отсюда.

Глаза Ника не оставляли ее лица.

— Не беспокойся об этом, Джон. Мы не знаем друг друга. Разве не так, мисс Трамелл?

— Не знаем, — согласилась она.

— Как вы познакомились с Джонни Бозом? — Уокер продолжал их общее дело. В его голосе слышалась решимость, способная скрыть электрические заряды, так и разрывавшиеся в воздушном пространстве между Ником Карраном и Кэтрин Трамелл.

— Я хотела написать книгу об убийстве отошедшей от дел рок-звезды, пошла в клуб и там его подцепила. Потом я переспала с ним. — Она ясно улыбнулась Уокеру. — Это было так просто.

— Да, вижу.

— Неужели?

— Вы ничего не испытывали к нему. Вы занимались с ним сексом исключительно ради своей книги?

Нику стало интересно, как отреагировал бы Боз, узнай он о том, что был не более, как объектом исследования.

— Так все начиналось. Потом...

— Потом?

— Затем мне понравилось то, что он делал для меня.

— Это слишком холодно сказано, не так ли леди? — произнес Гас.

Кэтрин Трамелл усмехнулась:

— Ну кто бы подумал, что эта компания копов будет столь романтична! Секс без любви — это по вашим законам — преступно. Так? Люди пользуют друг друга каждый день, Гас. И я безмерно удивлена, что вы приходите от этого в такое изумление.

— Используют их, но не разбрасываются ими. А это ведь ваш модус операнди, леди?

— Я — писатель, — холодно напомнила она. — Я использую других людей, чтобы писать. Так предупредите об этом мир, если так этого хотите.

— Слишком поздно предупреждать Джонни Боза, — заметил Гас. — Слишком поздно предупреждать его — защитить свою задницу он уже не в состоянии.

Кэтрин посмотрела на полицейских и прокурора:

— Вы действительно считаете, что это совершила я? Ведь так? Вы не обращаете внимания на то, что я никогда не буду такой идиоткой, чтобы скопировать убийство, о котором сама же предварительно и написала. Вы не обращаете внимание на то, что я — холодная, бессердечная сука, а такая вряд ли совершила бы *столь страстное* преступление. Вы действительно думаете, что я убила Джонни? — Она изумленно пожала плечами. — Ну что ж, я думаю, сумею это вам доказать.

— И как вы предполагаете это сделать? — поинтересовался Корелли.

— Очень просто.

— Как просто?

— Я пройду тест на детекторе лжи.

Было бы довольно просто перепутать комнату в здании главного управления полиции, в которой был установлен детектор лжи, с газовой камерой. Это была крошечная комнатушка с единственным креслом, стоявшим рядом с излучавшей слабую угрозу машиной — детектором лжи. В стене этой комнаты, напоминавшей клеть, был спрятан объектив видеомонитора, который передавал образ Кэтрин Трамелл в небольшое смотровое помещение. Женщина была прикована к машине ремнями и сенсорами, змеившимися от агрегата и окутывавшими ее руки и тело, как щупальцы гигантского осьминога.

Несмотря на то, что видеокамера была достаточно хорошо замаскирована в угольного цвета стене, Кэтрин, казалось, прекрасно знала, где та находится. Она смотрела прямо в объектив, будто стараясь переглядеть камеру. Копы смотрели представление, которое она устраивала с помощью детектора, с восхищенным вниманием зрителей, присутствующих на театральной премьере.

Служащий при детекторе — эксперт, контролировавший тест, — был, как всегда, поражен. Он вошел в смотровую комнату с данными Кэтрин в руках и пожал плечами:

— Никаких показателей, отображавших бы изменение кровяного давления; отклонений в пульсе тоже нет. Либо она говорит правду, либо я никогда в жизни не встречал такого типа людей.

Толкотт выглядел успокоившимся. Он осклабился в довольной победной усмешке, направленной, главным образом, на Ника. Правда, некоторая ее часть как всегда перепала и Уокеру с Гасом Мораном.

— Теперь, я думаю, все встает на свои места, — сказал он.

Ник украдкой взглянул на изображение Кэтрин на мониторе.

— Она лжет, — решительно заявил он.

Толкотт как вкопанный остановился у двери:

— Карран, Бога ради!

Специалист по детектору лжи был еще более непреклонен:

— Забудь об этом, Ник. Можно одурачить меня, можно перехитрить тебя. Но эту машину обвести вокруг пальца нельзя. Привлекательная девчонка не может свернуть набекрень... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Ник, возражая, покачал головой:

— Машину можно одурачить.

— Коли ты мертв, то это возможно...

— Поверь мне. Это можно проделать!

— А с чего это ты вдруг стал экспертом в этих делах?

— Я знаю людей, которые это делали.

— Ну, кого, например?

— Одного парнишку, с которым я как-то столкнулся, — сказал Ник, повернувшись к дверям смотровой комнаты.

— Ну что ж, — заметил эксперт, — я бы не отказался познакомиться с ним.

— Быть может, когда-нибудь... — задумчиво произнес Ник.

Толкотт занимался работой по восстановлению имиджа департамента. Он стоял с Кэтрин Трамелл в коридоре здания полиции, принося извинения за ее задержание с самым скорбным видом, на который он только был способен. Кэтрин, однако, всему этому не придавала большого значения. Она улыбалась отсутствующей улыбкой, словно сама являлась монархической особой, а Толкотт занимал очень жалкий пост в отдаленной колонии.

В тот момент, когда Уокер, Моран и Ник Карран подошли к ним, Толкотт говорил следующее:

— Конечно, если бы все зависело только от меня... — он поспешно прервал свою тираду.

Уокер, почувствовав, что по процедуре извинения приемлемы, также внес свою лепту:

— Спасибо за то, что пришли, мисс Трамелл. Я думаю, мы не слишком вас обеспокоили.

Кэтрин слабо улыбнулась ему.

— Мне это понравилось. Могу ли я просить одного из ваших людей о поездке? — Произнося это, она так и пожирала глазами Ника.

— Безусловно.

— Благодарю.

Толкотт, Уокер и Гас Моран смотрели за тем, как они уходили.

— Вот. Ищет беды на свою голову, — прокомментировал Моран.

— Уокер, — коротко сказал Толкотт, — следите за тем, чтобы не случилась беда. Нигде. Понятно?

Уокер это понял.

Машина Ника, весьма посредственного вида «мустанг» серого и темно-бордового цветов с откидным верхом, была припаркована на автостоянке перед Дворцом юстиции. Карран завел двигатель и быстро повел машину вниз по Брайант-авеню.

Кэтрин Трамелл зевнула и, свернувшись калачиком как кошка, устроилась на мягком кожаном одноместном сиденье. Уголки ее глаз слегка потупились как бы от сильной усталости.

Ник бросил на нее косой взгляд:

— Тяжелый денек?

Она покачала головой:

— Сказать по правде, не очень.

— Забавный?

— В какой-то мере.

— Могу держать пари. Надуть машину не так-то просто, но я готов побиться об заклад, что вы смотрели на это, как на любую другую игру. А мы-то с вами знаем, как вы любите игры. Ведь так?

Какое-то время она смотрела на него, заинтересовавшись его глазами, затем отвела взгляд:

— Если бы я была виновата и захотела перехитрить машину, то это было бы не так сложно.

— Нет?

— Нет. Это было бы не столь сложно.

— Отчего же?

— Потому что я — лгунья. Законченная лгунья.

Прямо в тот же момент Ника охватило чувство, что Кэтрин говорила правду, абсолютную правду.

— Я профессиональная лгунья, — продолжала она. — И провела всю свою жизнь, совершенствуясь во лжи.

— Зачем?

— Зачем? Естественно, для того, чтобы писать.

Гигантский шестнадцатиколесный грузовик как из-под земли вырос рядом с ними; его водитель, как будто столь же равнодушный к суровой погоде, как и Ник, поднял в воздух огромную струю воды, которая волной хлынула на ветровое стекло «мустанга». На какое-то мгновение создалось впечатление, что они попали в мойку машин: ветровое стекло было полностью залито грязной водой. В течение нескольких секунд Ник вообще не мог видеть дороги, но ноги с акселератора не снимал. Это положение нисколько не обеспокоило Кэтрин Трамелл.

— Люблю дождь, — призналась она, будто они находились на балконе ее дома в Стинсоне. — А ты?

— Не особенно, — ответил Ник.

— Ты ведь прошел тест на детекторе лжи, после того как подстрелил тех двоих. Это так?

— Угу.

— Ты ведь обманул машину, не правда ли? Вот почему ты знаешь, что это возможно.

— Скажем просто, я этот тест прошел. Опуская подробности.

— Видишь, — произнесла она с улыбкой, — мы оба невиновны, Ник.

Ник направлял свой автомобиль в «Пэсифик Хайтс», выбрав долгий окружной путь по Бродерику. Дождь все еще хлестал, когда он остановился перед ее домом на Дивизадеро. В проезде стоял белый «лотус». Ник заехал на стоянку и выключил двигатель. Единственным звуком вокруг был стук дождевых капель по крыше автомобиля.

— Ты, кажется, знаешь обо мне ужасно много, — проговорил он.

— Ты все знаешь обо мне, — не случайно, а скорее бесцеремонно заявила она, будто из нее так и били фонтаном детали ее сексуальной жизни.

— Я не знаю ничего, что не входит в сферу деятельности полиции, — обороняясь, сказал Ник.

— Вот так?

— Ага. Именно так.

— А входит ли в сферу интересов полиции знать, что

я не люблю надевать никакого нижнего белья? *Ты* ведь знаешь это, Ник. А *они* — нет.

— Я уверен, что капитану Толкотту было бы интересно это узнать! — ответил он. — Черт возьми, все парни в главном управлении полиции должны об этом узнать. Я должен зафиксировать этот факт в твоем деле.

— Так сделай же это. — Она выскользнула из своих туфель и открыла дверь. — Это будет очень забавно, — произнесла она, будто желая закончить разговор. — И спасибо за поездку, Ник.

Она захлопнула дверь и побежала босиком под дождем по лужам; бедра ее раскачивались. Он сидел за рулем и смотрел вслед удалявшейся фигуре. Он не отводил от нее глаз до тех пор, пока она не открыла дверь своего дома и не исчезла внутри.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Тен-фор»[1] .был баром на Брайант-стрит в нескольких кварталах от Дворца правосудия и главного полицейского управления, пользовавшимся немалым успехом у членов департамента полиции Сан-Франциско. Это был полицейский бар, но как и сам департамент полиции, он переживал изменения. Когда-то это была типичная дыра, в которой обычно собираются полицейские из крупных городов, — вы запросто могли бы встретить его эквивалент в Нью-Йорке, Детройте, Чикаго, Бостоне, — в общем, везде, где полицейские являлись потомками второго и третьего поколений эмигрантов, консервативными приверженцами закона и твердой линии. В таких заведениях с полным отсутствием какой бы то ни было атмосферы и кухней, служащей предметом поклонения любителей хорошо прожаренной на топленом масле пищи, всегда можно было заказать себе рюмку-другую чего-нибудь крепкого.

Но строение департамента полиции Сан-Франциско претерпевало изменения. Старые, старомодные копы уходили на покой, на смену им приходило новое поко-

[1] Ten-four (10-4) — о'кей (амер. уголовный сленг).

ление. Так что в «Тен-фор» теперь подавали лучшие марки пива «маргаритас», «бад», «дизайнер бирз» и «бойлер-мэйкерз». «Лутерс», «Муви Старз», Крис Айзак — модные сан-францисские рокеры — оттеснили в музыкальных автоматах Фрэнка Синатру и Тони Беннетта.

В баре была даже кадка с папоротником.

И здесь были полицейские. Старые копы, вроде Гаса Морана и других его типа, и «яйцеголовые» типа Ника Каррана — в фешенебельных костюмах и с дорогостоящими стрижками.

Уокер и Гас Моран восседали за стойкой, потягивая свою выпивку в ожидании Ника. Тот не обещал, что будет здесь, но они твердо знали, что в какой-то момент он появится, как голубь, которого всегда тянет в родной дом.

Уокер окликнул Каррана, еще до того как тот успел хотя бы осмотреться в баре по сторонам.

— Черт побери, Карран, что за дьявол скрывался за этой чепухой с «Ником»? «Ник, не хочешь ли сигарету?.. Ник, не согласишься ли ты меня подвезти?» Слушай, оставь и мне хоть какой-то шанс!

— Она не просила именно *меня* о поездке. Она просила любого из нас, — защищаясь, ответил Ник.

— Эй, Ник, — окликнул его бармен. — Тебе как обычно? Грушевую с ломтиком лимона?

— Двойной «блэк-джек» со льдом, Чакки, — отозвался Ник.

— Что это ты делаешь, сынок? — заинтересовался Гас.

— Это моя первая выпивка за последние три месяца. С тобой все в порядке? Ну, так как? Можно?

— Нет, — ответил Гас Моран.

— Слишком плохо.

— Ты ведь знаком с ней, Ник. Так? — спросил Уокер.

— Я ее не знаю. И она не знает меня. Я никогда о ней не слышал, никогда не видел, пока мы с Гасом вчера с ней не повстречались. Ведь так, Гас?

— Какого черта я могу знать!

Чакки, бармен, поставил на стойку бара перед Ником огромную рюмку, полную шотландского виски.

— Спасибо, Чакки. Будь другом, внеси это в мой счет. Ладно?

— Как хочешь, Ник.

Пока они направлялись к столику, Ник отхлебнул из рюмки, одним глотком направив в себя добрую половину ее содержимого. Он удовлетворенно выдохнул и облизал губы. Хороший вкус. У шотландского всегда слишком хороший вкус. У него неизменно приторный привкус опасности.

— Еще раз скажи мне, Ник, — продолжал Уокер. — Просто успокой меня. Ты не знаешь Кэтрин Трамелл помимо своей службы?

— Да, это так.

Глаза Уокера сузились в подозрении:

— Ты уверен?

— Я в этом уверен. — Он сделал еще один громадный глоток, будто не смог бы выжить еще несколько минут без этой коричневатой жидкости. — Ну, так скажи мне... Что теперь?

— Что значит «что теперь»? Все закончено. Все закончено, потому что все так, как она и говорила. Держись от нее подальше, Ник. Это для твоей же пользы. Это для нашей общей пользы. Ты думаешь, приятно, когда мне в затылок дышит Толкотт? Задумайся об этом.

— Ты позволишь ей разгуливать на свободе. Это так?

— А что мне остается делать? Она прошла тест на детекторе лжи. Полностью сдала его, Ник. Если говорить обо мне, то я доволен. Кэтрин Трамелл для меня больше просто не существует. Слава Богу. — Уокер глотнул из своего стакана, в котором была водка с тоником. Он, казалось, нуждался в ней так же, как и Ник. Его высокая должность не уберегала его от опасности алкоголизма. Даже совсем наоборот.

— Она прошла испытание детектором лжи. Но, Бога ради, она не прошла тест, она *обманула* машину. Вот почему она так настаивала на этом тесте.

— Какого черта, Ник, ты можешь это знать? — Гас Моран почти орал на своего партнера. — Что такое между тобой и этой бабой?! Ник! Слушай, ты уже слишком стар, чтобы сводить с ума девчонок!

— Она только лишь подозреваемая, — проворчал Карран.

— О, Господи! — воскликнул Моран. — Я не знаю, плакать мне или смеяться.

— Она — бывшая подозреваемая, — поправил Уокер, — которая успешно прошла тест на детекторе лжи. И хватит об этом. Поставим на ней крест. Все это она просто написала. И... Довольно!

— Но, может, на ней рано ставить крест. Может, это не все, что она написала.

— Пожалуйста, Ник. Ну пожалуйста, — взмолился Уокер.

— Ну, давай же, Фил... Ты ведь не собираешься относиться к своим обязанностям спустя рукава? Что тебе известно о ее родителях? Что она еще написала? Может быть, *все* ее книги имеют характерную особенность, все они сбываются?

Фил Уокер медленно покачал головой. Неожиданно он стал выглядеть усталым, истощенным и старше своих сорока пяти лет.

— Ее родители погибли в результате несчастного случая. Что она еще написала, я не интересовался. А вот что за хренотень с тобой происходит?.. Ты что, неожиданно переквалифицировался в литературные критики?

— Как они погибли? — настаивал Ник, будто борец, пытающийся победить своего противника. — Было проведено расследование?

— Я не могу понять тебя, Ник, — проговорил Моран. — Я думал, что прекрасно тебя понимаю. Ты свихнулся либо на ее теле, либо на желании пришить ей это убийство. Одно время я думал, что виной всему ее тело, затем мне показалось, что ты перепутал ее с Аль Капоне, врагом общества номер один. Или все это взаимосвязано?

— А сейчас ты говоришь, что, возможно, она прикончила своих стариков, — продолжил его мысль Уокер. — Наверняка, ты считаешь, что она также убила и Мануэля Васкеса? Я прав?

— Ага, — подхватил Моран. — Она залезла на ринг и превратилась в какого-нибудь сукиного сына.

— Может быть, может быть, Гас, — согласился Уокер.

— Может, она выросла до размеров дюжего негритоса, разучила такой хук слева, который может свалить с ног взрослого мужика, и вымазала себе лицо черной ваксой для обуви. Давай заставим ее снова пройти тест на детекторе и зададим все наши вопросы.

— Пошел ты, Фил, — неожиданно произнес Ник.

— Ага, и пока мы не отдалились от темы нашей беседы, пошел и ты, Ник.

— Думаю, надо на этом закончить, — горестно заметил Моран.

— Ничего, придет и твоя очередь, — пообещал Ник. Он допил свою выпивку и передал пустую рюмку бармену. — Как насчет того, чтобы повторить «блэк-джек»? А, Гарри?

— Конечно, Ник, — ответил бармен.

— Нет, Ник, — начал Моран, его бровь участливо приподнялась. — Тебе не следовало бы влезать в это дерьмо.

— Ага, значит, а тебе, значит, это нужно; Филу это тоже нужно, — возразил Карран. — Любому копу в этом притоне это нужно.

Бармен Гарри не выполнил заказ Каррана сам: вместо него новую рюмку с бодрящим и «забористым» напитком перед Ником поставил напыщенный мужчина с редкими волосенками на голове, одетый в костюм, который делал из Гаса Морана модель, сошедшую со страниц журналов мод. Его глаза были немного тусклы от выпитого к этому часу, он нависал над их столом, непроизвольно раскачиваясь.

— Полюбуйтесь-ка, и Стрелок здесь! — воскликнул он со злорадной усмешкой. — Давай, пей залпом! Пей до дна свой «блэк-джек»... Ха, Стрелок!

Ник отхлебнул из рюмки, не обращая внимания на своего мучителя.

— Мы обсуждаем расследование убийства, Марти, — спокойно и настойчиво объяснил Уокер.

Марти Нилсен — сотрудник Внутренней службы и большой недруг Ника Каррана — принял преувеличенно обиженный вид:

— Мне это известно. У меня не было в этом никаких

сомнений. Правда... Продолжайте себе... — Он придвинул рюмку ближе к Нику, продолжая насмехаться над тем. — Пей. Пей свой двойной виски, Стрелок!!!

Гас Моран, сидевший рядом с Ником, почувствовал, как его напарник напрягся, распрямился, как лопнувшая пружина, в готовности броситься на мускулистого следователя из Внутренней службы. Ладони Ника сжались в мощные кулаки. Моран положил руку на его предплечье, приготовившись осадить Каррана, если тот надумает развязать драку.

Карран тяжело сглотнул, явно пытаясь удержать себя в руках.

— Я сейчас не на службе, Нилсен, — проговорил, он пытаясь скрыть в голосе рвавшуюся на волю злость. — Слышал?! Я в настоящее время не на службе и занимаюсь обсуждением дела со своим напарником и шефом своего отдела. Внутренняя служба не должна об этом беспокоиться. Может, я, наконец, решил расслабиться. Что ты говоришь? Прикинь сам, разве это касается твоей дерьмовой башки?

— Эй, Стрелок, меня это, конечно, не касается. Но не работай *слишком много*. Не перерабатывай, ведь это прямой путь к алкоголизму.

Холодный порыв ветра пронесся по залу, когда с хлеставшей дождем улицы в помещение ворвалась Бет Гарнер. Она появилась в баре как раз в тот момент, когда Ник почти уже потерял над собой контроль. Карран уже стоял на ногах, Уокер и Моран безуспешно пытались усадить его обратно за столик.

— Прекрати мозолить мне глаза, Нилсен! — вопил на весь бар Карран. — Или я вобью все твои дерьмовые зубы в твою глотку!

— Эй, эй, что за дела? — Бет Гарнер, в которой весу было всего сто два фунта, вклинилась между двумя мощными копами. — Остыньте.

— Нет проблем, док, — с усмешкой согласился Нилсен. — Теперь, когда наш главный психоаналитик явилась за своим любимым пациентом, все проблемы решены. — Он притянул Бет Гарнер в свои потные пьяные медвежьи объятия.

Она оттолкнула его:

— Отвали, Марти.

Нилсен же был либо слишком пьян, либо, даже для сотрудника Внутренней службы, слишком толстокож.

— Приятного времяпровождения вам, ребятки, — выговорил он с громогласным смехом и после этого убрался прочь.

Как бы там ни было, но Ник охладился не скоро. Он долго следил взглядом за зарвавшимся копом. Его глаза сверкали, втыкаясь в спину Нилсена, как два стальных клинка.

— Он сам на это напросился. У меня было такое настроение, что захотелось ответить ему.

Бет опустила его на землю:

— Конечно, Ник. Но это только играет ему на руку. Он именно этого и добивался. Не впадай в искушение, Ник. Не давай ему возможности удовлетвориться, не поддавайся на провокации.

Карран сделал глубокий вздох, будто холодный воздух мог остудить жар его гнева. Но он чувствовал, что ему необходимо нечто большее.

— Слушай, хочешь уйти отсюда? — спросил он.

— Да, — ответила Бет. Она вложила свою руку в его — это был жест не только нежности, но и констáтация ее собственности на него.

— Отлично. — Он повернулся к Уокеру и Гасу Морану, бросив на стол несколько купюр. — Оплати мой счет, Гас, — попросил он. — Выпейте за мое здоровье. — Ник Карран направился с Бет Гарнер на выход, на залитые дождем улицы.

Двое копов наблюдали за тем, как они уходили, затем вернулись к своей выпивке.

— Ну разве не восхитительная пара? — воскликнул Гас.

— Я-то думал, что отношения между ними закончились.

— Может быть. Но только не на сегодняшний вечер. Сегодня вечером, возможно, все будет, как в старые добрые времена.

— Иногда мне казалось, что он затеял с ней флирт ради того, чтобы слезть с крючка Внутренней службы.

— Не-а, — ответил Гас. — Он не из таких. У моего напарника доброе сердце.

Ярость, возраставшая в душе Ника Каррана в течение всего этого дня, вылилась через край в тот момент, как он и Бет вошли в ее квартиру. Как только она зажгла свет, он схватил ее в объятия, откинул на дверь и настойчиво и жадно поцеловал. Проделал он это жестоко и грубо, отчего по всему ее телу пробежала волна страха. Она попыталась оттолкнуть его, но почувствовала в его действиях решительность, осознала, что ей придется покориться.

— Не надо... пожалуйста, Ник...

Его ответ был нем, но очевиден. Он направил свои руки под ее платье, рассержено разорвав его. Его горячая рука скользнула по ее прохладному бедру по направлению к трусикам; его ногти царапали тонкую, как паутина, ткань. Он стащил платье с ее плеч и устремил свои руки под лифчик, обхватывая ладонью ее груди.

В голосе Бет послышались панические нотки:

— Пожалуйста, не надо... не...

Он припал губами к ее плечу и, ворча, не поцеловал, а скорее укусил ее кожу, в то же время заваливаясь с ней на пол.

Он приподнялся над ней, чтобы расстегнуть собственную рубашку и стянуть штаны, яростно вталкиваясь в нее. Бет Гарнер никогда не испытывала затаенных фантазий, связанных с изнасилованием. Она ощущала не трепет желания Ника, но тошнотворное отвращение и возрастающую ненависть.

Он вталкивался, втискивался, впихивался, будто простая сила его пыла могла облегчить ту боль, которую он в ней породил, будто он как-то мог переломить ее в наслаждение. Но муки и страдания, назначенные им его естеством, намного превосходили любое удовольствие. Ей оставалось только ждать, когда все это закончится, и надеяться на то, что этим его желания ограничатся.

Он быстро кончил, хлынула сперма, оставившая его, однако, наедине со звоном в голове и пятном неудовлетворения, наедине с его голодом и нереализованным желанием.

Карран соскользнул с ее тела и улегся рядом с ней, глядя в потолок. Сейчас, когда все уже закончилось, Бет не испытывала перед ним никакого страха, никакой ненависти, только патетическую жалость. Она потрогала синяк на плече и уселась, стараясь не смотреть на Ника.

Он поднял руку, чтобы обнять ее, извиниться перед ней, если это, конечно, еще было возможно, но она отклонила все его притязания. Она отвела его руку в сторону и поежилась.

— Бет...

— Какая она?

Все-таки в первую очередь Бет была психиатром и она знала свою дорогу в каменистой стране, бывшей мозгом Ника Каррана. Она понимала, что все это предназначалось не ей. Она была нечем большим, как простой наблюдательницей, первой женщиной, которая подвернулась ему под руку.

— Кто?

— Кэтрин Трамелл.

— А что заставляет тебя думать, что я знаю, какая она?

— Я прекрасно знаю, что тебе не известно, какая она в постели, Ник, иначе ничего всего этого бы не произошло.

— Бет...

— Нет, я имею в виду другое представление, устроенное Кэтрин Трамелл.

Некоторое время Ник молчал.

— У тебя были кое-какие сведения о ней, — нежно произнес он. — Она использовала свою книгу в качестве алиби.

Он сел и поцеловал ей плечо — то место, в которое он несколькими минутами ранее впился зубами. С тем же успехом можно было поцеловать холодный мрамор.

— Я встречалась с ней в Беркли, — сказала она.

— Что?

— Мы занимались с ней практически в одной группе. — Она улыбнулась ему через плечо. — Ты ведь знаешь,

я там изучала психологию. У нас с ней много общего, или тебе это уже приходило на ум?

— Именно это — нет. — Бет Гарнер и Кэтрин Трамелл были примерно одного возраста. Обе они получили ученую степень в области психологии в Беркли примерно в одно и то же время. — Но это очень интересно.

— Ты, Ник, не так много думаешь обо мне. Наоборот, вот уже долгое время — слишком мало. А в последние дни и того меньше.

— Почему ты не говорила мне, что знакома с ней?

Она пронзительно посмотрела на него:

— Так я говорю тебе это. Сейчас говорю.

— Ты чего-то выжидала.

— А ты — нет. Я хотела заняться любовью с тобой, Ник. Я *желала* этого... но не так. Ты никогда раньше не был таким. — Она внимательно смотрела на него, будто пытаясь в полутьме прочитать его мысли по лицу. — Почему, Ник?

— Потому что ты — психоаналитик, — черство ответил он.

Она встала на ноги и натянула на обнаженные плечи изодранное платье.

— Да, я — психоаналитик, но именно со мной ты никогда не занимался любовью.

— А с кем же тогда я занимался любовью? Подскажите, доктор Гарнер, — с сарказмом сказал Ник.

— Ты никогда не занимался именно *любовью*.

— Мне нужна сигарета, — произнес он.

— А я думала, ты бросил курить.

— Я начал снова.

— Что ж, ты найдешь несколько сигарет в верхнем ящике. В холле. Бери их и проваливай! — резко сказала она.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Большинство баров в Сан-Франциско прекращает свою работу в два часа ночи, что предоставило Нику Каррану возможность выкурить до этого времени пачку сигарет и вылакать почти пятую часть бутылки «Джонни Уокер Блэк» в одном из местечек в Миши. Когда оно закрылось, он перебрался в закрывавшееся позже заведение, располагавшееся на юге Маркет-стрит, где выпил еще, а когда и этот кабак закончил работу, Ник как-то умудрился добраться домой, где он и проспал в пьяном угаре несколько часов.

Проснулся он с адской головной болью — казалось, что кто-то решил запихнуть ему под черепную коробку морской якорь — и с языком, на котором, судя по всему, выросла шерсть. С похмельем ему было справляться не впервой, но ненависть, которую он теперь испытывал к себе, прижимала его к земле.

К тому времени, когда он добрался до главного управления полиции, оперативная группа по расследованию дела об убийстве Джонни Боза заседала в офисе Уокера уже несколько часов. Церемоний никто не придерживался.

— Ты выглядишь, как собачье дерьмо, — заявил Уокер.

— Нет. Мне приходилось как-то видеть собачье дерьмо... Оно выглядит намного лучше, — изрек Андруз.

— Да и Боз выглядел куда лучше, — признал Харриган.

— Не обращай внимания, сынок, — вступил в разговор Гас с поганой ухмылкой на лице. — Ты не выглядишь столь плохо. Просто у тебя видок, как у висельника.

— Все вы говенные комедианты, — проворчал Ник. Он налил себе чашку горячего кофе и выпил его так же нетерпеливо, как и предыдущей ночью он вливал в себя шотландский виски. — Что у нас нового?

— Я сделал несколько звонков в Беркли, — ответил Андруз. — Там было убийство в 1977-ом. Прикончили профессора... ножом для колки льда, в постели. Многочисленные ранения острым предметом.

Ник Карран слабо улыбнулся:

— И наша девчонка в то время была там же. Я прав?

— Университетские записи гласят, что была, — ответил Андруз.

— Подожди-ка, — начал Ник. — В семьдесят седьмом? Сколько же ей сейчас? Тридцать? Тридцать один? В этом случае, в 1977-м ей должно было быть... — Он сделал в уме необходимые арифметические вычисления, что, конечно, не требовало большой ловкости, но позволяло определить, в каком состоянии он сейчас находится. — Шестнадцать? Семнадцать?

— Значит, она была дьявольской малолетней шлюшкой, — вывел Моран.

— Гас, мне известно, что твои тупые шутки всего лишь шутки, — произнес Ник, — но они этого могут не знать.

— Итак, — констатировал Уокер, — речь идет о некой шестнадцатилетней студентке, которая насмерть забила ножом для колки льда профессора из своего колледжа?

— Мы говорим о Кэтрин Трамелл, — пояснил Ник. — А не о «некой шестнадцатилетней студентке». Я не считаю возможным оторвать наше дело от того.

— Придется с этим смириться. — Голос Уокера не

был счастлив. — Гас, направляйся в Беркли, может, откопаешь чего прямо на месте. Харриган, разузнай, что еще она написала. Андруз, разыщи данные о том случае, несчастном случае, в котором погибли ее родители. Каждый из вас обо всех данных информирует также и Бет. Думаю, что здесь все же существуют психологические предпосылки. Все поняли?

— А что я?! — взорвался Ник.

— А ты уже по горло увяз в психологических предпосылках, — скалясь, ответил Гас Моран.

— Первое, что тебе необходимо сделать, Ник, это опустить голову в ведерко со льдом. А потом сядь к ней на хвост. Может, она сама нас куда-нибудь да приведет.

Ник не стал связываться с емкостью для льда, а прикупил в придорожном ресторанчике несколько чашек кофе и выпил их по дороге в Стинсон-Бич. Он опустил все стекла в своем немаркированном автомобиле и позволил ветру обдувать свое лицо. Мост Голден-Гейт был окутан смогом, но острый запах соленого воздуха, витавший над ним, окончательно выветрил из головы Ника алкогольную дымку. Подъезжая к Стинсон-Бич, он уже на восемьдесят пять процентов чувствовал себя полноценным человеком.

Черный «лотус» был припаркован перед ее домом, и ему пришлось провести долгий час ожидая того, как женщина вышла из своего жилища и залезла в машину.

Она управляла автомобилем довольно хорошо, хотя и не гнала машину как сумасшедшая. Ник улыбнулся самому себе: иногда даже Кэтрин Трамелл давала себе отдохнуть от жизни в диком темпе. Ник ехал за ней на безопасном расстоянии, но в пределах видимости, снова дав ей немного оторваться по сто первому хайвею. Лучше упустить ее, чем допустить, чтобы она заметила «хвост».

Чуть позже он был в ярости на себя за свое благодушие. Неожиданно она вдавила акселератор в пол и, казалось, ее мощная автомашина, как гончая лошадь, управляемая опытной рукой жокея, поскакала вперед по дороге.

Она ныряла по дороге, то вклиниваясь в строй других

автомобилей, то вновь выскакивая из него, ныряя то вправо, то влево, делая все возможное, чтобы поскорее проскочить по изгибающемуся шоссе.

Ник вытер пот над верхней губой и помчался за Кэтрин Трамелл, увеличив скорость, чтобы не отстать.

Путешественники, расслабившиеся от спокойной утренней езды по сто первому хайвею, только начали приходить в себя от шока, вызванного видом несущегося на дикой скорости «лотуса», как мимо них пролетел грязный коричневый «шевроле», проделывавший точно ту же ужасающую гимнастику, что и его черный собрат.

Но безрассудство, свидетелем и прямым участником которого только что стал Ник, было только цветочками перед следующим автомобильным трюком. Она направила «лотус» в «слепой» поворот, пытаясь прорваться внутрь своей стороны движения, полностью перегородив левую полосу, словно она была на дороге в гордом одиночестве. Ник шел прямо за ней, чуть левее, прячась за тремя другими автомашинами; затем она снова вернулась на свою полосу, заняв место в правом ряду как законопослушный водитель, открыв Нику вид огромного туристического автобуса «Грэй Лайнз», шедшего со скоростью артиллерийского снаряда прямо лоб в лоб «шевроле».

Справа от Ника был другой автомобиль, слева — отвесная скала. Другого выхода не было, кроме как в какой-то момент, не дожидаясь того, как его занесут в печальные списки дорожной статистики, рвануть вправо от автобуса. Он вдавил педаль газа до упора в пол, пытаясь выжать из визжавшего двигателя последние лошадиные силы. Автобус взвыл гудком и неумолимо приближался. Машина справа все еще находилась на своем месте. Он попал в ловушку.

В доли секунды он принял решение: ударил по тормозам, его занесло вправо — бампер почти впечатался в багажник идущей впереди машины, — освобождая таким образом дорогу автобусу, который мгновением позже, недовольно гудя, пронесся мимо.

— Твою мать! — выругался Ник и ударил по баранке. То, что с ним произошло, должно было либо освободить

ее от преследования, либо убить его. *Теперь* настало время снова сесть Кэтрин Трамелл на хвост. Измочаленный случившимся, но все же неожиданно спасшийся, он вновь вдавил педаль акселератора в пол и, продолжая безумную погоню, вынырнул на левую полосу.

Далеко впереди он увидел мягко скользящие темные очертания: «лотус» направлялся в Милл-Вэли. Он вздохнул с некоторым облегчением. Милл-Вэли был крошечным, тихим и богатым городком. Местные копы не дадут в своем районе черному «лотусу» такой играющей свободы передвижения, что была на хайвее.

Он догнал ее на холмах, возвышавшихся вокруг города, и поплелся за ее машиной по узким, продувавшимся насквозь улицам, бегущим по уступчатым склонам холмов. Она остановилась перед неописуемым и почти полуразвалившимся бедным домом, никак не гармонировавшим с солидными домами среднего класса на противоположной стороне улицы, носившей название Элбьен-авеню. Он записал номер этой развалюхи.

Кэтрин Трамелл припарковала машину, заперла дверцы «лотуса» и, пока Ник медленно и спокойно проезжал мимо, подошла к передней двери строения и пропала внутри. Он остановился в нескольких метрах ниже по улице и принялся ждать.

Часовые ожидания прошли практически впустую. Только для того, чтобы хоть чем-нибудь заняться, он выбрался из машины и направился в сторону того домишки. Что происходило внутри, он, конечно, не видел. В окна он заглядывать не решился. Он открыл побитый временем почтовый ящик и обнаружил там письмо, гласившее, что миссис (мистер) Хейзл Добкинз (или теперешний житель) может прямо сейчас выиграть один миллион долларов! Послание также советовало миссис (мистеру) Хейзл Добкинз, не откладывая, прочесть содержимое письма, дабы получить информацию, касающуюся требований к ней «Безвозмездного ценного дарения».

Имя на конверте ни о чем ему не говорило. Уже опускались сумерки, когда Кэтрин Трамелл вышла из дома в сопровождении болезненного вида женщины лет

этак шестидесяти. Каррану оставалось только создать собственное впечатление о Хейзл Добкинз: семейная, скорее всего, тетя или бабушка по материнской линии. Годы подходят, хотя Кэтрин Трамелл не была похожа на тот тип людей, что сохраняют семейные связи.

Она скользнула в «лотус» и поехала от дома прочь, направляясь по дороге вниз долины. Она, казалось, никуда не спешила — не спешила, пока не достигла окраин Милл-Вэли.

Она тихо и спокойно, как водитель, не имеющий ни единого правонарушения, приближалась к светофору. У перекрестка стояла автомашина, ожидавшая момента, когда переменится сигнал светофора. Кэтрин Трамелл подъехала к ней, двигатель ее «лотуса» урчал, как дикая кошка в джунглях.

Затем, абсолютно неожиданно, она увеличила обороты мотора, машина прыгнула вперед, направляясь прямо в до невозможности узкий проем между другим автомобилем и обочиной. На полной скорости она проскользнула в этом проезде — водитель другой машины послал ей вслед страшные проклятия — и резко, как раз в тот момент, когда светофор переменил свой цвет на зеленый, повернула направо.

Ник следовал за ней, но все-таки опоздал на какую-то долю секунды. Провинциальный шоферюга, испуганный страшными маневрами «лотуса», направил свою машину, брыкавшуюся, как необъезженная лошадь, прямо на полосу, по которой двигался Ник. Он ударил по визжащим тормозам и остановился как вкопанный.

Карран направлял свой автомобиль в сторону Стинсона, почти вслух убеждая себя, что все произошедшее — лишь часть обычной рутинной полицейской работы. Он говорил себе, что выполняет приказ Уокера, делает сейчас то, что предписывалось ему высшим начальством. Но чем больше он с этим соглашался, тем больше осознавал реальное положение дел: ему снова было необходимо увидеться с Кэтрин Трамелл.

Черный «лотус» стоял в проезде, его двигатель, охлаждаясь, потрескивал и пощелкивал. Он мог предста-

вить себе этот мощный автомобиль на прибрежной дороге: несущийся, как лошадь на бегах, по тяжелым поворотам и коротким прямым, плоть и мускулы вместо резины и стали, двигатель, с силой завывающий в тот момент, когда его цилиндров достигает топливо, напоминающее животворящую кровь.

Теперь опускалась ночь, и он мог только слышать, а не видеть, вечно бьющиеся о берег волны позади ее дома. В одном из верхних окон зажегся свет, и за стеклом как призрак прошествовала Кэтрин Трамелл. Секундой позже она вернулась назад и прильнула к стеклу. У него вырвался вздох — она наверняка его увидит! — но она, будто загипнотизированная, всматривалась в морскую даль.

Она принялась томно расстегивать свою блузку, выскользнула из нее и секунду-другую так и стояла за окном с обнаженными грудями. Затем она задернула занавеску, ее соблазнительный силуэт пропал за темной тканью. Ник Карран все еще настойчиво вглядывался в ее окно, в его ушах бил грохот прибоя, его глаза были широко раскрыты и напряжены.

Затем свет погас, и он мысленно представил ее в гордом одиночестве, направляющуюся в чистую постель.

Через час, вернувшись в Сан-Франциско, он включил компьютерный терминал в темной и пустынной комнате детективов. Его пальцы прыгали по клавишам. Он напечатал: «Хейзл Добкинз, женщина, белая, Милл-Вэли, Элбьен-авеню, 145», затем нажал кнопку «ВВОД» и стал ждать, когда огромный электронный мозг выдаст ему результаты.

Сначала компьютер пробежал по файлам памяти департамента полиции Сан-Франциско и доложил: «НПНЗ» — полицейское сокращение слов «ни в чем предосудительном не замечена».

— Вот дерьмо, — выругался Ник и спокойно вздохнул, так как такой ответ не был для него неожиданным. Хейзл Добкинз выглядела как типичная, любящая кошечек и пекущая пирожки бабуля. Шанс, что ее счаст-

ливый билет будет зарегистрирован, был невелик, если, конечно, это не происходило с ней раньше.

Машина ожидала следующей команды Ника. «Что за черт!» — произнес Карран вслух и набрал код по розыску архивных материалов о преступлениях, совершенных на всей протяженности штата Калифорния — от Юкии до самой Баджи. Он снова ввел данные о Хейзл Добкинз, подождал и получил то, что ожидал. Компьютер мгновенно высветил на мониторе: «Добкинз, Хейзл. П: ничего существенного». Конечно же, «ничего существенного»... Другими словами: чиста.

Компьютер будто подумал над своим поведением и выдал на экран новую порцию информации. Ник почувствовал некое удовлетворение, когда прочел данные: «Добкинз, Хейзл. П: Освобождена из Сан-Квентина[1] 7 июля 1965 года».

— Ну вот. Попалась, Хейзл, — прошептал он.

Он быстро набрал коды, позволявшие получить информацию об арестах, и тут же ее получил: «Обвинена по 4 пунктам, массовое убийство, июль 1955 г. суд — 10-11 января 1956 г. — ПВ — Верховный суд Сан-Франциско».

— По четырем пунктам обвинения, — прошептал Ник. Он прикоснулся к буквам «ПВ» — «признан виновным» — на мониторе, будто до сих пор не веря своим глазам.

— Ты не нашел ничего лучшего, как прийти сюда и пытать эту проклятую машину? — раздался голос за его спиной.

Карран не отводил от экрана глаз.

— А что ты здесь делаешь, ковбой?

В соседнее с Ником Карраном кресло нырнул Гас Моран.

— Я пришел сюда за тем же, что и ты, — изводить эту проклятую махину, сынок. За тем же, что и ты. — Он легко взял напарника за плечо. — Великие умы, а, Никки?

Карран попытался оторвать свои будто приклеенные к экрану глаза:

[1] Тюрьма в Калифорнии.

— Что ты накопал в Беркли, Гас?

— Познакомился с разными профессионалами в деле принудительного законодательства и поглазел на студенточек. О, там есть еще несколько очень привлекательных девчушек, Ник.

— Забудь об этом, Гас. Они слишком хороши для тебя.

— Ага, но там есть еще огромное множество более дряхлых мужиков, которые, как ты знаешь, преподают им.

— Что ты выяснил?

— Я все разузнал об одном мертвом профессоре психологии. Ноа Голдштейн. Умер от многочисленных ранений в сентябре 1977 года. И догадываешься, что?..

— Что? Она прикончила его?

— Не могу этого доказать, сынок, но они были знакомы. Доктор Ноа Голдштейн был академическим советником молодой Кэтрин Трамелл.

— Она входила в число подозреваемых?

— Не-а. Нет, сэр. Они даже не брали показаний у мисс Кэтрин Трамелл. У них не было подозреваемых. Ни у кого не было зуба против доктора Голдштейна. Никто не был арестован. Вообще ничего. Дело до сих пор открыто... вот такая удача. Так что, напарничек, есть только холодные следы.

— Это дело может быть связано с убийством Джонни Боза?

Гас вытянул шею и уставился на информацию, высвеченную на экране компьютера.

— Ба, Бог ты мой! Хейзл Добкинз!!! А мы-то с тобой беседуем о холодных следах. — Он жалостливо посмотрел на Ника и покачал головой. — Огромное спасибо, сынок. Я ничего не слышал о Хейзл вот уже многие годы.

— Ты знаешь ее? — Гас фыркнул: — Знаешь ее? А то! Я не мог вышвырнуть ее из своей головы долгие годы. Прекрасная маленькая домохозяйка... три маленьких ребенка... замечательный муж, который не ходил по сторонам. Никаких финансовых проблем. Никаких признаков умственного расстройства. Ничего.

— И?

— И в один прекрасный день малышка Хейзл просы-

пается, выходит на свежий воздух, смотрит на чистое голубое небо, и ей приходит в голову прикончить их всех. Понимаешь, *всех*! Она воспользовалась...

— Ножом для колки льда?

— Опустись на землю, сынок. Она воспользовалась разделочным ножом, полученным в подарок на свадьбу. Первым прикончила муженька. Разделала его, как индейку ко Дню Благодарения. Потом угробила троих своих детишек. Когда она закончила свою работу, все вокруг напоминало бойню.

— О, Боже!

— Иисус не прикладывал к этому делу своей руки, Никки. Когда Хейзл вырезала всю семью, то вызвала полицию, и та обнаружила ее сидящей в жилой комнате с ножом в объятиях. Ничего не отрицала, никаких признаков безумия. Вообще ничего.

— Но почему? *Почему* она это сделала?

Гас Моран пожал плечами:

— В том-то и вся заковыка, Ник. Никто этого не знает. Ни один психоаналитик не смог найти этому объяснений. И только Богу это известно; сама же Хейзл растолковать этого не в состоянии. Она сказала, что *не знает*, почему.

— Невероятно.

— Конечно. Ты ведь тоже не можешь объяснить, какого черта ты тут делаешь, выпытывая из машины данные о Хейзл?

Ник быстро рассказал о своей слежке за Кэтрин Трамелл и о ее контакте с Хейзл Добкинз.

— Черт возьми, — вздохнул Гас Моран, — с неплохими людьми она водит дружбу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На следующий день, сразу после полудня, Ник Карран вновь появился у ее пляжного домика. Кэтрин Трамелл, ответившая на его звонок в дверь, была одета в крохотное плотно облегающее черное платьице. Ткань обтягивала ее тело как вторая кожа, прекрасно оттеняя золотистые волосы и глубокие голубые глаза.

— Привет, — просто сказала она.

— Я не очень побеспокоил тебя?

— Да нет.

— Конечно, это был глупый вопрос. Ведь ничто на свете не может тебя обеспокоить?

— Почему ты не заходишь?

Она шире открыла дверь и прошла внутрь дома, приглашая его последовать за собой. Ник Карран направился за ней следом, не спуская глаз с того, как под платьем двигаются ее тугие, крепкие ягодицы.

В комнате все было точно так же, как и в прошлый раз, когда он сюда наведывался. Все, кроме одной детали — количество газетных вырезок на столике увеличилось и переросло в полную медиа-историю тернистой карьеры Ника Каррана, детектива департамента полиции Сан-

Франциско. Она взяла со стола одну из вырезок, взглянула на нее и продемонстрировала ему. *«ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПЕРЕСМАТРИВАЮТ ДЕЛО КОПА-УБИЙЦЫ»* — гласил заголовок.

— Я использую тебя в своем детективе.

— *Твоем* детективе?

— В моем детективе, в моей книге. Надеюсь, что тебе это безразлично. *Тебе* ведь это, правда, безразлично?

— Ха, будто есть какая-нибудь разница, безразлично мне или нет. Разве я не прав?

Она улыбнулась и ушла от вопроса так же, как боксер уходит от серии ударов.

— Хочешь выпить? Я как раз собиралась немного выпить.

— Нет, спасибо.

Она кивнула самой себе:

— Так и есть, я совсем позабыла. Ты ведь отказался от всех своих привычек. Ни шотландского виски, ни «Джека Даньелза». Ни сигарет, ни наркотиков... — Кэтрин улыбнулась ему через плечо, — ...ни секса?

Она не стала дожидаться ответа и прошла к бару — набор бутылок с различным содержимым стоял на куске мрамора, там же, в пустой раковине, находился осколок льда.

— Я хотел бы задать тебе несколько вопросов, — тихо сказал Ник.

Она взяла в руки нож для колки льда и принялась обтесывать глыбу.

— У меня тоже есть несколько вопросов к тебе.

— Неужели?

Она колотила по глыбе, которая под ее ударами тут же закрошилась, и осколки разлетались во все стороны.

— Это для моей книги.

— У тебя есть что-нибудь против кусков льда?

— Мне нравятся неотесанные края.

Она продолжала колотить по глыбе, раскалывая ее на мелкие кусочки. Она поднимала руку вновь и вновь, снова опускала ее вниз, вкладывая в каждый удар всю свою силу.

— О чем ты хотела меня спросить? — поинтересовался он.

Теперь она уже закончила со льдом, отложила в сторону нож для его колки, кинула в стакан горсть ледяных кубиков и залила их «Джеком Даньелзом».

— Скажи мне, Ник, какие чувства испытывает человек, убивший другого человека, — спросила она тем же тоном, каким один домовладелец спрашивает другого: «Слушай, а что ты делаешь, чтобы избавиться от ненужной травы?»

— Какие чувства?.. А почему ты не оценишь их сама?

— Они мне неизвестны. Зато ты их знаешь. Что ты чувствовал? Могущество? Скорбь? Усталость? Бодрость? Или смесь всех этих эмоций? Или же что-то другое? Что-то, чего ты никогда не можешь испытать, прежде чем не убьешь другого человека?

По его лицу пробежала гримаса отвращения — и к ней, и к самому себе.

— Это произошло случайно. Они попали в поле огня... Убийство никогда... Это, действительно, произошло случайно. Вот и все.

— А следствием чего стала такая ирония судьбы? Почему все это приключилось? Может, у тебя был просто зуд, тебе, быть может, самому хотелось нажать на спусковой крючок?

— Все это произошло случайно, — горячо настаивал Ник. — Я тайно следил за торговцами наркотиками. Тут все и произошло.

— Просто так? Из ничего?

— Ага. Ты такого не можешь запланировать. Никаких убийств подобного рода во время продажи наркотиков предварительно запланировать невозможно... Ни...

— Ты имеешь в виду Джонни?

— Я хотел сказать о профессоре Голдштейне. О Ноа Голдштейне. Тебе известно это имя?

— Это имя из далекого прошлого Ник. Это было четырнадцать лет назад.

— Так ты хочешь имя из настоящего? Как тебе нравится такое: Хейзл Добкинз?

Она, не отрывая глаз от его лица, глотнула из стака-

на. Ее кожа была настолько белой, настолько светящейся, что он мог не только представить, но почти увидеть коричневую жидкость, когда та скользила по ее привлекательной гортани.

— Добкинз? Голдштейн? С кого лучше начать?

— Давай, начнем с Голдштейна.

— Ноа был моим наставником, когда я училась на первом курсе. — Она улыбнулась. — Ты знаешь, возможно, именно тогда у меня запала идея использовать в своей книге нож для колки льда. Для моей книги. Смешно, но все-таки как сработало подсознание!

— Действительно, очень смешно.

— Наверное, мне следовало бы сказать, как специфично срабатывает подсознание. Так?

— А Хейзл Добкинз? Что с ней?

Кэтрин мгновение колебалась.

— Хейзл — моя подруга, — наконец ответила она.

Ник Карран вспомнил слова, произнесенные Гасом Мораном предыдущей ночью: «Черт возьми, с неплохими людьми она водит дружбу».

— Подруга, значит?.. Твоя подружка прикончила целую семью. Троих детей!

— Она была арестована, осуждена и отсидела свой срок в тюрьме. И ничего предосудительного за последние лет тридцать пять не совершила. Как говорят, Ник, она реабилитировала себя. Или скажу по-другому, так, как предпочитают копы: «Она оплатила свой долг перед обществом».

— Я ничего не имею против ни одного из этих двух определений. Все, что я хочу знать, так это — *почему*. Почему она — твоя подруга? Или, может, ты коллекционируешь этих ненормальных?

— *Она вырезала* всю свою семью! Она помогла мне понять, что из себя представляет импульс, побуждающий к убийству.

— Но ведь *она не знает, почему* это сделала!!!

— Слушай, Ник. Мне пришло в голову, что тебе не совсем по душе круг моих друзей...

— А мне пришло в голову, что ты намного больше узнала об «импульсе, побуждающем к убийству» в своем

университете. Ты должна была проходить такие вещи в Беркли.

— Нам преподавали только теорию. — Она сделала глоток из стакана и посмотрела на Каррана поверх стеклянного края. — Конечно, ты-то все знаешь о побуждающем к убийству импульсе. И не в теории, а на практике. Ты ведь все знаешь о нем. Не так ли... А, Стрелок?

— С-стрел-лок?

— Что случилось, Ник? — мягко спросила она. — Ты что, тогда насосался? И тебе это *понравилось*?

— Никому это не может понравиться. Никому, находящемуся в здравом уме.

— А тебе? Ты-то был в здравом уме? Расскажи мне о кокаине, Ник. В тот день, когда ты подстрелил парочку туристов... сколько кокаина ты принял в тот день? Или в ночь перед тем днем? Какой дозе ты обычно отдавал предпочтение? Четверть грамма? Половину? Или, может, целый грамм? Довольно крутой парень!

Чем мягче становился ее голос, тем больше яда, казалось, содержалось в произносимых ею словах.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. И сомневаюсь, что ты сама отдаешь себе отчет. Ты — просто богатенькая девочка, любящая поиграться в игры. Ты ведь говорила, что тебе нравятся забавные игры?

Теперь она была ближе к нему. Стакан с выпивкой был уже отставлен в сторону.

— Мне ты можешь признаться, Ник. Ты ведь был пьян, Ник? Ты не отдавал себе отчета? Ты был настолько пьян, что идея застрелить пару мирных граждан пришлась тебе по душе. Ведь так? Ты ведь был возбужден? Или у тебя дрожала рука? И *это* послужило причиной происшествия. Происшествия, в результате которого тебя должны упечь за решетку или, по крайней мере, вышвырнуть со службы. Но все происшедшее оказалось случайностью. Тебе не в чем себя винить. Это — просто ошибка. Нелепая случайность.

— Я был трезв, — запротестовал он. — Там даже поблизости не было никого в гражданской одежде. Это *действительно было* случайным. Наркотики фигуриро-

вали, но я покупал их, а не пользовался ими. Ты понимаешь?

Она положила свою нежную руку ему на щеку и ласково, как кошку, погладила ее.

— Ты можешь мне признаться, Ник, — произнесла она. Ее голос был гладок как сатин и соблазнителен.

Он грубо схватил ее за руку:

— Я не пользовался наркотиками.

— Ага. — Она была близка к нему как никогда, он мог ощущать ее дыхание на своем лице, смаковать его. Оно было сладким как духи, которыми она пользовалась. — Они ведь не проверяли тебя. Так? Но Внутренней службе это известно. *Они знают все.*

— Если бы Внутренняя служба что-нибудь знала, она...

— И жена твоя все знала, ведь правда? — Ее голос стал бархатным. — Она ведь знала, что происходит. Никки слишком близко подошел к огню. И Никки это понравилось. Я права?

У Ника вышло терпение. Он сильно дернул ее за руку и вывернул за спину. Острая боль пронзила ее плечо. Затем он притянул ее к себе. Кэтрин была невозмутима. Их глаза так и сверкали и, казалось, пробуравливали взглядом черепа друг друга до самых мозгов.

— Никки понравилось это, — прошептала Кэтрин Трамелл. — И жена Никки не смогла этого вынести. Вот почему она покончила с собой.

Температура в комнате изменилась. Дверь распахнулась — в проходе стояла Рокси. Волосы на ее восхитительной голове были связаны в тугой узел. Она с головы до ног была одета во все черное: черная кожаная мотоциклетная куртка поверх черной майки, черные джинсы ниспускались к черным сапогам. И она смотрела черным взглядом в сторону Ника.

Кэтрин Трамелл освободилась из весьма не нежных объятий Ника.

— Привет, дорогая, — весело бросила она точно тем же тоном, которым домохозяйки приветствуют своих вернувшихся с работы мужей. Она подошла к Рокси и легонько поцеловала ту в губы. Это могло быть просто

проявлением моды — ничего не стоящее приветствие в духе Европы. Она обвила своими руками стройные плечики Рокси. — Вы ведь уже знакомы, не так ли?

Ник ничего уже не слышал. В его мозгу закипала красным пламенем злоба, и сквозь подернутые облачной дымкой картины жестокого убийства, случайного греха и сильного влечения ясно вырисовывалась одна: Кэтрин Трамелл должна быть незаурядной женщиной, не являющейся, правда, провидицей. Она не смогла бы узнать все то, что ей известно на этот момент, с помощью простой логики. Здесь надо владеть нечто большим, нежели только степенью бакалавра психологии, полученной в Беркли, — необходимо быть всеведущим. Ник осознал, что его кто-то просто-напросто *продал.*

Он промчался мимо Рокси и Кэтрин, унося с собой весь свой внутренний жар, белый и горячий, как сверкание магнезии.

— Ты ведь не покинешь нас, Ник? — спросила Кэтрин. Ее нежность являла собой саму невинность.

— Дай ему уйти, моя сладенькая, — проворковала Рокси.

Ник никак на все происходящее не отреагировал, его лицо было неподвижно и напряжено, словно древняя маска. Он прошел сквозь дверной проем и по дороге даже не оглянулся на них.

— Ник, этак ты и в аварию можешь угодить, — крикнула ему на прощание Кэтрин.

Он не откликнулся. Сейчас его больше интересовали факты, а не праздные предположения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Скорее всего, Ник Карран установил своего рода рекорд по скорости передвижения из Стинсона в пригородные районы Сан-Франциско. Пока он несся во всю мощь по хайвею, его мозгом владела одна-единственная мысль: кто-то предал его, кто-то продал его со всеми потрохами Кэтрин Трамелл. Он не знал, *почему*, но у него была мыслишка насчет того, *как*.

Копы ежедневно используют в своей работе данные, полученные от информаторов. На самом деле очень редко бывают такие дела, когда та или иная часть информации не покупается или не вымогается с помощью шантажа у осведомителей. Копы типа Ника имеют по несколько дюжин стукачей и филеров среди торговцев наркотиками, членов различных банд, вьетнамских шаек, ямайских вооруженных групп, китайских «тонг». Незатруднительное получение информации — один из основных принципов, на которых зиждится любая полицейская работа. Уголовники доносчиков не жалуют, впрочем, как это и не странно, ненавидят их и копы. Возможно, признание схожести, существующей между жизнью вне закона и работой по его охране (и то и другое

— братства со своими собственными кодексами чести кредо и табу), и служит причиной такого отношения к предателям. Несмотря на то, что копы опираются на информаторов, их разделяет пропасть презрения и пренебрежения. Вот почему сама мысль о том, что кто-то продал его, показалась Нику прежде всего постылой.

Он выскочил из лифта на десятом этаже здания главного полицейского управления и ворвался в приемную кабинета Бет Гарнер. Ее секретарша тут же отбросила в сторону свою машинопись и сделала попытку пресечь вторжение Каррана в гарнеровский офис.

— Она разговаривает по телефону. Она обязательно примет вас, детектив Карран. Я сейчас дам ей знать, что вы здесь.

— Не утруждай себя, — рявкнул Ник. — Я войду сам. — Он почти вышиб дверь кабинета. Карран был на взводе, достаточно зол, чтобы кого-нибудь тут же прикончить.

Он вырвал из рук Бет Гарнер телефонную трубку и с силой швырнул ее на рычаг. Затем он наклонился над рабочим столом, пока их лица практически не соприкоснулись. У нее еще сохранилась в памяти их последняя встреча, и она в ужасе отшатнулась от него.

— Кто имеет доступ к моему делу?

Бет Гарнер побледнела:

— О чем ты, Ник? Что на тебя нашло? Что случилось?

Слова Ника были отрывисты и четки, в его голосе скрежетал металл и сквозила враждебность:

— Кто имеет доступ к моему, Богом проклятому, делу?!!

— Ник...

Карран схватил ее за тонкие плечи и грубо вытащил из кресла:

— Только не надо принимать невинный вид. Не надо морочить мне мозги об этой дерьмовой конфиденциальности между доктором и пациентом. Я спрашиваю тебя еще раз и надеюсь, что наконец получу ответ: кому ты передала мое дело?!

Ему не пришлось угрожать ей. Она слишком хорошо знала, каков он, если его разозлят.

— Никому, — ответила она. Ей не удавалось посмотреть ему в глаза.

— Я предупреждаю тебя, Бет!

— Это конфиденциальные психиатрические записи, Ник. И было бы незаконным пе...

— Я уже сказал тебе, что эту чушь слушать не собираюсь.

— Но это — *правда*!

Он покачал головой:

— Нет, это неправда... Нет, Бет. Не надо мне лгать.

— Ник я...

— Здесь замешана Внутренняя служба, не так ли? — внезапно спросил он. — Внутренняя служба заявилась к тебе и намолотила такой чепухи, что ты попалась на крючок, леску и грузило? Это так?!

— Ник, они сказали мне, что...

— Кто? — заорал Ник. — Кто «они»?!! Бет!

Она тяжело сглотнула.

— Нилсен, — выдавила Гарнер.

— Вот и все, что я хотел услышать от тебя, Бет.

Минутой позже Ник Карран ворвался в отделение Внутренней службы, произведя при этом эффект разорвавшейся бомбы. Он с аккуратностью управляемого электронным мозгом реактивного снаряда преодолел выстроенные в линию столы, направляясь прямо на Нилсена. Жирный детектив сидел, покоя свой зад на мягком кресле, его взгляд был прикован к свежему полуденному выпуску «Экзаминер», чашечка кофе направлялась к его губам.

Ник одним движением руки вырвал из рук Нилсена газету и чашку с кофе, содержимое которой тут же оказалось на грязной поверхности стола и мятом костюме борова-полицейского.

— Карран, твою мать! — Нилсен выскочил из кресла, его лицо приобрело от злобы багровый оттенок. — Что за черт...

Ник оказался уже рядом с ним. Он схватил толстяка за лацканы пиджака и отшвырнул к стене. Карран был вне себя, на волоске от потери контроля:

— Ты продал ей мое дело, не так ли, сукин сын?!!

Нилсен заглянул в глаза Ника и увидел, там слепую ярость. Им овладел ужас:

— О чем ты говоришь? Ты, что, черт возьми, сошел с...

Ник снова швырнул Нилсена, голова жирного копа ударилась о стену. Остальные офицеры, находившиеся в комнате, были еще парализованы происходящим, но через мгновение уже неслись на помощь своему собрату.

— Сколько она заплатила тебе, ублюдок?

Один из следователей Внутренней службы схватил Ника за плечо, стараясь оторвать его от Нилсена. Ник отшвырнул следователя в сторону, будто тот был не сильнее маленького ребенка. Карран схватил мертвой хваткой оплывшую жиром шею Нилсена и сдавил ее:

— *Сколько она тебе заплатила?*

Нилсен не смог бы ответить ему, даже если бы очень захотел. Сильная рука Ника перекрыла ему доступ кислорода, и глаза детектива уже вылезали из орбит. Его лицо побагровело.

— Карран! — завопил один из копов. — Карран, Бога ради, ты сейчас прикончишь его.

Ник не обратил на этот вопль никакого внимания. Его хватка крепла. Он был слеп ко всему, кроме полного ужаса багрового лица перед собой, и чувствовал, как в нем нарастает миротворящее удовольствие, наслаждение от возможного убийства. Комната и люди в ней остались совсем далеко. Все, что имело сейчас значение для Ника, это ненависть. Ненависть управляла им.

Затем он внезапно вернулся к реальности, и это возвращение было вызвано холодным, безошибочно весомым присутствием дула револьвера, с нежностью приставленного к его голове чуть позади правого уха.

— Освободи его! — холодно произнес один из копов. — Освободи его, Карран. И делай это спокойно и ласково.

Ник остыл, но его хватка ослабла ровно настолько, чтобы позволить Нилсену сделать один судорожный вздох. Карран посмотрел через плечо. Он полностью

освободил Нилсена, и тот сжался, кашляя и давясь воздухом, растирая ладонями свою онемевшую шею.

Коп, приставивший к голове Каррана револьвер, заговорил снова, его голос звучал все так же холодно:

— Теперь, если у тебя и у Нилсена существуют какие-то расхождения во мнениях, советую вам разрешать их вне офиса. О'кей? А сейчас, Карран, убирайся отсюда. Ни слова! Никаких веселых трюков! Просто развернулся и убрался. Понял?

— Понял, — здраво сказал Ник.

— Ну и хорошо. Теперь пошел.

Ник Карран развернулся и твердой походкой двинулся на выход, не обращая внимания на тупорылые оружейные дула, все еще направленные в его сторону.

Как бы там ни было, Нилсен не был столь спокоен. Он немного оклемался, хотя его лицо все еще сохраняло печать боли, сломленной гордыни и ярости.

— Ты сам себе подписал приговор, Стрелок! — заорал он в спину Ника. — Слышишь? Ты теперь вне игры! Считай, что тебя уже вышибли из департамента, даже если это и будет моим последним делом! *Ты — вне игры!*

Ник, казалось, не слышал слов взбешенного копа, а если и слышал, то уж не подавал вида.

Чтобы облететь весь департамент, новости о схватке между Ником Карраном и Нилсеном не потребовалось много времени. Копы любят слухи, как никто другой. Гас Моран был встревожен, когда узнал о происшедшем. Одно дело затеять междоусобицу с другим полицейским — пускай он хоть и высшего ранга, вроде Толкотта, — и совсем другое дело настроить против себя всю Внутреннюю службу. Если парни из Внутренней службы захотят, то они, без сомнения устроят тебе невыносимую жизнь. Это их работа — вышвыривать копов со службы. И Ник после своих предыдущих выходок уже оказался на очень тонком льду. А сейчас, похоже, ему осталось сделать один-единственный, последний шаг, чтобы провалиться в холодную воду расследования случившегося.

Гас догнал Ника, когда тот выскочил из здания и понесся на стоянку автомобилей. У Морана не было сомнений, куда отправился бы нормальный коп после столкновения с Внутренней службой, — в любой ближайший бар, за исключением «Тен-Фор». Но с такой сумасшедшей собакой, каковой являлся Карран, не было абсолютно никакой уверенности, куда он направится после происшедшего.

— Ник! Ник! Обожди! — К тому времени как Гасу удалось догнать своего напарника, он уже задыхался от одышки и еле волочил ноги — прямой результат слишком большого количества выкуриваемых сигарет и выпиваемого пива. — Что за дьявол происходит вокруг, сынок? Здание управления шумит, как встревоженный улей, все говорят, что ты пытался убить Нилсена. Да к тому же прикончить его голыми руками. Тебе надо бы либо все-таки следить за своим нравом, либо не вылезать из ванны с горячей водой.

Ник глубоко вздохнул. Он не мог сердиться на Гаса Морана. Тот был единственным человеком в департаменте, который действительно беспокоился о нем.

— Да ладно, не принимай это близко к сердцу. Ничего серьезного не произошло. Со мной все будет о'кей.

Гас Моран уныло покачал головой:

— Нет, сэр. Не-а, не будет с тобой «все о'кей». И ты прекрасно знаешь это, да и я знаю. Им очень захочется прибрать к рукам твой значок.

— Что ж, может, им это и удастся.

— Ник, ты не должен этого допустить.

Плечи Каррана тяжело опустились, его захлестнули усталость и безысходность:

— Я не осознаю, что делаю. Все, что я знаю, так это то, что я последний дурак и слишком утомлен всеми этими играми.

Гас только улыбнулся ему своей кривой усмешкой:

— И ты знаешь, что? Из того, что я слышал, я понял, что ты убедительно продемонстрировал то, о чем говоришь.

— Она знает, Гас.

Не было необходимости уточнять, кто «она». Они оба знали, что Кэтрин Трамелл приносит одни только неприятности.

— Знает? Что знает? Она только забивает тебе мозги, сынок. Позабудь об этом.

— Она знает, где я жил. Ей известно, как я жил. Она внутри моей головы. Она ходит по моим следам, и я уже почти готов для нее.

— Что между вами происходит?

Какое-то мгновение Ник Карран боролся со своими страхами и страстями и висевшими над ним чарами Кэтрин Трамелл. Задолго до того, как он осознал это, она оказалась под его кожей, раздражая, подтачивая что-то в глубинах его души. Он пожал плечами и почти улыбнулся:

— Не знаю. Я даже не знаю, что за галиматья происходит со мной.

— Но что-то, *что-то* ведь происходит?

— Угу. Вот именно — что-то.

Гас Моран обнял свободной рукой плечи своего напарника:

— Ну и черт со всем этим. Возьму-ка я свободный день. И позволь мне угостить тебя выпивкой.

— Не-а, не надо. Мне надо бы куда-нибудь пойти и все хорошенько обмозговать.

— Только не надо для этого ехать в Стинсон. Не надо, Ник.

— Да нет, не беспокойся. Не буду.

Ник собрался уходить.

— Эй, сынок, сделай мне одолжение.

Ник остановился и наполовину обернулся к своему напарнику:

— Все, что в моих силах, Гас.

— Будь осторожен.

Ник Карран улыбнулся:

— Ну, *почти* все, что в моих силах, Гас. Но только не это.

Моран усмехнулся:

— Угу. Вот это я и имел в виду. Знаешь, Ник, с тобой происходит нечто, что я никогда не предполагал, что может случиться.

— Правда? И что же это?

Гас Моран широко улыбнулся:

— Твоя иррациональность. Она становится слишком очевидной.

Звуковая дорожка взорвалась истерическим смехом, веселясь до конвульсий над чем-то происходившим на экране телевизора Ника. Он сидел в кресле перед приемником, задумчиво уставившись на разворачивающееся на экране действие «сит-ком»[1]. В руке у него, как у маленького ребенка, была зажата бутылка «Джека Даньелза», в зубах — сигарета. Пепельница на подлокотнике кресла была с верхом наполнена окурками, бутылка к тому времени — полупуста.

Со стороны могло показаться, что Ник пристально следит за действием шоу, с трудом врубаясь в сложные перипетии сюжета, как будто оно было зарубежным кинофильмом с субтитрами, а не получасовой программой с солеными шутками и записанным на пленку шумным весельем в зале. Действительность состояла в том, что он вовсе не следил за происходящим на экране. Он никогда не смог бы вам объяснить, что именно вызывало за кадром такую бурю смеха. Он не знал даже, как называлось это шоу — так глубоко он был погружен в свои думы.

Будто ослабляющий яд Кэтрин Трамелл впрыснула себя саму в его кровь, оккупировав с этими потоками все частицы его тела. Его замешательство, его дезориентация в окружающем напоминали лихорадку; он с кристальной четкостью, как наяву, но в то же время и с фантастической дымкой нереальности представлял себе живописнейшие картины. Он видел себя, занимающегося с ней любовью, страстной и нежной. Он видел себя, убивающего ее, хладнокровно стреляющего в нее из своего револьвера тридцать восьмого калибра. Он видел себя сразу в двух ипостасях...

Он не отдавал себе отчета, как долго кто-то колотил в его дверь, и с трудом смог пошевелить мускулом, услышав окликавший его голос Бет Гарнер:

[1] Комедия ситуаций, телесериал, объединенный общими персонажами, попадающими в различные забавные ситуации, каждая из частей которого — законченная история.

— Ник. Ник! Я знаю, что ты там. Открой, пожалуйста, дверь.

Карран бросил взгляд на дверь, будто он мог увидеть женщину сквозь толщь дерева.

— Уходи, Бет! Я смотрю свое любимое шоу.

— Ник! Ну, пожалуйста.

— Я не хочу видеть тебя, — грубо ответил он.

За дверью на некоторое время воцарилось молчание, и он уже подумал, что она просто-напросто ушла. Затем послышался звук, издаваемый поворачивающимся в замке ключом. Дверь распахнулась — в проходе стояла испуганная и возбужденная Бет.

— У меня все еще существует ключ, — произнесла она. Она продемонстрировала ему ключ, будто не надеясь, что он ей поверит.

Ник Карран в очередной раз затянулся сигаретным дымом. Сигарета прогорела до самого фильтра и стала обжигать ему руки.

— Я же сказал тебе, Бет, что не хочу тебя видеть. — Он достал из пачки очередную сигарету и прикурил ее. — Положи ключ и уходи отсюда.

Но даже у Бет Гарнер иногда кончается терпение. Она швырнула кольцо с ключом к его ногам.

— Да будь ты проклят, Ник! Ты не смеешь гнать меня! Слишком далеко зашли наши отношения, слишком долго ты мной обладал.

Он хладнокровно встал, осторожно отставил в сторону бутылку и поднял кольцо с пола.

— Я не обладал тобой, Бет. Точно так же, как, впрочем, и ты не обладала мной. Десять или пятнадцать раз — а что это такое? — мы залезали с тобой в постель.

— Я и не знала, что ты ведешь счет, — неожиданно сказала она.

— Не льсти себе, Бет. Это никогда не было таким запоминающимся, чтобы потом можно было испытывать чувство глубокой признательности.

Ее глаза сузились и засверкали ненавистью как факел:

— Иногда я тебя действительно ненавижу.

Ник улыбнулся, хотя в глазах его не было и следов веселья:

— Неужели? Ну, тогда почему бы тебе не найти себе какого-нибудь дружелюбного психотерапевта и избавиться от части своей враждебности? Смотри, если ты освободишься от *своих* проблем, то сможешь избежать трагедии.

— Трагедии? Черт возьми, о чем ты?

— Может, ты и поймешь когда-нибудь... до того, как в твоей постели от скуки помрет очередной мужик.

Бет вздрогнула как от удара. Его преисполненные яда, отвратительные слова на мгновение будто повисли в воздухе между ними, прежде чем вспыхнуть и сгореть как сгусток газа.

Она скривила губы и бросилась на него, скрутив руки как клешни и выпустив как когти свои красные ноготки. Он мог чувствовать, как ее сердце испускало злость, напоминавшую лаву. Она хотела выцарапать ему глаза. Она хотела почувствовать его кровь на своих губах. Она хотела причинить ему такую боль, какую он еще никогда в своей жизни не испытывал.

Ник схватил ее за запястья и припер к стене, ясно ощущая ее отвращение к себе, пульсировавшее в ее венах, бившееся в ее мускулах и сухожилиях. Она на мгновение скорчилась от боли, ее ярость загорелась таким ярким пламенем, что сожгла самое себя. Как только ее буйство вспыхнуло, так сразу же пошло на убыль, будто женщина изыскала в себе силы снова взять себя в руки. Он оттолкнул ее от себя прочь.

На мгновение она спрятала лицо в ладонях и задрожала, критически оценивая ту злобу, которую испытала долями секунды ранее: никто другой не осознает все опасности потери самоконтроля так хорошо, как дипломированный психиатр.

— Извини, — прошептала она — извини меня Я... я никогда... я обычно так не поступаю.

Ник Карран посмотрел на нее. В его взгляде читалось нечто вроде подступавшего сожаления. Он медленно кивнул головой:

— Как ты могла отдать его? Как ты могла доверить

этому подонку мое личное дело? Я доверял тебе, Бет. Ты можешь не верить мне, но это так.

— Извини, Ник. Но мне пришлось... Мне пришлось отдать ему твое дело. У меня не было другого выхода.

— Вынуждена? Не было другого выхода? Бога ради, какого выхода? Выхода из чего? Ты должна была знать, что, передавая Нилсену мое... — Он махнул в ее сторону. — Забудем. Больше это значения не имеет.

Из уголков глубоких карих глаз Бет Гарнер стекали одинокие слезинки:

— Ник, он собирался подавать рекомендацию об отчислении тебя со службы. Он поставил под сомнение мое заключение, сказал, что я была необъективна. Поэтому я и дала ему возможность взглянуть на твое дело самому. Я не могла допустить мысли, что он покажет его кому-либо другому.

На какое-то мгновение ему захотелось заключить ее в свои объятия, успокоить ее, но затем его захлестнула холодная волна затмения. Лицо Ника вновь превратилось в камень:

— Так ты сделала это для меня?

— Да, да, это так. Я заботилась о тебе. Я сделала это ради тебя самого.

— Ты что была слепа? Беспристрастность! Когда заходит речь обо мне и Нилсене, Зигмунд Фрейд не смог бы сохранить свою беспристрастность в отношении этого ублюдка. Он хотел измазать меня в дерьме, Бет, и ты послужила лучшим для этого источником. Он обманул тебя, чтобы продать меня. Он обманул тебя, и ты попалась на это.

— Ник, ну, пожалуйста...

Он повернулся к ней спиной.

— Уходи, Бет, — мягко произнес он. — Уйди, пожалуйста.

— Я надеюсь, ты...

— Иди, Бет. — Он взял в руки «Джека Даньелза» и сделал большой глоток.

Она некоторое время смотрела на него умоляющим взглядом, но сердцем понимала, что потеряла его: он

никогда не забудет ее предательства, он запомнит его на всю жизнь.

Несколькими часами позже, уже глубокой ночью, когда закончился «Джек Даньелз» и экран телевизора пропал смутным туманом статики, Ник Карран спал на своей кушетке беспокойным сном. Над его размоченным алкоголем мозгом властвовали беспорядочные видения, мертвые тела, безнадежные запои, стреляные гильзы, клубок лиц: Кэтрин Трамелл, Рокси, Гас, Бет, Толкотт, Уокер. Появлялись деформированные и искривленные картины: подвешенная в своей гостиной Кэтрин, изрезанное тело Джонни Боза со струящейся из ран кровью. Они прекрасно соперничали со сценами, бывшими чистой выдумкой: Хейзл Добкинз давным-давно убивает своих детей и мужа.

Где-то в глубине мозга он сознавал, что ему необходимо покончить с этими убийствами. Он должен забить тревогу. Затем чудотворно принялись звонить в колокола.

Его разбудил настойчивый и пронзительный телефонный звонок.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Он прыгнул к телефонному аппарату так, словно тот был своеобразной спасительной ниточкой. Услышанные слова проникали сквозь туман в его мозгах, как будто были отравленными стрелами. Ник чувствовал, как в его желудке, наподобие воды в трюме старого судна, плескался бурбон.

— Да, — смог он выдавить из себя, — о'кей.

Он не мог назвать имени говорившего с ним на том конце телефонной линии, но сразу же понял, что разговаривает с копом и этот коп обращается к нему официально. Полицейский скороговоркой произнес несколько немногословных предложений. Он объяснил Нику, что произошло и где его ожидают через пять минут после звонка.

Карран проснулся с мутной от вчерашней пьянки головой, но эффект от послания рассеял остававшиеся в нем алкогольные пары быстрее, чем летнее солнце пробивается сквозь утреннюю дымку. И хотя он таким образом и протрезвел, шок от услышанного приковал его к кровати. Прошло некоторое время, прежде чем он смог подняться на ноги и направился к двери.

На парковочной стоянке перед «Тен-фор» он обнаружил привычный для места преступления карнавал. Возможно, только суета вокруг на этот раз была несколько больше, учитывая то, что в дело был вовлечен коп. Повсюду, будто надеясь на то, что преступник вернется на место своего злодеяния, стояли полицейские «крейсера» и копы. Когда Ник выбирался из своего «мустанга», его почти сбила с ног мысль, что, скорее всего, они рассматривают своего коллегу именно в таком свете.

Уокер, Гас и группа парней из Внутренней службы стояли вокруг огромного автомобиля золотистого цвета — «линкольн-тауна». Ни один из них не выглядел осчастливленным появлением Ника — и, если уж на то пошло, он тоже не пришел в восторг от встречи с ними. Когда Ник приблизился, толпа вокруг «линкольна» расступилась, будто Карран нес с собой чуму.

Гас Моран посветил ручным фонариком на переднее сиденье этой фешенебельной машины. Внутри, развалившись, сидел Мартин Нилсен, бывший следователь Внутренней службы департамента полиции Сан-Франциско. Темная, почти черная, кровь пачкала собой велюровый подголовник, зловещим ореолом растекаясь вокруг его головы.

— Один выстрел, — пробормотал Гас. — Выстрел произведен с близкого расстояния. Похоже, из револьвера тридцать восьмого калибра.

Никому из собравшихся не требовалось объяснять, что револьверы тридцать восьмого калибра находились на вооружении сотрудников сан-францисского департамента полиции.

— Дай-ка мне твое оружие, Ник, — почти извиняясь, произнес Уокер.

— Иисус Христос, Фил, — спокойно ответил Ник, — ты же не сможешь поверить, что я...

— Просто дай мне свой револьвер, Ник. Пожалуйста.

Карран пожал плечами, вытащил оружие из подмышечной кобуры и протянул револьвер Уокеру. Шеф отдела по расследованию убийств взял его и понюхал дуло точно так же, как знатоки вина принюхиваются к винам

разных урожаев, и покачал головой. Он передал револьвер одному из сотрудников Внутренней службы.

— Ну, не так много, Ник, но из этого оружия в последнее время не стреляли.

— Ни разу с тех самых пор, как я две или, может, три недели назад стрелял на полицейском стрельбище. Я не убивал Нилсена. И ты это знаешь.

— Все, что я знаю, Ник, так это то, что он не был убит из этого револьвера. Вот все, о чем я могу сказать с уверенностью. — Уокер старался не смотреть в глаза Ника. Он повернулся к нему спиной и направился к своему собственному автомобилю.

Карран переводил взгляд с лица на лицо и удалявшуюся фигуру Уокера:

— Вы думаете, я...

— Я так не думаю, сынок, — признался Гас. — Но должен сказать тебе, что, судя по всему, мое мнение здесь в явном меньшинстве.

Вперед вышел лейтенант Джейк Салливан — тоже сотрудник Внутренней службы и без пяти минут такая же задница, каковой являлся покойный Нилсен. На его лице почти было написано: «Я здесь главный».

— Карран, ты сейчас должен направиться в главное управление. Там у нас с тобой будет небольшая беседа. — Голос Салливана с головой выдавал, что он не приглашает Каррана на светскую беседу за чашечкой кофе.

— Я — подозреваемый, Салливан?

— Может быть.

— Что ж, тогда зачитайте мне мои права и арестуйте. — Ника удивило, что он произнес почти те же слова, которые когда-то говорила ему Кэтрин Трамелл.

Салливан пожал плечами:

— Если ты, Карран, хочешь, чтобы мы поступили подобным образом, то мы найдем возможность принудить тебя.

— Это доставит нам удовольствие, — признался Морган, еще один ублюдок из Внутренней службы.

— Ладно тебе, Ник, — произнес Гас Моран, вставший между своим напарником и двумя копами. — Сделай

себе же лучше хоть раз в жизни. Просто начни сотрудничать с двумя этими парнями.

На какое-то мгновение показалось, что Ник потребует свое гарантированное конституцией право на адвоката и наручники, но для копа не было большего унижения, чем это и, кроме того, он не был готов к такому повороту дел.

— Я последую твоему приказу, Салливан. Последую просто для того, чтобы доказать тебе, что я готов сотрудничать с властями, как и любой другой добропорядочный честный и прямой гражданин.

— Это хорошо.

— И чтобы доказать тебе, что я не убивал эту... — Он кивнул в сторону трупа Нилсена — ...этого полицейского офицера.

— Ничто другое не смогло бы доставить мне такого удовольствия, — произнес Салливан, но никто не поверил, что он говорил правду.

Они провели Ника в ту же самую комнату для допросов, где когда-то задавали вопросы Кэтрин Трамелл. Уокер, Толкотт и Гас Моран были также здесь, но они сидели на заднем плане, в то время как Салливан и Морган заняли центр, оставив Каррану третий уровень. Все собравшиеся прекрасно сознавали, что это представление дает Внутренняя служба и именно она либо пригвоздит, арестует Ника, либо отправит его в отставку по состоянию здоровья.

— Ты ведь недолюбливал Марти Нилсена, не так ли, Карран? — спросил Морган таким тоном, будто был уверен, что делает удачный ход в горячих состязательных дебатах.

— Это всем известно. Я предполагаю, что есть люди, которых и ты, Морган, недолюбливаешь. И, думаю, существует множество людей, которые недолюбливают тебя.

— Это не касается дела.

— Ты набросился на него вчерашним днем — вступил в допрос Салливан — прямо на виду дюжины полицейских офицеров.

— Так точно. Ну и что?.. О'кей. Да, я поссорился с ним... и вышел из себя.

— Может, ты никогда и не был в себе? Может, ты дожидался Марти перед входом в «Тен-Фор» и выпустил потом в него пулю? Быть может, ты решил отомстить ему за то, что он так сильно тебя раскритиковал? Ведь такое возможно, не правда ли?

— Я ничего не говорил о том, что он меня критиковал. Я, Моран, лишь несколько жестко поставил его на место.

— Что же тогда происходило под твоим черепом? — спросил Салливан. — Отчего ты ненавидел его до такой степени?

— Я не ненавидел его. Но... Послушай, Нилсен забрал у психиатра мое личное дело. То самое личное дело, которое департамент завел на меня сразу после того, как я прикончил тех двух туристов.

Толкотт вздрогнул. Он не любил, когда так грубо говорили о таких ужасных вещах. Он куда более предпочитал те клинические термины, которыми пользовалась в работе Бет Гарнер, — травма или происшествие, случай.

— Все это чепуха! — взорвался Морган.

— Я знал, что он это сделал. Но более того, он использовал мое дело. Он показал его кому-то вне департамента. Он использовал мое личное дело против меня самого.

— У тебя есть какие-нибудь доказательства, что он действительно это сделал? У тебя есть свидетели, что он действительно показывал кому-нибудь конфиденциальные психиатрические документы? У тебя есть какие-либо доказательства, что у него действительно *было* твое дело?

Конечно, у Ника были доказательства. У него было множество доказательств. Но если бы он сказал им о Кэтрин Трамелл, о ее сверхъестественных возможностях проникновения в его мозг и манеры, они уверятся, что он полностью врет. Если он скажет им, что Бет Гарнер имела тупость отдать его личное дело Нилсену, он подставит ее, она попадет в беду. Оставалось единственное: врать.

— Я спрашиваю у тебя про доказательства, Карран. У тебя есть доказательства?

Карран покачал головой:

— Нет. Нет у меня нет никаких доказательств.

— Значит, у тебя нет ничего, — подытожил Морган.

— Кроме того, что я не до такой степени сошел с ума, чтобы сначала затеять с кем-то драку, а несколькими часами спустя пристрелить этого человека из револьвера тридцать восьмого калибра. Этого достаточно для возбуждения уголовного дела, а?

— Не совсем. Люди иногда совершают сумасшедшие поступки. И тебе это известно, Карран.

Дверь в комнату допросов распахнулась, появилась Бет Гарнер. Под глазами у нее были темные круги, словно ночью она не смыкала глаз, а не была разбужена плохими новостями. Она взглянула своим обеспокоенным взглядом на Ника Каррана.

— А вот как раз и эксперт по людям, совершающим сумасшедшие поступки, — констатировал Морган.

Личный психоаналитик Каррана была самым последним человеком, которого хотелось бы увидеть Салливану.

— Если вы не возражаете, доктор Гарнер, мы бы побеседовали с вами несколько позже.

— Я бы предпочла остаться. Мне думается, я смогу чем-нибудь помочь.

— Я действительно...

Сколь это ни странно, но это был именно Толкотт, кто сдвинул дело с мертвой точки. Действительно, много лучше представить Ника Каррана свихнувшимся копом, чем допустить появление слухов о том, что один из сотрудников департамента полиции Сан-Франциско хладнокровно убил своего собрата-офицера.

— Я думаю, что не произойдет ничего страшного, если доктор Гарнер останется, ведь Ник Карран — ее пациент.

Ник усмехнулся:

— Мне это безразлично.

Бет Гарнер кивнула и, взяв стул, уселась, встревоженная и возбужденная.

— Где ты был вчера вечером? — задал вопрос Морган.

— Дома, — ответил Ник. — Я смотрел телевизор.

— Всю ночь напролет?

— Ага.

— А что именно ты смотрел?

— Не знаю. Какое-то дерьмо. — Он с трудом вспомнил, что телевизор у него действительно работал, но никак не мог вызвать в памяти, что за программы были на экране.

— Ты пил? — спросил Салливан.

Глаза Каррана устремились на Бет.

— Да, я выпивал.

Салливан нахмурился:

— А мне-то казалось, что ты давненько не выпивал.

— Да, я не пил достаточно долгое время. Несколько месяцев я не брал в рот ни капли. Но теперь, приходя домой, я делаю несколько глотков. И вполне удерживаю себя в рамках. Я не пью, когда не хочу этого делать. Я не пью во время работы, как любой честный полицейский.

— Но ты *пил?*

— Я только что ответил, что да.

— Как много?

— Несколько глотков. Как и сказал.

— Когда ты снова начал выпивать? Ты ведь воздерживался от выпивки так долго.

— Я занялся этим несколько дней назад. Я прекратил пить, потому что мне этого хотелось. Потом снова начал, потому что вновь захотел. У вас что, какие-нибудь проблемы с этим, а, лейтенант?

— Нет никаких проблем. Просто ты столько времени не насыщал себя и вдруг снова пристрастился и тут же сделал нечто дикое. Вот и все.

В разговор встряла Бет Гарнер:

— Я видела детектива Каррана у него дома в районе десяти часов вечера. Он был трезвым и вполне нормальным. — Она говорила это своим лучшим, обособленным от клиники, голосом.

Салливан подозрительно разглядывал ее:

— А что это вы, интересно, делали в квартире детектива Каррана прошлым вечеров в десять часов? Если вы, конечно, захотите отвечать. Так что?

Бет раздумывала перед ответом всего долю секунды:

— Я, будучи там, выполняла свои обязанности психотерапевта департамента. Узнав о ссоре Каррана с лейтенантом Нилсеном, я посчитала, что детективу может понадобиться моя профессиональная помощь.

— Посреди *ночи?* — издевательски спросил Морган.

— Лейтенант, это происходило не посреди ночи. Я уже сказала вам, что было около десяти вечера. И что бы вы там ни подумали, смею напомнить, что по долгу службы мой рабочий день имеет продолжительность двадцать четыре часа.

— Очень выразительно, — усмехнулся Морган. — Очень преданно. И очень... удобно.

— А в каком виде предстал перед вами детектив Карран? Ответьте, доктор, — попросил Салливан.

— Как я уже сказала, он выглядел вполне нормально и был трезв. Он высказал сожаление по поводу инцидента с лейтенантом Нилсеном и уж никак не был враждебен по отношению к нему.

— Как долго вы пробыли там?

Она твердым взглядом посмотрела на Ника, поймав его глаза.

— Я пробыла у него около пятнадцати минут. Увидев, что моя помощь детективу не требуется, я ушла.

Ник отвернулся, полез за сигаретой, поджег ее и жадно запустил в свои легкие дым.

— В нашем здании не курят, — резко рявкнул Морган.

Уокер, Толкотт и Гас Моран прекрасно знали, *что именно* в ответ скажет ему Карран.

— Вы что, собираетесь обвинить меня в курении?

— Послушай Карран... — зло, наполовину приподнявшись над своим креслом, начал Морган.

Салливан оборвал его тираду:

— Я еще раз спрашиваю тебя, Карран... на этот раз для протокола: ты его убил?!

Ник ответил, ни секунды не колеблясь:

— Нет.

— Ты в этом уверен? — настаивал Салливан.

— Хватит! Один раз я уже ответил. Сначала днем я на виду у всех врываюсь в его офис, а ночью убиваю его? Называй это, как хочешь, — идиотизмом, тупостью... Но я не до такой степени туп, не до такой степени идиот, чтобы проделать такое.

— Да, то, что ты набросился на него днем, снимает с тебя обвинения в убийстве, — согласился Морган. — Считай, что ты сорвался с крючка, это дает тебе алиби.

— Впрочем, как и написание книги перед убийством какого-нибудь парня снимает обвинения в его убийстве, — провозгласил Уокер. Он обменялся взглядами и усмешками с Мораном и Карраном.

— Вы знаете, лейтенант, что у вас должны быть неопровержимые доказательства, — продолжил Ник.

Салливан и Морган поняли, что этой шутки им не понять, и им это не понравилось.

— Я что-то не улавливаю, — признался Салливан. — О чем, черт возьми, вы говорите? Какая книга?

— Забудь это, Джейк, — посоветовал Уокер. — Тебя это не касается. Эта наша общая шутка, вот и все.

— Шутка? Подстрелен следователь Внутренней службы, чтоб его черти подрали, а твой детектив из отдела по расследованию убийств, этот мешок с дерьмом, смеет шутки шутить?! Что здесь, дьявол вас раздери, происходит? — Лицо Моргана стало кроваво-красным от гнева.

Толкотт долго не раздумывал.

— Все это не смешно, — суровым тоном объявил он. Капитан встал со своего места. — Вы свободны, Карран. — Он многозначительно посмотрел на Бет Гарнер. — Ты отстраняешься от службы вплоть до принятия решения относительно результатов психиатрического исследования. — Остальное ему можно было уже не говорить, любому из собравшихся стало ясно: если психиатрическая экспертиза будет признана отрицательной, Карран вылетит со службы.

Допрос тут же был закончен. Толкотт, гордо вышагивая, вышел из комнаты, следом за ним увязались Салливан и Морган. Уокер ушел в гордом одиночестве.

Гас Моран поскреб щетину на своей щеке:

— Что скажете Ник, док, не пойти ли нам перекусить? Хорошенькую большую тарелочку старомодной полицейской жратвы: парочка яиц, сосиски, бекон. Я угощаю.

— Спасибо, Гас, но я пас.

— А вы, док?

— Я собираюсь проводить Бет до машины, Гас.

Моран пожал плечами:

— Так, понимаю, что нет, а? Ладно, пойду-ка куплю «Хроникл» и отправлюсь набивать желудок в полном одиночестве.

Он с опущенными от усталости и свалившихся на него забот плечами, тяжело переступая ногами, вышел из комнаты.

Ник Карран, взяв Бет Гарнер за руку, также направился к дверям. Даже в помещениях главного полицейского управления такого большого города, каким является Сан-Франциско, жизнь за час до рассвета затихает. В коридорах не было ни копов, ни их подопечных преступников, их место заняли несколько сторожей и уборщицы. В залах стояла непривычная тишина, нарушаемая разве что только жужжанием агрегатов, используемых для полировки мраморных полов.

Бет бросила на Ника косой взгляд, будто была не уверена в его помыслах. Карран почувствовал ее вопрос.

— Мне просто хотелось бы поблагодарить тебя. — Он говорил спокойно, его голос звучал мягко и нежно.

— Это все, что я могла сделать для тебя, учитывая те неприятности, в которые ты попал по моей вине.

— Тебе не следовало предоставлять мне такое алиби. После того, что я сказал и сделал, ты могла бы обвинить меня в пьянстве.

— А почему мне надо было бы делать такую подлость?

Ник угрюмо улыбнулся:

— Потому что я заслужил такое к себе обращение.

— Забудь это, — она тепло улыбнулась ему. — Как тебе стало известно, что Кэтрин Трамелл видела твое дело?

— Очень просто. Она знает обо мне все то, о чем я рассказывал только тебе.

Бет Гарнер покачала головой, будто не доверяя кому-то:

— Она должна из себя что-то представлять. С клинической точки зрения, я имею в виду.

— А какая она была в школе?

— Я мало ее знаю. Хотя она заставляла меня содрогаться.

Ник распахнул огромную стеклянную дверь здания главного управления:

— Содрогаться? Но почему?

Бет поежилась. Было довольно сложно сказать почему: то ли от холода, то ли от своих воспоминаний.

— Я... Я даже не знаю, почему. Это было так давно. Я и вспомнить-то не могу, почему.

Они остановились около ее автомобиля.

— Ник, тебе нужно немного отдохнуть. Пообещай мне, что сделаешь это.

— Обещаю.

Она быстро и нежно поцеловала его в щеку.

— Ну, вот и хорошо. — Она принялась рыться в поисках ключей от машины, нашла их и открыла дверцу. — Иди домой, Ник. Несколько часов поспи. И ты будешь чувствовать себя намного лучше.

Но было нечто другое, чем он мог заняться сразу после их прощания и что наверняка улучшило бы его самочувствие и настроение.

— Бет, я совсем не имел в виду то, что сказал тебе. Сказал о...

Она подняла руку, чтобы остановить его:

— Конечно, это так. Я уже не девочка. Я способна такое выдержать.

— Бет...

— Иди домой, Ник.

Он стоял на парковочной стоянке и ждал, пока она не уедет. Он не пошел домой. Он дождался, когда она пропала из поля зрения, затем отправился разыскивать Гаса, чтобы разделить с ним тарелочку чистого холестерола и ожидать того, что будет слышно в главном управлении.

В девять часов Ник решил, что Андруз, должно быть, уже появился в своем офисе.

Когда он вошел в комнату, которую занимал отдел по расследованию убийств, Уокер с явным неодобрением наблюдал за ним из собственного офиса. Его взгляд был красноречив. Он вопрошал: какого черта ты здесь делаешь?

— Вот пришел очистить свой стол, — крикнул ему Ник.

— У тебя, Ник, есть на это пять минут, — выкрикнул ему в ответ Уокер. — А потом убирайся отсюда к чертовой матери.

— Ладно, нет проблем. — Он надеялся, что являет своим видом картину полного смирения.

Андруз сидел за своим столом, что-то неистово печатая, наполняя значением какие-то записи, сделанные в блокноте, лежавшем рядом с пишущей машинкой.

— Как дела, Сэм?

Андруз взглянул на Ника с преувеличенным подозрением:

— Как дела, спрашиваешь? Дела идут хорошо, Ник. А ты как? Ты, похоже, закончишь свою работу в департаменте полиции Сан-Франциско с записью о психической неполноценности.

— Это приобретенный здесь же талант, — ответил Ник, легким шагом направляясь к рабочему месту Андруза. Он бросил взгляд в сторону отдельного помещения Уокера и понизил голос. — Ты что-нибудь откопал про ее родителей?

— Ты в отпуске парень, — прошептал Андруз. — Ты в отпуске по *психическим* показаниям. Не исключено, что я сейчас разговариваю с сумасшедшим, предполагаемым кретином.

Ник усмехнулся:

— Ну, вот ты и знаешь, что я кретин, Сэм. Так что ты откопал?

Андруз бросил взгляд на Уокера, затем опустил глаза на свои записи:

— Лодка взорвалась. Там была утечка топлива и еще две записи о предыдущих ремонтах. Было оформлено два

страховых полиса на Трамеллов, жирненьких таких полиса, по пять миллионов каждый. Проводилось расследование. Не нами, но страховой компанией. Они выслали частных детективов на место происшествия; очень уж им не хотелось платить десять миллионов. Но ничего неожиданного вскрыто не было. Ничего... Дырка от бублика... Страховой компании пришлось утереть себе нос и заплатить. Так что наши с тобой премиальные составляют лишь несколько центов. Это был несчастный случай. Это — официально.

— А неофициально?

Андруз пожал плечами:

— А сам ты что думаешь?

— Итого она получила десять миллионов баков. И что? У нее уже есть десять миллионов. Так что сделала она это не ради страховки. Она сделала это ради удовольствия от волнения, — добавил он про себя.

— Эй, парень, послушай сюда: она вообще этого не делала, и это ясно, как и то, что Земля вращается вокруг Солнца. Запомни это.

Ник кивнул:

— Я постараюсь.

— Карран!

— Я уже ухожу, Фил, — крикнул Ник.

— Загляни ко мне, прежде чем уйдешь.

— Обязательно, — любезно ответил Ник. Он прогуливающимся шагом зашел в уокеровский офис и закрыл за собой дверь. — Что случилось, Фил?

— Я никогда не поверю, что ты вдруг превратился в «хорошенького парнишку Ника Каррана». Я никогда на это не куплюсь, Ник. Я знаю тебя слишком хорошо.

— Я просто человек с хорошими намерениями, Фил.

— Ну, вот и спасай их. Слушай, Внутренняя служба собирается поговорить с тобой относительно Нилсена. Они проводят расследование. Мы — нет. Это их собственное расследование.

— Это придурки заботятся о своем, так? Поправь меня, Фил, если где-то я буду не прав. Но это убийство, а убийство есть убийство. А с каких это пор Внутренняя служба занимается их расследованием?

— Ну вот, теперь я вижу перед собой того Ника Каррана, которого хорошо знаю. — Уокер покачал головой. — Я не собираюсь спорить с тобой, Ник. Это не мое дело, да и не твое тоже. Просто следуй инструкциям: сделай все возможное, чтобы, когда люди из Внутренней службы захотят с тобой встретиться, они могли без особого труда тебя отыскать. Находись подальше от волнений разного рода и поближе к Бет Гарнер. Это поможет тебе в оценке.

Ник сложил руки на груди.

— Она убила его, — резко сказал он.

— О, Бог мой. Ты, действительно, помешанный! Теперь обвиняешь в убийстве людей Бет!

— Не строй из себя недоумка, Фил. Я говорю вовсе не о Бет, я имею в виду Кэтрин Трамелл. Она убила Нилсена.

— Неужели?

— Угу, именно так. Она его убила. Это является частью ее игры.

— Ее игры. Сначала ты обвиняешь ее в том, что она купила твое личное дело. Сейчас ты инкриминируешь ей убийство Нилсена. Сделай мне доброе дело, сделай доброе дело для себя же самого — забудь ее. Ладно? Уйди куда-нибудь. Погрейся на солнышке. Вычеркни ее из своей памяти.

— Ну, ты ведь не покупал мое дело? Она *знала*, что никому больше оно не нужно. — Он улыбнулся и кивнул, похоже, самому себе. — Тебе, действительно, следовало бы восхищаться ею, и ты это знаешь. Она все знала наперед, прямо как какая-нибудь из ее проклятых книжонок. Она сама создала все происходящее. Она *знала*, что я заявлю, что она это сделала. И она *знала*, что никто другой не будет покупать мое дело.

Уокер смотрел на него, в его взгляде можно было прочитать нечто вроде жалости.

— Она свернула тебе мозги, Ник. Держись от нее подальше.

— Угу, — беспечно произнес Ник. — Нет проблем. Я ведь теперь не у дел, в отпуске... Так? Так что тебе нечего беспокоиться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ник держался вдали от беспокойств почти пятнадцать минут — ровно столько времени, сколько ему пришлось затратить на то, чтобы прорваться сквозь обычное для часа «пик» движение от здания главного управления полиции до собственной квартиры. Само беспокойство, воплощенное в человеческое обличие — Кэтрин Трамелл, — сидело на нижней ступеньке парадного входа в его дом. Ее черный «лотус» был припаркован рядом у тротуара.

— Я слышала о том, что произошло, — произнесла она с улыбкой, пропавшей еще до того, как та могла показаться насмешкой. — Ну, и как чувствует себя Стрелок без своего ружья?

Ник был не в том настроении, когда его можно было дразнить. Он редко бывал в том расположении духа, когда его можно было поддразнивать.

— А от кого конкретно ты это узнала?

— У меня есть адвокаты, у них есть друзья. И у меня есть друзья. На деньги можно приобрести множество адвокатов и друзей.

— Мне такие вещи неизвестны. У меня нет денег. И

адвокатов у меня нет. А единственным моим другом является Гас.

Она пожала плечами:

— Я и не говорила о *настоящих* друзьях. Почему я так не нравлюсь Гасу?

Ник Карран рассмеялся:

— Гас... Ты не нравишься Гасу, потому что он думает, что ты слишком плоха для меня. Возможно, он и прав. Но *мне* ты нравишься. Мне всегда нравятся вещи, которые слишком плохи для меня.

— Это *правда?*

— Ага. Не хочешь ли подняться ко мне и выпить?

Она взглянула на немного изысканные наручные часы в платиновом корпусе:

— В девять утра? Несколько рановато... Или ты этого не находишь?

— Я давно уже на ногах и, если мои внутренние часы не врут, то для меня уже наступило время ленча. Так ты идешь или нет?

Она даровала ему свою самую ослепительную улыбку:

— А я-то думала, что ты меня никогда не пригласишь.

— Мне кажется, ты не настолько хорошо знаешь свой характер, насколько тебе это самой кажется.

Они вошли в здание и поднялись по темным потрескавшимся ступенькам на третий этаж, где располагалась его квартира. Она шла впереди него, разговаривая с ним через плечо.

— Я изучаю, — проговорила она. — Я изучаю тебя. И очень скоро я буду знать тебя много лучше твоих друзей. Лучше, чем ты сам знаешь себя.

— Я уже говорил тебе, Гас — мой единственный друг, и я предполагаю, что он знает меня лучше, чем ему самому это хочется. Да и тебе, впрочем, не следовало бы быть столь уверенной в своих аналитических способностях: я никогда не открываю все свои карты.

— Значит, ты такой? Отчего же?

Они остановились перед потрепанной дверью, ведущей в его апартаменты, и он начал рыться в кармане в поисках ключа.

— Ты никогда не познаешь меня полностью, — про-

изнес он, — потому что я совершенно... — Совершенно синхронно и Кэтрин Трамелл и Ник Карран закончили эту фразу: «не поддаюсь прогнозированию».

Ник постарался не высказать вслух свое недовольство, а Кэтрин — не рассмеяться над его предсказуемостью. Он отпер дверь и провел женщину в свою квартиру.

Она минуту или две молчала, стоя в центре большой, напоминавшей пустой склад, гостиной, изучая голые стены, отсутствие каких бы то ни было персонифицированных штрихов, которые могли бы определить пространство вокруг именно как дом. Эта комната была столь же обезличена, как и номер в гостинице.

— Тебе следовало бы добавить сюда немного теплоты, — наконец произнесла она.

— Я далеко не самый теплый человек, — отрывисто и грубо ответил он.

— Мне это уже понятно. Эта конура наглядно отражает всю твою сущность. Я думаю, тебе, наоборот, хотелось это скрыть.

— Я не пытаюсь никого вводить в заблуждение, — ответил он из кухоньки-ниши, находившейся прямо рядом с входной дверью. Он стоял под сводом кухни, держа в руках нераспечатанную еще бутылку «Джека Даньелза» с черной крышкой.

— «Джек Даньелз» подойдет? Во всяком случае, должен подойти. Больше, прости, ничего нет.

— Прекрасно.

— Лед?

Он достал из морозильной камеры холодильника ледяную глыбу и швырнул ее в раковину. Из ящика буфета он вынул нож для колки льда — точно такой же, как и оружие, которым был убит Джонни Боз.

Она посмотрела на него, ее брови поднялись, что означало немой вопрос.

— Я предполагал, что ты как-нибудь зайдешь. — Он поднял нож для колки льда и продемонстрировал его, как какой-нибудь трофей. — Куплен в торговом центре. Доллар шестьдесят пять.

Это был прямой вызов, и она приняла его. Она взяла

нож для колки льда и взвесила его в своей руке как знаток.

— Дай мне поколоть лед, — невозмутимо попросила она. — Ты ведь хочешь увидеть, как я это делаю.

Не дожидаясь ответа, она повернулась и начала обрабатывать в раковине лед. Он прислонился к стене тесной кухни и поджег сигарету, не скупясь вдохнув в легкие дым.

— Я же говорила тебе, что ты снова начнешь курить. — Он не видел, но мог чувствовать ее улыбку. Осколки льда разлетались по сторонам. — Можно мне тоже сигарету?

Он дал ей ту сигарету, что курил сам, потом прикурил себе другую.

— Спасибо, — прошептала она, затем вновь повернулась к своему льду, врубаясь в него лезвием ножа.

Он принес из кабинета два стакана, поставил их на стол, а сам занялся откупориванием бутылки бурбона.

— Сколько ты заплатила Нилсену за мое личное дело?

Кэтрин даже не обернулась в его сторону.

— Это случайно не тот полицейский, которого ты пристрелил прошлой ночью? А, Стрелок? — Она насыпала в каждый из стаканов по горсти льда, отобрала у него бутылку и разлила коричневато-красную жидкость поверх результата своих трудов.

— Как ты смотришь на то, что я прошу тебя не называть меня Стрелком?

— Тогда как мне тебя называть? — Она некоторое время размышляла, потом сама же ответила на свой вопрос. — Что, если я буду звать тебя Никки? Как тебе это нравится?

Нику Каррану было не так легко извернуться:

— Так обычно меня называла жена.

Она понимающе улыбнулась.

— Я знаю об этом, и мне тоже нравится это имя. Никки. — Она аккуратно выговорила его имя, стараясь произнести его на свой собственный манер, будто пробуя его на вкус. Потом она протянула ему выпивку. — Чиз, твое здоровье. *Мои* друзья зовут меня Кэтрин. — Она чокнулась своим стаканом о его.

— А как тебя зовут твои адвокаты?

— Мисс Трамелл. Самый молодой называет меня «госпожа Трамелл».

— А как называл тебя Мэнни Васкес?

— Чаще всего сукой — но он произносил это очень любяще, нежно. — На какое-то мгновение показалось, что по ее лицу пробежала волна какой-то боли, захватывающая ее чистые голубые глаза, но произошло это очень стремительно. — У тебя ведь нет «коки»? Так? Ты знаешь, я очень люблю коку с «Джеком Даньелзом»?

— В холодильнике есть «пепси», — произнес он.

Кэтрин Трамелл улыбнулась и слегка покачала головой:

— Но это ведь не одно и то же[1], не так ли?

— Не хочешь ли ты сказать, что ты не это имела в виду? — Он подошел к ней ближе. Теперь их тела почти соприкасались. Он мог чувствовать запах ее духов, ощущать ее дыхание на своей щеке — Куда все это идет? — тихо спросил он. — Чего ты от меня добиваешься?

Теперь их лица были как никогда близки. Она повернулась к нему, ее губы слегка раскрылись:

— Скажи еще раз: чего ты от меня добиваешься?

— Какого *черта* ты от меня добиваешься, Кэтрин? — Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но она ушла от поцелуя, как боксер уходит от удара, разрушив этим всю атмосферу, царившую долю секунды назад.

— Посмотри! Я кое-что тебе принесла, — радостно сказала она, полезла в свою сумочку и вынула оттуда книжку в мягкой обложке. Она протянула ее ему. Книга называлась «Впервые», а автором ее была Кэтрин Трамелл.

Он какое-то время изучал обложку:

— Спасибо. А о чем она?

— Она о парнишке, который убивает собственных родителей.

— Действительно? И как же?

— У них есть самолет. Самолет терпит аварию. Мальчишка делает все, чтобы представить это происшествие

[1] Игра слов: в США слово «кока» (a coke) обозначает как популярную кока-колу, так и кокаин.

как аварию. Ему удается надуть всех и, в особенности, полицейских. Но он-то знает, что произошло на самом деле, и это его маленький секрет.

Она пристально посмотрела на него.

— А зачем он это делает?

— Ему просто интересно, сможет ли он всех перехитрить, сойдет ли ему все с рук, — просто ответила она. — Это своего рода игра.

— И когда ты ее написала?

— Ты имеешь в виду, написала ли я ее до того, как погибли мои родители?

— Точно это я и имел в виду.

Она покачала головой, взметнув в воздух свои прекрасные золотистые волосы.

— Нет. Я написала ее многие годы спустя. — Она отставила свой стакан с виски, который только слегка пригубила, в то время как Ник уже наполовину опустошил свой.

— Уже уходишь? Так рано?

— У меня есть дела, Никки. — Она одарила его улыбкой. — Ты ведь не перестанешь следить за мной только потому, что тебя отстранили от службы?

— Конечно, нет.

— Это хорошо. А то мне тебя страшно бы недоставало. — Она направилась к двери. — Конечно, мне не хочется, чтобы ты попал в беду.

— Но я буду рисковать, — ответил он.

— Интересно узнать, а почему ты хочешь рискнуть?

Он открыл перед ней дверь, и она стала спускаться по ступеням вниз. Он прислонился к перилам и наблюдал за ней.

— Почему я рискую? Просто для того, чтобы узнать, как я смогу из этого выбраться. Как твоя новая книга?

— Она почти написана, — ответила она, продолжая спускаться по лестнице. Затем она остановилась и оглянулась на него. — В том случае, если ты собираешься следовать за мной, сообщаю, что уеду из дому около полуночи.

— Почему бы тогда не облегчить мне работу максимально и не сказать, куда ты направишься?

— Я собираюсь в клуб Джонни.

— Я встречусь с тобой там, — сказал он, возвращаясь в свою квартиру и запирая за собой дверь.

В самом низу лестницы она повстречалась с входившим в дом Гасом Мораном. Когда тот ее увидел, его реакция на эту встречу была настолько театральна, что никак не могла быть искренней.

— Привет Гас! — весело бросила она, промчавшись мимо него.

Он мог только проводить ее изумленным взглядом.

В то время как Гас, пыхтя и тяжело дыша, карабкался на три пролета вверх, Кэтрин Трамелл впрыгнула в свой «лотус» и унеслась прочь, а Ник Карран наблюдал за ее отъездом из окна своей квартиры.

— Прости меня за вопрос, сынок, я не собираюсь отрицать очевидное, — произнес из прихожей Гас Моран, — но только что на лестнице мне повстречалась эта приносящая одни несчастья девка, что заставляет меня спросить тебя, почему ты все время пытаешься засунуть свою башку в пасть разъяренному льву?

Ник все еще наблюдал за происходившим на улице.

— Она хочет продолжить игру, — тихо, будто самому себе, произнес он. — Ну что ж, хорошо. Я также в состоянии ее продолжить.

— Все, с кем бы она ни играла, Ник, заканчивают весьма плачевно. Смертью.

Ник кивнул самому себе и подумал о своей жене, Синди, которая умерла в своей постели, отравленная своей собственной рукой, не желая смириться с саморазрушением человека, которого любила.

— Ты слышал меня? Я сказал, что...

— Я слышал твои слова, Гас.

— Ты понял, что я имел в виду? Ты понял это? Ну, пожалуйста, Ник, — умолял Моран, — не играй с ней. Ты никогда не сможешь выиграть у такого типа птенчика. Все, с кем бы она ни трахалась, умерли. Ты понимаешь это?

Ник Карран оторвал глаза от пустынной улицы и посмотрел на своего напарника:

— Понял ли я? Угу, я все понимаю. Я почти наверняка знаю, что это такое.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Новомодная умеренность, своеобразный стиль жизни девяностых годов, хоть и зародился в Сан-Франциско, но все еще не охватил все его население. В городе до сих пор существовали преуспевавшие клубы, чьи хозяева вполне легально стригли купоны с торговли алкогольными напитками, звучавшей в них музыки и перепродажи приобретенного на улице многообразия запрещенных наркотиков, которые гости таких заведений потребляли в ванных комнатах.

«Саут оф Маркет», южная часть Маркет-стрит — или, как ее называли сами посетители различных расположенных там образчиков индустрии развлечений, — СОМА[1] — была в настоящее время одним из самых богатых и преуспевающих районов города. Южная часть Маркет-стрит раньше была пришедшим в упадок округом с полуразвалившимися товарными складами и сваленными в огромные кучи ржавым промышленным оборудованием. Так было, но не сейчас. Кому-то не потре-

[1] Игра слов: «СОМА» — сокращение не только сочетания «Саут оф Маркет» (South of Market), но и слова «somatic» — соматический, телесный.

бовалось значительного времени на размышления, чтобы понять, что этот район на окраине Сан-Франциско — огромное пространство весьма дешевой земли. Перерождение этой округи происходило очень быстро, если вообще не мгновенно, и теперь она стала пристанищем огромного числа модных фешенебельных клубов, ресторанов, баров и магазинов.

По всему Сан-Франциско были известны самые модные клубы: «ДВ-8», «Слимз», «Зе Уорфилд», занимавший здание бывшего театра, и «Оазис», имевший свой собственный плавательный бассейн, а самые богатые гомосексуалисты имели местом своих свиданий «Трокадеро Трэнсфер».

В клубе Джонни, носившем название «Алтарь», можно было повстречать как геев, так и вполне нормальных людей. Так же как и фешенебельный нью-йоркский «Лаймлайт», «Алтарь» располагался в секуляризированном здании церквушки. Там, где раньше получало причащение благочестие, теперь крутил свои диски диск-жокей, распространяя музыку в похожий на пещеру зал, в котором топталась тысячная толпа.

Присутствие оглушительной музыки было здесь почти физическим; она ошеломила Ника, как только он вошел внутрь здания на территорию клуба. Шум сбивал с ног, как шквалистый ветер; и Карран чувствовал, что ему почти приходится прорубаться сквозь весь этот грохот. В воздухе витал тяжелый запах сигаретного дыма и сладковатый привкус хорошей парфюмерии. Танцоры под воздействием музыки метались по залу, лица некоторых из них были скорчены в усмешке, которая замечательным образом характеризовала безрассудство страстей в эти ночные часы. Они танцевали, словно кто-то установил, что именно сейчас им необходимо веселиться.

Выпивохи в баре пили как раз для того, чтобы опьянеть. Атмосфера совсем не располагала к разговорам — слишком уж громко звучала музыка, — и даже если кому-нибудь и пришло бы в голову поболтать с соседом, то в этом случае пришлось бы прикладывать свой рот к уху собеседника и орать во все горло.

Ник чуть не охрип, пытаясь сделать заказ. Наконец

ему удалось получить пластиковый стаканчик с «Джеком Даньелзом» поверх льда, и он отправился на танцплощадку, всматриваясь в это множество тел и пытаясь отыскать среди них Кэтрин Трамелл. Один только взгляд на эту беснующуюся толпу, похожую на тело многоголовой гидры, мог вызвать чувство тошноты. Затем в самой середине этой ватаги он распознал одно знакомое лицо. Он остановил взгляд на этой привлекательной мордашке. Это была Рокси.

Она танцевала с другой женщиной, ее руки оплетали талию партнерши. Рокси наклонилась вперед и что-то сказала своей девушке, та расхохоталась и в согласии кивнула. Они рука об руку отправились прочь с дансинга, пробираясь сквозь плотный ряд танцующих тел. Ник последовал за ними.

Они направлялись в помещение для отдыха мужчин, хотя в «Алтаре» за термином «помещение для отдыха мужчин» находилось совсем не то, что вы предполагаете. Эта комната располагалась в помещении, которое раньше занимала ризница, и никоим образом не служила местом для отдыха одних только мужчин.

Это была темная и мрачная комната, атмосфера которой была тяжело пропитана дымом ,как табачным, так и от различных запрещенных веществ. Это зловоние тут же хлынуло в легкие Ника. Ему были прекрасно известны все эти запахи: крэк, героин, конопля, марихуана, едковатый привкус кокаина, рассыпанного где-то в одном из уголков. Здесь, в призрачной дымке, расположились группками как мужчины, так и женщины, покорившиеся воздействию огромного количества доступных здесь наркотиков. Повсюду на полу валялись осколки опустошенных и оттого теперь никому не нужных пузырьков и раскрошенные ампулы. Когда он вошел в комнату, все это неприятно, как наст зимой, хрустело у него под ногами.

Рокси постучала в дверь одного из отделений, та распахнулась. В дверном проеме показалась Кэтрин Трамелл. Волосы у нее были зачесаны наверх, косметика на лице наложена точно так же, как и у Рокси. Если бы Ник не знал ее столь хорошо, то мог бы предположить,

что именно она — младшая из компаньонок. Сейчас ей можно было дать на вид лет девятнадцать — девятнадцатилетняя девчонка, так рано возжелавшая познать все «прелести» «настоящей жизни».

Кэтрин была не одна: ее руки обвивали обнаженный торс высокого негра. Чернокожий мужчина был поистине огромен — его накаченное тело опытного боди-билдера, казалось, было вылеплено скульптором из мощных мышц.

Под носом Кэтрин он держал трубочку с кокаином, который она с вожделением вдыхала. По краям трубочки еще оставалось некоторое количество наркотика, и она, высунув свой язычок, слизнула это.

Она поймала взгляд Ника, направленный на нее, и улыбнулась, что-то в то же время шепотом рассказывая своему мощному партнеру. Тот проследил за ее взглядом и, посмотрев в сторону Ника глазами, полными безудержного веселья и одновременно презрения, закрыл дверь.

Что ж, он мог подождать. Ник Карран бродил по клубу и, убивая время, от нечего делать изучал это заведение. Оно произвело на него одновременно и отталкивающее и пленящее впечатление. В дальних уголках, в темных альковах «Алтаря» целовали и тискали друг друга призрачные фигуры — мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, смешанные сочетания...

Музыка продолжала грохотать, разрывая отвратительный воздух. Тусовка на танцплощадке, казалось, не пропустила ни единого такта. На потных лицах танцующих было написано нечто среднее между выражениями, вызываемыми муками и удовольствием.

Ночь, город, целый мир сузились до масштабов наэлектризованного и возбуждающего пространства клуба. Прошлого не существовало; будущее, казалось, никогда не наступит. Существовали только два понятия: здесь и сейчас. Настоящее и будущее измерялись теперь только теми непродолжительными секундами, которые выдавались между сменами партнеров, теми быстротекущими минутами, что появлялись между временем приема очередной выпивки или понюшки кокаина. Музыка звучала

без перерыва: одна запись сменялась другой, ритм и каденция не прерывались ни на мгновение.

Потом он увидел ее снова. Ник Карран смотрел, как она танцует под какую-то мелодию. Ее партнерами были Рокси и черный атлет. Она находилась между ними, служа предметом внимания обоих. Было видно, что ее захватывает не только музыка, но и вожделение, усиливавшее и без того неистовый танец.

Она обернулась, заметила его, но продолжала танцевать, наблюдая за ним взглядом, наполненным жадностью, голодом, возбуждением. Она поддразнивала его, все плотнее и интимнее прижимаясь к своим партнерам. Они зажали ее своими великолепными телами, прижимаясь своими бедрами к ее.

Она принимала их благоговение как должное, но не сводила глаз с тела Ника, наблюдая за ним точно так же, как и в тот раз, когда он впервые попал в поле ее зрения. Она покачивалась между своими партнерами, соприкасаясь с ними, но играя своим телом для него одного.

Он почувствовал, как на него налетела волна желания. Внезапно вся атмосфера клуба проникла в его артерии, как вирус: его поглотил чистокровный, языческий гедонизм, так и витавший по замыслу создателей в этом заведении. Он оказался на танцплощадке, но уже не в качестве наблюдателя, а как непосредственный участник. Он, почти не сознавая, что делает, направился в ее сторону и, пожирая Кэтрин глазами, остановился перед ней. Пульсировавшая в голове музыка теперь волновала его.

Кэтрин перестала танцевать и повернулась к нему, бросая ему своеобразный, присущий только ей одной, вызов. И этот вызов был принят. Он подошел к ней и заключил женщину в объятия. И в них она, горячо и глубоко целуя его, растаяла.

Он положил свою руку на ее шею, притянул к себе и поцеловал, глубоко проникая языком в ее рот. Их тела крепко приникли друг к другу, будто прикованные. Его руки гуляли по ее ягодицам, прижимая женщину к себе. Их бедра терлись друг о друга. Теперь его горячие ладони проникли под ее рубашку, поглаживая обнаженную кожу.

Она поцеловала его ухо и прошептала:

— Пойдем отсюда.

И они ушли, оставив Рокси, следившую за ними полными холодного бешенства ледяными голубыми глазами, на танцплощадке.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Они расположились в спальной комнате ее городского дома: два обнаженных тела, растянувшихся на огромной кровати из желтой латуни. Их пылкая близость отражалась в дюжинах зеркал во всей своей красе, представала в зеркалах на стене и потолке.

Он возлежал сверху, тяжело навалившись на нее. С каждым тяжелым толчком бедер его член глубоко погружался в нее. Язык Ника, как змея, переполз от ее плеч к шее и дальше вниз к желобку меж грудей. Затем его губы обхватили ее сосок и засосали его.

Она, покорившись чисто животной похоти любви, которой она предавалась, извивалась под ним. Кэтрин изогнулась, ее грудь прочно обосновалась у него во рту. Она подняла высокий, похожий на птичий, крик, когда он взял ее сосок губами и прикусил его.

Ноги Кэтрин были широко раскинуты, ее икры опоясывали его тело как ремень. Ее руки выпустили свои когти: красные ноготки вонзались в его спину, царапали ее, оставляли кровавые следы. Чем дальше он входил в нее, тем более глубокие раны оставляла на нем она, но в его голове боль и удовольствие перемешивались и составляли сладостное сочетание. Кровь его стекала по его спине теплыми солеными ручейками и капала на белоснежное постельное белье.

Она выскользнула из-под него и, перевернувшись на живот, открыла его взору свои тылы. Он наклонился и, приподняв Кэтрин за бедра, встал позади нее на колени. Он поцеловал ее спину, и его язык пробежал вниз по упругим рельефностям ее позвоночника. Затем он снова вошел в нее, в тот самый момент, когда он резкими толчками врубался в нее, она стала оживляться.

Потом сверху была уже она, ее лицо прильнуло к его, ее язык принялся исследовать его рот. Она обхватила руками его голову, и, когда она пошевелилась, ее груди уперлись в его лицо. Из-под одной из подушечек она вытащила белый шелковый шарфик и, поддразнивая Ника, провела тканью по его лицу, приглашая присоединиться к игре, концом которой будет либо смерть, либо порывы иступленного восторга.

Ее глаза вопрошали, его — отвечали. Она кивнула и принялась связывать его руки, свободно, но все же довольно крепко приковывать их к латунному изголовью кровати. Она облизала губы, как бы смакуя беспомощность своего любовника.

На какое-то мгновение его разумом овладела смесь безудержного страха и эйфории.

Ее бедра вновь скользнули вниз, казалось, заставляя его врубаться в себя. Она откинула голову назад, ее груди увеличились в объеме и напряглись. Он крепко прижал ее к себе своими бедрами, продолжая вонзаться в нее. Они кончили неожиданно не только друг для друга, но и для самих себя, и произошло это одновременно.

Она, тяжело дыша, рухнула на его тело, ее волосы разметались по его лицу, словно их накрыл своеобразный золотой тент. Он мог чувствовать, как ее тело разбилось от удовольствия вдребезги, дрожало от иступления, пульсировавшего по всем частицам ее плоти.

Глубокой ночью, в темноте и оглушающей тишине Ник проснулся. Не было слышно ни единого звука, и

только слабый свет, проникавший с улицы, отражался и снова отражался в огромном количестве зеркал. Ник перекатился на край постели и с мгновение сидел с опущенной головой как загнанный и истощенный зверь. Он дотронулся рукой до своей спины и ощутил там рваные раны и засохшую кровь.

Кэтрин спала, свернувшись клубочком. Он напрягся и встал с кровати и, пробираясь сквозь напоминавшую о ночной страсти разруху, направился к выходу из комнаты.

Яркий свет лампочки в ванной комнате ошеломил Ника не хуже удара молотка. Он выглядел бледным и изнуренным, кожа вокруг его глаз припухла и выглядела весьма нездорово.

— О, Боже, — произнес он собственному отражению в зеркале.

Вода, хлынувшая из крана, была холодной и освежающей. Он погрузил свою потную голову в прохладную воду и тотчас почувствовал некоторое просветление в мозгах.

Позади послышался тихий голос, так и излучавший ненависть:

— Если ты не оставишь ее в покое, я убью тебя. — Что-то в этом голосе было такое, что заставляло верить в то, что Рокси имеет в виду именно то, что говорит, и свою угрозу при необходимости исполнит.

Ник бросил взгляд на ее отражение в зеркале ванной.

— Рокси, скажи мне кое-что с глазу на глаз. — Теперь он обернулся и стоял к ней лицом. Она даже не побеспокоилась опустить глаза вниз на его гениталии. — Признайся... — продолжал он. — Я думаю, что она трахается лучше всех в нынешнем столетии. А как ты считаешь?

— Ты вызываешь во мне тошноту, — произнесла она, отворачиваясь от него.

Ник рассмеялся коротким смехом.

— Я вызываю тошноту *у тебя?* — Он покачал головой, словно был не готов просто поверить в услышанное. — Тебе ведь нравится подглядывать, а? Рокси, как долго ты там проторчала?

Рокси смотрела на него с явным отвращением:

— Ей самой нравится, когда я подсматриваю.

— Ты просто следуешь ее приказаниям. Ну, так как, Рокси?

— Да пошел ты, — ответила она, направляясь прочь.

Кэтрин находилась в том сумрачном состоянии, которое характеризует тонкую грань между сном и бодрствованием. Когда он вернулся в постель, она прильнула к нему, прижавшись к его телу как котенок.

— Никки, — прошептала она точно так же, как и маленький ребенок, который успокаивает себя тем, что произносит имя своих родителей.

Когда он проснулся, ее уже не было. Комната была прибрана, и сквозь высокие окна пробивались солнечные лучи.

На ночном столике лежала записка: «Пляж. К.»

Он принял продолжительный теплый бодрящий душ, оделся, спустился к своему «мустангу» и взял направление на Стинсон-Бич. Он чувствовал себя одновременно и отдохнувшим, и сильным, то есть именно так, как он мог чувствовать себя только тогда, когда ночью страстно занимался любовью. И в то же время он испытывал какую-то тревогу, неуверенность в том, что ожидало его.

Кэтрин стояла на улице, словно дожидаясь, когда он появится. Ее взор, как всегда, был устремлен в море.

— Доброе утро, — поприветствовал ее он.

Она кивнула ему, будто он был просто случайным знакомым, кем-то, кого она знала недостаточно хорошо. Он бросил взгляд на домик и заметил, как дернулась, запечатлевая немое присутствие Рокси, одна из занавесок.

— Надеюсь, что она не приняла это слишком близко к сердцу.

— Кто не принял и что не принял?

— Рокси. То, что произошло между нами.

— Она множество раз видела, как я трахаюсь с разными парнями. — В течение какого-то времени Кэтрин молчала, но затем добавила: — И ничего особенного между нами не было.

— Откуда ты знаешь? Мне, например, кажется обратное. Может, она увидела что-то, чего не видела раньше.

Кэтрин повернулась к нему лицом, ее глаза так и сверкали:

— Рокси видела раньше *все*.

Ник хихикнул:

— А я-то думал, что *я* видел все.

Ее улыбка смягчилась и стала более дружественной:

— Ты думаешь, что произошло что-то необычное?

Ник усмехнулся:

— Я повторюсь, но вновь назову тебя лучшей трахательницей столетия.

— Уже хвастаешься своим друзьям?

— Нет. Я хвастаюсь *твоим* друзьям. Иначе сказать, Рокси.

— И как она это восприняла?

— Не слишком хорошо. А что *ты* думаешь?.. О прошедшей ночи?

— Мне думается, что это было хорошенькое и увлекательное начало.

— И это все? А что же Рокси? Она, что, более привлекательна?

Она улыбнулась той самой своей умной улыбкой:

— Ты, кажется, слишком активно интересуешься Рокси. Стоит ли понимать это таким образом, что тебе хочется, чтобы она как-нибудь присоединилась к нам?

— А она пристраивалась к вам с Джонни?

— Нет. Джонни была по нраву интимная обстановка.

Ник пожал плечами:

— А теперь посмотрите-ка, что с ним произошло.

Кэтрин направилась от него прочь, держа свой путь к тропинке, ведущей по каменистым утесам вниз, к пляжу. Он поспешил за ней.

— Признайся, Никки, — произнесла она через плечо, — ты испугался тогда, ночью?

Ник остановился:

— Ведь это и была та цель, которую ты преследовала? Вот почему все прошло так хорошо... Я прав?

— Тебе не следовало бы играть в эти игры, — серьезным тоном сказала Кэтрин. Она вновь двинулась вниз по тропинке, направляясь к пляжу

Ник вновь последовал за ней:

— А почему бы и нет? Мне нравится эта игра.

— Ты стараешься прыгнуть выше головы, Никки, а это может закончиться совсем не так, как тебе хотелось бы.

— Я вынужден прыгать выше головы. И делать это без оглядки. Только так я смогу поймать убийцу.

Она покачала головой:

— От меня, по крайней мере, ты ничего не узнаешь. Я не собираюсь выдавать всех своих секретов только потому, что испытала оргазм...

— Или два.

Она улыбнулась:

— Или два. Но ты ничего не выяснишь, ничего от меня не добьешься, если я сама этого не захочу.

Ник распрямил плечи:

— Ага. Но потом я арестую тебя.

— Нет, Ник. Все закончится тем, что ты потеряешь голову от любви ко мне. Только этим.

— Ну, так я уже занимаюсь с тобой любовью. — Она попыталась отвернуться, но он удержал ее. — И арестую тебя я в любом случае. Так можешь и написать в своей книге.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Вэген-Вил» — это свято почитающий стиль «кантри» и Дикий Запад бар на пересечении четырнадцатой улицы и Вэйленсии, заведеньице с приличными музыкальными автоматами и дешевым отборным пивом. Именно эти две его характеристики так привлекали сюда Гаса Морана, когда он одевался по ковбойской моде.

Здесь, в баре, и обнаружил своего напарника, обхватившего рукам матовую кружку с «Энкер Стим», Ник Карран. Как и множество других посетителей этого кабака, Гас был одет в голубые джинсы, ковбойскую рубашку и шляпу «Ститсон». Он сидел, угрюмо уставившись на свое пиво.

Ник уселся на соседний табурет и, сняв шляпу с головы своего напарника, натянул ее на свою собственную.

— Представь себе, я все-таки отыскал тебя здесь, — похвастался он.

— Ты чертовски весел сегодня. — Гас вместе с сиденьем табурета повернулся к нему. — Между прочим, а где это ты шлялся? Я к тебе приходил... И никого не нашел. — Гас говорил громко, слишком громко, и произносил свои слова не вполне внятно. Ему оставалась одна — ну максимум две кружки, — чтобы полностью опьянеть.

— Полегче, напарник. Меня не было дома, и закончим на эту тему.

— Меня тоже не было прошлой ночью, я приходил к тебе...

— И меня там не было.

Гас на некоторое время присосался к своей кружке, затем тяжело уставился на своего напарника. Было похоже, что он пытается распутать целый клубок проблем, но его отуманенные выпивкой мозги отказываются с ним сотрудничать. Наконец ему, видимо, удалось ухватиться за конец этого клубка. Лицо его потемнело:

— Ты... трахался с ней! Проклятый сукин сын! Кретин! Тебя не было дома, потому что ты трахался с этой проклятой девкой! Не могу в это поверить! Ты что, совсем спятил?!

— Остынь, Гас. Не стоит из-за этого вылезать из кожи вон. Не произошло ничего, что я бы не мог контролировать.

— Чепуха! Дерьмо собачье! Черт возьми, ты, действительно, тупой сукин сын... И я ухожу отсюда, потому что ты приносишь с собой неудачу, она прямо-таки цепляется за тебя. А мне не нужно больше неудач. Я и так получил все, что мне предназначалось! Большое тебе спасибо! — Он слез с табуретки и, пошатываясь, поплелся к выходу.

— Не волнуйся так, Гас. В следующий раз я воспользуюсь резинкой.

Никогда нельзя быть уверенным, что может разозлить выпившего мужика. Упоминание о презервативах привело Гаса в бешенство, и окружающие поняли, что сейчас он без раздумий набросится не только на Ника, но может разгромить и весь бар.

Очень громко и медленно он произнес:

— Я и ломаного гроша не дам за то, чтобы твои долбанные резинки защитили тебя, Карран!

— Эй, Гас! Мне кажется, ты что-то забыл, — крикнул ему бармен, держа в руках неоплаченный счет. Он был

счастлив видеть, что Гас уходит, но не до такой степени, чтобы потерять деньги.

Ник решил заняться этим. Он обернулся к стойке:

— Сколько там?

— Семнадцать, — ответил бармен.

— Порций или баков?

— Баков.

Ник шлепнул двадцатидолларовой купюрой по стойке:

— Сдачу можешь оставить себе.

Карран догнал Гаса Морана на тротуаре перед входом в «Вэген-Вил». Гас стоял, уставившись на двух женщин среднего возраста, одетых в стиле Дикого Запада. Обе они направлялись в бар, но Гас расположился как раз между ними и дверьми.

— Резинки! — громко заявил Моран.

— Ну, надо действительно предохраняться, — заметил Ник. — Тебе следовало бы об этом подумать.

— Какого черта ради? Ты что, действительно думаешь, что в моем возрасте можно кого-нибудь подцепить?

— Уверен в этом.

Гас подвыпивше мотнул головой в сторону девочек-переростков в ковбойках:

— Конечно, меня могут затащить в постель эти... проклятые *голубоволосые* девки, вроде этих двух. Но, как ты знаешь... они не нравятся мне. Никки, они мне просто *не нравятся!*

— Да, это уже проблема, — согласился Ник, оттаскивая своего напарника от двух указанных женщин.

— Какого черта! Куда ты меня тащишь?

— Пришло время немного протрезветь. Вольем в тебя немного кофе, дадим тебе поесть — в общем, в мгновение ока предоставим тебе возможность почувствовать себя миллионером.

— Да к тому же я немножко изголодался, — задумчиво произнес Гас.

«Мак'с» был, по чести говоря, действительно хорошей ночной закусочной. Располагалась она на Мэйсон-стрит, совсем неподалеку от театрального района Сан-Франциско и в двух шагах от пользовавшегося дурной славой местечка Тэндерлойн. Обычно здесь собирались театралы, копы, таксисты и туристы. И в эту ночь в нем не было практически ни одного свободного места перед стойкой.

Гас уставился на восседавшую перед прилавком полную женщину. Та была туристкой, что можно было безошибочно определить по тенниске от «Фишерман Воф». Было очевидно, что Гас собирается сказать ей что-то, без сомнений, просто отвратительное. Ник отвел его в одну из кабинок и усадил там.

Кухня в «Мак'с» была хорошая, но кофе — еще лучше. Ник вылезал вон из кожи, чтобы его напарник вынес из посещения ресторана нечто большее, чем просто удовольствие. Он заказал ему огромную тарелку с яйцами, красным перчиком чили и сыром под кислым соусом.

— Ешь! — приказал Ник.

И Гас ел, жадно глотая содержимое и запивая его кофе. В течение нескольких минут единственным звуком, который раздавался от их столика, было чавканье Гаса.

— Ну что, получше себя чувствуешь?

— Я чувствую себя просто *замечательно.* — Громкость, с которой Гас это произнес, подсказывала, что он все еще окончательно не протрезвел.

— Ш-ш-ш, — выдавил из себя Ник.

— А ты не шикай на меня, — сердито проворчал Гас. — Никогда ты не заставишь меня замолчать, сынок. — Он сгреб вилкой остатки чили и яиц и отправил это в рот. — Скажи, ну как ты мог трахаться с ней?

Теперь на него уже смотрели люди, обернувшись, бросали на него злые взгляды. Гас не подал вида, что заметил это. Возможно, он действительно не обращал внимания на реакцию окружающих.

— Ты что, хочешь умереть, сынок? Что происходит? Ты что, все еще скорбишь о тех туристах? Ты все еще казнишь себя за то, что произошло много лет назад? Ты чувствуешь себя так плохо, но сам же нарываешься на ножичек для колки льда. Ты что, специально это делаешь?

— Гас, я...

Гас повысил тон своего голоса:

— Слишком много этих чертовых туристов тут шляется. Слишком много... Откуда они тут только берутся?!

— Гас, прекрати.

— Ты знаешь, я зол на тебя, по-настоящему зол. И хочешь узнать, почему? Что ж, объясню. Потому что эта женщина не вызывает у тебя ни толики страха. Ты ведь и правда не боишься ее?

— Нет, — тихо ответил Ник. — Я ее не боюсь.

— Ну, почему же, черт тебя побери? — вскипел Гас.

Ник медленно покачал головой:

— Не знаю. Я просто нисколечки ее не боюсь.

— Это все из-за ее кокетливых разговоров с тобой, сынок. Во всем виновато ее кокетство.

Толстая туристка, сидевшая неподалеку от них, отложила свой гамбургер и бросила на Гаса полный отвращения взгляд. Он подмигнул ей в ответ и усмехнулся.

— Нет, не из-за этого, — возразил Ник.

— И все-таки я прав. Ты, развесив уши, следишь за каждым ее игривым словом. А это происходит, потому что ты абсолютно не прислушиваешься к собственным мозгам.

— Я знаю, что делаю.

— Не-а, не знаешь. — Гас отхлебнул еще кофе и водрузил свою ковбойскую шляпу на голову. — Слушайка, сынок. Внутренняя служба покопалась в прошлом и настоящем этого Мартина Ч., то есть Членоголового, Нилсена, они приняли во внимание все, что хоть сколько-нибудь их заинтересовало.

— И что они откопали?

— Не подгоняй меня. Все, как я уже сказал, что могло их заинтересовать. И эти придурки сделали все возможное, чтобы ни один человек, не входящий в их стаю, не прознал о том, что им удалось отыскать. Но старому Гасу, всеобщему другу и ничейному врагу, все-таки удалось кое-что услышать.

— Услышать о чем?

— О том что, Внутренняя служба обнаружила одну ячейку в сейфе, в которой оказалось пятьдесят тысяч долларов. Вклад поступил туда три месяца назад. Еди-

ножды. Деньги были положены, и никто их не снимал. Понимаешь? Если бы мне дали, так я бы наведывался туда каждые несколько дней. — Он искоса бросил непристойный взгляд на толстушку, одновременно подмигнув ей.

— Это не имеет значения. Ведь три месяца назад она меня еще не знала.

— Ну, может быть, это не она платила ему. Если ты работаешь во Внутренней службе, то найдется немало людей, которые захотят приобрести у тебя какую-либо информацию. В конце концов, кто за тобой будет следить?! Если ты сам работаешь во Внутренней службе, то тебе вовсе незачем бояться ее. Разве я не прав?

— Она заплатила ему.

Гас Моран усмехнулся:

— Конечно, мне-то какого черта может быть известно об этом? Я просто старый городской ковбой, который пытается не выскочить из своего седла.

— Ладно, убираемся отсюда.

— О'кей, напарничек.

Когда они подошли к побитой «Севилье» 1980 года, принадлежавшей Гасу, у хозяина возникли некоторые проблемы с тем, чтобы открыть замок дверцы. Честно говоря, он не был еще в состоянии самостоятельно водить автомобиль.

— Хочешь, я подвезу тебя? Знаешь, как говорится, друзья никогда не оставят друзей.

— Я не пьян.

— Мне это известно. Просто мне подумалось, что, возможно, тебе захочется, чтобы я отвез тебя. И тебе не стоило бы об этом беспокоиться.

— Ты? В своей дерьмовой автомашине? Нет уж, увольте. Я не собираюсь уходить со службы по состоянию здоровья. Я уже заработал себе на хорошую пенсию и рассчитываю, что мне подарят неподдельные золотые часы «Сейко». Так что...

У машины Гаса было одно явное преимущество: переднее сиденье его антикварного, изъеденного ржавчиной автомобиля, было широким и комфортным как диван

в гостиной, в то время как «мустанг» был довольно-таки узким.

— Ну, ладно, я могу вести и эту ржавую консервную банку.

Гас выглядел глубоко оскорбленным:

— Эта «консервная банка», как ты его назвал, так уж получилось, является «кадиллаком». Ты думаешь, я позволю тебе сесть за руль *«кадиллака»?* Ты управляешь моим «кадиллаком»?! Ха, знаешь ли, такая картина может присниться мне только разве что в страшном сне!

— Гас...

— Да отстань, ты, сынок. Я уезжаю. — Он запрыгнул в салон и завел огромный двигатель. Потом несколько раз газанул, как гонщик, проверяющий свою машину, переключил сцепление и резко рванул прочь со стоянки, оставляя за собой запах жженой резины и шлейф от выхлопных газов.

Он проехал уже три квартала, а Ник Карран все еще мог слышать рев мощного двигателя «кадиллака» и визг его тормозов. Ник покачал головой в надежде, что Гас доберется до дома целым и невредимым, а не по кускам.

Затем он медленно побрел к собственному автомобилю. Он снова и снова повторял в уме слова Гаса и размышлял о связи Кэтрин Трамелл с Нилсеном. Какими были эти отношения? Почему она была уверена, что он согласится передать ей его личное дело? Конечно же, никаких доказательств не было, что она получила дело действительно из рук Нилсена. И на все эти вопросы тут же рождался один-единственный ответ: Нилсен продал его личное дело, потому что он ненавидел его, Ника Каррана. Деньги играли здесь второстепенную роль, они были лишь приятным дополнением.

Ник настолько был увлечен своими раздумьями, что совсем не заметил автомобиля, следовавшего за ним. Он не обращал никакого внимания на машину до тех самых пор, пока водитель не прибавил оборотов мотора и не попытался сбить его.

Не существует ничего тише звука двигателя «лотуса», работающего на полных оборотах. Черная машина пронеслась по узкой улице как артиллерийский снаряд, целясь прямо в Каррана. Тот успел увидеть этот автомобиль лишь мельком, да и то только тогда, когда машина, ударив Ника, забросила его на капот. Ник перелетел через крышу, водитель ударил по тормозам, и «лотус» с визгом остановился. Двигатель вновь взревел: теперь была установлена задняя передача, и автомобиль резко дернулся назад в направлении Ника.

Ник отскочил от того места, где находился, и пополз в сторону своего «мустанга», «лотус» же вновь попытался наехать на него.

Водитель «лотуса» — Кэтрин? — видимо, подумал, что двух попыток таким образом покончить с Ником достаточно для одного вечера, и машина стрелой бросилась на улицу и резко повернула в правый проезд.

Уже через несколько секунд Ник был за рулем «мустанга» и несся в жаркой погоне по узкой улочке. Вскоре он заметил отблеск черного «лотуса», поворачивавшего налево на Вэйленсию.

«Лотус», виляя по холмистым улицам, направлялся в сторону Норт-Бич, огромная машина без особых усилий преодолевала крутые подъемы. Она пронеслась мимо ярко освещенных витрин «топлесс»-баров и порнотеатров на Бродвее, затем взобралась на холм в Вэлледжо, потом в Кирни, потом в Грин. Ник не отставал от нее, хотя двигатель его «мустанга» работал далеко не на полную мощность.

Теперь «лотус» был на Телеграфном холме, самой высокой точке окраины Сан-Франциско, холме, который так крут, что многие из его улиц располагаются не в длину, а скорее в вышину — огромным, длинным рядом бетонных ступенек. Ник швырнул «мустанг» на самый нижний уровень, затем вдавил педаль газа в пол, направляя визжащий автомобиль вверх по ступеням. Цель, которую он преследовал таким образом, была очевидна: «мустанг» должен был выскочить на дорогу на возможном месте встречи с «лотусом» и перегородить тому путь.

«Мустанг» подпрыгивал и становился на дыбы, его выхлопная труба и глушитель каждый такой раз ударялись о бетон, каждый узел и сварной шов кузова машины пронзительно трещал, но мощный двигатель все-таки

поднял автомобиль на самую верхушку. Как только авто Ника выскочило наверх, он тут же взял вправо, в сторону Кирни.

Теперь фары «лотуса» были направлены прямо на него, и игра детишек превратилась в схватку двух всемогущих автомобилей. На самом деле Ник ударил по педали газа и понесся прямо лоб в лоб на «лотуса». В самый последний момент, когда это было еще возможно, нервы водителя «лотуса» не выдержали, и он попытался свернуть с узкой дороги, но свободного пространства вокруг не было.

Машина с визжащим мотором соскочила с дороги и тут же врезалась в возведенный под «Мокоун-Центр» фундамент. Она перескочила через заграждения, полетела вниз и, дважды перекувырнувшись в воздухе, рухнула на землю. Мотор заглох.

В тот момент, когда Ник спустился к «лотусу», он понял, что это была Рокси. Она была в ужасном состоянии, лежала, наполовину вывалившись в раскрытую дверь. У нее была переломана шея.

Совсем неподалеку взвыли полицейские сирены.

У Ника создалось очень приятное впечатление о Джоне К. Ситизене, полицейском, которому он давал показания и который аккуратным почерком записывал их в специальном блокноте для происшествий. Наконец полицейский протянул блокнот Нику, чтобы тот подписал протокол.

Но это было не совсем обычное дорожное происшествие. Далеко не многое количество ДТП привлекает внимание детективов Салливана и Моргана из подразделения Внутренней службы департамента полиции Сан-Франциско или лейтенанта Уокера, главы отдела по расследованию убийств.

Уокер вырвал протокол из рук Ника и сунул бумаги ему под нос:

— Вот это дерьмо и есть твои показания? И ты собираешься поставить здесь свою подпись?

— А почему бы и нет? — Ник сунул в рот сигарету, поджег ее и затушил спичку. — Почему я не должен

этого делать? Это был самый настоящий несчастный случай.

Уокер похлопал по протоколу тыльной стороной ладони, будто пытаясь наказать за что-то написанные там слова.

— Давай сыграем в откровенность, Карран. Итак, ты просто, без всякой задней мысли, катил себе по Норт-Бич, а эта машина не уступила тебе дорогу? И ты будешь рассказывать мне, что это была случайность?

— Послушай, Фил, я, действительно, не думал, что она в самом деле решит свалиться туда. Как бы ты поступил на моем месте?

— Дай-ка мне его на минутку, — попросил Уокера Салливан.

Уокер только отмахнулся от следователя Внутренней службы.

— Не пытайся запудрить мне мозги, Ник, — спокойно сказал он. — Понимаешь, мне не нужно даже какого-нибудь особого мотива, чтобы свернуть тебе шею.

В разговор влез Салливан:

— Полное имя потерпевшей — Роксэйн Харди. Последнее известное место жительства — какая-то дыра в Клоувердэйле. Приводов нет, осуждена не была. Машина зарегистрирована на имя Кэтрин Трамелл. — Он со шлепком захлопнул свой блокнот. — Мир тесен, не так ли? А, Карран?

Уокер посмотрел на Ника взглядом, в котором можно было прочесть желание убить того здесь же и сейчас же:

— Ты был знаком с ней?

Ник пожал плечами:

— Мы с Гасом беседовали с ней в доме Трамелл. Все, что мы тогда сделали, так это написали ее имя.

Уокер был на грани нервного срыва:

— Значит, ты записал ее имя, а потом — о какой сюрприз! — она на своей машине прет прямо на тебя и погибает. О чем ты мне говоришь? Ты думаешь, что я когда-нибудь поверю в это?!

Ник втоптал окурок в липкую грязь:

— Это все, что мне известно.

— Ну, и пошел ты в этом случае! Теперь мне напле-

вать на тебя, Ник. Они могут выжать из тебя все соки, я даже пальцем не пошевелю. — Он пошел прочь, но вдруг остановился. — Запомни хорошенько, Ник, ты сам этого добивался. И тебе некого в происшедшем винить, кроме себя самого.

— Я обязательно сохраню это в памяти, лейтенант.

— Я говорил тебе держаться подальше от Кэтрин Трамелл. И это был приказ!

— Да, но ты ни слова не говорил мне, чтобы я не приближался к ее автомобилю.

— Вот мудак, — пробормотал Уокер.

— Ты свободен, Карран, — сказал Салливан, — но завтра я жду тебя в девять ноль-ноль в кабинете доктора Гарнер.

— Неужели? И кому же вы теперь думаете загнать мое дело? Редакции «Нэшнл Инквайер»?

Двое служащих морга в этот момент вытаскивали из разбитой машины труп Рокси. Ее мертвые, потерявшие свой блеск глаза были широко раскрыты и направлены прямо на Ника.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В тот вечер Ник лег в постель достаточно рано, к тому же был трезв и одинок, в общем, на следующее утро, когда он вошел в здание управления полиции, то выглядел отдохнувшим и полностью владел собой.

Бет дожидалась его в комнате для допросов, но была не одна. Рядом с ней восседали двое мужчин. Первый был невысок ростом, лыс и очень смахивал на бухгалтера. Другой — седой, с великолепными зубами и дорогим «Ролексом» на запястье — выглядел достаточно приятно. Ник никогда в жизни не встречался с агентами из Голливуда, но этот человек очень походил на те образы, которые он мысленно представлял о людях этой профессии. Но, как бы там ни было, оба мужчины были психоаналитиками, и эти важные персоны тут же вернули Ника в действительность, которая означала собой третий этап психиатрической экспертизы. И один только взгляд, брошенный на них, вызвал в нем бурю негодования, крушившую всякий самоконтроль.

— Это доктор Майрон, Ник, — представила «бухгалтера» Бет Гарнер, — а это доктор Макэлвейн.

— Хорошенькие имена, — кисло пробормотал Ник.

Все три доктора натянуто засмеялись.

— Их попросили принять участие в нашей консультации.

— «Их попросили»! Ты хочешь сказать, что лично ты их не просила. Они были навязаны тебе человеком или людьми, не имеющими никакого отношения к департаменту полиции Сан-Франциско? Я правильно тебя понял? — Ни один из врачей не сделал ни единой записи, но можно было почти слышать, как они составляют о нем первое впечатление: агрессивный, враждебный, любящий спорить, антагонистичный, не признающий авторитетов.

— Оба они выдающиеся специалисты, Ник. Я высоко ценю их мнение и опыт. Я приветствовала их помощь.

— Почему бы вам не присесть? — предложил доктор Майрон.

— Великолепная идея, — мерзким тоном ответил Ник. — Я просто рад, что вы подумали обо мне, док. Мне самому эта мысль никогда не пришла бы в голову.

И во второй раз послышался стесненный смех.

Ник уселся, и некоторое время все три доктора молча смотрели на него. Он отвернулся. Наконец доктор Макэлвейн прервал тишину.

— Ник, — мягко начал он, — мы узнали, со слов доктора Гарнер, что в последнее время у вас появились проблемы с контролем собственных эмоций и действий. Это действительно так?

— Только в отношении одного-единственного человека, — ответил Ник.

— Вы считаете, что лейтенант Нилсен заслуживал смерти?

— Заслуживал смерти? — переспросил Ник и пожал плечами. — Я никогда не делал подобных умозаключений.

— Но вы испытываете некоторое сожаление о его гибели?

— Сожаление?.. Знаете, док, я испытывал бы угрызения совести и сожаления по поводу его кончины только в одном случае — если бы я приложил к этому свою руку. А этого не произошло. Вы спрашиваете, сожалею ли я? — Ник вновь пожал плечами. — Я не так хорошо знал этого парня. Можно сказать, просто я не замечу его отсутствия.

— Но все же вы почувствовали определенное удовольствие, узнав о его смерти? Это справедливое замечание?

— Это — глупое замечание, доктор. Никто — я имею в виду, ни один здравомыслящий человек — не может испытывать удовольствие от чьей-либо смерти. И вполне естественно, я не исключение. — Ник сложил руки на груди, давая им понять, что к этому вопросу возвращаться больше не собирается.

Макэлвейн бросил встревоженный взгляд на своего коллегу и решил зайти с другой стороны. Его голос был заискивающим и добродушным, по лицу бродила теплая улыбка, обнажавшая великолепный ряд прекрасных белоснежных зубов.

— Скажи, Ник, когда ты вспоминаешь картины своего детства, доставляют ли они тебе наслаждение? Или, наоборот, некоторые воспоминания гнетут тебя?

Ник смотрел на своего инквизитора добрые полминуты, и все тридцать секунд его взгляд являл собой злобу и недоверие. Ему удалось придать своему голосу необходимые нотки, свободные от скептицизма.

— О'кей, — спокойно и непосредственно произнес он. — Номер один: я не знаю, как часто выхожу из себя, но происходит это довольно часто.

Бет Гарнер закрыла глаза и покачала головой. Ник Карран уже не контролировал себя. Он *никогда* не делал что-то ради себя самого и не признавал никаких видов сотрудничества.

Голос Ника стал громче:

— Номер два: я никогда не злился на своего отца, даже когда подрос и узнал, чем он и моя мама занимались в своей спальне.

— Ник, — прошептала Бет, — *ну , пожалуйста.*

— Дай мне закончить. Номер три: я никогда не смотрю в унитаз, прежде чем спустить воду. Номер четыре: теперь я никогда не мочусь в собственной постели, и раньше это было не так часто.

— Ник! — умоляла его Бет.

— И номер пять: можете изнасиловать тут самих себя, но я ухожу.

Ник встал и гордо вышел из комнаты.

По дороге он услышал, как доктор Майрон воскликнул: «Ну и ну!»

Бет направилась за Карраном, сбежала вниз в холл, пытаясь остановить его. Она была зла и обижена и, схватив его за рукав пиджака, попыталась его сдержать.

— Что случилось? — Бет была близка к тому, чтобы самой выйти из себя, но прилагала все усилия, чтобы перебороть свои эмоции. — Я пытаюсь помочь тебе. Почему ты не даешь помочь себе?

Ник вырвал рукав из ее хватки. Он, не останавливаясь, продолжал идти по коридору.

— Мне не нужна твоя помощь. Я не нуждаюсь ни в чьей помощи. Ты это понимаешь?

— Да уж, — Бет все еще настаивала. — С тобой что-то происходит. Ты ведь спишь с ней? Это так?

Он остановился и повернулся к ней:

— Слушай, Бет, ты-то какую цель в этом преследуешь? Скажи, ты что, ревнуешь?

— Мне нужен *ты*, а не она. Она совращает людей. Она манипулирует ими. Она делает все, что ей вздумается.

— А я-то думал, что ты плохо ее знаешь.

— Я знаю ее тип. Я ведь психолог, если ты это помнишь. Я изучала людей вроде нее. Я анализировала поведение таких людей.

— Ах, психолог! Вот мне и кажется, что это значит, что ты тоже манипулируешь людьми. Признайся, Бет. К тому же ты *практикующий* психолог. А это означает, что ты находишься в более выгодном положении, чем она. У меня все. — Он отвернулся и снова направил свой путь в сторону холла, но на этот раз Бет Гарнер уже не преследовала его.

— Я очень жалею тебя, Ник. — Она пожала плечами и отправилась в обратном направлении. Больше ничего сделать для него она не могла.

До дома Кэтрин Трамелл в Стинсоне он добрался чуть

раньше полудня. Движение затруднял поднявшийся над первым хайвеем тяжелый смог. Туман как всегда творил свои обманы, спрятав ее жилище и полностью отрезав его от моря.

Дом выглядел покинутым, но белый «лотус» все-таки был припаркован перед входом. Даже если бы машины там не оказалось, он знал, что Кэтрин находится в Стинсоне и он ее отыщет. Стинсон был ее убежищем, ее логовом, бункером, ее замком из слоновой кости.

Она не ответила на его стук. Он наобум, чуть поколебавшись, приоткрыл дверь:

— Кэтрин?

Ответа не последовало.

Дом был темен и мрачен, все тени в нем поглощались белыми сгустками смога. Ее жилище, казалось, было выкрашено в скорбные цвета, здесь царила абсолютная тишина, и, казалось, он может протянуть руку и схватить это безмолвие.

Ник стоял в центре затемненного холла и прислушивался. Прямо за тишиной слышался один звук, крошечный, ну прямо часть небольшого шума — размеренный скрип, раздающийся раз в несколько секунд, регулярный, как тиканье часов. Он двинулся по холлу и, держа себя совсем как подружейная собака на охоте, через каждые несколько часов останавливался и вновь прислушивался.

Кэтрин сидела в кресле-качалке в углу гостиной, тихо раскачиваясь взад-вперед на дубовых полозьях. Она смотрела на него широко раскрытыми покрасневшими глазами. Ее волосы были растрепаны, щеки вытянуты и впалы от недосыпания: она не спала, и это было очевидно. Ее лицо было заплакано.

Она отвернулась от него и заговорила запинающимся голосом. Самоуверенность, спокойная самонадеянность и самоконтроль были сметены прочь, их заменили сомнение и печаль.

— После того как ты ушел в тот день... ну, когда был здесь, на пляже, я вернулась в дом. Она посмотрела на меня странным взглядом и ушла сразу же за тобой. — Кэтрин Трамелл вперила ногти в неухоженную приче-

ску. Она медленно покачала головой. — Мне не следовало позволять ей... Мне не нужно было разрешать ей подсматривать за нами той ночью. Но она хотела... хотела подсматривать за мной. Она сказала, что ей всегда хотелось видеть меня. В любое время... постоянно.

Она снова повернулась к нему и посмотрела на него тем самым взглядом, который так поразил его, когда она впервые обратила на него свой взор.

— Она ведь пыталась убить тебя, Ник. Это правда?

Но он не ответил на ее вопрос.

— А тебе нравилось, когда она подглядывала за тобой? — спросил он.

— Ты думаешь, это я сказала ей убить тебя?

Он решил, что, уже задавая этот вопрос, она знала на него ответ. Он покачал головой:

— Нет, я не думаю, что ты имеешь отношение к случившемуся.

Она смотрела теперь на море.

— Все, с кем бы я ни общалась... мертвы.

Он встал позади нее на колени и положил руки на ее плечи, растирая их своими сильными пальцами. Она задрожала под его движениями. Его руки скользнули вниз, раскрывая ворот ее рубашки и мягко и нежно лаская ее груди.

— Я еще не мертв, — произнес он.

Она, как кошка, начинающая свой обряд ухаживания, потерлась лицом о его руку.

— Пожалуйста, займись со мной любовью, — попросила она.

Единственным источником света в гостиной было мерцание огня в камине. Холодные капли от взрывавшихся волн Тихого океана дождем падали на крышу и стучали по стеклам. Их любовная близость была интенсивной, столь же убедительной, как и в прошлый раз, но сейчас обошлось без боли и различных игр. Это была настоящая, умиротворенная близость двух влюбленных, а не неистовая, похотливая, одноразовая случка эротических соперников.

Удовлетворенная Кэтрин уютно устроилась в его объ-

ятиях, правда, на нее уже нахлынула меланхолия, иногда сопровождающая возвращение из занятий любовью в реальный мир.

Долгое время она молчала, но затем прошептала:

— О чем ты думаешь?

— Я думал... Я думал, что я был не прав.

— Не прав? В отношении чего?

— В отношении тебя. В отношении Рокси.

— Рокси?

Он легонько поцеловал ее в лоб:

— Я думал, что, возможно, она убила Боза.

Кэтрин слегка вздрогула, будто он ущипнул ее:

— Убила Джонни? Но почему? Чтобы поставить меня на место? Она бы никогда ничего подобного не совершила. Она любила меня. И никогда не сделала бы то, что могло бы причинить мне боль. Подставить меня под удар, как это получилось.

— Но ведь меня она ревновала. Может, она и Джонни тоже ревновала.

— Нет, его нет, — твердо заявила Кэтрин. — Такого с ней не произошло бы. Она никогда не устраивала сцен ревности. Никогда. Ни разу, во всяком случае до того, как появился ты. Наоборот, это ее возбуждало.

Ник пожал плечами:

— Стыдно, но этого мы так и не спросили у нее.

Кэтрин перевернулась, ее голова оказалась у него на плече, ее волосы разметались по его телу, как золотое озеро.

— Мне не везло с женщинами.

Ник усмехнулся:

— И тебе, и мне. По крайней мере, до сих пор.

Она проигнорировала его дерзость.

— Была одна девочка. Когда я училась в колледже, то однажды переспала с ней. Она кр... — Кэтрин прижала свою руку ко рту, словно не хотела, чтобы из него вылетело еще хоть слово.

— Что с ней произошло? — заинтересовался Ник. — Что она сделала? Она причинила тебе боль?

Кэтрин Трамелл покачала головой:

— Нет, не физическую. Она начала преследовать ме-

ня. Она крутилась повсюду с моими фотографиями. Она подстригла волосы. Она копировала мой стиль в одежде. Она следила за мной. Лайза какая-то... Да-да, ее звали Лайза Оберман. — Она погрузилась в воспоминания. — Это было ужасно и отвратительно.

Ник погладил Кэтрин по голове, словно успокаивал ребенка, которому приснился кошмарный сон.

— Я и подумать не мог, что ты когда-нибудь исповедуешься, — нежно произнес он.

Она посмотрела ему в глаза:

— Я ни разу этого и не делала. До сегодняшнего дня.

Когда Ник проснулся, в окна вовсю пробивался дневной свет. Он, казалось, был один, если не считать имени «Лайза Оберман», настойчиво, как муха, бьющаяся о закрытое окно, крутившегося у него в голове. Он перекатился по кровати и попытался на ощупь отыскать не столике записку от Кэтрин с сообщением о том, что она вернулась в город. Но записки не было.

Он замер и прислушался. В доме стояла абсолютная тишина, если не принимать во внимание доносившийся снаружи бесконечный шум океанских волн, разбивавшихся о берег.

Ник встал, напялил на себя штаны и рубашку и отправился на поиски Кэтрин. В доме ее не было. Не было ее и на обычном месте на веранде, где она, как правило, дежурила, не спуская с волн своих глаз. «Лотус» был припаркован на стоянке перед домом, следовательно, она должна быть где-то неподалеку.

Он спустился по каменистой тропинке вниз, на пляж, но нашел его пустынным. Тогда он заглянул в стоявший в нескольких шагах от береговой линии небольшой пляжный домик, служивший кабинкой для переодевания. Но и здесь не было никаких признаков ее присутствия. Но Ник был уверен, что в конце концов Кэтрин неожиданно появится.

Он вздохнул и, повернувшись лицом к солнцу, уставился на морские волны, черпая из них удовольствие и расслабление.

Вдруг сзади на него обрушился сильный удар.

Реакция Ника последовала незамедлительно: он перебросил нападавшего через плечо и с силой швырнул незнакомца на пляжный песок. Затем тут же бросился на землю сам и уперся коленом в глотку своего противника.

— Ник! — завопила Кэтрин, — остановись! — Она лежала, растянувшись под его весом на песке, и хохотала, хотя глаза ее в то же время были наполнены ужасом.

Ник тяжело выдохнул воздух из легких. Его немного успокоило, что он стал жертвой всего лишь ее грубой и идиотской шутки, а не нападения врага.

— Герой! — кричала она со смехом. — Да ты, похоже, сдрейфил!

Он не мог признаться даже самому себе, что в ее словах была правда.

— Все в игры играешься?! Может, хватит?

Она покачала головой, подняв при этом в воздух тучу песка.

— Больше никаких игр. Игры закончены. Слезь с меня и помоги мне подняться.

Ник встал сам, помог сделать то же самое и ей, и принялся стряхивать песок с ее голубых джинсов. Кэтрин встряхнула волосами точно также, как это делают собаки, избавляясь от воды в своей шерсти.

Через некоторое время они пошли с пляжа, направляясь в сторону ее дома. Внезапно она остановилась и нырнула в одно из тростниковых кресел, стоявших рядом с пляжным домиком.

— Больше никаких игр, — серьезно произнесла она. — Обещаю тебе.

— Обещаешь? Тогда расскажи мне о Нилсене.

Ее глаза весело засверкали:

— Я бы тебе рассказала, но ты ведь сам знаешь, что не поверишь мне.

— Так рассказывай все поправдивей.

Кэтрин пожала плечами:

— Впервые я наткнулась на его имя в статьях «Кроникл» о тебе. После связалась с ним, и мы заключили сделку. Пятьдесят тысяч долларов наличными, он наста-

ивал на этом, — и взамен них я получаю твое личное дело. Все твои полицейские записи, полный твой психологический портрет. Абсолютно все. Всю твою работу. — Она рассказывала это сухой прозой, в которой не нашлось бы места фантазии.

Его лицо напряглось:

— Когда это было?

— За три месяца до того, как я впервые увидела тебя.

— Но почему?

— Я узнала о тебе из газет. Все, что я прочитала о том выстреле, меня сильно заинтриговало. И я решила написать книгу о детективе. Написать о детективе типа тебя — детективе, каких не так уж мало.

— Я бы сказал, что, похоже, ты решила написать книгу именно обо мне.

— И мне захотелось побольше узнать о характере моего героя, — горячо продолжала она. — Вот и все.

— Ты заплатила пятьдесят тысяч долларов за то, чтобы лучше узнать характер героя будущей книги? — непонимающе переспросил Ник.

Кэтрин была непреклонна. Ранимость предыдущей ночи вновь была отодвинута на задний план и заслонена ее обычной самоуверенностью.

— Я бы и больше заплатила, так мне хотелось узнать о тебе как можно больше. А потом ты появился здесь сам... когда убили Джонни. И это предоставило мне возможность получше узнать своего героя.

— А что ты скажешь о нашей ночи? — взорвался Ник. — Что ты скажешь о нашей *прошлой* ночи? Это тоже было лишь исследование?! Может, все происходившее между нами было только частью твоего интереса к герою книги?

Она долгое время всматривалась в его лицо, затем отвернулась.

— Быть может... Да, кажется, что мой интерес к книге и ее герою потихоньку остывает. Похоже, мне больше по душе герой, существующий в действительности.

— Это правда?

— Ты не веришь мне?

— Не знаю, — ответил Ник.

— Что ж, я докажу тебе.

Она обхватила его руками и медленно поцеловала. Жар поцелуя так и мерцал на ее губах. Ник почувствовал, как по всему его телу пробежала неожиданная волна страсти, и он, крепко обняв ее, вернул поцелуй.

Когда в пляжном домике принялся звонить телефон, Кэтрин было попыталась оторваться от него, но Ник удержал ее.

— Пускай себе звонит, — прошептал он.

Кэтрин все-таки вырвалась из его объятий и, подбежав к телефону, лишь мгновение слушала говорившего, после чего передала трубку Нику.

— Это тебя, — пояснила она.

— Кто там?

— Это Гас. Гас-нелюбящий-меня. Тот самый Гас.

Он взял трубку, а она, в то время как он пытался разговаривать со своим напарником, обвила его руками и беспечно целовала его лицо.

— Кэтрин говорит, что ты не любишь ее, Гас. Я не могу поверить в это. Может, ты сам объяснишь?

— Она права, — ответил Гас. — Ты уже схлопотал ножом для колки льда?

Ник провел рукой по своему телу, будто пытаясь нащупать ножевые ранения.

— Не-а, пока нет.

— Что он сказал? — поинтересовалась Кэтрин.

— Он спросил, не схлопотал ли я уже ножом для колки льда.

— Очень смешно, — заявила Кэтрин.

— Она не думает, что это смешно, Гас.

— А мне наплевать на то, что она думает. Я надеюсь, тебе известно о том, что говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

— Я в это не верю, — заверил его Ник.

— Это почему же?

Ник усмехнулся:

— Потому что *ты* мой друг, Гас.

— Ну, так вот, друг мой, тебе лучше бы начать верить в эту поговорку, потому что я собираюсь показать тебе всю убыточность твоего пути.

— Неужели? И как ты собираешься это сделать?

— Простенько, потому что ты, Ник-Головная-Боль-Карран, можешь считать, что уже выиграл оплаченный билет на место совершения очаровательного убийства, действительный как туда, так обратно.

Ник почувствовал себя так, будто только что через его тело провели мощный разряд электрического тока.

— Бог мой! Кто на этот раз, Гас?

— Перепугался? А, сынок? Можешь успокоиться, на этот раз никто. Оно произошло довольно давно. Но, мне кажется, это преступление нам подойдет. Тебе нравится это, Никки? Это слово: «подойдет»?

— И где же произошло это очаровательное убийство, которое нам подойдет?

— В экзотическом местечке под названием Клоувердэйл. Так что, давай-ка усаживайся в свой дерьмовенький детский автомобильчик и держи путь по прекрасному сто первому шоссе в Клоувердэйл. В два часа я жду тебя в тамошнем полицейском управлении. — Гас хихикнул и повесил у себя трубку.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Клоувердэйл не был самым скучным и спокойным городом в Северной Калифорнии, хотя, без сомнения, входил в первую десятку таких местечек. Он находился в округе Сонома и был последним более или менее крупным населенным пунктом до самого округа Миндочино. И в отличие от других городков округа типа Гейсирвайлла или Хилдсбурга, да и самого Сономы, о Клоувердэйле нельзя было сказать, что он привлекателен или похож на остальных.

Округ Сонома был раньше знаменит как винодельческий район. Многие городишки и деревеньки имели тут самую слабую европейскую атмосферу, которая обычно сопутствует местностям с виноградниками, — приятные ресторанчики и соответствующего профиля лавчонки. Но в Клоувердэйле как раз-таки не было развито виноделие. Основной индустрией этого города была молокопродукция, и единственной особенностью, которая выставляла его из общего ряда был тот факт, что это самое противное сто первое шоссе — дорожная артерия, проходившая с севера на юг, — являлась также главной улицей Клоувердэйла. Поэтому в нем располагалась пе-

страя коллекция из стоянок для грузовиков, мгновенных закусочных, узких аллей и мотелей. Так что, принимая все во внимание, Клоувердэйл был маловероятным местом для убийства. Особенно для такого эксцентричного, необычного убийства, которое откопал там Гас.

Ник уже приближался к предместьям Клоувердэйла, когда, наконец, осознал, что он сам не так давно что-то слышал об этом городишке. Это случилось как раз в ту ночь, когда произошла та самая опасная дуэль с Рокси, сидевшей за рулем «Лотуса». Тогда один из парней, работающих во Внутренней службе, сказал, что Рокси опознали как... Роксэйн Харди. И Ник почти как наяву услышал голос Салливана: «Роксэйн Харди. Последнее известное место жительства — какая-то дыра в Клоувердэйле. Приводов нет, осуждена не была». «И это неожиданное и непредвиденное путешествие в верхнюю Соному должно как-то соприкасаться с ее историей», — думал Карран.

Ник обнаружил Гаса неподалеку от полицейского участка, на главной городской автостоянке. Тот стоял, прислонившись к крылу своего огромного старого «кадиллака», и пожирал жирный пирожок, купленный в одной из придорожных закусочных в прелестных окрестностях Клоувердэйла.

— Это хорошо, что ты приехал, сынок. — Гас Моран скомкал пропитавшуюся жиром бумажку от пирожка и отшвырнул ее в сторону. Это совсем не означало, что он не хотел, чтобы Америка была прекрасной и чистой. Просто он понимал, что в отношении Клоувердэйла это стремление уже обречено на провал.

— Ну, так что же здесь произошло, Гас? Я имею в виду, что произошло, *помимо Рокси*?

Гас покачал пальцем:

— Какой проворный паренек мне достался в напарники. До всего-то он сам додумался, без посторонней помощи. Ведь правда?

— Угу. До всего, кроме того, что я не знаю, какого черта мы здесь делаем.

— Ладно, дай-ка мне самому догадаться: предполагаю, что прошлую ночь ты провел, озадачивая своими

действиями эту самую Кэтрин Трамелл. Я прав? Ну, так вот, пока ты озадачивал ее, я вернулся в управление полиции и решил озадачить этот паршивый компьютер и добился от него кое-какой информации. Информации, которой я намереваюсь поделиться с тобой... Но какого черта? Я решил, что это будет своего рода мой прощальный подарок тебе.

— Прощальный? Это почему же?

— Ответ на свой вопрос, Никки, ты получишь сразу же, как только эта сумасшедшая девка воткнет тебе в глотку хорошенькое, остренькое лезвие ножичка для колки льда. Куда уж ты попадешь — в рай или ад, — этого я уж сказать не могу. Правда, кое-какие предположения на этот счет у меня имеются.

— Э, Гас, да ты напоминаешь сегодня бурдюк со смехом.

— Ага, вот как раз мое чувство юмора и нравится так разным дамочкам. — Он направился в полицейский участок. — А теперь пойдем, Ник, не будем заставлять доброго полисмена ждать.

А вышло таким образом, что человека, с которым они встретились в участке, впору было назвать не полисменом, но полисвуменом — сержантом, возглавлявшим состоявший из трех человек отдел по делам подростков клоувердэйлской полиции, оказалась женщина по имени Джэнет Кашман. Дело, по которому проходила Роксэйн Харди, случилось еще до нее, но все равно Кашман знала о нем.

— Это было самым громким делом из тех, которыми занимаются отделы по делам несовершеннолетних, — сообщила она. — По крайней мере, в нашем городе это так. До того как это произошло, самыми распространенными преступлениями, совершаемыми подростками, были самые тривиальные — увеселительные поездки на угнанных автомобилях, всевозможные аварии, в которых участвовали нетрезвые несовершеннолетние, — в общем, такого рода происшествия. И так было до пятидесятых годов. — Оба, и Ник и Гас, понимающе кивнули. В годы их юности было именно такое положение дел с подростковыми правонарушениями.

— Именно после этого самого случая было открыто мое подразделение в здешней полиции. После того как Роксэйн Харди пристукнула двоих своих маленьких братишек, все были уверены в том, что Клоувердэйл захлестнет целая волна подростковой преступности. Поэтому основали наше отделение. Но больше убийств не было. По крайней мере, до сегодняшнего дня. В большинстве своем нам приходится заниматься обыденными делами.

— Мы можем взглянуть на ее дело, сержант? — спросил Ник.

Кашман, оказывается, уже подготовила нужную папку. Она протянула ее через стол.

— Пожалуйста, пользуйтесь. Но снимать какие бы то ни было копии вы можете только с разрешения шефа.

— Не беспокойтесь, — успокоил ее Ник.

Первое, что он выудил из серовато-коричневой папки, была черно-белая фотография, сделанная фотографом из следственной группы, с изображением двух парнишек, лежащих в грязной луже в саду. Лужа была заполнена кровью самих мальчишек, и фотограф приложил немало усилий, чтобы получить хорошее, четкое изображение огромных резаных ран на тонких ребячьих шеях.

Ник видывал немало трупов, как «живьем», так и на блестящих, грубых и безжалостных фотографиях типа этой, но ни разу раньше ничто не вызывало у него такую тошноту, как сейчас. Это была жестокость одного ребенка в отношении других детей, случившаяся в провинциальном саду. Жертвы насилия были примерно семи и девяти лет.

Здесь была также фотокарточка Рокси в те годы, но сделана она была не полицейским фотографом, а взята из семейного альбома. На этом фото была изображена девочка с косичками и коронкой на зубах, улыбающаяся в объектив чьего-то старенького «Кодака».

— Сколько ей было лет, когда она совершила преступление? — спросил он у Кашман.

— Четырнадцать. Как я уже говорила, это было самое крупное преступление, совершенное подростком. Ей следовало бы подождать годика четыре, прежде чем убивать их, если она хотела, чтобы ее привлекли как взрослую.

Ник был озадачен:

— Но Салливан-то сказал, что у нее не было приводов, да и осуждена она не была.

— Да, ее, действительно, не арестовывали. Над ней никогда не было судебного процесса. Ее направили в специальный приют, типа небольшого Этескадеро — только для детей. Этескадеро был специальным домом, где содержались малолетние преступники со всего штата Калифорния.

— Я не нашел этого факта в файле о приводах, — объяснил Гас. — Потребовалось немного творческого мышления. Я наткнулся на это, просматривая файл государственной службы здоровья и человека, выискивая упоминание о Роксэйн Харди, находящейся под опекой штата.

— А что подтолкнуло тебя, Гас, на это?

— Что? Да то, что она была этой чертовой сумасшедшей, вот, как это получилось, сынок. Я пришел к выводу, что она должна быть указана в списке умалишенных штата. Да и, черт возьми, больше мне нечем было заняться прошлой ночью, — пожав плечами, ответил он.

— Был ли какой-либо мотив? — спросил Ник и тут же сам понял, что сморозил глупость, задав такой вопрос. В таком случае это преступление должен был бы совершить взрослый, но его совершил ребенок. Само понятие «мотив» как-то не стыковалось с этим.

Гас расхохотался:

— Мотив? Ага, она сделала это ради того, чтобы получить деньги по страховке.

Однако Джэнет Кашман не думала, что это убийство могло послужить основой для шуток и смеха. Она, нахмурив брови, посмотрела на Гаса.

— Она сказала, что не сознавала, что делает. Вот, только что она играла в комнате со своими братишками, а в следующий момент перерезала им глотки отцовской опасной бритвой. Она сделала это под влиянием какого-то внешнего импульса. — Кашман пожала плечами. — И так уж получилось, что бритва была под рукой.

Гас и Ник уставились на нее. Они уже слышали подобную историю чуть раньше, точно такую же историю

от ласковой старой леди по имени Хейзл Добкинз, которая, так уж получилось, тоже была подругой Кэтрин Трамелл. Гас пробормотал что-то себе под нос. Это было похоже на слова: «Чертовы сумасшедшие, мать их».

— Вы хотели бы получить копии? — спросила Кашман. — А то я собираюсь навестить шефа до того, как он уйдет на ленч.

— Не-а, — ответил Ник. — Думаю, что они нам не нужны.

— Спасибо, сержант, — поблагодарил Кашман Гас. — Большое спасибо вам за помощь. Думаю, нам пора.

Они вышли из здания полицейского управления и направились к своим автомобилям.

— Знаешь, — признался Ник, — я никак не могу взять в толк, что за чертовщина происходит вокруг.

— Это не так сложно, сынок. Эта юная фермерка, девчонка по имени Роксэйн Харди, настолько устала от послеполуденной возни со своими младшими братишками, что решила *усмирить* их и обуздала их этим радикальным способом, надо сказать, достаточно успешно. Почти как Хейлз Добкинз, усмирившая всю свою семью. Только в отличие от нее наша Рокси воспользовалась не подарком ко дню свадьбы, а папочкиной бритвой.

— Но почему?

Гас откинулся на побитое крыло своего «кадиллака»...

— А имеет ли это значение? Хейзл, Рокси, эта хорошенькая, богатенькая Кэтрин Трамелл... — Он покачал головой и рассмеялся. — О, Боже, какое трио! Можешь представить себе, о чем они вели беседу, расположившись ночью вокруг костра. — И уныло раскачивая головой, Гас заполз за руль своего подбитого «кадиллака» — пожирателя бензина. — Скажи мне, сынок, тебе вообще встречался хоть один ее дружок, который *не убил* бы кого-нибудь? — Он дернул дверь, она захлопнулась. — Я думаю, что это все объясняет. И ты должен признать, что это совсем в ином свете выставляет твои ежедневные разговоры с этой девочкой. — Он ткнул ключом в замок зажигания, разбудив тем самым огромный двигатель. — Ладно, увидимся позже, Ник. — Машина начала отдаляться от Каррана.

— Я теперь уже не уверен в том, что она это сделала, — крикнул Ник, пытаясь перекрыть своим голосом громыхание двигателя «кадиллака»...

Гас насмешливо фыркнул и посмотрел на своего напарника глазами, полными сожаления:

— О которой именно ты говоришь, сынок? Мы знаем, что учинила старая Хейзл; нам известно, что совершила убийство и юная Рокси. Что касается оставшейся, то она приняла на себя вид невинной кошечки, из которой так и брызжет наружу огненная лава, и это, Ник, свернуло тебе мозги. В общем, как я и сказал, увидимся позже, сынок. — Гас Моран переключил передачу и удалился.

Ник последовал за ним, пристроив свой «шевроле» к колесу подбитого «кадиллака». Так они пересекли округ Сонома и въехали в Мэрин. Когда их конвой, состоявший из двух автомашин, подъехал к Сан-Франциско, Гас Моран увеличил скорость и повернул в сторону Сан-Франциско, присоединившись к длинной веренице автомобилей, организовавших очередь из желающих проехать по мосту Голден-Гейт-Бридж и попасть в город.

Ник, совершенно не соображая, что делает, собирался повторить маневр своего напарника, но в этот момент в поле его зрения попал зеленого цвета дорожный указатель: «Ричмонд, Олбани, Беркли — направо».

Повинуясь непонятному импульсу, он повернул направо, держа свой путь в сторону Беркли, где находился кампус самого престижного университета всей Калифорнии, колледжа, где Кэтрин Трамелл в свое время корпела над своими студенческими работами. Хотя это и маловероятно, но, может быть, удастся что-либо раскопать в ее студенческом прошлом. Предположительно, там могла быть какая-нибудь информация и о Лайзе Оберман, о странной мучительной карьере этой студентки колледжа, которая так истязала Кэтрин Трамелл, когда та была на втором курсе.

Путешествие из Сан-Рафаэля в Беркли открывает взору прекрасные пейзажи; великолепные виды предстают с высоты моста между Ричмондом и Сан-Рафаэлем: слева — Сан-Пабло-бей, а справа — огромное, мерцающее пространство Сан-Франциско-бея. Если оглянуться

назад на Сан-Рафаэль, то с высоты этого моста на той стороне канала можно разглядеть дома стоимостью в несколько миллионов долларов, принадлежащие тому самому изысканному сообществу; впрочем, можно увидеть и несовместимое с ними, запретное здание тюрьмы «Сан-Квентин», отделенное от дорогостоящих домов, магазинов и моря с помощью *cordon sanitaire*[1] пятьсот восьмым междуштатным шоссе. Ник давно уже потерял счет тем людям, которых он отправил на отдых в «Квентин», но прекрасно помнил, что ее женское отделение в течение многих лет служило домом для Хейзл Добкинз.

Он проехал по шевронным быкам длинного моста и попал на другую его сторону. Достопримечательностей, на которые следовало бы взглянуть, здесь уже не было. Ник промчался по «спальным» районам Ричмонда и Олбани, проехал мимо ипподрома, Голден-Гейт-Филдз и свернул на Юниверсити-авеню, главную артерию, связывающую университетский кампус с «остальным миром».

Некоторые районы Беркли, казалось, были заморожены во времени — в очень специфическом времени, конце шестидесятых. По улицам медленно бродили хиппи, разодетые в комбинезоны и тенниски; огромные площади стен были покрыты различными рисунками и испещрены лозунгами, призывавшими к бесплатной медицине, помощи бездомным и проклинавшими внешнюю политику США в отношении стран Центральной Америки, Африки и Среднего Востока. Видимо, самим определением Беркли было предписано оставаться одиноким аванпостом радикализма в Соединенных Штатах, даже несмотря на то, что в его политической позиции можно было выявить некоторые признаки старомодности. Большинству хиппи, похоже, было лет по пятьдесят, и Ник мог себе представить, как эти седеющие ветераны контркультуры собираются где-нибудь, чтобы забить пару косяков и предаться воспоминаниям о счастливых деньках Народного парка, противостоявшего официальному Вашингтону, и о Днях Гнева, и вроде ветеранов в Зале Славы, обменивающихся антивоенными историями.

[1] Санитарный кордон (*франц.*).

Он оставил машину на Бэнкрофте, а дальнейший свой путь на территорию университета продолжил пешком. Здесь, в кампусе, была совершенно другая обстановка. Несмотря на то, что в Беркли, его университете, до сих пор значительная часть студенчества была радикально настроена, большинство из них были увлечены только собственной учебой. Пройдя конкурс и получив место в этом известном университете, они перегружали себя учебными занятиями в своем стремлении получить хороший диплом, чтобы затем завоевать право самостоятельного выбора высокооплачиваемой и престижной работы. Хлопчатобумажная ткань комбинезонов и смурное выражение глаз встречались здесь намного реже, чем за воротами колледжа; здешние студенты, наоборот, делали все возможное, чтобы выглядеть аккуратными и иметь чистый взгляд приготовишек.

На Спраул-Плаца было обычное скопление эксцентриков и попрошаек, но они так же, как и хиппи, выглядели слишком старыми для студентов. Настоящие студенты сначала с любопытством глазели на «Иудеев для Иисуса» и парнишку, во всю мощь своих легких голосившего песни Фрэнка Синатры, но затем спешно разбежались по своим классам на занятия по экономике.

Кампус был приятен и тих, на длинные дорожки ниспадали тени от высоких эвкалиптовых деревьев. Нику пришлась по душе размеренная прогулка по территории, во время которой он с явным одобрением во взгляде заглядывался на миловидных студенточек. Он спросил у одной из них дорогу и получил не только информацию, которую хотел, но и ослепительную улыбку в качестве премиальных. Если бы у него было время и предлог, он обязательно бы пригласил эту девчушку на чашечку кофе, но у него была работа и ее надо было выполнять.

Главным административным зданием, в котором содержалась регистратура и все студенческие записи, как ему сказали, был Двинэлл-холл. В полуподвальном офисе он предъявил свое полицейское удостоверение, и женщина, сама едва вышедшая из юношеского возраста, — Ник предположил, что она, возможно, подрабатывающая

здесь студентка, — села за компьютер и подключила вычислительную машину к сети.

— Я разыскиваю информацию о бывшей студентке, — объяснил Карран. — Некая Лайза Оберман.

— Вы знаете год, когда она училась? Наша программа настроена на ввод даты.

— Предположительно, восемьдесят второй... Возможно, восемьдесят третий.

— Предположительно? — переспросила молодая женщина.

Ник заметил, что около компьютера лежал огромный, толстый том по биологии. Наверное, она была возмущена, что ей приходится отрываться от учебы и помогать какому-то копу. Ее пальцы танцевали по клавиатуре компьютера.

— Здесь полно Оберманов, — сообщила она. — Андреа К., Эндрю У... — Ее глаза бегло просматривали колонки имен, выведенные на дисплее. — Дональд М., Марк У. Извините, но Лайзы Оберман здесь нет. Вы уверены, что назвали правильно год?

— Кэтрин Трамелл как-то сказала, что обучалась здесь в восемьдесят третьем. И сообщила, что Лайза Оберман была здесь в то же самое время.

— Как, вы говорите, второе имя?

— Трамелл, — ответил Ник. — Кэтрин Трамелл.

Она впечатала имя и удовлетворенно кивнула, когда то снова появилось на экране.

— Да, Трамелл здесь есть. Но Лайза Оберман не значится.

Ник был озадачен. Он мог поклясться, что Кэтрин не лгала ему. Ее страх, ее беспокойство, вызванные восстановлением в памяти образа Лайзы Оберман, были столь сильны, столь непосредственны, что не могли быть наиграны. Был ли смысл ей врать об этом? Зная так много о Кэтрин, можно было ответить, что нет.

— Там должно быть имя Лайзы Оберман, — настаивал Карран. — Могла ли в записях оказаться какая-либо ошибка?

Женщина холодно посмотрела на него.

— Только в том случае, если это вы ее внесли, — ответила она.

— Спасибо, — сказал он. — Огромное спасибо.

— Да не за что, — ответила студентка-клерк, вновь возвращаясь к своему учебнику по биологии.

Ник уже подъезжал к дому Кэтрин Трамелл на Дивизадеро, когда заметил ее в сопровождении хрупкой, болезненной фигурки Хейзл Добкинз. Ник съехал на обочину и затормозил около ворот ее дома.

Кэтрин не выглядела озабоченной его появлением.

— Хейзл, — спокойно произнесла она, — познакомься, это Ник. Я много рассказывала тебе о нем. Помнишь, надеюсь?

Хейзл кивнула и смущенно улыбнулась:

— Вы ведь тот, кого она называет Стрелком? Как ваши дела?

Нику показалось, что эта старая леди своими словами предположила, что у них есть нечто общее — своеобразное братство людей, отобравших человеческие жизни, братство вроде массонской ложи. Он наполовину уже предположил, что сейчас она пожмет ему руку тем самым тайным жестом убийц.

— Спасибо, все хорошо, — ответил Карран. Он повернулся к Кэтрин. — Мне надо бы переговорить с тобой с глазу на глаз.

Кэтрин указала Хейзл на припаркованный перед домом «лотус»:

— Дорогая, почему бы тебе пока не сесть в машину. Я скоро подойду.

— Хорошо. До свидания, Стрелок, — весело сказала та.

Когда она ушла за пределы слышимости, Ник, кивнув головой, вновь повернулся к Кэтрин:

— Тебе нравится что ли, что вокруг тебя околачиваются убийцы. Ты знала о том, что Рокси...

— Конечно, мне это было известно, — прервала его слова Кэтрин.

— И ты не обратила на это внимание? Или, наоборот,

это придавало некоторую экзотичность вашему союзу? Она такая тебе *больше* подходила?

— Подумай сам. Я пишу о необычных людях.

— Сочинять — одно дело, — заметил он. — А ложиться с ними в постель — совсем другое.

— Ну, так вот, когда я пишу о них, мне приходится входить с ними в контакт. Это случается, ты сам это знаешь.

— Какого черта?

— То же самое случилось с тобой, — пояснила она.

— Это не одно и то же.

— Не-а, так было. Ты был очарован мной. Я же очаровываюсь убийцами. Убийство — это тебе не курение. Курить можно бросить.

— Что это означает другими словами?

Она поцеловала его в щеку, поцеловала тепло, как жена целует своего мужа.

— Мне надо идти. Я обещала Хейзл, что подвезу ее домой к шести. Она не хочет пропустить свою любимую передачу «Разыскиваются по всей Америке».

— Что?! Она, что, надеется увидеть какого-нибудь знакомого по камере? Это правда?

— Сейчас я не могу говорить, — объяснила Кэтрин, направляясь к автомашине.

— В то время, когда ты училась в Беркли, там не было никакой Лайзы Оберман, — крикнул он ей вслед, бросая своего рода вызов.

Она как вкопанная остановилась на полдороге:

— Ты чем занимался? Ты что, проверял меня? Зачем?

— Я занимался обычной исследовательской работой, — ответил он.

Она запрыгнула за руль «лотуса» и завела двигатель. Ветровое стекло беззвучно опустилось:

— Значит, нет *Оберман*, да?

— Так точно.

— Хорошо. Но почему ты не попытался найти ее, как Лайзу *Хо-бер-ман*, а не О-бер-ман? Ведь первая буква в таких словах не произносится и теряется. — Она нажала на педали сцепления и газа, мотор некоторое время

урчал на холостых оборотах. Затем машина понеслась вниз по улице.

Человеком, ответившим на телефонный звонок Ника, в спешном порядке сделанный из телефонной будки в нескольких кварталах от дома Кэтрин, оказалась та же студентка, которая беседовала с ним в Двинэлл-холле университета Беркли. Она сразу же распознала его голос, он узнал ее, но оба они претендовали на то, чтобы показать вид, что раньше никогда не разговаривали друг с другом. Правда, в голосе ее слышались нотки откровенного триумфа: он *на самом деле* сделал ошибку, именно так она и предполагала. Оберман... Хоберман... — конечно, это распространенная ошибка, ее очень просто сделать, но девушка чувствовала себя настоящей победительницей.

— Ага, — произнесла она. — Хоберман у нас значится. Лайза Хоберман. Обучалась с сентября 1979-го по май 1983-го.

— Это хорошо, — отметил Ник и прикрыл ладонью другое ухо, чтобы разговору не мешал шум от уличного движения. — Давайте все, что у вас есть.

— Вас интересуют ее оценки?

— Все, что угодно, кроме оценок.

— Могу сказать вам, где она жила, какие курсы посещала. Кроме этого у нас не так уж много данных.

Он, действительно, не видел нужды в получении информации о том, какой прилежной ученицей была Лайза Хоберман в школе; данные десятилетней давности о ее месте жительства ему были также бесполезны. Но как бы там ни было он рассчитывал получить хоть какую-то информацию — девятизначную отмычку к жизни любого гражданина Соединенных Штатов, например.

— У вас есть номер ее карточки социального страхования? — поинтересовался он.

— Да, есть. — Студентка протараторила ему номер, который он тут же записал в блокнот, бывший всегда наготове в заднем кармане его брюк.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Я высоко оцениваю вашу помощь.

Ник Карран повесил трубку и некоторое время в за-

думчивости стоял на тротуаре, просчитывая следующий свой шаг. Ему хотелось как можно больше узнать о Лайзе Хоберман, и он знал, где сможет получить дальнейшую необходимую информацию. Сложность состояла в том, что он был отстранен от допуска к главной компьютерной сети управления полиции. Он был уверен, что старое кодовое слово было признано недействительным, и даже если это не произошло, он не мог позволить себе написать свое имя на дисплее. Кто бы ни работал на компьютере в это время, все увидят его фамилию в файле доступа. Следовательно, оставалось одно — он нуждался в помощнике, сообщнике, который способен держать за зубами язык.

Конечно, естественной кандидатурой являлся Гас Моран, но, набрав номер своего напарника, Ник был вынужден лишь ругаться последними словами, выслушивая бесконечные гудки на другом конце провода. Нику пришлось повесить трубку и прочесать в поисках Гаса «Вэген Вил» и «Мак'с», но там там не было никаких признаков его присутствия.

Это означало, что ему придется воспользоваться запасным вариантом. Андруз однажды уже помогал ему и, возможно, поможет и на этот раз. Детектив не был счастлив от такого поворота дел, но Ник решил, что попробовать все-таки стоит.

Андруз находился в «Тен-Фор». Он там сидел, выпивая с двумя другими парнями, в которых Ник узнал полицейских, но вспомнить их имена не смог. Они были не из отдела по расследованию убийств, что, с одной стороны, было удачей, но, с другой стороны, в их присутствии Ник тоже не решился бы задать интересовавшие его вопросы Андрузу. Это было, конечно, чистым предположением, но тем не менее вовсе не было исключено, что им известно о вставших перед ним проблемах.

Он отозвал Андруза в сторону, чтобы их разговор не могли подслушать собутыльники коллеги.

— Сэм, сделай мне одолжение... — начал он.

В дежурной комнате отдела по расследованию убийств не было ни души, что их обоих прекрасно устраивало. Андруз осторожно, как ночной взломщик, прокрался по огромному, пребывавшему в хаосе офису, тщательно пытаясь сдерживать дыхание и включив только самое необходимое освещение.

— Черт возьми, должно быть я выжил из ума, — пробормотал он. — Подставляю тут под удар свою задницу... Никогда не думал, что буду помогать тебе, даже не предполагал, что ты здесь еще появишься... Вот чертово здание!

— Я не забуду этого, Сэм. Действительно, никогда. Я никогда не забываю чью-нибудь доброту.

— Ник, ты тоже можешь сделать для меня доброе дело, если поможешь потом устроиться на ту самую проклятую мойку для автомобилей, где ты будешь работать. Похоже, нам придется этим заняться, если нас здесь застукают.

— Эй, не плачь. Наверное, это тоже хорошая работа. Работаешь себе на свежем воздухе, встречаешься с интересными людьми.

— Пожалуйста, — взмолился Андруз, — заткнись! — Он уселся за компьютерный терминал и ввел кодовое слово.

— Хорошо, — прошептал Ник, вперив взгляд в экран. — Просмотри файл автотехники; воспользуемся номером лицензии, выданной на имя Лайзы Хоберман. — Он процитировал по памяти номер ее карточки социального страхования.

Андруз напечатал необходимые данные, и огромные электронные мозги на некоторое время «зависли», будто размышляя над сложной задачей.

Затем на дисплее вспыхнуло несколько строк: «Возобновлена в 1987 году на имя Элизабет Гарнер. Калифорния, Салинас, Куинстоун-драйв, 147».

Ник чуть было не закричал, когда увидел это имя. Ему удалось перебороть в себе приближавшийся тошнотворный ужас и взять себя в руки:

— Выведи саму лицензию... Хорошо, Сэм?

Андруз выдал нужную команду, и на видеодисплее терминала появилось генерированная компьютером копия действующей лицензии. Фотография на этом доку-

менте полностью соответствовала личику того самого психоаналитика, чья жизнь так тесно была сплетена с жизнью самого Ника Каррана.

— Ого! — воскликнул Андруз. — Да это же доктор Гарнер. Ведь правда?

— Да уж. Пожалуйста, теперь изобрази фото восьмидесятого года.

Фотокарточка десятилетней давности, конечно, отличалась. На ней Бет выглядела помоложе, менее холеной — все-таки в то время она была лишь студенткой. Но было и более явное отличие: теперь у Бет Гарнер были темно-коричневые волосы с блестящим каштановым оттенком. У Бет Гарнер десятилетней давности были светлые волосы, которые Ник мог рассмотреть даже на расплывавшейся фотографии с лицензии, — длинные золотистые локоны, очень походившие своим цветом и формой на волосы Кэтрин Трамелл.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Вернувшись тем вечером в собственную квартиру, Бет Гарнер, казалось, не была слишком удивлена, увидев, что в затемненной гостиной восседает Ник Карран. Наоборот, могло показаться, что, еще переступая порог своего жилища, она уже предполагала о его присутствии.

Ник, со своей стороны, нисколько не пытался извиниться за свое вторжение.

— Тебе не следовало бы оставлять дверь открытой. Мало ли кто может зайти.

— Я и не оставляла ее открытой, — холодно ответила она. — Наверное, что-нибудь с замком. — Она щелкнула выключателем и зажгла свет. — Чего ты хочешь, Ник? Я очень устала.

— Расскажи мне про Кэтрин.

На какое-то мгновение она уставилась на него, но затем просто пожала плечами:

— Она сказала тебе о... Что она тебе рассказала?

— Что она рассказала мне, Бет? — переспросил Ник. — Предположим, это же я хочу услышать от тебя, с твоих слов.

— Я переспала с ней однажды, еще в школе, — ожив-

ленно призналась она. — С точки зрения психолога, любые проявления гомосексуализма не были аномальны и их не следовало стыдиться. С другой стороны, с точки зрения гетеросексуальной женщины, она была вынуждена оправдывать свои действия. — Я была тогда еще ребенком, экспериментировала. Это случилось лишь однажды.

— Только однажды? Значит, ты разок переспала с ней и больше ее никогда не видела. Я правильно тебя понял?

Бет Гарнер мгновение колебалась:

— Нет... все было не так просто. Она испытывала... тяготение ко мне. Она подстриглась так же, как и я. Она одевалась точно так же, как я. Она повсюду следовала за мной. Она изводила меня. Преследовала меня. Это было отвратительно, пугало меня. Это пугало меня и тогда, и сейчас. Она очень опасная женщина, Ник, ты сам увидишь это.

Ник кивнул. Ему пришло в голову, что он слышит абсолютно зеркальное отображение все той же истории. Слова Бет Гарнер, ее реакция на случившееся были почти идентичны словам и реакции Кэтрин. Весь вопрос заключался в том, кто же из них был преследователем, а кто — жертвой.

— Она ведь именно это тебе рассказала, правда? — спросила Бет.

Он покачал головой:

— Нет. Не совсем так. Она сказала, что гонителем была ты.

— Я?!!

— *Ты* носила ту же одежду, что и она. *Ты* выкрасила волосы в светлый цвет.

— Да, я красила волосы. Но делала это только для того, чтобы как-то отвязаться от нее, — запротестовала Бет. — Я даже рыжей была одно время. Говорю тебе, я была молода и экспериментировала.

— Ты была знакома с Ноа Голдштейном?

— Да, он вел у нас два предмета, — ответила она.

Неожиданно Ник потерял над собой контроль:

— Ты ведь видела все материалы по этому делу, Бет!

Фил Уокер передавал тебе копии каждой бумажки. Ты знала Кэтрин Трамелл, знала о ней все, и ни разу, не заикнулась об этом! Как ты, черт возьми, собираешься это объяснить?

— А что мне следовало говорить? — возразила Бет. — Что я должна была делать? Прийти к этим проклятым копам и заявить им: «Эй! Не думайте, что я лесбиянка, или что-нибудь в этом роде, но так уж случилось, что десять лет назад я трахалась с вашим главным подозреваемым»? — Она отвернулась и сложила руки на груди, словно пытаясь сдержать хлеставшее из нее раздражение. В уголках ее глаз появились слезы. — Это звучит дико, это звучит лицемерно, особенно из моих уст, от психоаналитика, но я была смущена. Ведь это был первый и последний раз, когда я занималась любовью с женщиной.

— Ты думаешь, мы были бы шокированы? Слава Богу, Бет, мы — копы.

— Ага, все верно — копы. А через некоторое время об этом узнал бы весь департамент. Шуточки, хихиканье в раздевалках. — Она задержала дыхание, чтобы собраться с силами. — В любом случае, это не так уж важно...

— А что же тогда важно?

— Важно другое, Ник. Важно, чтобы ты остерегался ее. Она, действительно, больная, тебе это известно? Ты что, не видел, как на нее иногда находит? — Она посмотрела на него, умаляя своими глазами о понимании, заклиная его своим взглядом поверить ей. — Я не знаю, пыталась ли она взять здесь своеобразный реванш, но то, что она спланировала все, — это точно. Она знает, что я училась в Беркли. Она знает, что я была знакома с Ноа Голдштейном. Она сочинила всю эту историю обо мне. Она пытается втолковать тебе, Ник, что я тот человек, который преследовал ее, у которого в отношении нее навязчивые идеи. Она старается выставить меня в неприглядном свете, связать меня по рукам и ногам и заявить: «Вот та психопатка, которая убила Джонни Боза».

— Она вовсе не пытается подставить тебя, Бет, —

взбешенно заявил Ник. — Она даже не знает, кто ты теперь. Она рассказывала мне о Лайзе Хоберман, а вовсе не о Бет Гарнер.

— Не могу поверить, что ты настолько глуп, — возразила Бет. — Она была уверена, что ты выяснишь, кто такая Лайза Хоберман в настоящее время. Ты ведь коп, Ник... Хороший коп, в конце концов. Что она сделала? Дай-ка мне самой догадаться... Она как бы случайно рассказала это тебе, рассказала так, чтобы это звучало к месту. — Бет улыбнулась, но это была искривленная, натянутая улыбка. — Наверное, она сказала тебе это в постели. Ведь так, Ник? Вот, как это все произошло.

Ник отвернулся от нее, восстанавливая в памяти трепещущий голос Кэтрин, когда та рассказывала ему ужасающую историю о Лайзе Хоберман.

— А почему ты поменяла имя, Бет?

— Я вышла замуж. И он называл меня Бет.

— Замуж? Вот уж никогда не знал, что ты была замужем.

— Это тебя не касалось, — уколом на укол ответила она. Потом пожала плечами, подумав, что как раз Ника-то касалось абсолютно все. Она не стыдилась того, что была замужем, а затем развелась. — Я познакомилась со своим мужем сразу, как только кончила медицинскую школу. Он, так же как и я, был молодым врачом в бесплатной больнице в Салинасе. Наша семейная жизнь не была долгой.

— Сколько времени ты была замужем?

— Не слишком долго, Ник. Ты действительно думаешь, что я... что я убила кого-нибудь? Да я никогда и в глаза не видела Джонни Боза. Никогда даже не слышала о нем.

Голова у Ника уже раскалывалась. Он больше не знал, кому или чему верить. Он собрался уходить.

— А как насчет Нилсена? — крикнула ему вслед Бет. — Какой у меня мог быть мотив, чтобы убить его? Здесь что-то не стыкуется. Подумай об этом, Ник.

Ник уже размышлял об этом. Только он не говорил об этом вслух, во всяком случае, ей. Он ткнул пальцем в сторону сломанного запора на двери ее квартиры:

— Знаешь ли, тебе надо что-нибудь сделать с этим замком. Вокруг бродит множество прощелыг.

— Ты прав, — горячо подхватила Бет. Она протянула к нему свои руки, будто пытаясь отогнать некое сильнейшее сатаническое заклятие, обрушившуюся на него нечистую силу, и только ее магический знак мог спасти его. — Она — сам дьявол! Она — дьявол в ангельском обличье! Будь осторожен, Ник.

Ник кивнул, словно соглашаясь с ней. Но он никогда не был осторожен в обращении с чем-либо и, *тем более*, в своих отношениях с женщинами. *Никогда.* Так с чего бы это ему сейчас вдруг становиться осторожным?

Он не соблюдал никаких мер предосторожности ни когда входил в вестибюль дома, где находилась его квартира, ни когда без всяких предварительных размышлений поднимался по тускло освещенным пролетам лестницы к своим аппартаментам. В тот момент, когда он пытался нащупать в кармане ключи от двери, он почувствовал, как на плечо опустилась чья-то рука, и отпрыгнул в сторону, будто обварившись кипятком:

— О, Бог мой!

Из мрака выплыла Кэтрин Трамелл. Она хохотала над ним во все горло.

— Я испугала тебя? — поинтересовалась она. Ее глаза блестели от безудержного веселья. Она прекрасно понимала, что испугала его, и, казалось, это принесло ей удовольствие точно так же, как и в тот раз, когда она неожиданно набросилась на него на пляже.

— Тебе не следовало бы подкрадываться к человеку, который, как тебе известно, вооружен, — произнес он. — Именно так происходят несчастные случаи.

— Но я-то знала, что ты не вооружен, — возразила она. — Ты должен был сдать свою пушку, когда уходил... в отпуск.

Конечно, она была права. Он пощупал то место под мышкой, где обычно находился его револьвер тридцать восьмого калибра. Ношение оружия стало уже его второй натурой, и сейчас, невооруженный, он чувствовал себя так, будто его раздели.

— Как бы там ни было, я всего лишь хотела застать тебя врасплох, — оживленно и почти раздраженно попыталась оправдаться она. Потом она заметила, что нечто беспокоит, тревожит его больше, чем ее сюрпризы.
— Что произошло, Ник? — поинтересовалась она.

— Я разыскал Лайзу Хоберман, — ответил он.

— Отыскал ее?.. И чем она теперь занимается?

— Неужели тебя действительно интересует, чем занимается твоя старинная приятельница по колледжу?

Она некоторое время непонимающе смотрела на него:

— Это означает, что ты не хочешь говорить мне, что она делает? Это так? А я-то думала, что мы перестали играть друг с другом...

Ник уже отпер свою дверь, но в квартиру все еще не входил. Он стоял в проходе и, казалось, преграждал ей туда дорогу.

— Я тоже так думал. Я был уверен, что игры ушли в прошлое.

— Так и есть, — твердо заявила она.

— Тогда, как могло получиться, что ее рассказ очень незначительно отличался от твоего? Она повторила мне ту же самую историю, но с точностью до наоборот: там ты ее преследовала. Она дала понять, что ты подстриглась так же, как она...

Кэтрин медленно улыбнулась:

— И ты поверил ей? Твоя способность к легковерию удивляет меня, Ник. Правда-правда. Именно я являлась жертвой. Именно я была вынуждена обратиться в полицию нашего кампуса и написать заявление о ее действиях.

— Ты сделала это? — Он до сих пор не мог ей поверить.

— Да, я его написала. Так что? Ты по-прежнему думаешь, что я убивала кого-нибудь?

Ник не думал, что она была убийцей. Он не хотел даже допустить мысли о ее способности убить другого человека.

— Нет, — тихо ответил он.

— Лгун, — бросила она и, развернувшись на каблуках, начала спускаться по мрачной лестнице с апломбом и самоуверенностью модели *haut couture*[1].

[1] Высокая мода (*франц.*). Здесь: на подиуме во время демонстрации мод.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Пока Ник, сидя в машине, ожидал своей очереди пересечь Бей-Бридж, его головой завладела одна замечательная мысль: во время вынужденного отпуска нагрузка делами, оказывается, была немного меньше. Обычно они с Гасом расследовали около полудюжины убийств, пытаясь выстроить в ряд детали каждого из них. Теперь, во время неожиданного отпуска по психологическим причинам, Ник был волен заняться одним-единственным делом, которое привлекало его больше всего, — распутыванием запутанного клубка, бывшего жизнью Кэтрин Трамелл. Его даже не интересовало теперь убийство Джонни Боза. В настоящее время Ник хотел одного: познать *ее*, отделить ложь от правды, выдумку от реальных фактов.

Этим утром он вновь совершил путешествие по мосту и, припарковав машину на Бэнкрофте, снова вступил на территорию университета. Перед массивным зданием Мемориальной библиотеки Доу он налетел на копа, работавшего в кампусе Беркли, который объяснил ему, где находится университетская «секьюрити».

Служба безопасности Беркли располагалась в полу-

подвальном помещении Колтон-холла. Среднего возраста служащий, сидевший здесь за конторкой, был из экс-копов и он с удовольствием бы провел большую часть утра, утомляя Ника всяческими историями, связанными с работой полиции Олбани, если бы тот сразу не указал на важность своей миссии.

Карран обратился к этому человеку так, будто тот все еще был действующим полицейским, его собратом по оружию:

— Я обязательно должен вернуться в Сан-Франциско с этими данными в зубах, — объяснил ему Ник, — или лейтенант свернет мне башку. Знаешь ведь, как бывает, старина...

«Старина», соглашаясь, хихикнул:

— Ого, конечно, знаю. У меня работа, понимаешь ли, тоже не сахар... Одна головная боль.

— Догадываюсь.

Коп провел его в комнату, где хранились документы университетской «секьюрити». Она с пола до потолка была уставлена скоросшивателями, в которых содержались все докладные о каждом происшествии, случившимся за всю современную историю университета Калифорнии, что в Беркли. Среди данных о бесчисленных облавах и отбившихся от рук дебоширов нашлось место и для более серьезных преступлений.

— Где, ты говоришь, работаешь? — поинтересовался экс-полицейский.

— В отделе по расследованию убийств.

— Все ребята из таких отделов, с которыми я встречался, были отчаянными парнями. Ты тоже?

— Я — нет, — ответил Ник.

— Рад это слышать. — Человек остановился около одного из шкафов с делами и вытащил оттуда скоросшиватель. — Вот то, что нам нужно, — сообщил он, указывая на пожелтевшее досье. — В некотором роде.

— Что ты имеешь в виду? Почему в «некотором роде»?

— Здесь раньше находился рапорт о Лайзе Хоберман, датированный январем 1980-го. Но теперь его нет. Нет его, и все тут.

— Нет? Что это такое? Библиотека или нет? — взорвался Ник.

Университетский коп неодобрительно посмотрел на него, словно начиная подозревать, что Карран, в конце концов, все-таки отчаянный парень.

— Остыньте, мистер.

— Кто забрал его?

— Один из ваших. Малый по фамилии Нилсен.

Ник вырвал папку из рук экс-полицейского и пробежал глазами одинокую запись: «Выдано 19 ноября 1990 г. детективу Внутренней службы департамента полиции Сан-Франциско М.Нилсену».

— Знаешь этого парня? — полюбопытствовал полицейский.

— Ага, — не спеша ответил Ник. — Я был знаком с ним.

— Тогда передай ему, что мы хотим получить дело назад. Видишь, уже целый год прошел, как оно у него.

— Угу, — заверил его Ник. — Обязательно передам.

Голова у Ника шла кругом, и он нуждался в хорошенькой порции критического мышления под наблюдением «доктора» Гаса Морана. Он позвонил ему из телефона-автомата, установленного в кампусе университета, и они договорились встретиться на сан-францисской стороне бея. В своем желании избрать местом своей встречи округу, привлекательную и скрытую от лишних глаз, они остановились на скрытом в тумане седьмом пирсе, находившемся на стыке южной части Маркет-стрит и Эмбаркадеро.

Они измеряли шагами длинный и неработающий теперь док и снова и снова перемалывали имевшиеся у них факты.

— Итак, Нилсен забрал составленную на нее докладную. Что мы из этого имеем? Ты даже не знаешь, что за чертовщина была там, — говорил Гас.

— Кэтрин *рассказала* мне, что там было.

— Если только она поведала тебе *всю правду*, — предостерег его Гас.

— Гас, ты что, ничего не понял? Если Бет прикончила

Джонни Боза для того, чтобы подставить Кэтрин, она бы ни в коем случае не допустила бы, чтобы кто-нибудь узнал, что произошло в Беркли. Даже, если это и случилось много лет назад. Но Нилсен обнаружил это, что и послужило очевидным мотивом к его убийству. Бет убила его.

— Ага, — будто выступая на дебатах, начал Гас, — но какого черта Нилсен вообще натолкнулся на это дело? Если все произошло так, как ты излагаешь.

— Он же был следователем Внутренней службы, Гас. И, наверное, поинтересовался у нее о происшедшем.

Гас на мгновение задумался над такой возможностью. Все-таки у него что-то не сходилось.

— Но тогда она должна быть еще тем орешком, пикантнее двадцатифунтового рождественского пирога с изюмом. А Бет Гарнер не из тех, кто околачивается с бесчисленными убийцами. С другой стороны, твоя подружка прямо-таки дружбу водит с парочкой из них.

— Она писатель, — оправдываясь ответил Ник, — и это часть ее работы. Исследовательская часть.

— Может, я и куплюсь на эту слабую отговорку, — проговорил Гас. — А, может, нет. Я еще не пришел к какому бы то ни было решению. Без сомнений, было бы намного проще, если бы мы знали, что там, в Беркли, произошло в действительности. И должен быть *кто-нибудь*, кто знает, что за дьявольщина там была совершена.

— Я *знаю*, что там произошло, — настаивал Ник. — Кэтрин все мне рассказала. И весь ее рассказ проверен, все сходится.

— Все, что ты узнал, это просто идиотское чириканье птичек, порхающих вокруг твоей башки. Вот что они из себя представляют, твои данные.

— Да будь я проклят!

Гас ухмыльнулся:

— Ты что, действительно думаешь, что вы с ней трахнетесь как крысы, потом воспитаете своих крысят и будете жить долго и счастливо? *О, Боже*! Пожалуйста, только не говори своему старому приятелю Гасу, что ты *действительно* так думаешь!

Слова Гаса отражали как раз то, чем были наполнены

мысли Ника, но он никогда не заставил бы себя признаться в этом своему другу.

— Я не знаю вообще, какого черта думать, — спокойно ответил он.

— Это хорошо, — успокоился Гас. — Тогда еще остается хоть какая-то надежда.

— Ладно, — сказал Ник, — тогда есть смысл, и правда, вернуться к самому началу этой истории. Как ты заметил, должен же быть кто-то, кто что-нибудь знает.

— Хорошо, тогда можно заняться тем, что делает твоя подружка, то есть небольшим исследованием. Я сконцентрирую свои усилия на ней и отыщу кого-нибудь, кто может заполнить некоторые пустоты.

— Как ты собираешься это сделать?

— Так уж получилось, Ник, что я подготовленный профессиональный полицейский. Какая удача для нас обоих, не правда ли, а?

Ник улыбнулся:

— Хорошо, ты занимаешься ею. Я займусь Бет.

— Это большая ошибка.

— Быть может, но существуют некоторые предположения, которые необходимо проверить.

— Предположим, что я прав, а ты нет, — самоуверенно заявил Гас.

— Хорошо, принимаю это предложение.

Гас кивнул:

— Жду тебя здесь, на этом самом старом пирсе, в двадцать четыре ноль-ноль. И ты убедишься, сынок, что твоего старого напарника пока рано сбрасывать со счетов.

Поднимаясь по ступенькам в собственную квартиру, на этот раз Ник был полон предположений о том, кто или что может скрываться во мраке. Там, правда, никого не было, но зато чем выше он поднимался, тем отчетливее слышалась музыка... и, казалось, она раздавалась именно из его апартаментов.

Он остановился перед дверью и прислушался. Так и есть, она звучала изнутри. Он осмотрительно помотал головой по сторонам и заглянул в свое жилище.

Около окна стояла Кэтрин. Она была одета в черные джинсы и свою любимую кожаную черную мотоциклетную куртку, застегнутую почти до подбородка.

— Я не могу долго злиться на тебя, — произнесла она. — Я прощаю тебя.

— Я ничего такого и не совершал, чтобы у тебя была причина прощать меня, — сердито заметил он.

— *Ты* простил меня?

— Нет.

Она надула губки:

— Подойди сюда и снова повтори «нет».

Он подошел и посмотрел ей в глаза.

— Нет, — сказал он, — я не простил тебя.

Она принялась очень медленно расстегивать свою мотоциклетную куртку. Когда молния разошлась, стало понятно, что под тяжелой кожей на ней больше ничего не было.

— Я уже видел их, — произнес Ник.

— Но ты не должен был их больше видеть. Моя книга почти закончена, и детектив уже близок к смерти.

— Правда? А у него еще останется время выкурить последнюю сигарету?

Она притянула его к себе.

— Потом, — срывающимся голосом произнесла она.

Они любили друг друга очень бурно и жадно прямо на полу гостиной. Сильное влечение, испытываемое каждым из них в отношении своего партнера, хлынуло по их телам пылко и стремительно, как расплавленный металл.

Когда все закончилось, он залез в карман своих брюк в поисках сигареты, выудил одну из раскрытой пачки, наполнил свои легкие дымом и затем передал ее Кэтрин.

— Завтра мне придется заняться одним исследованием, — сообщил он.

— В исследованиях я достигла некоторых успехов. Так что могу помочь тебе.

Он отобрал у нее сигарету и сделал затяжку.

— Нет, спасибо.

— А каким именно исследованием ты думаешь заняться?

— Хочу подыскать другой конец для твоей книги.

Кэтрин улыбнулась:

— Правда? И какая же у тебя будет развязка?

— Развязка будет состоять в том, что детектив не умрет. Ни он, ни его «нехорошая» подруга.

— А что же тогда с ними случится?

— Будет «хэппи энд», все кончится хорошо.

— Ненавижу счастливые концы.

— Так я и думал. Но постарайся смириться с ним.

Она вытащила сигарету из его губ и закурила сама.

— Ну что ж, заставь меня поверить, что все будет так, как ты говоришь.

— Он и его «нехорошая» подруга, они будут трахаться, как крысы, потом примутся воспитывать своих крысят и будут жить долго и счастливо.

Кэтрин некоторое время обдумывала такую возможность.

— Ее не будут покупать, — заявила наконец она.

— Это почему же?

— Потому что кто-нибудь должен умереть.

— Но почему?

— Потому что кто-нибудь *всегда* умирает, — ответила она.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Салинас — небольшое местечко в округе Монтерей, скучный маленький городок, удаленный от импозантной и захватывающей береговой линии, расположившейся неподалеку. Он настолько отличается от других шикарных небольших городишек, расположившихся на берегу, насколько вы можете себе представить. Салинас зарабатывает свои деньги тяжелым трудом на огромных овощных хозяйствах, которые окружают его, и пищевых комбинатах, находящихся в промышленном районе. На каждом углу Салинаса вы можете повстречать иммигрантов — фермерских рабочих, надеющихся получить здесь место; а воздух тут насквозь пропитан ароматом, исходящим от специй, растущих на плантациях в восточной части городка.

Салинас и был тем самым местом, где Ник еще мог раздобыть хоть какие-то сведения о Бет Гарнер. Она говорила, что вышла здесь замуж, и ее муж работал в местной клинике. Быть может, ее бывший муж знал что-либо, и если это так, то Ник был настроен любым способом получить от него информацию.

Бесплатная клиника обслуживала рабочих-иммигран-

тов, и Ник отыскал ее на самой окраине города неподалеку от полей и железнодорожных путей.

Приемная скорой помощи была наполовину заполнена пациентами, дожидавшимися своей очереди увидеться с доктором, но Ник был не в том расположении духа, чтобы ждать. Он направился прямо в комнату медсестер. Там пребывали две из них, обе примерно одного возраста — около тридцати. Они сидели, уткнувшись в свои бумаги.

— Привет, — обратился он к одной из них. — Я разыскиваю доктора Гарнера. Не скажете ли, где я могу его найти?

— В нашем штате нет такого человека. Доктора Гарнера у нас нет, сэр.

— Нет?

— Он был у нас. Некоторое время назад, когда я только начинала здесь работать. Тогда был такой — доктор Джозеф Гарнер.

— Должно быть это он, — сказал Ник.

— Тогда, боюсь, что его больше с нами нет.

— А вы не знаете, где он теперь?

— Нет, видимо, вы меня не поняли. Его больше нет с нами. Его нет ни с кем. Он умер.

— Умер? Как это «умер»?

Медсестра мгновение колебалась, затем ответила:

— Он был застрелен. Это все, что я знаю.

Человека, исполняющего обязанности шерифа Салинаса, Ник повстречал прямо перед полицейским участком. Тот поливал водой из шланга белый «шеви-блэйзер». Эта машина не была полицейским автомобилем, и коп, казалось, располагал временем, чтобы помыть свою личную машину и поболтать с другим копом, прибывшим из большого города. О смерти доктора Джозефа Гарнера ему было известно все.

Он направил струю воды на ветровое стекло и начал рассказ:

— Доктор Гарнер... Проклятая вещь... Это приятный, спокойный городок. С этими рабочими-иммигрантами здесь нет никаких проблем — они знают, что, если вызовут какое-нибудь беспокойство, их тут же вышвырнут восвояси.

Вода теперь монотонно лилась на панель боковой двери автомобиля.

— А Гарнер? Что же все-таки с ним?

— Как я уже сказал, странное дело. Он возвращался с работы домой. Он и его жена жили в нескольких кварталах от клиники. И кто-то, проезжая мимо, выстрелил в него.

— Проезжая мимо? — переспросил Ник. — У вас тут, что, Окленд?

— Не-а. Просто странно, как я и сказал.

— Из какого оружия он был убит?

— Из револьвера тридцать восьмого калибра. Так и не было раскрыто. — Он направил кишку на покрышки, вода принялась смывать грязь со ступиц колес.

— Были ли подозреваемые?

— Не-а, ни подозреваемых, ни мотивов к убийству. Неразрешимо.

— А его жену подозревали?

Шериф выключил воду и с любопытством посмотрел на Ника.

— Знаешь, около года назад тут появлялся еще один паренек из Фриско. Он задал мне тот же самый вопрос. Чего это вы так этим интересуетесь? Так, между прочим?

— Обычная рутина, — ответил Ник. Они оба прекрасно знали, что за этими словами на сленге копов скрывается фраза: «займись собственными делами и не суй нос в чужие».

— Ага, и он тоже сказал, что это — обычная рутина.

— Помнишь как его звали?

Шериф какое-то время раздумывал, но потом отрицательно покачал головой.

— Не-а, не могу сказать, что помню.

— А если услышишь его имя, то можешь признать?

— Да вроде должен. — Он снова включил воду, направил ее теперь на покрышки задних колес.

— Нилсен?

— Он самый.

— Так ее что даже не подозревали?

Коп покачал головой.

— Не-а. Ходил тут один слушок. Но, как бы там ни было, из этого ничего не выгорело.

— О чем был слух? — насторожился Ник.

— О подружке, — ответил шериф.

— У него была подружка?

— Не-а. У нее. Но, как я уже сказал, это не выгорело.

Он вновь выключил воду и принялся сворачивать шланг. «Шеви» теперь сверкал, и с него ручейками стекала влага.

— Спасибо, — произнес Ник.

— Надеюсь, что помог тебе.

— Да уж... — пробормотал Ник. — Помог...

В доме Кэтрин Трамелл на Стинсон-бич появился теперь новый звук. Он был таким же регулярным и ритмичным, как шум прибоя. Этот звук издавал лазерный принтер компьютера, который в соответствии с заданной программой выстреливал из себя страницы ее новой книги.

Принтер работал так тихо, что Ник даже не заметил его, пока не прошел вглубь дома. Не было никаких признаков того, что Кэтрин здесь, но ведь кто-то же вытащил первую партию листов из подноса печатающего устройства. Ник взял в руки титульную страничку, на которой было напечатано только название книги. «Кэтрин Вулф. Стрелок», — прочитал он.

— Тебе нравится название? — неожиданно спросила Кэтрин. Она стояла в дверном проеме.

— Оно очень... легко запоминается и захватывает, — ответил он.

— Уже закончено. Я за-кон-чи-ла свою книгу.

Он прошелся кончиками пальцев по краю стопки.

— И чем она заканчивается?

— Я уже рассказывала тебе. Она убивает его. — Она затушила окурок. — Прощай, Ник.

— Прощай? — непонимающе переспросил он.

— Да. Я закончила свою книгу. Ее слова, казалось,

не достигали его сознания. Ник, как завороженный, стоял на месте. — Ты что не слышишь?

Ник не подал вида, что понимает, о чем она. Он смотрел на нее, изучая ее лицо в поисках какого бы то ни было признака, символа, приглашающего к примирению.

— Герой — ты, Ник, мертв. А это означает «прощай». — Она пошла по направлению к террасе. — Ник? Чего ты хочешь? Цветов? Я вышлю тебе экземпляр книги со своим автографом. Ну так как?

— Это что... шутка такая? — он почти улыбался, уверенный, что, в конечном счете, разгадает ее. — Мы снова начинаем играть?

— С играми покончено, — сухо ответила она. — Ты был прав. В ту ночь действительно произошел половой акт столетия. Ты был прав, Стрелок.

— О чем ты говоришь, черт побери?

Кто-то позвал ее изнутри дома: «Кэтрин, где ты?» Голос, судя по всему, принадлежал пожилой женщине.

— Сейчас я подойду, Хейзл, — отозвалась Кэтрин. — Пока, Ник, — спокойно произнесла она, повернувшись к нему.

— Но...

— Никаких «но». Я говорю то, что думаю, — заявила она, и в ее голосе звучали какие-то нотки, которые дали ему понять, что на этот раз она действительно не играет.

Ник прибыл на пирс раньше своего напарника. Он принялся ждать Гаса, сидя в машине и куря. «Кадиллак» Морана остановился бок о бок с «мустангом», и его водитель поприветствовал его гудком. Гас наклонился к противоположной двери своей старой колымаги и распахнул ее.

— Залезай, — крикнул он Каррану.

Ник скользнул на сиденье рядом со своим напарником и по одному только выражению лица Гаса понял, что старый коп наткнулся на что-то по-настоящему существенное.

— Я разузнал множество чепухи, которая должна заинтересовать тебя, сынок. Я обзванивал людей, жив-

ших в одном университетском поселке с Трамелл. Я поехал туда и взял ее ежегодник, взял списки ассоциации бывших питомцев Беркли — в общем, все, что мог. Они были очень любезны, эти люди в Беркли.

— Рад за тебя, — кисло заметил Ник. — Давай же, Гас, рассказывай поскорее.

— Не подгоняй меня, сынок. Итак, я пытался раздобыть где-нибудь какие-либо сведения, когда вдруг утром мне позвонила соседка по комнате Кэтрин Трамелл. Они вместе жили, когда та училась на первом курсе...

— Она *сама* позвонила *тебе*?

— Именно так. Ее имя Мэри Бет Ламберт. Я проверил в ежегоднике, все сходится. Она сказала, что все знает о Кэтрин Трамелл и Лайзе Хоберман. Должен тебе сказать, эта твоя подружка обладает прямо-таки даром отпугивать от себя людей. Так вот, эта самая Мэри Бет Ламберт заявила, что отказывается беседовать о прошлом Кэтрин по телефону, ведь, мол, я могу оказаться неизвестно кем. Поэтому она настаивала на личной встрече. Эта женщина обитает где-то в Окленде, и мы договорились о встрече в ее рабочем офисе в Пилл-Хилле. Она сказала, что будет лучше, если мы встретимся после работы, когда остальные ее сослуживцы рассеются в конце дня. Она именно так и сказала: «рассеются». — Гас завел двигатель «кадиллака». — Ну, так как ты смотришь на поездку в Окленд, сынок?

Ник только пожал плечами. Если Кэтрин действительно вычеркнула его из своей жизни, если он и по правде был лишь частью ее исследования, подопытным кроликом, тогда он уже никак ни на что не смотрит. Ему все равно.

— Ты паршиво выглядишь, сынок, — заметил Гас. — Не огорчайся, что старый Гас умудрился побить тебя. Я должен уйти на подъеме. Так что доставь удовольствие старому человеку, дай ему почувствовать себя настоящим триумфатором. Неужели это так сложно?

— Нет, это несложно, — мягко ответил Ник.

— Ну, вот и хорошо.

Гас направил свою машину в поток других автомобилей, направляясь в сторону Бей-Бриджа и Ист-Бея. Из

него, как из фонтана, продолжал литься бесконечным потоком рассказ о результатах его изысканий.

— Знаешь, а ее соседка по комнате это не все, что я откопал. Тебе известно, что Бет Гарнер ведет частную практику? Она делит один кабинет в Ван-Нэссе с другим психоаналитиком. И знаешь ли ты, кто является самым важным пациентом ее коллеги? Или, точнее сказать, был им? Джонни Боз, чтоб его черти разорвали! — Гас гикнул и ударил рукой по рулю. — Кэтрин Трамелл знает это и решает, что Бет можно выдать за сумасшедшую, которая прикончила его ножом для колки льда. Ты проиграл, сынок. Ты проиграл! — Он взглянул на Ника, ожидая увидеть того озадаченным и услышать страшные ругательства по поводу проигрыша.

Но Ник сидел неподвижно, лицо его превратилось в каменную маску. Он был не из тех, кто тяжело переживает свои ошибки, поэтому Гас по-настоящему удивился.

— Да что, черт возьми, с тобой происходит?

— Заткнись, Гас.

Гас пожал плечами.

— Извини, конечно, что я заговорил.

Оставшуюся часть пути до Окленда они проехали молча.

Пилл-Хилл находился в Северном Окленде. Это был клочок земли, на котором были сконцентрированы здания офисов и больниц, — настоящая медицинская Мекка Ист-Бея. Гас зарулил на стоянку перед одним из зданий, которое являлось цитаделью офисов различных фирм, и остановил там свой «кадиллак». Оба полицейских вышли из машины.

— А ты куда идешь? — поинтересовался Гас.

— Я иду с тобой.

— Эге... Нет, ты в отпуске, сынок. Это не займет много времени. Я вернусь через минутку.

— Ладно. Но, может, ты скажешь мне на прощание, куда направляешься?

— Комната четыреста пять, сынок. Подожди меня в машине. Затем пойдем где-нибудь пропустим по паре стаканчиков, и я расскажу тебе всю историю целиком.

Ник мгновение колебался.

— Это моя собственная история, Ник. Так дай мне ее закончить самому.

Ник, соглашаясь кивнул.

— О'кей, хорошо. — Он вновь забрался в машину, а Гас направился в сторону строения.

Помещение было всеми покинуто, но само здание не было заперто, и двери лифта были гостеприимно распахнуты на цокольном этаже. Гас вошел внутрь и нажал на кнопку четвертого этажа. Кабина поднялась на этаж, но вдруг остановилась, и ее двери принялись расходиться в стороны.

Гас снова нажал на кнопку и выругался про себя. Лифт поднялся еще и остановился теперь на третьем этаже. Двери полностью распахнулись, представив его взору пустынный холл.

— Да черт тебя побери! — Гас всегда ненавидел технику. Двери лифта снова закрылись и кабина полетела вверх.

На четвертом створки вновь разошлись в стороны, и Гас выступил в затемненный коридор. Он не ожидал никого повстречать здесь, поэтому лишь краем глаза заметил мелькнувший рядом золотистый локон волос и сверкнувшее в каком-то случайном луче света лезвие ножа для колки льда. Он увидел этот проблеск за мгновение до того, как острие впилось ему в горло.

Ник сгорбившись сидел на переднем сиденье автомобиля своего напарника, когда одно воспоминание о фразе, брошенной Гасом, неожиданно ударило его с силой хорошего апперкота. Ему самому позвонила соседка по комнате Кэтрин. Соседка-первокурсница... Каковы были шансы, что такое может случиться? Кто-то позвонил Гасу и позвал его на встречу... прямо в ловушку — вот что!!!

Карран, как ошпаренный, выскочил из салона машины и помчался в сторону здания. Он перепрыгивал через три ступеньки и, поднявшись на четвертый этаж, вышиб дверь пожарного выхода.

Рухнувший на пол Гас лежал в открытых дверях лифта. Из дюжины ран на шее, щеках, челюсти, лице ручейком вытекала кровь. Двери пытались закрыться, они сжимали своими челюстями истекавшее кровью тело Морена и вновь разбегались в стороны.

— Гас! — заорал Ник. Он упал на колени, склонился к своему напарнику и постарался голыми руками остановить тому многочисленные кровотечения. Но теплая жидкость протекала у него между пальцами и стремительно стекалась в липкий поток.

Глаза Гаса были широко раскрыты; жизнь вытекала из него с каждой секундой. Смерть уже впилась своими костлявыми руками в его горло.

— Гас! Гас! — стонал Ник. — Гас, нет, пожалуйста, нет!

Гас содрогнулся и обмяк.

Ник с ног до головы был залит кровью своего напарника. Он вытащил из кобуры на животе Гаса револьвер. Лифт не работал, и Ник не видел, чтобы кто-нибудь спускался по лестнице. Значит, тот, кто убил Гаса Морана, был все еще здесь, на этаже.

Позади послышался какой-то шум. Ник обернулся и нос к носу столкнулся с тем человеком, которого и ожидал здесь увидеть.

— Замри! — крикнул Ник и, сняв оружие с предохранителя, выставил его перед собой. Дуло уставилось прямо на грудную клетку Бет Гарнер.

Она побледнела и в ужасе отпрянула, руки ее были засунуты в карманы плаща.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Подними руки вверх! — скомандовал он.

— А где Гас? У меня в машине лежала записка от Гаса с просьбой встретиться с ним здесь. Где он?

Она сжимала что-то в правом кармане плаща.

— Подними руки вверх, черт тебя подери! — вопил Ник. — Не двигайся!

— Ник, пожалуйста... — она сделала шаг вперед.

— Нет! Не двигайся! — он взвел курок. — Мне все известно о твоем муже.

Бет, казалось, еще больше побледнела.

— Моем муже? — переспросила она.

— И мне известно, как тебе нравятся девочки. Ты ведь до сих пор их любишь, Бет?

— *Что*? — Она улыбнулась странной, причудливой, всепонимающей улыбкой и сделала еще один шаг в его сторону.

— Вынь руки из карманов!

— *Что с тобой происходит*? — Она рванулась к нему, одновременно выбросив вперед руку из кармана дождевика.

Ник выстрелил один раз, по помещению пронесся грохот. Пуля ударила ей в грудь; тело откинулось назад и рухнуло на пол.

Он все еще направлял оружие в ее сторону. Бет до сих пор была жива. Едва жива... Он присел на одно колено и вытащил ее руку из правого кармана плаща и крепко сжал ее кулак, где оказалось были только ключи. Никакого оружия там не было.

Бет прошептала ему что-то, прошептала очень тихо и нежно, ему пришлось буквально прильнуть своим ухом к ее рту, чтобы расслышать, о чем она говорит.

Она чуть слышно прошептала последние свои слова:

— Я любила тебя.

— Почему ты думал, что у нее есть оружие? — Фил Уокер стоял около Ника Каррана. Он был полностью запутан и озадачен: Гас Моран мертв, Бет Гарнер тоже мертва, а Ник Карран, казалось, превратился в зомби.

Вокруг носились ребята из следственной бригады, коронеры, сотрудники Внутренней службы, но глаза Ника с великим трудом фиксировали эту беготню и суету.

— Какого черта здесь делала Бет Гарнер? Почему Гас Моран оказался здесь? — Фил Уокер безнадежно пытался получить от Ника ответы, но спрашивать у того что-либо было бесполезно, совсем как разговаривать с неодушевленным предметом. — Какого хрена *ты сам* тут делал?

Сэм Андруз похлопал Уокера по плечу.

— Нашли кое-что, лейтенант.

— Что?

Судебный следователь держал в руках, на которые были натянуты резиновые перчатки, дождевик.

— Обнаружили это на лестничной площадке на пятом этаже. Здесь свежие пятна крови, светлый парик и нож для колки льда в кармане.

— Нож для колки льда?

Следователь вытащил нож из кармана плаща.

— Ага, — произнес он. — И посмотрите-ка еще сюда. — Он вывернул подкладку дождевика. Там в линию было вышито сокращение слов «департамент полиции Сан-Франциско»: «ДПСФ».

Уокер запустил свою пятерню себе в волосы.

— О, Иисус, — пробормотал он.

Больше в этом здании, да и во всем Окленде, искать было нечего, так что вся полицейская команда отправилась в Сан-Франциско. Точнее — в район Марины, где находилась квартира Бет Гарнер.

Они роем пронеслись в дом, штурмуя его не хуже отряда морских пехотинцев, высаживающихся на берег. Ник плелся вслед за ними, размышляя о том, что однажды сказал ему Гас. Ник слышал скрипучий голос своего напарника как наяву, так хорошо, будто тот стоял рядом с ним: «Никогда не позволяй себя убивать, Ник. Иначе не побыть тебе одному».

— Лейтенант, — позвал Уокера Андруз. — Мы нашли револьвер. Тридцать восьмой калибр. Лежал в книжном шкафу за какими-то книгами.

— Пусть эксперты по баллистике проверят его, — приказал Уокер. — Быть может, из этого оружия был убит Нилсен.

— Тут еще кое-что.

— Что именно?

— Фотографии, — ответил Андруз. — Фотокарточки с изображением Кэтрин Трамелл.

Это, казалось, привлекло внимание Каррана. Он присоединился к Уокеру, который направился в спальню. Крышка туалетного столика Бет более всего походила на место поклонения Кэтрин Трамелл. Здесь возлежали экземпляры ее книг и стопки фотографий — Кэтрин в

колледже, Кэтрин на боксерском поединке, Кэтрин в компании Джонни Боза, Кэтрин с Рокси.

Уокер повернулся к Нику.

— Ладно, — произнес он. — Думаю, с этим покончено.

Поздней ночью команда Уокера собралась в бюро отдела по расследованию убийств, напоминавшему в другое время пчелиный улей. Толкотт приказал, чтобы к рассвету это дело было разложено по полочкам, положено ему на блюдечке и перевязано ленточкой. Он планировал собрать утром пресс-конференцию, где, по его словам, ему не хотелось бы показаться болваном.

На одном из столов лежали дождевик и светлый парик.

— Ее размер. Это кровь Гаса Морана, — пояснил Андруз.

— Она, наверное, слышала, как ты шел и выбросила это, — объяснил Нику Уокер.

Андруз принялся читать заметки из своего блокнота.

— В том здании не было никакой четыреста пятой комнаты. Соседка Кэтрин Трамелл по комнате, когда та была на первом курсе, мертва. Она умерла от лейкемии два года назад. Мы получили по факсу свидетельство о ее смерти.

— Что-нибудь еще?

— Ага, — кивнул Андруз. — Главное. Баллистики утверждают, что Нилсен был застрелен как раз из того самого револьвера тридцать восьмого калибра, который мы обнаружили на ее квартире. Они в настоящее время проверяют, не из него ли был застрелен ее муж в Салинасе. Нож для колки льда точно такой же, каким был заколот Джонни Боз.

Ник никоим образом не показывал, что слышит их разговор. Он до сих пор пребывал в изумлении... И более того, им завладело облегчение от того, что Кэтрин Трамелл была невиновна в этих преступлениях.

— Была ли она знакома с Джонни Бозом?

Андруз кивнул.

— Ага. Психоаналитик Джонни Боза сообщил, что представлял их друг другу у себя дома около года назад

на рождественской вечеринке. Он в красках рассказал об этом.

Уокер похлопал Ника Каррана по плечу.

— Никогда нельзя быть полностью уверенным в людях... Не так ли? Иногда тот, кого, кажется, ты хорошо знаешь, выворачивается наизнанку и оказывается совсем другим...

Это было не единственное похлопывание по спине Ника в тот вечер. Толкотту пришлось все-таки проглотить свою спесь и пожать ему руку.

— Мои поздравления, Карран, — выдавил он сквозь крепко сжатые зубы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Несмотря на бывшее у Толкотта огромное желание провести пресс-конференцию по полной программе только на следующее утро, новость об удачном окончании расследования убийств все-таки вырвалась на свободу. Ее передали в полночном выпуске теленовостей, то есть тогда, когда это сообщение могли слышать лишь страдавшие бессонницей, ночные совы, любители новостей... и еще Кэтрин Трамелл.

Она дожидалась возвращения Ника под дверью его квартиры до тех самых пор, пока он, наконец, не появился. На ней не было никакой косметики, и она выглядела помолодевшей, свежей, ранимой и обеспокоенной.

Ник уставился на нее ничего не выражающим взглядом.

— Я не могу позволить себе, — произнесла она. — Я не могу позволить себе тревожиться о тебе. Я не могу позволить себе тревожиться... Я не могу... не могу...

Ник приблизился к ней, обнял и прижал к себе.

В ее глазах были слезы.

— Я не хочу делать это. Пожалуйста. Я не хочу это делать... Я теряю всех... Я не хочу потерять тебя... Я не хочу...

Он прижал ее к себе еще крепче и провел в свою квартиру, затем в спальню. Он нежно снял с нее одежду, осторожно уложил на кровать и, согнувшись над ней, принялся целовать ее лицо, груди. Ее руки обвили его шею и потянули к себе, предлагая ему свое обнаженное тело.

Потом он уже лежал на ней, занимаясь с ней любовью, нежно, осторожно, мягко двигался внутри нее. Слабый луч света поймал слезы, бывшие на ее глазах, и они засверкали.

Они кончили одновременно; по их телам пробежали мягкие волны наслаждения, вызванные зыбью сексуального блаженства, которое только что поддерживало их в эти тихие, темные минуты ночи.

Чуть позже они лежали рядом друг с другом на кровати. Взгляд Ника был сфокусирован на потолке, к которому медленно поднимался дымок от сигареты.

Кэтрин, свернувшись клубочком, лежала неподалеку; ее лицо было спрятано от его глаз.

— Что мы теперь будем делать, Ник?

После некоторой паузы он ответил:

— Мы будем трахаться, как крысы. Мы будем воспитывать своих крысят. И будем жить долго и счастливо.

— Ненавижу крысят, — призналась она.

— Мы будем трахаться, как крысы. Мы забудем про крысят. Мы будем жить долго и счастливо.

Кэтрин соскользнула на край постели. Ее волосы теперь падали вниз, ее руки, свисая, касались пола. Неожиданно ее лицо потеряло свое выражение. Она повернулась и тотчас повстречалась с ним взглядом.

— Я люблю тебя, — прошептала она и страстно, настойчиво поцеловала его.

Она повернула его на спину и села на него верхом; ее груди были высоки и упруги. Она наклонилась и поцеловала его; ее волосы загородили их лица, как золотистая занавеска. Ее поцелуи были глубоки, влажны и горячи. Ник перевернул Кэтрин на спину и вошел в нее одним спокойным, сильным движением.

Ник думал только об этих моментах наслаждения; его тело нуждалось в них. И за своим счастьем он не замечал ничего. Ему было абсолютно неизвестно о тонком ноже для колки льда со стальной ручкой, спрятанном под его кроватью.

ЭВЕРИ КОРМАН

КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА

AVERY CORMAN

«KRAMER VS. KRAMER»

Перевод с английского — *И. Полоцк*

«Очень трогательно и эмоционально... Изысканное повествование, представляющее из себя смесь крепкого реализма и иронического взгляда на мир».

«Лос-Анджелес Таймс»

«Великолепно... Самая убедительная история любви за последнее десятилетие!»

«Паблишерс Уикли»

«Трогательная история взаимоотношений отца и сына, рассказанная с большой любовью!»

«Ассошиэйтед Пресс»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он не предполагал, что увидит кровь. Его не готовили к этому зрелищу — ни книги, ни инструктор не упоминали, что он увидит кровотечение или ржавые пятна на простыне. Он знал, что будут приступы боли и был готов помочь ей преодолевать ее.

— Я здесь, дорогая. Давай же, теперь тебе надо дышать, — исправный новобранец, он говорил эти слова, главным образом, самому себе.

— Раз, два, три, выдох...

— Да пошел ты! — сказала она.

Он хотел быть настоящим членом акушерской бригады, для чего и проходил курсы, братом милосердия, без участия которого ничего не может произойти. Но когда его впустили в зал, все уже началось. Время от времени Джоанна выдавливала сквозь зубы «сукин сын», в то время как на соседней кровати женщина орала по-испански, взывая к матери и к Господу Богу, никто из которых не соизволил являться к ней.

— Мы будем дышать вместе, — бодро сказал он ей.

Он прямо лез из кожи вон. Джоанна закрыла глаза,

качаясь на волнах боли, и медсестра отодвинула его в сторону, чтобы вытереть кровь.

Когда Джоанна впервые показала ему свой животик, в котором покоилось «это», он сказал, что видит перед собой чудо. Слова эти вырвались у него автоматически. На самом деле первые признаки иной жизни не интересовали его. Идею обзавестись ребенком подала она, а он согласился с ней, поскольку это было следующим логическим шагом в браке. Когда она забеременела всего через месяц после того, как вынула спираль, он был изумлен. Ему казалось, что он почти ничего не сделал для этого — ее идея, ее ребенок, ее чудо.

Он понимал, что имеет отношение к изменениям химизма ее тела. Больше всего в ее новом теле его привлекала не зарождающаяся в нем новая жизнь, а прикосновение округлости ее живота к его гениталиям, когда они занимались сексом. Он начал фантазировать, каков может быть секс с полной женщиной, когда встречал их на улице, пытаясь понять, является ли изящество, сквозившее в облике многих таких женщин, тщетной попыткой обманывать самих себя или же оно проистекает из тайного понимания, какое она дает и получает удовольствие в сексе. Тед Крамер, который никогда не позволял себе даже поднимать глаза на снимки у входа в порнокинотеатр рядом с домом, испытывал возбуждение при мысли, что он теперь становится участником порноленты «Тед и Толстая дама».

На шестом месяце Джоанна стала покрываться пятнами. Ее гинеколог, доктор Энтони Фиск, который, по оценке журнала «Вог», считался одним из самых лучших и элегантных молодых гинекологов во всем западном мире, дал Джоанне указание: «Оставайтесь в постели и заткните себя пробкой». Между Джоанной и Тедом разгорелась дискуссия, как следует понимать сей медицинский совет. Он вызвал к жизни поздний ночной звонок доктору Фиску, который, не скрывая раздражения отсутствием серьезного повода для таких расспросов, не выразил никакого желания подробно истолковывать томящемуся мужчине семантику своего указания. Он сказал, что с медицинской точки зрения его указание звучало как «Оставьте ее в покое и не валяйте дурака». Тед предложил поменять доктора, но Джоанна была тверда как алмаз, так что им пришлось спать по разные стороны кровати, пока Джоанне оставались ее последние три месяца, в течение которых ее беременность пришла к счастливому завершению.

Все это время Джоанна не проявляла никакого интереса к любым занятиям любовью, хотя Тед попытался зачитать ей цитату из одной книжки о воспитании детей, в которой упоминались официально санкционированные различные варианты соития: «Сношение между бедер может быть временным, но достаточно удовлетворительным решением проблемы».

Как-то ночью, когда она заснула, Тед сделал попытку мастурбировать в их ванне, вызвав в воображении облик толстой женщины, встреченной им сегодня в подземке. Но, еще не достигнув оргазма, он прекратил свое занятие, решив, что таким образом изменяет Джоанне. Испытывая неосознанное чувство вины перед ней, он стал подавлять свои желания, не без растущего отвращения занимаясь домом, заваленным одеждой, одеяльцами, колыбелькой, погремушками, увешанным ночничками, участвуя в дискуссиях об имени будущего ребенка.

Джоанна уделяла большое внимание таким деталям, как высота стульчика с погремушками, в котором будет сидеть ребенок и, хотя эта тема не очень волновала его, он объяснял изменившееся состояние Джоанны естественными причинами — грядущее материнство, с которым она раньше никогда не была знакома, заставило ее быстро усвоить профессиональный жаргон. Он с трудом различал разницу между словами «layette» и «bassinet», хотя мог догадаться, что первое говорило о какой-то лежанке для ребенка, а в «bassinet'e» ребенок, скорее всего, будет купаться, а не спать по ночам, хотя с игрушками ему было разобраться куда легче, поскольку ими была обвешана вся кроватка.

Когда Джоанна обзавелась широким платьем-распашонкой, он назвал ее Леди Мадонна, что, по его мнению, вполне отвечало ее новому облику, так как материнство

придавало явное обаяние ее облику. У нее стала чистая и свежая кожа, глаза ее лучились; чистое воплощение целомудренной Мадонны — благодаря доктору Фиску. Облик Джоанны Крамер отличался изысканностью, хотя она была несколько худощава при своих пяти футах и трех дюймах роста, чтобы быть манекенщицей, но она вполне могла бы быть актрисой — тонкая стройная женщина с длинными черными волосами, тонким элегантным рисунком носа, и во всем ее облике чувствовалась уверенность и непреклонность. «Самая красивая женщина в округе», — называл ее Тед. О самом себе он говорил далеко не с такой уверенностью. Достаточно привлекательный мужчина пяти футов и десяти дюймов, он был удовлетворен формой своего носа, хотя порой он казался ему длинноватым и он замечал, что его волосы начинают редеть. Он чувствовал себя куда более победительным, когда держал в руках Джоанну. Ему оставалось лишь надеяться, что ребенок в силу иронии судьбы не обретет его облик.

Он был чуток и внимателен во время ее беременности; он был готов жарить ей по ночам карбонады или бегать за мороженым, но она не высказывала ничего из капризов, свойственных беременным, так что ему оставалось лишь приносить ей цветы, что, как он раньше думал, отдавало излишним романтизмом.

Женщина в Джоанне мирно уснула на все эти семь месяцев. Ночи доставляли ей беспокойство, лишь когда он начинал беспокойно ворочаться рядом, борясь со своими слабостями, но ему удавалось справляться с ними, не доставляя ей хлопот.

В этом кирпичном доме Гринвич-Виллиджа собралось десять пар. Инструктор заверила их, что каждая женщина может обрести контроль над своим телом, что было встречено со всеобщим воодушевлением, и никто не обратил внимания на то, что десять грузных женщин, некоторые из которых с трудом передвигались, вряд ли смогут в полной мере контролировать свое тело. Мужчинам же, с другой стороны, были даны заверения, что они будут активными участниками появления на свет их собствен-

ного ребенка. Инструктором была полная энтузиазма молодая женщина в обтягивающем трико, единственная среди присутствующих с плоским животом, и когда в середине оживленной дискуссии о роли плаценты Тед поймал себя на том, что вид ее стройной фигуры вызывает в нем сексуальные фантазии, он понял, что период его странного увлечения полными женщинами подходит к концу.

Затем женщина с таким волнующим животиком заставила Теда испытать ряд потрясений. Их причиной явились проецируемые ею на экран цветные слайды, на которых с большой точностью было показано появление зародыша и его развитие, вслед за которыми следовало рождение ребенка, изображение счастливой матери и сияющего отца. На свет появилось настоящее дитя, не ребенок из книжки или нечто, скрытое в животе матери, а живое дышащее существо.

На следующий день во время ленча, когда он сидел на ступеньках библиотеки на 42-й стрит, поедая мороженое, после того, как оплатил счет от Сакса за детские принадлежности, к нему стало приходить смутное осознание того, что он испытывает. Это был страх. Он был испуган. Он боялся, что Джоанна может умереть. Он боялся, что погибнет ребенок. Он испытывал ужас при мысли, что, если даже с ними обоими все будет хорошо, его в конечном итоге ждет смерть. Ему было страшно, что ему придется иметь дело с ребенком. Он покрывался потом при мысли, что он может, взяв ребенка на руки, уронить его. Его пугало, что ребенок может родиться слепым, неполноценным, калекой, с одной рукой или ногой, без пальцев, с кожей, пораженной экземой. Его пугало, что он может не знать, как и что делать, что он окажется плохим отцом. Но Джоанне он ничего не сказал.

Чтобы справиться со своими страхами, он решительно вычеркнул из памяти все опасения. Он будет исполнять роль Господа Бога, он будет держать под своим контролем все до последней мелочи, ничего не оставляя на волю случая или невежества. Из всех отцов, которые присутст-

вуют при рождении собственного ребенка, он будет самым знающим, самым подготовленным. На еженедельных занятиях он был сосредоточен и внимателен. Он сам лично, чувствуя себя суперменом, сканировал живот Джоанны и видел положение ребенка. Когда Джоанна на девятом месяце стала испытывать дискомфорт, он уверенно поддерживал и ободрял ее. По его настоянию они каждый день занимались дыхательными упражнениями. Он был образцом будущего отца.

В завершение курса обучения естественным родам был показан фильм, демонстрирующий их методику. Аудитория представляла собой сборище будущих отцов и животов всех видов и форм. Улыбаясь незнакомым, он чувствовал едва ли не родственную связь с этими людьми. Фильм был закончен. Курсы завершились. Тед Крамер был готов к производству на свет ребенка.

— Ты будешь разочарован, если мне не повезет?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, я говорила с женщинами, которые уже прошли через это, и они чувствовали свою вину, что у них ничего не получилось.

— Да не слушай, что тебе говорят. Все будет в порядке, дорогая. Не беспокойся. Ты будешь тужиться изо всех сил.

— О'кей.

Только не умирай, Джоанна. Я не вынесу твою потерю. Но вслух он ничего не сказал. Он не хотел ни пугать ее, ни выносить на поверхность свои собственные страхи.

Когда раздался звонок, он сидел за столом в своем офисе, где и должен был быть — всего в десяти минутах езды в машине от дома, будучи постоянно настороже. Но все с самого начала стало валиться из рук. Он не учел силу и частоту схваток у Джоанны и, влетев в дом, нашел ее скорчившейся на полу.

— Боже мой!

— Как мне плохо, Тед...

— Иисусе...

Все, что он вызубрил, тут же вылетело из головы,

когда он увидел, как она корчится от боли. Когда прошла очередная серия схваток, он приподнял ее. Взяв сумку, которая уже несколько дней назад была заблаговременно подготовлена — он попросил машину подождать, — они направились в больницу.

— Я не могу больше терпеть.

— Все будет в порядке, дорогая. Дыши.

— Нет.

— Ты можешь. Прошу тебя, дыши! — Она сделала попытку найти ритм дыхания, который, как предполагалось, должен был избавить сознание от чувства боли.

— Дорогая, когда схватит в следующий раз, ты должна дышать полной грудью. Помни. Полной грудью.

На углу 79-й стрит и Парк-авеню машина остановилась в уличной пробке.

— Мы не можем стоять тут! — крикнул он водителю.

— Что же мне делать, мистер?

Тед выскочил из машины:

— Срочно! У женщины схватки! Срочно!

Он кинулся прокладывать дорогу в середину затора, приказав машине следовать за ним и, словно рехнувшийся автоинспектор, стал расталкивать и разводить машины. — Поддайте этот грузовик, черт побери! Дайте продвинуться! — Даже закаленные нью-йоркские водители дрогнули при виде этого маньяка. То был момент его величия — он был героической фигурой, выволакивающей свою беременную жену из уличной пробки в Нью-Йорке. Они помчались прямо к больнице, и водитель, повинуясь настоянию Теда, непрерывно жал на клаксон. — Гони прямо на красный! Я плачу все штрафы.

Момент, когда он руководил событиями, остался позади, да и длился-то всего несколько минут. Когда они очутились в больнице, Джоанну сразу же подняли наверх, а он остался в одиночестве в приемной, герой вчерашнего дня. Теперь о н и занимаются ею, она в их руках, и сейчас ей бреют волосы на лобке.

— Это нечестно, — выразил он свой протест регистраторше. — Я необходим наверху, рядом со своей женой.

— Сверху позвонят.

— Когда?

— Примерно минут через двадцать, мистер Крамер.

— Они могут стать решающими.

— Да, мы знаем.

В приемной кроме него находился и мясистый мужчина лет тридцати, который развалился в кресле со спокойствием человека, сидящего у телевизора.

— В первый раз? — спросил он Теда.

— Неужели вас это в самом деле волнует? — фыркнул Тед. — В первый ли я раз?

— Слушай, парень, я по-дружески отношусь к тебе, вот и все.

— Прошу прощения. Это... да, в первый раз, — и Тед попытался улыбнуться в своем состоянии.

— А я в третий.

— Это ожидание... как раз, когда ты начинаешь чувствовать свою близость к ней, ее забирают.

— Скоро все кончится.

— Но предполагалось, что я буду с ней. Мы готовились к естественным родам, к совместным.

— Правильно.

— А вы?

— Со всем к вам уважением, но все это чушь. Раздва, никаких болей — и вот вам ваш ребеночек.

— Но это примитивная оценка.

— Ах, вот как?

— А вы не хотели быть с ней?

— А я и буду. В любой день, в середине ночи, я буду с ней.

Больше им нечего было сказать друг другу; Тед не сомневался в правильности своего решения, а сосед сидел, расслабившись, не сомневаясь в своей правоте. Регистраторша сказала Теду, что он может наконец подняться наверх, и он устремился в родильный зал, где Джоанна теоретически ждала его помощи. По пути он припомнил множество деталей, которые должен был держать в голове: помогать ей при схватках, способствовать правильному дыханию, отвлекать разговорами в перерывах, вытирать лоб, смачивать губы. Он ничего не

упустит из виду, все будет под его контролем. У него не будет времени даже бояться.

Влетев в зал, он увидел, как Джоанна корчится на кровати в очередном приступе схваток; тогда он и услышал от нее «Да пошел ты», когда пытался поставить ей правильный процесс дыхания. Женщина на соседней кровати кричала что-то по-испански. Акушерка решительно отодвинула его в сторону. Все происходившее никак не соответствовало полученным знаниям.

Наконец явился доктор Фиск, высокий и стройный, с копной белокурых волос. Первыми его словами, обращенными к Теду, были «Обождите в холле». Через несколько минут, когда доктор Фиск, удовлетворенно кивнув, вышел, акушерка пригласила Теда обратно.

— Долго не продлится, — сказала она. — При следующих схватках мы заставим ее тужиться.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — спросил он Джоанну.

— Как никогда плохо.

Пошли следующие схватки; он посоветовал ей начать тужиться и после нескольких сильнейших приступов конвульсий и ее усилий увидел, как медленно начинает показываться головка, покрытая темными волосиками — вот оно, таинство рождения, первое появление на свет его ребенка. И к своему крайнему смущению, он почувствовал, что ничего не может тут больше сделать.

— Мистер Крамер? — Это вернулся доктор Фиск. — Нам придется прибегнуть к вмешательству, чтобы извлечь вашего ребенка.

Тед поцеловал Джоанну, которая выдавила из себя слабую улыбку, и направился вместе с доктором Фиском в предоперационную рядом с холлом.

— Просто следите за моими действиями, мистер Крамер.

Теду пришлось взять на себя роль медика. Тщательно выскоблив руки, он натянул голубоватый халат. Оказавшись в этом облачении, он посмотрел в зеркало на свой преобразившийся облик и, внезапно поняв, сколь мало тут от него зависит, захлебнулся волной страха, который постоянно отгонял от себя.

— Вы уверены, что с вами все будет в порядке?

— Думаю, что да.

— Но, надеюсь, вы не собираетесь падать в обморок?

— Нет.

— Видите ли, когда впервые стали допускать отцов к процессу родов, кое-кто высказывал любопытные теоретические взгляды. Считалось, что если мужчина увидит, как его жена рожает, он может стать импотентом.

— Ах, вот как?

— Считалось, что мужчина или испытывает потрясение при виде родов, или же будет чувствовать неизбывное чувство вины перед женой за те страдания, которые он ей доставил. И пенис может потерять свою работоспособность...

Доктор Фиск увлеченно возился у раковины.

— Во всяком случае, у нас нет пока реальных доказательств справедливости данной теории, но вам не кажется ли, что она наводит на интересные размышления?

— Я не уверен.

— Да бросьте, мистер Крамер. Не вздумайте падать в обморок — и импотенция вам не угрожает, — со смехом сказал доктор Фиск, но его профессиональный юмор не дошел до Теда, чье лицо окаменело от напряжения.

Они вернулись в родильный зал, где Джоанна была уже на пределе, когда нет сил думать о своем достоинстве. Ее уже подготовили словно к некоему торжественному ритуалу: простыни с тела были отброшены, ноги, прихваченные ременными петлями, вздернуты кверху, и помещение было полно людьми, среди которых были врачи, акушерки и студенты-практиканты — они внимательно вглядывались в промежность между воздетыми ногами Джоанны.

— О'кей, Джоанна, когда я скажу тебе, напрягись, а потом остановись, — сказал врач.

Такими упражнениями они занимались дома, что было частью курса подготовки. Тед моментально уловил нечто знакомое.

— Мистер Крамер, стойте рядом с Джоанной. Отсюда вам все будет видно, — доктор показал на зеркало над столом.

— Итак. Напрячься! Напрячься! — выкрикнул доктор, и с этой секунды все пошло в стремительном темпе. Джоанна закричала от накатывающих на нее волн боли и попыталась расслабиться, глубоко дыша в промежутках между ними, а затем снова напряглась, когда Тед держал ее в объятиях, а она все тужилась и тужилась, бормоча с придыханием: «Да вылезай же, наконец, малыш!» и Тед говорил ей какие-то слова, когда она снова и снова напрягалась, вцепившись в него, и наконец раздался первый крик ребенка, и Джоанна плакала, и Тед целовал ее в лоб, в глаза, чувствуя соль ее слез; и он целовал всех остальных в зале, которые, как оказалось, были вовсе не холодными наблюдателями, а сияли от счастья, даже знаменитый доктор, и все расплывались в улыбках, и во время торжественной церемонии взвешивания и измерения ребенка, Тед Крамер не отходил от Вильяма Крамера, пересчитывая его ножки, ручки, пальчики на руках и ногах и с облегчением убеждаясь, что они идеальной формы.

В палате они тихонько переговорили — разные мелочи, люди, которым надо позвонить, поручения Теду, — и наконец ее потянуло ко сну.

— Ты просто фантастическая женщина, Джоанна.

— Ну, во всяком случае, справилась. В следующий раз попрошу, чтобы мне его прислали по почте.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Он поднялся наверх в акушерскую, чтобы в последний раз бросить взгляд на ребенка, лежащего в пластиковом ящике. Он спал, зернышко мое.

— Спокойной ночи, малыш, — вслух сказал он, пытаясь осознать реальность вокруг себя. — Я твой папа.

Спустившись вниз, он сделал несколько телефонных звонков, и в течение нескольких последующих дней, не считая часов посещения больницы, где он воочию видел своего ребенка, на работе и дома, Тед продолжал видеть перед собой крохотную мордочку малыша и испытывал глубокую растроганность.

Ему не удалось сыграть в полной мере роль акушера, о чем они говорили на курсах, но хватило, что он

смог пробиться сквозь уличную пробку, и кроме того, были те минуты, когда он держал в своих руках Джоанну, всеми своими силами помогая ей в момент рождения их ребенка.

Позже, когда все изменилось и он пытался припомнить, были ли они когда-то по настоящему близки, он напомнил ей об этих минутах.

— Я толком и не помню, был ли ты рядом, — сказала она.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Они встретились на Файр-Айленде, где он снимал на пару комнату в доме для холостяков, что позволяло ему пользоваться ею каждый второй уик-энд, а она делила комнату на четверых; эти арифметические возможности и свели их воедино на одной из вечеринок с коктейлями на открытом воздухе, которые устраивались по субботам, и оба они оказались на одной из них.

На крыльце, где толпилось множество народа, Джоанна стояла в окружении трех мужчин. Тед посмотрел на нее, и их глаза встретились — как она и до этого встречала взгляды не менее дюжины мужчин, выбравшихся поохотиться. Тед мотался между Амангассетом и Файр-Айлендом, предполагая, что тут или там он когда-нибудь встретит Ее или, в крайнем случае, Ее или Другую. Отказавшись от облика уличного ловеласа, он предпочитал проводить время на пляже, примерно представляя себе, где надо быть и что делать, когда ты встречаешь прекраснейшую девушку, окруженную тремя мужчинами, с одним из которых она явно намеревается уйти.

Когда Тед увидел, что среди мужчин стоит напарник

по игре в волейбол, он подошел и облокотился на перила. Партнер по игре увидел его, они обменялись привычными банальностями, и, поскольку он не хотел казаться невежливым, собеседник представил Теда своим друзьям. Среди них оказалась Джоанна, и так они познакомились.

На следующий день он не встретил ее на пляже, но предположил, что она должна оказаться на одном из трех переполненных паромов, которые отходят от острова в воскресенье вечером, так что, расположившись на пристани, он решил понаблюдать, как расслабленные отпускники воскресного дня на закате солнца неохотно расстаются с островом. Она объявилась ко второму парому. Тед отметил, что на этот раз она в компании не мужчин, а двух подружек. Они были смазливенькими, того типа, которых привлекал Ларри с его трейлером. Приятель Теда Ларри развелся и после раздела имущества получил в свое пользование трейлер. Ларри использовал его, чтобы в конце уик-энда приглашать заинтересовавших его женщин добраться до города. Поскольку предложение было заманчивым, никто не отказывался, и порой Ларри в своем трейлере напоминал водителя, который возит группу стюардесс из аэропорта.

— Привет, Джоанна. Я Тед. Помните меня? Собираетесь отбывать отсюда?

— Вы тоже на этом пароме?

— Я просто поджидаю друга. Пора взглянуть, куда он делся.

Тед дошел до края пристани и, едва скрывшись из виду, помчался бегом.

— Хорошенькие девочки, Ларри! — он выволок его из своего обиталища и потащил к пирсу.

По пути на материк одна из подружек Джоанны задала Теду неизменный вопрос: «Чем вы занимаетесь?» Когда летом ему задавали такие вопросы, он не испытывал удовольствия. Похоже, что женщины, которых он встречал, все без исключения вели какой-то рейтинг; по десятибалльной шкале доктор получал десять баллов, адвокаты и биржевые маклеры по девять, рекламные агенты по семь, обитатели центра города по три, но если

у них было свое дело, это сразу же повышало их рейтинг до восьми баллов, учителя удостаивались четырех, а все остальные, к которым относился вопрос: «Так что же это, в сущности, такое?», что часто приходилось слышать Теду, не поднимались выше двух баллов. И если бы ему пришлось и дальше объяснять, кто он такой, и они не поняли бы его, он бы не поднялся выше единицы.

— Я распродаю пространство.

— Какое? — спросила Джоанна. Ему не надо было объяснять, что, возможно, его оценка поднялась до пяти баллов.

— Пространство для рекламы в *увеселительных* журналах.

— А, в самом деле.

— Вы с ними знакомы?

— Я работаю у Джи.Уолтера.

Он подумал, что, скорее всего, она работает в рекламном агентстве, где дела идут ни шатко, ни валко. То есть, они трудились в одной области. С другой стороны, она явно не была завсегдатаем какой-нибудь тихой библиотеки в Квинсе.

Явившись в Нью-Йорк с дипломом в области искусствоведения Бостонского университета, Джоанна Штерн быстро выяснила, что он отнюдь не является волшебным ключиком к этому городу. Она окончила курсы секретарш, чтобы обрести квалификацию, и перемещалась с одной «очаровательной» работы на другую столь же «очаровательную», мало-помалу избавляясь от скуки, по мере того, как росло ее профессиональное мастерство; в настоящее время она была исполнительным секретарем при главе отдела отношений с общественностью Дж. Уолтера Томпсона.

В двадцать четыре года она впервые обзавелась отдельной квартирой. У нее была связь с женатым мужчиной из ее же офиса, и присутствие компаньонки ее не устроило бы. Связь эта длилась три месяца и закончилась, когда он надрался, обблевал ей ковер и поспешил к поезду, чтобы добраться до жены в Порт-Вашингтоне.

Каждое Рождество она ездила в Лексингтон в Массачузетс, где давала подробный отчет о своих успехах: «На

работе меня ценят и прекрасно относятся». У отца в городке была преуспевающая аптека, а мать была домохозяйкой. Она была единственным обожаемым ребенком, любимой племянницей и дорогой сестричкой. Когда ей захотелось провести лето в Европе, она получила эту возможность; когда ей хотелось новых платьев, они у нее появлялись. Но, как любила говорить ее мать, она «никогда не доставляла никаких хлопот».

Время от времени она просматривала объявления с предложением работы, желая найти то, чем еще она может заниматься в этом мире. Пока она зарабатывала сто семдесят пять долларов в неделю, работа была достаточно интересной и у нее не было больших амбиций, чтобы менять свою жизнь. Все было именно так, как она и рассказывала родителям: «На работе меня ценят и прекрасно относятся». Все шло знакомым, накатанным порядком. Билл, ее нынешний, тоже женатый спутник, пришел на место Уолта, женатого мужчины, который был у нее год назад, а из неженатых у нее после Уолта был еще Стен, а до Джеффа был Майкл, вслед за которым последовал Дон. По ее прикидкам, к тридцати годам ей придется делить постель более чем с двумя дюжинами мужчин, и эта мысль промелькнула у нее в голове как предупреждение, что ей пора начать думать о себе самой. Порой она уже чувствовала себя измотанной и потасканной. Своему нынешнему спутнику Биллу она сказала, что устала проводить уик-энды без него и, закидывая приманку, намекнула, что хотела бы получить приглашение в его дом в Стамфорде. Естественно, это было невозможно, и поэтому они сделали наилучший следующий шаг — расстались.

Теда нельзя было считать очередным в этом ряду. Она воспринимала его как просто человека, обитающего где-то на пространстве между Файр-Айлендом и Амаганссетом. В этом качестве Тед предстал перед ней в свои тридцать с небольшим после того, как он возникал и исчезал в жизни некоторых женщин, так же как они появлялись в его. Он получил в Нью-Йоркском университете степень в области делового администрирования, после чего осознал, что может заниматься буквально

всем или абсолютно ничем. Он поработал стажером в отделе сбыта небольшой фирмы электронных товаров, провел шесть месяцев в армии на сборах резервистов и уже больше года был коммивояжером по продаже различных приборов. Семейный бизнес его никогда не привлекал. Отец владел еще закусочной, расположенной в большом магазине готовой одежды, и годами жаловался: «Я выше головы завален салатами из цыплят и грудами мусора». Тед не хотел, чтобы его постигла такая же судьба. Пожилая женщина, ветеран отдела личного состава, дала Теду важный профессиональный совет:

— Ваша самая большая ошибка заключается в том, что вы пытаетесь продавать продукцию. Вы недостаточно напористый и пробивной.

— Что вы имеете в виду? — смущаясь, спросил он.

— Вы достаточно умны и находчивы. Да, вы можете продавать — но не продукцию. Вот что вы должны продавать — идеи.

Через несколько недель она предоставила ему работу, связанную как раз с торговлей идеями, — он должен был размещать рекламы нескольких журналов для мужчин. Специалист в этой области должен разбираться и в демографии, и в законах рынка; ему приходилось сводить в таблицы результаты исследований. Здесь требовался интеллект, и Тед Крамер, который был одарен им куда больше, чем агрессивностью, нашел свое призвание.

После первой встречи Тед с Джоанной общались все лето, обедая в маленьких ресторанчиках в Ист-Сайде, и, не отказывая себе ни в каких удовольствиях, проводили приятные вечера, как их можно было бы охарактеризовать, в среде незамужних и неженатых людей. Они постоянно были на виду друг у друга. Они встречались в городе. Теду предшествовали биржевой маклер, литературный агент и архитектор, напоминая очередь в булочную. Но маклер постоянно говорил только об акциях, литагент слишком увлекался марихуаной, архитектор слишком много говорил о других женщинах, что Тед с Джоанной выяснили при второй же их встрече. Очутившись с ней с глазу на глаз, что обещало доста-

точно однозначное завершение вечера, он сделал самый умный шаг. Он отвез ее на место их встречи и сказал, как оно в первый же раз подействовало на него. Будучи холостяком, он вел себя легко и раскованно, но не так занудно, как Винс, режиссер, который отирался у ее стола, объясняя, что он бисексуал, и не так скучно, как Боб с телевидения, который тоже болтался рядом с ней, внушая, что он же «на грани развода» — это ей было уже хорошо знакомо после Уолта и Билла.

— Я *думаю*, может ли понравиться то, что я предложу... — сказал Тед.

— Вы думаете, что может?

— Отношения только налаживаются... И я предлагаю отправиться в Монток на уик-энд. Со мной.

— Вам не кажется, что вы торопите события?

— Нас ждут совершенно фантастические осенние дни, в течение которых мы сможем выяснить, что вполне можем обходиться без слов.

— Или же будет идти дождь, и нам придется их искать.

— Но подумайте о том времени, которое нам удастся сберечь. И о деньгах, которые я сэкономлю.

— Я предпочла бы дождь.

Проведя еще несколько вечеров вместе, он снова сделал ей это же предложение, она согласилась, он взял напрокат машину, и они сняли номер в мотеле в Монтоке. Погода была отличной, они убедились, что им есть о чем поговорить друг с другом; завернувшись в одеяла, они, лежа на пляже, не без юмора выяснили, что оба основательно устали от холостяцкой жизни. И с этим убеждением они ночью разделили ложе.

Тем не менее решение, принятое Джоанной Штерн, не выглядело так, словно она стала относиться к Теду в ряду всех прочих, как к мужчине, за которого она хочет выйти замуж. Гораздо важнее было то, что она выделила его из почти неразличимого скопления мужчин вокруг, как человека, котогого ей хочется видеть гораздо чаще остальных. Но общепринятые стандарты в мире, в котором им приходилось существовать, гласили, что в таком случае она должна время от времени спать с ним, а по

ее личным правилам, которых она неукоснительно придерживалась, она в таком случае не могла спать ни с кем другим. Так что Тед, в принципе ничем не отличаясь от своих предшественников, стал для нее ключевой персоной. И так уж получилось, что, поскольку в Джоанне стала расти неприязнь к одинокому существованию, никто не последовал за ним.

Они стали проводить довольно длительные периоды времени в квартирах друг друга: не то, что они уже жили вместе, но это уже было больше, чем просто встречи. Он чувствовал себя так, словно судьба дала ему шанс сорвать золотой приз: эта женщина рядом с ним, интересующаяся его работой, существующая рядом с ним, прекрасно понимающая все тонкости холостяцкой жизни, потрясающе симпатичная, просто звезда пляжных домиков и приемов с коктейлями по воскресеньям — это была его женщина, его леди.

Настало лето, критическое время. Джоанна начинала чувствовать, как наливаются вожделением чресла женатых сотрудников, которые подумывают о возможности уединиться с секретаршами из офиса, хотя в то же время набивают прицепы к машинам барахлом для уик-эндов на природе с женами и детьми. В конторе у Теда осведомились, когда он собирается брать летний отпуск.

— Нам нужно что-то решать с нашими отношениями — и решать быстро, — сказал он, и на мгновение Джоанна обеспокоилась, что он собирается произнести заранее подготовленную речь. К такому повороту событий она еще не была готова.

— Меня ждут две недели отпуска. Хочешь, мы проведем его вместе?

— О'кей. Почему бы и нет?

— Ларри снимает большой дом для компании. Мы можем обрести там комнату. Можем провести там две недели и плюс еще все уик-энды.

Она никогда еще не проводила длительное время на Файр-Айленде или в других привычных местах летнего отдыха, как, впрочем, и он.

— Может получиться совсем неплохо.

— Четыре сотни с носа за все про все.

— Ну, ты и пройдоха.

— Я думаю, что все будет прекрасно.

— Конечно. Договорились. По крайней мере, насколько мне известно, ты не храпишь.

Когда Мел из отдела расчетов — жена в Вермонте — остановился у ее стола и спросил: «Что ты делаешь летом и с кем собираешься его проводить?», Джоанна ответила: «Я буду на Файр-Айленде со своим другом». В первый раз она использовала выражение «друг» по отношению к Теду, и это доставило ей истинное удовольствие, особенно когда Мел отпрянул с удивленным «Ох!» и унес подальше свои жаждущие чресла.

Когда они очутились вдвоем там, где на них столько глазели, где они в свое время вели одинокую охоту, оба испытали странное ощущение. Когда они услышали, что галлерея в том домике, где они бывали на коктейлях, обрушилась в ходе какой-то холостяцкой вечеринки, настолько ее участники были полны общественной активности, они испытали удовольствие, что их там не было и что они просто сидели у себя, поедая аппетитные блинчики. Воспоминания об одиноких скитаниях по улицам после тоскливых пьянок, поиски компании, общения или просто телефонного номера, возвращения на ночном пароме, последние судорожные попытки за пять минут найти то, что искал все эти дни, — эти воспоминания заставляли их испытывать благодарность друг к другу.

Их раскованный смелый секс был пряной приправой к ощущению, что им не надо таиться. Но самым приятным были мысли о том, что по окончании лета они по-прежнему будут вместе, если им того захочется.

— Джоанна, я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Пожалуйста. Я еще никому в жизни не говорил этих слов. Хочешь?

— Да. О, да!

Они кинулись друг другу в объятия, преисполненные искренних чувств, но под ними, помимо благодарности, что они оказались способны найти друг друга, помимо и кроме этого, крылось огромное облегчение от того, что

отныне никому из них не придется бродить в одиночестве после пьянки в поисках спутника.

Ребенок плакал непрестанно в течение, как казалось, не меньше двух часов.

— Только сорок восемь минут, — сказал Тед.

— Ах, только.

Они были предельно измотаны. Они его качали, гладили, носили на руках, укладывали в кроватку и снова забирали из нее, не обращали на него внимания, по очереди пели ему, но ребенок продолжал плакать.

— Один из нас должен поспать, — сказал Тед.

— Я *уже* сплю.

Билли было четыре месяца отроду. Давно ушла медсестра по уходу за новорожденным, вручившая им ребенка, который никогда не плакал по ночам, который, казалось, вообще никогда не плакал. Как только она покинула их, перед ними предстал совершенно иной ребенок, который только и делал, что орал — и непрестанно.

После рождения ребенка собрались все домашние; родители Джоанны приехали из Массачузетса, а родители Теда из Флориды — они наконец ушли на пенсию. Брат Теда с невесткой явились из Чикаго, и все расселись за бесконечными закусками и выпивкой.

— Как хорошо, что я хоть вырос в закусочной, — сказал Тед.

— А я нет. Если бы мне пришлось кормить еще одного человека, я бы, наверно, выписала счет.

После прощания с медсестрой и проводов обеих семей на долю им досталась только усталость. Они не были готовы к обрушившемуся на них обилию забот и непроходящему утомлению, которые пришли вместе с новорожденным.

— Мы так давно не занимались с тобой любовью, что я и забыл, как это делается.

— Не смешно.

— Я понимаю.

На первых порах Тед решил исправно исполнять все обязанности, доставшиеся ему в новой роли. Это озна-

чало, что он поднимался вместе с Джоанной и составлял ей компанию, когда она кормила Билли грудью, хотя порой им всем троим не удавалось выспаться с середины ночи. После того как он несколько раз едва не задремал в офисе в середине дня, он стал сокращать свое участие в ночных заботах, бормоча Джоанне, чтобы она взяла их на себя.

На восьмом месяце ребенок стал спать спокойнее. Дневные заботы для Джоанны остались теми же самыми — стирка, закупки, готовка. Она знала, что по вечерам Тед приходит домой и она должна встречать его, потому что он был ее мужем. Но она ждала его возвращения, главным образом, для того, чтобы он оказал ей какую-то помощь — может, он разберет белье для прачечной, помоет пол в кухне.

— Джоанна, я до того чертовски...

— Милый, я не собираюсь заниматься с тобой любовью. Я хотела бы принадлежать только самой себе — и все.

Они облегченно рассмеялись и вскоре завалились спать.

Им доводилось слышать от людей, что рано или поздно все пойдет на лад, и вскоре они это почувствовали. Билли стал исправно спать по ночам, он рос веселым и обаятельным ребенком. Опасения Теда, были ли для них основания или нет, оказались безосновательными, потому что, по всеобщему мнению, ребенок нисколько не походил на него. У Билли был маленький точеный носик, большие карие плаза, прямые черные волосы, — словом, он рос красавчиком.

По мере того как менялась их жизнь, менялся и состав друзей. Кое-кто из них, как выяснилось, принадлежал к другой солнечной системе. Когда они поженились, Тед перебрался в апартаменты Джоанны на Семидесятых улицах в восточной части Манхеттена; здание населяли, главным образом, холостяки и несколько девиц легкого поведения, работавших сами от себя. Затем они переехали в другую квартиру в нескольких кварталах отсюда, в дом для семейных пар, и их ближайшими друзьями стали Тельма и Чарли Шпигели, соседи снизу,

из квартиры 3-С, у которых была маленькая дочка Ким, на три месяца старше Билли. Чарли был зубным врачом. Агент по сбыту из «Ньюсуика» Марв со своей женой Линдой тоже стал частью их окружения. У них был Джереми, на два месяца старше. Новоиспеченные родители маленьких детей, они могли сидеть за бифштексом по-бургундски и обсуждать процесс пищеварения у детей и тонкости их подмывания, уделяя внимание и рассказам о прогрессе, с которым растут дети — те вставали на ножки, топали по полу, лепетали, писали в штанишки, ползали по полу, и все внимание родителей было отдано только им. И если даже кто-то спохватывался и говорил: Эй, неужели нам больше не о чем говорить, — разговор лишь ненадолго отклонялся от основной темы и снова возвращался к ней — надо повезти детей в Нью-Йорк, в какую школу их отдавать, в общественную или частную, и порой, хотя не часто, разговор заходил о просмотренных фильмах или прочитанных книгах, если у кого-то среди собравшихся было на это время.

В полтора года Билли Крамер стал ребенком, на которого, останавливаясь, глазели на улице прохожие, когда он шел рядом со своей обаятельной матерью.

На работе Тед получил прибавку к зарплате, но лишь потому, что, как он предполагал, стал отцом, то есть членом своеобразного клуба. Вместе с Даном, старым приятелем по колледжу, ныне юристом, он ходил на игры «Гигантов». Он читал новые журнала и «Уолл-стрит джорнел», что было нужно ему по работе. Он *вкалывал*. Кружок Джоанны состоял из ее приятельниц по прогулкам в парке, среди которых было несколько гувернанток, и Тельмы — и в ее жизни теперь не было ничего яркого, что особенно бросалось в глаза, когда Тед возвращался с работы, где он общался с высокопоставленными лицами, говорившими законченными предложениями. И в ее мире не было никого — ни среди подружек по садовым скамейкам, ни среди старых друзей, ни даже Теда, — никого, с кем она могла бы поделиться своими постыдными маленькими тайнами.

Она несла свой крест, но не хотела, даже чтобы кто-то упоминал его.

— Я люблю своего ребенка, — как-то сказала она Тельме. — Но, откровенно говоря, это очень утомительно.

— Конечно, так оно и есть, — ответила Тельма, и Джоанна подумала, что обрела союзницу. — Но это и очень приятно.

Ей не хватало общения. Женщины, которых она знала, то ли не признавались сами себе в этом же, то ли их куда больше, чем ее, устраивало существующее положение дел. Во время телефонного разговора с матерью она намекнула на свое положение.

— Ты когда-нибудь уставала таким образом?

— Ну только не от тебя. Ты никогда не доставляла никаких хлопот.

Может, в таком случае с ней что-то не в порядке? Как-то ночью, выслушав от Теда длинный отчет обо всех его бедах и тревогах, о спорах с коллегами по работе, она выложила ему то, что давно хотела сказать, хотя не собиралась взваливать на него свои проблемы, но все же выдала ему то, что волновало ее — дело не в том, что она не любит Билла, он поистине очаровательный ребенок, но все ее дни полны однообразия.

— Быть матерью очень трудно, Тед. Но никто этого не признает.

— Ну так уж повелось. Пока он маленький, никуда от этого не деться. Но ведь он очаровашка, не так ли?

Он просто не хотел слышать ее. Он же первым повернулся на бок и заснул.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Она продолжала хранить свои маленькие тайны. Но лучше ей от этого не было. Большим счастьем запомнился тот летний день, когда Билли пописал в горшочек.

— Ура, Билли! — зааплодировала она, и Тед тоже стал хлопать в ладоши, и к ним присоединился Билли. Наконец стало ясно, что воспитание дает свои плоды.

— Хочу писать, — сказал он через несколько дней, сам по себе, подошел к горшочку и пописал, и когда Тед позвонил домой сообщить, что заключил колоссальную сделку, у Джоанны тоже были хорошие новости: «Он сказал "хочу пописать" и сам все сделал». Она радовалась, словно это достижение приходилось на ее долю.

Билли было уже два года. Мать Джоанны имела все основания утверждать, что он не доставляет никаких хлопот. Порой он бывал упрям или не слушался, но он явно рос как личность; и от того примитивного существа, который засовывал сыр себе в ухо, он уже стал превращаться в полуцивилизованную личность, которую можно было рискнуть взять с собой в воскресенье в китайский ресторан.

Она позволяла ему смотреть телепередачу «Улица Сезам», и он сидел у экрана, моргая и почти ничего не усваивая. Но у нее высвобождался час свободного времени.

Тед же был явно на подъеме. В молодые годы он только нащупывал свой путь, чураясь агрессивности и напора в своих поисках, и к тридцати девяти годам стал толковым и знающим специалистом. В прошлом году Нью-Йорк дал ему возможность, отнюдь не расшибаясь в лепешку, заработать двадцать четыре тысячи долларов, больше, чем когда-либо у него было, — и это был еще далеко не предел. Стараясь быть в курсе дела, он работал, не считаясь со временем, и его непосредственный начальник, шеф отдела рекламы, назвал его «моя правая рука». Он не тратил время на выпивку в одном из кабачков, излюбленных его коллегами. Он не отпускал двусмысленных шуточек в адрес девушек в офисе. Он был семейным человеком. Дома его ждали обаятельная жена и чудесный ребенок.

Уик-энды доставляли ей небольшое облегчение, когда они вместе занимались делами или когда Тед мог взять на себя Билли хотя бы на часть дня, и она могла отправиться за покупками для себя или просто уйти из дома. Если бы коллеги спросили его, что значит воспитывать ребенка, он бы искренне заверил их, что это прекрасное занятие, но не рискнул бы утверждать это дома, где Джоанна проводила большую часть времени, пытаясь что-то сделать, пока Билли занимался кубиками в гараже — «Нет, поиграй со мной, мама!» — и к четырем дня у нее уже закрывались глаза и она с трудом удерживалась до пяти часов, чтобы не хлопнуть бокал вина.

К элементам светской жизни относились регулярные обеды с друзьями, которых время от времени они приглашали и к себе. Их занимали вопросы женского движения, порой разгорались дискуссии о роли женщины, после чего мужчины отправлялись на кухню мыть тарелки. Если Теду порой удавалось встречаться за ленчем со старыми друзьями, то у Джоанны старых подруг не осталось. Если не считать Эми, бывшую учительницу, с которой она встречалась на игровой площадке. Они беседовали о детях.

— Тед, я хотела бы пойти работать.

— Что ты имеешь в виду ?

— Я просто рехнусь. Я не могу безвылазно проводить все время с двухлетним ребенком.

— Может, нанять приходящую няню?

— Меня не интересуют пара свободных дней в неделю.

— Джоанна дорогая, малыши нуждаются в матери.

— Линда работает. Она выходит в мир, она чувствует себя личностью. А я торчу здесь с Билли, Джереми и их Клео, которая не может дождаться, пока я не появлюсь, чтобы она могла смотреть «Как мир перевернулся».

— А ты сама смотришь ?

— Не вижу тут ничего смешного.

— Хорошо. А ты думала, чем бы хотела заниматься?

— Как я прикидываю, тем, что я и делала.

— Но в любом случае придется платить домработнице или сиделке, или кто там будет. Я хочу сказать, у нас нет столько денег, а твоя работа будет приносить сплошные убытки.

— Убытки и так существуют. В том, что происходит со мной.

— О чем ты, собственно, говоришь? Трудно поверить, что слышу это от матери. Билли просто великолепен.

— Я теряю интерес к Билли. Я устала от глупых игр с двухлетним ребенком и его глупых кубиков. Ты говоришь о нем, как о взрослом человеке, а я ползаю по полу гаража.

— Видишь ли, все это быстро забудется. Помнишь, как ты уставала от своей работы?

— Значит, я буду делать что-нибудь другое.

— Что? Каким образом ты можешь прилично зарабатывать?

— Как-нибудь. Ведь я занималась отношениями с общественностью, не так ли?

— Ты была просто секретаршей, Джоанна, вот и все.

— Вот и нет. Я была помощницей у...

— Не лицемерь сама перед собой. Ты была обыкновенной секретаршей.

— Понимаешь, что ты отвратителен?

— Но это правда. Прости. И я не вижу смысла в том, чтобы нарушать налаженную жизнь двухлетнего ребенка лишь для того, чтобы ты могла быть секретаршей в какой-нибудь конторе. Для тебя это в прошлом.

— Ах, вот как?

— Послушай, когда он станет постарше, когда от девяти до трех он будет в школе, может быть, ты найдешь себе работу с неполным рабочим днем.

— Благодарю за разрешение.

— Джоанна, откуда это все у тебя?

— От двух утомительных лет.

— Не сомневаюсь, что остальные матери с ними как-то справляются.

— Далеко не все. Некоторые работают.

— Да, но...

— Что «но»?

— Дай мне немножко подумать.

— Я тебя предупредила.

— Это смешно, а я-то думал, что, может быть, мы могли поговорить о втором ребенке.

— Неужто? Интересно.

— Говорят, что чем больше ждешь, то все труднее и труднее.

— В самом деле?

— Я имею в виду...

— Я не хочу второго ребенка, Тед.

— Просто потому, что ты целиком поглощена малышом. Мы все его любим.

— Я не могу и подумать, что мне снова придется все это выносить. Господи! Круглые сутки сплошная кормежка и уборка!

— Все могло бы быть очень здорово. Представляешь, ты сажаешь малыша к себе на велосипед и мы отправляемся на прогулку!

— Почему бы тебе не взять его напрокат, Тед?

Она намекала на ребенка, а не на велосипед. Она излила душу своей новой подружке Эми; слова хлынули

из нее потоком — как все валится у нее из рук, как она устала, как растеряна. Эми оказалась не той слушательницей, которая ей была нужна. Эми любила детей, ей нравилось быть матерью, она с удовольствием думала, как вернется в класс, когда ее ребенок подрастет, то есть она поддерживала точку зрения Теда. «Скука развращает», — сухо сказала Эми таким тоном, что Джоанна почувствовала себя двоечницей у доски. И тут уверенная и такая правильная Эми выдала ей номер. У нее тоже есть кое-что на душе, чем она не может ни с кем поделиться. У Эми любовная связь. Он женат. Психиатр. Джоанна бывала в таких ситуациях, еще не будучи замужем. И теперь перед ней впервые предстала знакомая женщина, жена, которая признается в адюльтере — и с психиатром.

— Разве им разрешается? — спросила Джоанна, пытаясь справиться со своей растерянностью.

После взаимных объятий и поцелуев они расстались — духовные сестры, доверившиеся друг другу, хотя Джоанна сомневалась, получила ли она то, что ей было нужно в обмен. Любовная история? Она подумала, что такой выход ее не привлекает. Он повлечет за собой только очередную кучу сложностей. Хотя мысль, что, наняв сиделку, она получит время для такой связи, несколько развеселила ее.

Тед мог бы сказать, что испытывает определенную симпатию к борьбе женщин за свои права и к женскому движению. Он прилагал усилия, стараясь «разделять ее ношу», как он сам называл свое поведение: прежде, чем идти домой, он звонил Джоанне и спрашивал, что ей нужно купить. Хотя домом должна заниматься она сама. Он может помогать ей с Билли, купать его, уделять ему несколько часов по уик-эндам. Хотя и в это время она была постоянно при деле, ибо на ней лежали заботы о его одежде, его питании, здоровье, визиты к детским врачам, контроль за его развитием. Он был папой, но она была мамой. Он хотел оказывать помощь. Он чувствовал, что должен помогать. Он старался. И все же по большому счету Билли был только на ее попечении.

Шло время, и Билли, как и каждый ребенок в его возрасте, миновав период детской площадки с ее качельками и велосипедиками, в трехлетнем возрасте отправился в детский садик. Тед задался вопросом, как это он ухитрится вырасти и не посещая садик, который будет обходиться им в тысячу четыреста долларов в год, и разве это не чертовская прорва денег, которые придется выложить лишь за то, что трехлетнего ребенка научат малевать рисунки на бумаге? Но Джоанна понимала, что если Билли будет ходить в группу, то у нее высвободятся хотя бы несколько свободных часов каждый день. Она объяснила Теду, что теперь все дети посещают садик, и что если Билли не будет ходить в него, он безнадежно отстанет и никогда не возместит того, что будет потеряно. И Тед выписал чек на детский садик под названием «Котята».

Но и тут Джоанне легче не стало. Порой Тед одевал Билли по утрам и отводил его в садик. Но к полудню Билли уже возвращался домой; Джоанне казалось, что он даже не уходил, и ей приходилось уделять ему все время. Любая мать признает, что таковы все трехлетки, но ей от этого не легче, когда он требует, чтобы сандвичи с ореховым маслом были треугольные, а не квадратиками, чтобы молоко ему наливали не в «клоунский колпак», а в «слоновую чашку», когда цветную бумагу для вырезания приходится выкидывать, потому что она уже вся замаслена, когда его гамбургер рассыпается в крошки, когда он жалуется, что у Рэнди в садике желтый велосипед со звонком, а не с клаксоном, когда через десять минут после ухода уборщицы, получившей двадцать долларов, пол залит яблочным соком. И если даже Тед ворчит, что деньги утекают как вода, а компании на это плевать и ему придется брать дополнительную работу на дом, в конце концов, у него есть работа, на которой он может обсуждать самые различные темы, а не только Джиффи, о, прости, Билли, я думала, что речь идет о Скиппи, нет, черт побери, нельзя есть мороженое вместо завтрака, и все же он очарователен и на него приятно смотреть — но ей от этого не легче.

— Меня нет, меня нет. Я в ванной! Ради Бога, неужели ты не можешь сам достать свою машину?

— Мамочка, не кричи на меня.

— Да перестань реветь, черт бы тебя побрал! — Но он захлебывался слезами, и она брала его на руки и утешала — но никто не мог утешить ее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Получив роль Снегурочки в школьной постановке, она покрылась сыпью. Во время выборов королевы красоты на школьном выпускном балу она мучилась зудом. Когда она впервые встретилась с Филиппом, мальчиком из Гарварда, она была в сыпи. Ее родители всегда были готовы придти ей на помощь, покупая ей то дорогой кашемировый свитер, то очаровательные украшения, с которыми она выглядела как юная богиня, то подкидывая ей денег на оплату квартиры, когда она только обосновалась в Нью-Йорке. Они присылали ей чеки. В ходе своей третьей любовной связи с женатым человеком она задумалась, подобает ли ей так себя вести, и у нее снова высыпала сыпь. Она переговорила с матерью, ту обеспокоил тон ее голоса, и они выслали ей чек на двадцать пять долларов, чтобы она себе купила что-нибудь красивое. Как только она попадала в сложное положение, у нее сразу же начинала зудеть кожа, от чего она с трудом избавлялась с помощью присыпок и примочек.

Начав заниматься машинописью и стенографией, она стала чувствовать словно какой-то зуд под кожей. На коже стали появляться красные пятнышки, как от укусов

насекомых; через несколько дней они исчезли, но она в смущении думала, что они вот-вот могут вернуться. Она терпеть не могла стрессовых ситуаций. Стол у нее всегда был в идеальном порядке, ибо она не хотела, чтобы с него падали предметы, чтобы ей приходилось ползать, разыскивая их. Она не могла позволить себе расслабляться. Если ты справлялась со своими обязанностями, роль секретарши была не так плоха. Она не представляла себя в роли женщины, делающей карьеру, мощной и целеустремленной, с непомерным аппетитом, как у дамы, возглавлявшей копировальный отдел. Нет, больше она не хотела иметь дело с сыпью.

— Что это такое? — спросил Тед, увидев ее обнаженной, когда они собирались заняться редким в последнее время — может быть, раз в неделю, сексом, — последние три года им дались нелегко. Оба они часто чувствовали себя слишком усталыми.

— Ничего особенного. Должно быть, ела слишком много фруктов.

Выяснилось, что лучшим лекарством для нее стал теннис. После нескольких часов на корте крапивница сходила на нет. Через пару недель она была целиком поглощена романом с мистером Уилсоном и мистером Данлопом. В старших классах колледжа родители предоставили ей возможность получать уроки тенниса, так же как раньше она занималась музыкой и танцами. В колледже она старалась играть достаточно регулярно, искренне удивляя партнеров, когда ей удавалось перебить мяч через сетку. В Нью-Йорке она стала играть куда реже, несколько раз в местах отдыха — и то лишь до тех пор, пока она не встретила Теда. С ним она перестала играть окончательно. Тед предпочитал гонять на велосипеде, на котором он порой приезжал на школьную баскетбольную площадку покидать мячик с соседскими ребятишками, после чего во рту у него появлялся кисловатый запах крови, и, переводя дыхание, он мог только вспоминать прекрасные дни в Бронксе. Эми как-то упомянула, что в свое время она тоже играла в теннис, после чего они купили абонемент на корты в Сен-

трал-парке, и Джоанна снова стала играть. Поначалу она выходила на корт только раз в неделю, когда малыш был в садике, потом дважды и наконец стала посещать уроки тенниса третий день в неделю. Она приходила в радостное возбуждение, если игра у нее шла, и огорчалась в случае неудачи; постоянно вспоминая ошибки при подаче и приеме, она и засыпала, вспоминая выигранные очки и потерянные геймы; она стала смотреть по телевизору матчи, ее собственная игра заметно улучшилась, и она стала регулярно выигрывать у Эми, гоняя ее по всей площадке. Всю весну теннис занимал ее мысли.

Финансовые дела у компании шли не лучшим образом, и Теду пришлось согласиться на десятипроцентное сокращение зарплаты и ограничить свой отпуск всего одной неделью. Джоанна убеждала его, что, если ей придется каждый день под летним солнцем водить Билли на пустую игровую площадку, у нее мозги расплавятся. Тед постарался проявить понимание, и они пришли к соглашению, что постараются найти деньги и дать Билли возможность посещать летнюю группу в садике. В августе они предприняли скромное путешествие на природу, и Джоанне пришлось отказаться на это время от уроков тенниса. Тем не менее по возвращении она продолжала регулярно выходить на корт и вместе с Эми и двумя другими женщинами они составляли веселую парную игру. Она стала загоревшей и изящной, что подчеркивалось белым теннисным одеянием; аккуратно уложенные на голове волосы она поддерживала яркой повязкой, на ней были высокие носки с кисточками и она таскала с собой ракетку в адидасовской сумке. Сама того не подозревая, она обрела победный вид — чем бы она ни занималась.

Мужчины просили ее составить им компанию на корте, многие старались попасть в ту же группу, которую явно украшала красивая женщина с прекрасным стилем игры. Порой ее посещали беглые фантазии о том, как, отыграв на корте несколько сетов с симпатичным Луисом, Эриком или Келом, она уходит с ними: кожа их блестит влагой после душа, и, поговорив о теннисе, они занимаются любовью.

Неделя совместного отпуска в августе тянулась для нее бесконечно. Тед предпочитал говорить только о бизнесе, о делах компании, о предстоящей ему в этом году работе. Она понимала, что ему нелегко досталось последнее время, но ведь и ей было не легче. Как только можно с умным видом говорить о сущей ерунде и почему бы не уделить побольше времени ее проблемам? Мелочи и ерунда, с которыми ей приходилось иметь дело, постоянно скапливались и предельно изматывали ее. Ему же казалось, что все это сущая ерунда.

Они сняли сравнительно недорогой и вместительный домик в Хэмптон-Бейс, курортном местечке для представителей среднего класса, которое выглядело столь многообещающе в проспектах, но на самом деле было забито катерами, рыбацкими лодками и москитами. Вокруг Билли было непривычное окружение из ребят постарше, и он с ними не сошелся; он как клещ цеплялся ей за ноги.

— Иди поиграй, Билли! Разве тебе нечем заняться?

— Я не могу решить.

Решить. Она подумала: может ли трехлетний ребенок осознанно употреблять такое слово ? Он был так очарователен, так симпатичен, горе мое.

— Тогда иди поплавай.

— Господи, Джоанна, да как он может плавать?

— Значит, пойди с ним в воду. Я отдыхаю. Имею я право отдохнуть?

Мужская половина ее семьи пошла плескаться в бассейне, а она поклялась себе, что никогда больше не будет отдыхать вместе с ними, во всяком случае там, где нет кортов.

Но Тед нашел корты. Местный теннисный клуб предоставлял приезжающим право арендовать корты за почасовую оплату, предлагая услуги нянечек для детей — и разве ты не говорила, что будешь играть со мной? Своя ракетка была у нее с собой, а он мог взять ее напрокат. В городе перед всеми он был всего лишь зрителем теннисных соревнований, но здесь, на отдыхе, она ведь может посвятить ему часик на корте, не так ли?

Этот час тянулся для нее, как неделя. Тед брал ра-

кетку в руки всего несколько раз в жизни. На корте он напоминал неповоротливого медведя. Они вышли в смешанной паре поиграть с предыдущими игроками. Неумение Теда принимать подачу постоянно прерывало игру; он забывал, что не должен лезть ей под удар, и опаздывал на свои мячи; Билли каким-то образом удалось удрать из-под присмотра, и за сеткой за своей спиной она видела приникшие к ней его блестящие темные глаза и слышала, как он хнычет, требуя яблочный сок, потому что у него только «Севен-Ап», который он ненавидит. Она цыкнула на него, чтобы он ей не мешал, а Тед пропустил мяч, который улетел за изгородь, сбив игроков на соседнем корте. Она испытывала истинное унижение. Он был увальнем и на спортивной площадке, и в общении с соседями; это было просто невыносимо. И ночью, когда он потянулся к ней, она занималась с ним любовью чисто механически, дожидаясь, пока он кончит.

Назавтра, в последний и заключительный день их отдыха, она, оставив Теда и Билли около бассейна, отправилась на пляж. Сев на доски пристани, она уставилась на маслянистую воду. Заметили ли вообще они, что она ушла? Волнует ли их ее отсутствие? Ее ничего больше не волновало. Она могла сидеть так часами, ни на что не обращая внимания. В городе первым делом она должна позвонить Эми и в понедельник утром вытащить ее на корт, потому что она и так потеряла неделю. Тед вел себя как клоун. Неужели она будет вспоминать этот отдых как самый худший в ее жизни? Вообще как самое худшее время? У причала стояли гребные лодки. Найдя судно посуше, она оттолкнулась от пирса. Приспособившись к веслам, она погрузила их лопасти в воду и стала грести. Волна от прошедшего рядом катера могла бы ее опрокинуть. Она заработала веслами, чтобы встать лагом к волне, но большей частью предпочитала просто плыть по течению. Когда у нее было лучшее время жизни? В колледже? Когда Викки Кол побагровела, увидев, что Марти Рассел пригласил ее, а не Викки? Потому что он видел, насколько она хорошенькая. Где они теперь? Довелось ли Викки качаться в шлюпке, раздумывая, что

с ней происходит? В колледже в общем-то было неплохо. Первый год в Нью-Йорке был восхитительным, как ни посмотри, и, что бы в нем ни было, тогда было лучше, чем сейчас. Все было жутко утомительно, и даже когда она, не думая об усталости, воевала с Билли, эти усилия утомляли ее, и Тед был утомителен, и отпуск, который должен был дать ей отдых, был утомителен. Ей захотелось перевалиться через борт и кануть в воду. Все же лучше, чем засовывать голову в духовку. Хуже, чем сегодня, не будет. Ее родители поплачут немного и устроят ей подобающие похороны, как предписывают правила хорошего тона. Билли куда-нибудь увезут, чтобы он не присутствовал при этом зрелище. У Теда все образуется более чем отлично. Не пройдет и двух лет, как он снова женится на какой-нибудь толстой корове из Бронкса, которая будет его закармливать, пока он не станет таким же толстячком, как его отец, и которая сделает его счастливым, потому что будет ухаживать за ним куда лучше, чем это делает она.

Когда Джоанна погребла обратно к пристани, то увидела, как они стоят у кромки воды, ее мужчины. Они бросали в воду бутылочку из-под молока с привязанным к ней кусочком хлеба, в которую заплывали маленькие рыбешки. Они даже не заметили ее отсутствия.

— Сегодня я иду к Уолтеру.

— Значит, идешь?

— Повидаться кое с кем, порасспрашивать.

— И?..

— В этом нет ничего особенного.

— Конечно. Только времена крутые. Не мне ли только что срезали зарплату?

— Но они сказали, что держат меня на примете.

— Джоанна!

— Я хочу только узнать. И ты от этого не переломишься.

— Послушай, если тебе хочется поговорить на эту тему, давай поговорим. Сколько ты зарабатывала, когда уходила? Сто семьдесят пять в неделю? Предположим, что ты вернешься, — и сколько ты будешь приносить

домой? Может быть, сто тридцать. А сколько стоит прислуга?

— Сто.

— Если еще повезет. Значит, на руках у тебя остается тридцатка. На ленчи, скажем, пойдет двенадцать в неделю, на билеты еще пятерка, перехватить чашечку кофе еще три доллара — то есть все двадцать. Чистыми твоя работа будет приносить десять долларов в неделю. И из них еще придется платить за подобающую тебе на работу одежду, то есть не меньше одного джемпера и блузки в месяц — так что мы вылетаем за красную черту.

— Дело не только в деньгах.

— В них. Мы не можем позволить себе, чтобы ты работала.

— Я нуждаюсь в ней.

— А Билли нуждается в крепком доме. Черт побери, Джоанна, да осталось потерпеть всего пару лет, и все. Неужели ты хочешь, чтобы он увидел, как все пойдет шиворот-навыворот?

Во всех остальных смыслах Тед, как хороший муж, проявлял известную гибкость — и даже больше того. Он гулял с Билли в парке, он готовил нехитрые блюда, знакомые ему еще по дням холостячества. Не в пример своему отцу и людям его поколения, он принимал участие в заботах по дому. Но в главном вопросе, касающемся работы Джоанны, он проявлял полную непреклонность.

Она несколько раз поднимала этот вопрос — но его точка зрения не менялась.

— Слушай, почему бы нам не покончить с этой темой и не завести второго ребенка?

— Я иду спать. Можешь начинать без меня.

Она проводила время за составлением семейного бюджета, в покупках продуктов и одежды, в готовке, отводя Билли в садик и забирая его оттуда. Она играла в теннис. И время шло — медленно, но шло. Ей уже минуло тридцать два года. У нее был малыш, которому скоро минет четыре годика. Она испытывала искреннее счастье, когда он наконец мирно засыпал и ей не нужно

было больше воевать с ним по поводу, скажем, того, что он делает с ореховым маслом, черт побери.

В журналах ей попадались статьи, описывающие ее ситуацию. Она была не результатом ее капризов. Другие матери, во всяком случае некоторые из них, чувствовали то же самое. Быть только матерью, весь день проводя дома, было непросто. Это было утомительно, и она была права, испытывая приступы гнева, — в этом она не была одинока. Живя в Нью-Йорке, она продолжала оставаться провинциалкой, потому что ей оставалось только сидеть рядом с игровой площадкой с Тельмой и Эми, дожидаясь своих детей, пока не пробьет пять часов и не придет время ставить мясо в духовку.

Тед знал, что Джоанна была человеком своенравным. Он не сомневался, что помогает ей, беря на себя часть забот по дому. Он говорил с другими мужчинами, например с Марвом, распространявшим «Ньюс уик», который рассказал, что его собственный брак вымотал ему все нервы, и он не знает никого, где было бы по-другому. Джим О'Коннор, его менеджер, у которого было за плечами двадцать пять лет супружеской жизни, выдал ответ с невозмутимостью холодильника. «Женщина есть женщина», — сказал он, этакий гуру, с запахом виски, порцию которого он уже успел пропустить к полудню. Тед почти не ссорился с Джоанной — просто в их отношениях появился холодок. Порой она бывала слишком усталой для занятий сексом и противилась ему, порой уставал он. Дела явно не шли к лучшему. Как-то за ленчем, встретив зубного врача Чарли, он в первый раз доверительно поговорил с глазу на глаз, и не только о детях.

— У нас с Джоанной как-то так...

Чарли понимающе кивнул. Он изложил Теду *свой* ответ. Два года он трахает свою лаборантку, раскладывая ее для удобства в зубоврачебном кресле, — временное, но облегчение.

Несмотря ни на что, Тед был убежден, что их брак не хуже всех прочих. Может, его вина в том, что она несколько отдалилась Он слишком много времени отдает работе и сам отдалился от нее. Она по-прежнему сохра-

няет свое обаяние. Им надо обзавестись еще одним ребенком, что сблизит их, как было при рождении Билли. И ждать с этим не стоит. Они будут все вместе — Тед, Джоанна, Билли и еще одно прекрасное крохотное существо. Они станут настоящей семьей и будут путешествовать по городу на велосипедах. Словно рекламная картинка. Первые годы, конечно, будет нелегко, но потом станет полегче, тем более что у них уже есть опыт, который им поможет. И если они не будут медлить, через несколько лет дети подрастут, выйдя из младенческого возраста, и у них будет прекрасная семья — с красивой женой и красивыми детьми. И чтобы обрести уверенность в себе, он должен создать совершенный мир, центром которого будет он сам — муж, отец и владыка своего домена, — он рассчитается со старыми обидами, когда считал себя совершенно непривлекательным, за все те случаи, когда он разочаровывал своих родителей, за все те годы, когда он боролся, дабы обрести место в мире; он создаст свое собственное маленькое прекрасное царство, которое, обманывая сам себя, он собирался строить на песке и из песка.

— Я хочу, чтобы скатерть у нас была, как у Чарли Брауна.

— Да, Билли.

— И я хочу шляпу, как у Ким. Все носят клоунские колпаки. Только у меня королевская шляпа.

— О'кей.

— Запиши, чтобы не забыть, мама.

— Я записываю. Скатерть, как у Чарли Брауна, и шляпа.

— Я ношу шляпу, как у короля.

— Я все сделала. Видишь букву «к»? Она говорит о королевской шляпе.

— Ты принесешь мне пирожное?

— Конечно, ты получишь пирожное. Оно в списке.

— Там где «к»?

— Вот где. Пирожное на букву «п».

— А можно мне пирожное с Микки Маусом?

— Я не знаю, делает ли Баскин-Роббинс пирожные с Микки Маусом.

— Ну, пожалуйста, мама! Я так люблю Микки Мауса! Он мой любимый.

— Посмотрим, есть ли у Баскин-Роббинса пирожные с Микки Маусом. Если нет у него, поищем у Карвела. А если нет и там, может быть, тебя устроит Дональд Дак?

— Дональд Дак хороший. Но Микки Маус мой самый любимый.

— Это я уже слышала.

— Мне будет четыре года, мама. Я буду совсем большой, да?

Десять четырехлеток свалились как снег на голову. Все они ходили в одну и ту же группу детского садика и все родились примерно в одно и то же время: Билли бывал у них на днях рождения, и они явились к нему. Джоанна вместе с Билли составляли меню праздничного обеда. У него будет «фантастический» день рождения, сказал он, что означало пиццу и торт из мороженого. Пирожное с Микки Маусом они нашли поблизости у Карвела, где Джоанна приобрела и маленькие корзиночки для пирожных — как-то, еще работая в агентстве, она организовывала элегантную запомнившуюся вечеринку для сотни коллег с их женами. Тогда ей и пришлось побегать по магазинам. Она купила Билли «настоящий подарок для большого мальчика» от папы и мамы, огромный конструктор «Тинкер-Той», она нашла бумажные скатерти и одноразовые тарелки, которые устроили бы Чарли Брауна, и в одно прекрасное апрельское утро эти чавкалки поставили весь дом на уши, после чего Тед выбился из сил с уборкой, а малышка Мими Аронсон, у которой была аллергия на шоколад, ничего не сказала, чем доставила массу хлопот, и у Джоанны опять появилась сыпь.

— Тед, сейчас не время возиться с игрушечными машинками. Мы убираем дом.

— Я просто посмотрел. Не переживай, тут не из-за чего плакать.

— Уже одиннадцать вечера. Я валюсь с ног.

— Я сам все закончу.

— Нет, не стоит. Мне не нравится, как ты все делаешь.

— Слава Богу, что я не уборщица.

— Тебе и не надо быть ею. Эта обязанность лежит на мне.

— Джоанна, подумай о чем-нибудь хорошем. Был прекрасный вечер.

— Еще бы. Я выложилась до последнего.

— Послушай...

— А ты думал, что все это явилось по мановению волшебной палочки! И эти корзиночки и украшения для этого Чарли Брауна, черт бы его побрал! Я три дня ухлопала на этот гребаный прием.

— Билли был по-настоящему счастлив.

— Я знаю. Он получил свое пирожное с Микки Маусом.

— Джоанна...

— Я сделала потрясающий вечер для детей. Вот и все — потрясающий вечер для детей.

— Идем в кровать.

— О, конечно. Весь этот бардак может подождать до утра. Потом я за него возьмусь.

Они легли спать, не обменявшись ни словом. Поднявшись ночью, она зашла в спальню Билли, где он спал со своим «народом», как малыш называл медвежонка, собачку и Энли-Лохматушку. Пол был завален следами дневного празднества, россыпью деталей из конструктора «Тинкер-Той» и боулингом, который знаменовал его четырехлетие. Ей захотелось разбудить его и сказать: «Билли, Билли, пусть тебе будет не четыре года, а всего годик, и начнем все сначала, и я буду играть с тобой, и мы будем смеяться, и я не буду больше так много кричать на тебя и воевать с тобой, и я буду обнимать тебя и тискать, и целовать, и сильно-сильно любить тебя, и эти ужасные два года будут не такими ужасными, и я буду твоей любимой мамочкой, и в три года ты будешь чудесным малышом, и в четыре, и ты уже станешь моим маленьким мужчиной и будешь на улице держать меня за руку, и мы будем болтать обо всем на свете, и если я даже буду не самой лучшей матерью, я не могу быть ею, я буду стараться, Билли, уж ты поверь, и я буду заботиться о тебе и любить тебя

изо всех сил, и нам будет очень весело — я в самом деле попытаюсь, если мы сможем начать все сначала, Билли», — но она ушла на кухню, чтобы ее слезы не разбудили малыша.

Она начала копить обиды в свой адрес. Каждый раз, как она спорила с ним или же он ее раздражал, что было неизбежно, когда имеешь дело с растущим четырехлетним организмом, она видела в этом доказательство того, что она плохая, что она никуда не годится для него, и, заводя себя, она начинала думать, что он не любит ее. Она начала копить обиды и на Теда. Каждый раз, как он делал что-то неподобающее, например вешал грязную рубашку на спинку стула, это было лишним свидетельством, что он родом из Бронкса и что от этого не избавиться. Если он говорил о работе, то рассказывал о ней безостановочно, типичный мужской шовинист. Не важно, насколько он, по его мнению, старался ей помогать, все по-прежнему лежало на ней, весь дом — одного его хватало, чтобы у нее не проходило чувство обиды, ибо ежедневная беготня по магазинам, каждый рулон туалетной бумаги, который приходилось ей покупать, воспринимались ею как личное оскорбление. На ее же плечах лежала и организация обедов для гостей, когда выпадала их очередь — она составляла меню, покупала продукты, готовила — Тед занимался только напитками, большое дело, а Билли вечерами болтался под ногами и хныча просил сока; Тед ни на что не обращал внимания, все давило на нее, эта ужасная тяжесть, вес которой она ощущала каждодневно, сыпь не покидала ее, и ночами она лежала без сна, расчесывая ее до крови.

У Теда был свой взгляд на происходящее. Ирония судьбы, признал он, что в первое время не понимал, сколько от него требуется энергии. Он понимает, как трудно быть матерью. Он будет еще больше помогать ей. Им надо поддерживать более тесные отношения с ребенком.

— Помнишь тот потрясающий момент, когда родился Билли, а я держал тебя в руках, ободряя и поддерживая тебя?

— Неужто?

— Да конечно! Я держал тебя, а ты тужилась.

— В самом деле? Даже и не помню, был ли ты рядом.

Сбить его с толку ей не удалось.

— Джоанна, дети — это прекрасно.

— Да, ты хороший отец, Тед.

Она не сомневалась в этом. Он был добр с Билли. Но на что он там намекал? Еще один ребенок? Как ему это только пришло в голову? Она и так еле выдерживает. И еще этот зуд.

Сначала она подумала, что может оставить ему записку. Ей нужно время, чтобы привести мысли в порядок. Она даже прикинула, стоит ли ее писать от руки или напечатать на машинке. Машинописный текст более четок, но обезличен. Затем она решила, что пошлет письмо без обратного адреса, после того как уйдет. Но наконец она решила, что все же чем-то обязана ему, — только пусть это произойдет как можно быстрее.

Билли отправился спать со своими игрушками. Она с Тедом перемыли посуду и сели за гамбургер, неизменный гамбургер года.

— Тед, я оставляю тебя.

— *Что?*

— Я буквально задыхаюсь здесь.

— Ты что?

— Я сказала — оставляю тебя.

— Не понимаю.

— Могу себе представить. Начну сначала. Тед, я оставляю тебя. Теперь ты усвоил?

— Это такая шутка?

— Ха-ха.

— Джоанна...

— Наш брак завершен.

— Не могу в это поверить.

— Почему бы тебе не начать верить?

— Мы только что говорили о втором ребенке.

— Это ты говорил.

— Джоанна, у нас есть определенные проблемы. Но с ними сталкиваются все без исключения.

— Все меня не волнуют.

— Мы ведь не так часто ссорились.

— У нас нет ничего общего. Ничего. Если не считать счетов, семейных обедов и иногда траханья.

— Не могу представить себе.

— Ты и не должен.

— В чем дело? Господи, что я не так сделал?

— Женщина сама по себе должна быть личностью.

— Согласен. Ну и что?

— А то, что я задыхаюсь. Я должна уходить.

— Это сумасшествие. Не могу представить себе.

— Не можешь?

— Я не пущу тебя.

— В самом деле? Через пять минут меня тут не будет, представляешь ли ты себе это или нет.

— Ты не можешь так поступить, Джоанна. Не могу поверить.

— Почему же «не могу»?

— Сначала надо что-то сделать. Мы должны с кем-то поговорить, с кем-то повидаться.

— Я все знаю относительно психоаналитиков. Большинство из них — совершенно обыкновенные люди, у которых свои заморочки в браке.

— Так что ты предлагаешь?

— Я уже сказала. Я собралась уходить. И я ухожу.

— Джоанна...

— Феминистки будут мне аплодировать.

— Какие феминистки? Я не вижу тут никаких феминисток.

— Я ухожу, Тед.

— Куда, черт побери?

— Не знаю.

— Ты не знаешь?

— Это неважно.

— *Что?*

— Именно так. Дошло до тебя?

— Джоанна, я слышал, что так бывает с другими. Я не могу поверить, что это может случиться с нами. Во всяком случае, не так. Ты просто не имеешь права вот так объявить мне — и уйти.

— Какая разница, в какой форме я тебе сообщу об

этом? Я собиралась оставить тебе записку. Может, так и надо было сделать.

— Мы что, в школе? Ты собираешься убежать со своим старым воздыхателем со школьных вечеров? Мы женаты!

— Я не люблю тебя, Тед. Я испытываю ненависть к своей жизни. Мне ненавистно оставаться здесь. На меня все тут так давит, что порой кажется, что у меня голова лопнет.

— Джоанна...

— Я не хочу оставаться тут ни на один день, ни на одну минуту.

— Я найду кого-нибудь. Консультанта по вопросам брака, кого-нибудь. Есть куда более рациональные способы, как справиться с ситуацией.

— Ты не слушаешь меня, Тед. Ты никогда не слушал меня. Я ухожу. Я уже ушла.

— Послушай, я думаю, что уделял слишком много времени работе. Я думал только о ней. Я виноват и прошу прощения.

— Тед, дело не в этом. Совершенно не в этом. Все происшедшее не имеет отношения к тебе — дело только во мне. Я не могу так жить. Эта жизнь меня убивает, я кончена. Я должна заново обрести себя.

— И что же ты собираешься делать? Я хочу сказать, каким образом? Должен ли я убираться отсюда? У тебя есть другой парень? Он тут обоснуется?

— Ты что, ничего не понял?

— Я вижу, что ты все хорошо продумала. Так что же нам делать, черт побери?!

— Я беру свои вещи, которые уже сложены, две тысячи долларов с нашего общего счета и ухожу.

— Ты уходишь? А как насчет Билли? Будем будить его? Его вещи тоже уложены?

В первый раз за все это время она смутилась.

— Нет... я... пока я не хотела бы. Билли я не беру с собой. Ему пока будет лучше без меня.

— Господи, Джоанна! Джоанна!

Она больше не промолвила ни слова. Пройдя к себе в спальню, она взяла свой чемодан и сумку с ракетками; направившись к входным дверям, она открыла их и исчезла. Тед стоял на месте, не сводя с нее глаз. Он был растерян. Он был серьезно уверен, что через час она вернется.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он уснул лишь около пяти утра, поняв наконец, что не раздастся ни скрипа ключа в дверях, ни телефонного звонка с извинениями — я сейчас вернусь, я люблю тебя. В четверть восьмого он услышал в доме голоса. Джоанна? Нет, Петушок и Курочка, будильник Билли, пробудили его ото сна записанным на пленку диалогом. «Пробуждайся, Петушок, уж настал урочный срок». — «Верно, Курочка. Хватит спать, дурочка. Друзей мы поднимаем и новый день встречаем». Для чего? С чего начинать? Она оставила у него на руках малыша, и теперь ему придется все объяснять Билли. Что он ему скажет?

— Где мама? — Он задавал этот вопрос каждые полминуты в течение дня.

— Видишь ли, вечером папа и мама немного поспорили... — Неужто это было правдой, попытался представить себе он. Разве они спорили? — И мама решила, что хочет на какое-то время уехать, потому что она рассердилась. Ты же сам знаешь, что когда ты сердишься, хлопаешь дверью и не хочешь, чтобы к тебе кто-то заходил, верно?

— Я сержусь, когда мама не позволяет мне пирожные.

— Правильно.

— Я хлопаю дверью и не пускаю ее к себе.

— Верно, так все и есть. Мама рассердилась на папу и хочет побыть какое-то время одна.

— Ах, вот как.

— Так что сегодня я тебя сам отведу в садик.

— Ага. А когда мама вернется?

— Не могу сказать.

— Она возьмет меня из садика?

День убыстрял свой бег и с каждой минутой все запутывалось еще больше.

— Тебя возьму я или Тельма.

Он помог Билли одеться, сделал завтрак и повел его в садик, где «Котят» ждало посещение цирка, и весь день Билли был счастлив, не имея отношения к миру своих родителей. Тед же терялся в размышлениях: то ли сидеть у телефона, то ли идти на работу; звонить в полицию или вызывать нянечку к Билли. Его оставила жена. Это было что-то невероятное.

Ему всегда было не по себе, когда приходилось откровенно врать. Он никогда не звонил на работу, сообщая, что не может подняться на ноги, чтобы обеспечить себе лишний день к уик-энду. Он не сомневался, что если ты врешь, то совершаешь грех, который тебе непозволителен, и даже сейчас, зная, что не покажется на работе, он не хотел врать. Но ты не можешь просто позвонить в офис и тем же тоном, которым сообщаешь о простуде, объявить: «Сегодня я не буду. От меня только что ушла жена». Позвонив секретарше, он сказал ей:

— Передай Джиму, что я не совсем хорошо себя чувствую, — что отвечало истине.

— Что-то не в порядке? — спросила она.

— Пока толком не разобрался, — что в определенном смысле тоже было правдой. Он не хотел врать, объявляя, что болен, но в какой-то мере ему пришлось врать самому себе, что с его браком в общем-то все в порядке.

Позвонив Тельме, их соседке, он попросил взять Билли из садика и дать ему возможность поиграть с Ким.

Она ответила, что все будет в порядке, — а что случилось? Он объяснит ей попозже. Пусть Билли останется на обед. До семи вечера он ждал возвращения Джоанны домой, чтобы они могли простить друг друга.

Ему пришло в голову, что имеет смысл позвонить какому-нибудь приятелю. Эй, на помощь! Я по уши в дерьме. Ты просто не поверишь... Но он не знал, кому звонить. Внезапно он понял, как одинок стал во время брака. У него не оказалось друзей. Он поддерживал отношения, которые ограничивались только совместными обедами. У него не оказалось приятелей. Существовал стоматолог Чарли, которого не было ни слышно и ни видно со времени их последнего разговора и который, главным образом, был озабочен лишь тем, чтобы, не скрывая гордости, рассказывать ему, как он решает проблемы с помощью зубоврачебного кресла. Марва из «Ньюсуика» он не мог считать своим другом. С Даном встречался только на футбольных играх. Самая серьезная тема, которую они затрагивали, касалась слабости защитной линии у «Гигантов». С Ларри он не виделся со времен Файр-Айленда. Ларри по-прежнему гонял свой «бабомобиль». Он купил новую машину и обзавелся трейлером, в котором можно было возить женщин на курорты. Ральф, брат Теда, никогда не был близок ему. Ральф обитал в Чикаго и, приезжая в Нью-Йорк, иногда звонил ему вечерами. Они не общались почти целый год и порой только коротко перезванивались, обсуждая, что подарить родителям на дни рождения, чтобы не дублировать подарки; он был «большим старшим братом», который делал деньги на торговле напитками, и обитал он далеко. В свое время у него были приятели по старому местожительству, а потом в колледже — там он и встретил Ларри и Дана; а во времена холостячества вокруг все время крутились разные люди, которых он мог считать друзьями, но все они исчезли. Он жил в окружении женатых пар, и среди них не было человека, с которым бы он регулярно общался.

Испытывая необходимость с кем-то поговорить, он позвонил Ларри. Он застал его в агентстве по торговле недвижимостью, в котором Ларри работал.

— Тед, малыш, как ты там?

— Не очень хорошо. Только что от меня ушла Джоанна. Просто взяла и ушла. Оставила меня и нашего ребенка.

— В чем дело, человече?

— У меня нет стопроцентной уверенности, в чем тут дело.

— И что ты собираешься делать?

— Понятия не имею.

— Куда она делась?

— Не знаю.

— Может, она на тебя разозлилась?

— Все произошло совершенно внезапно.

— У нее есть парень?

— Не думаю. Феминистки будут ей аплодировать.

— Что?

— Так она сказала.

— Она оставила тебя с ребенком? Что ты собираешься делать?

— Не знаю.

— Чем я могу тебе помочь? Хочешь, чтобы я подъехал?

— Я дам тебе знать. Спасибо, Ларри.

Большого облегчения разговор не принес, но все же он сбросил с себя часть груза и испытал небольшую разгрузку от эмоционального и физического напряжения, в котором находился последние несколько часов; но он чувствовал себя, как человек, пытающийся избавиться от сильной головной боли, который засыпает на пару часов и, проснувшись, сразу же снова ощущает ее — как он ни таращь глаза, все остается по-старому: жена бросила его с ребенком.

Если бы только ему дотянуть до пятницы, до уик-энда, может быть, к тому времени она вернется или хотя бы позвонит. После того как Тельма привела Билли, он с подчеркнутой заботой уложил его в постельку и прочитал ему на сон грядущий несколько сказок. Джоанну они не упоминали.

Тем же самым образом он попросил Тельму взять на себя заботы о Билли до пятницы, предложив ей туманное

объяснение, что они с Джоанной «несколько поссорились». И Джоанна решила «несколько дней побыть сама с собой». «Я понимаю», — сказала Тельма. Позвонив в офис, он снова намекнул, что не совсем хорошо себя чувствует, и выслушал записи, кто ему звонил, — от Джоанны не было ни звука. Он ждал доставки почты, но в ней были только счета. Он неотлучно сидел у телефона, и, когда тот зазвонил, так и подпрыгнул — но это всего лишь телевизионная компания предлагала ему подключение кабеля, который у него уже был.

— Чем занимаешься, Тед, малыш? — прорезался голос Ларри.

— Да ничем особенным.

— Я рассказал своей бабе твою историю. Они все трехнутые, когда что-то влетает в башку. Почему бы тебе сегодня вечером не пригласить сиделку к малышу и...

— Нет, мне надо тут кое-чем заняться.

— ...а я притащу ее с собой, мы хорошо выпьем, а потом ты подмигнешь мне и я смоюсь, как в добрые старые времена.

— Что-то не тянет, Ларри, но спасибо.

— Она просто обожает приходить людям на помощь. Она как та Няня-Трахалка.

— Я позвоню тебе, Ларри.

Вечером Тед с Билли следили за приключениями Бабара-Слона в Нью-Йорке, Вашингтоне и на других планетах. Не в одном ли из этих мест ныне обитает Джоанна? Утомившись от похождений Бабара, Тед наконец потушил свет в детской. Через полчаса, когда Билли, по мнению Теда, уже заснул, он позвал его из своей комнаты:

— Папа, а когда мама вернется?

«Ну почему дети всегда с такой жуткой прямотой ставят вопросы?», — подумал он.

— Не знаю, Билли. Но мы что-нибудь придумаем.

— Что, папа?

— Посмотрим. А теперь спи. Завтра суббота. Мы поедем на велосипедах в зоопарк и хорошо проведем там время. Подумай о нем...

— А у меня будет пицца?

— У тебя будет пицца.

— Хорошо.

Малыш уснул умиротворенный. Назавтра они отправились в зоопарк, и у Билли был просто выдающийся день, поскольку уже в одиннадцать утра он выклянчил у папы пиццу. Он катался в тележках, запряженных пони, крутился на карусели, а потом они зашли на игровую площадку, где он вволю покувыркался и обрел новых друзей. Затем Тед отвел Билли в китайский ресторанчик пообедать. Теду вода подступала к самому горлу. Он словно пытался плыть стоя. Ему надо было принимать какое-то решение. Он может выкручиваться максимум еще один день, потом будет понедельник, когда ему надо быть на работе — а потом остается лишь дожидаться отпуска, когда у него будет побольше времени. Может, и Джоанна вернется или позвонит.

В восемь утра в воскресенье пришел посыльный из отдела специальной доставки почты. Конверт предназначался Билли и на нем не было обратного адреса. Почтовый штамп был из Денвера, штат Колорадо.

— Это тебе от мамы.

— Прочитай его мне, папа.

Письмо было написано от руки. Тед читал его медленно и разборчиво, чтобы Билли мог усвоить каждое слово, что он и делал.

«Мой дорогой любимый Билли! Мама уехала. Порой в мире так бывает, что уходят папы, а мамы воспитывают малышей. Но случается, что и мама может уйти, и тебя будет воспитывать папа. Мне пришлось уехать, потому что я должна найти для себя какое-то интересное дело в этом мире. Так надлежит каждому, как и мне. Одно дело быть только твоей мамой, но есть много других вещей, которыми я должна заниматься. У меня не было возможности все объяснить тебе раньше, поэтому я и пишу тебе, чтобы ты все узнал от меня. Конечно, я всегда буду твоей мамой и я буду присылать тебе ко дню рождения подарки и поздравительные открытки. Просто пока я не могу быть твоей мамой в одном доме с тобой. Но в сердце своем я

всегда буду твоей мамочкой. И я посылаю тебе воздушные поцелуи, когда ты спишь. А теперь я должна постараться стать тем человеком, которым мне необходимо быть. Слушайся папу. Он будет как твой мудрый медвежонок. С любовью, мама».

Тед на мгновение представил себе, с какой болью она писала эти строчки, если ему так больно читать их. Взяв письмо, Билли повертел его в руках. Затем он положил его в ящичек, в котором хранил монетки и самые красивые открытки.

— Мама уехала?

— Да, Билли.

— Навсегда, папа?

Черт тебя побери, долбаная Джоанна! Пошла бы ты!..

— Похоже, что так, Билли.

— Она хочет присылать мне игрушки?

— Да, она хочет присылать тебе игрушки.

— Я люблю игрушки.

Они получили официальное сообщение. Она оставила их обоих.

В понедельник, отведя Билли в садик, он отошел с воспитательницей в сторону и сказал:

— Мы с мисс Крамер прекратили наши отношения. — Билли на ее попечении и она должна быть в курсе дел, если заметит, что он расстроен и опечален. Воспитательница сказала, что ей очень жалко слышать об этом, и заверила его, что о Билли она побеспокоится — так, сегодня утром он будет дежурным по кухне.

Тед и сам хотел бы быть дежурным по кухне, чем человеком, который перехватывает только хлеб с маслом. На него свалилась куча дел, а ему надо было беречь свою работу. Теперь Билли полностью зависит от него. Если его оклад, как он предполагал, поднялся лишь потому, что он стал семейным человеком, не значит ли, что он упадет, когда станет известно, что он оказался в положении птицы, которой кукушка подкинула свое яйцо? Нет, такое сравнение ему не подходит. Он не таков. Так что же он собой представляет?

— Бедняга, — так оценил его управляющий. — Просто так взяла и ушла? — спросил его Джим О'Коннор.

— Именно так.

— Она засекла тебя, что ты трахал другую бабу?

— Нет.

— Ты ее? Значит, *она?..*

— Не думаю.

— Ну, ты прямо в безвыходном положении, Тед.

— Мне нужна неделя из своего отпуска. Использую ее, чтобы все организовать.

— Ты мое горе.

— Конечно, я не позволю, чтобы страдала работа.

— Тед, говоря по правде, работаешь ты великолепно просто. Лучший в компании. Но все же нам придется срезать тебе оклад.

Лицо Теда окаменело. Неужели он так быстро потеряет в жалованье?

— Но, учитывая твою ситуацию, мы оставляем его тебе. Понимаешь? Поскольку он тебе не урезается, можешь считать, что он повысился.

— Если бы только банк это тоже учитывал.

— Так что ты собираешься делать с малышом?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты собираешься воспитывать его?

— Он мой сын.

— Разве у него нет дедушек и бабушек? Тебе придется туго.

Мысль о том, что он может заниматься чем-то другим, кроме воспитания Билли, как-то не приходила Теду в голову. Но О'Коннор был достаточно умным человеком. Он поднял вопрос. И Тед задумался: может быть, О'Коннор знает что-то неизвестное ему.

— Думаю, что буду не хуже их.

— Если ты так хочешь.

Этого ли он хотел? Тед решил углубиться в суть вопроса, заданного О'Коннором. Взять, например, воспитание Билли. Существовало и другое решение — он мог заставить Джоанну взять Билли с собой. Но для этого прежде всего ее нужно найти. И даже если он разыщет ее, с чего ради она будет менять свое решение?

Она ненавидит ту жизнь, которую ей приходится вести, как она сказала. Она задыхалась. Тед не мог представить себе, что вдруг она решит выносить то давление, от которого сбежала, потому что он выследит ее в какой-нибудь курортной гостиничке с теннисистом-профессионалом. Он даже позволил представить себе, как все это может выглядеть. Нет, придется забыть о Джоанне. Забудьте о наших маленьких торжественных юбилеях, леди.

Какие существуют другие решения? Он не собирался отдавать четырехлетнего ребенка в закрытую школу. Дедушки и бабушки? Тед не сомневался, что его родители за эти годы полностью выложились в заботах о двух детях Ральфа. Тед видел, как мало внимания они уделяли Билли во время их редких наездов в Нью-Йорк. Отец предпочитал удаляться в спальню на повторный показ «Люсишоу», когда, по мнению Теда, Билли делал нечто удивительное, например в первый раз улыбнулся. Мать неизменно напоминала, каким чудесным ребенком был Ральф и какие чудесные у него дети. Если его родители не интересовались Билли во время уик-эндов в Нью-Йорке, он сомневался, что ему будет уделено достаточно внимания во время долгих дождливых сезонов во Флориде. Родители его жены представляли собой нечто противоположное. Им была свойственна патологическая нервозность. «Не позволяй ему подходить к окну, он может вывалиться из него». — «У нас решетки на окнах». — «У него повышенная температура». — «Да нет же, повышенная температура на улице. Девяносто градусов по Фаренгейту!» — Он мог вручить им ребенка и не сомневаться, что тот выживет. При их присмотре можно было быть уверенным, что ни из какого окна мальчик не вывалится. Но будут ли они заботиться о Билли по-настоящему? Да и являются ли они вообще его родственниками? Все это теперь не имело для него смысла. Никто из них не получит Билли. Он его ребенок. Он принадлежит только ему, это ореховое зернышко. Тед сделает для него все, что в его силах. Да, этого он и хочет.

Встретив Билли после садика, он привел его домой.

Позвонила Тельма и предложила привести малыша к ним. Дети отлично поиграют. Ей искренне хотелось узнать, есть ли какие-нибудь известия от Джоанны. Он подумал, что не может отказывать в рассказе этим людям, и поэтому поведал Тельме, что возвращаться Джоанна не собирается. Она бросила Билли. Тельма сглотнула комок в горле. Он слышал этот звук по телефону, как у нее перехватило дыхание.

— Боже милостивый!

— Это еще не конец света, — с наигранной бодростью сказал он. — Это только начало.

— Боже милостивый!

— Тельма, мы говорим, как персонажи мыльной оперы. Такие вещи случаются, — сказал он, хотя и представить себе не мог, что они могут произойти с кем-то из его знакомых.

Телефон был занят весь остаток дня. Всем он коротко и четко объяснял: Джоанна решила покончить с ситуацией, которая казалась ей невыносимой. Она предпочла именно такой путь. Звонившие предлагали присмотр за ребенком, разные вкусные вещи — словом, всестороннюю помощь. Верните ее мне, думал он, просто верните ее мне.

Пока Билли играл в доме Тельмы, Тед просмотрел его одежду, игрушки, набор лекарств, пытаясь определить, что же ему нужно. Джоанна всегда уделяла внимание подобным мелочам.

На следующий день он получил краткую записочку, снова без обратного адреса. На этот раз она пришла из Лейк-Тахо, Невада, судя по почтовому штемпелю.

«Дорогой Тед! Несколько слов о дерьме, связанном с законом. Я наняла юриста, который и вышлет тебе все бумаги относительно нашего развода. Кроме того, я высылаю тебе документы, чтобы ты мог законным образом оформить опеку над Билли.

Джоанна».

Он подумал, что это самая омерзительная записка, которую ему доводилось получать в жизни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прежде чем звонить родителям ее, или своим, или кому-то еще, он связался с мистером Гонзалесом, который на данный момент оказался для него самым важным человеком в мире. Мистер Гонзалес числил его среди своих клиентов, которых он представлял в «Американ Экспресс». Две тысячи долларов, которые Джоанна сняла с их общего счета, были той суммой, которую им вручили ее родители, когда они поженились. Тед предположил, что она считала их своими личными деньгами. У них обоих были карточки «Американ Экспресс», но владельцем счета считался Тед. То есть, он оплачивал все ее покупки. Она могла оказаться где угодно, улететь в другой город, подписывать счет за джин с тоником, сидя у какого-то плавательного бассейна, приводить к себе в номер жиголо — но все счета стекались к нему. Типичный рогоносец, в современном стиле. Позвонив к мистеру Гонзалесу, он попросил, чтобы его кредитные карточки были закодированы под другим номером.

Миссис Колби давала объявление в «Нью-Йорк Таймс» и в телефонном справочнике о «Помощи по дому для понимающих людей». Как человек, имеющий отношение к рекламе, Тед понял, что текст объявления намекает, что услуги будут обходиться недешево. Но, в конце концов, миссис Колби предлагала не полотеров или окономоев. Он хотел иметь дело с солидным агентством, в котором работают ответственные люди, что могут взять на себя все вопросы быта. Надо сказать, что он сам толком не представлял, что они собой представляют. Ему пришлось отвечать на вопросы, с которыми он никогда раньше не сталкивался: вы предпочитаете, чтобы вам, в основном, убирали или готовили; вам нужен уход за ребенком или стирка? Советы друзей были достаточно однообразны: ничего толкового ты не раздобудешь и не тешь себя фантазиями, что явится Мэри Поппинс и все наладит. Он сразу отбросил идею отдать Билли в круглосуточный садик. Это городское учреждение было связано со скандалами: плохое оборудование, исчезнувшие средства, а ему и так придется сейчас тщательно следить за уровнем своего дохода. Он хотел, чтобы у Билли была нормальная упорядоченная жизнь. Он пошел встретиться с миссис Колби в ее офисе на Медисон-авеню. На стенах висели благодарственные письма от самых разных персонажей — от членов делегаций при ООН до главы районного самоуправления из Бруклина. Ее офис представлял собой чайную комнату в викторианском стиле, а за столом сидела сама миссис Колби, женщина в кудряшках, лет шестидесяти, говорившая с сильным английским акцентом.

— Итак, мистер Крамер, вы хотите прислугу приходящую или с проживанием?

— Я бы предпочел приходящую.

Тед прикинул, что постоянно обитающая в доме прислуга обойдется ему не меньше чем в сто двадцать пять долларов в неделю, что превышало возможности его бюджета. Приходящая студентка колледжа могла бы присматривать за Билли, слегка прибираться в его комнате и что-то говорить, но она будет оказывать на Билли лишь косвенное влияние. Тед же хотел нечто вроде заменителя матери. Он предположил, что его устроила бы женщина, обитающая в доме от девяти утра до шести вечера, категории девяносто — сто долларов в неделю,

которая говорила бы на правильном английском языке. Это ему посоветовала Тельма, его соседка. «Ей придется проводить с Билли почти все время, — сказала она. — И ты же не хочешь, чтобы ребенок рос, говоря с иностранным акцентом». При этих словах Тед сначала развеселился, но потом ему стало не до смеха. Идея заключалась в том, что Билли должен как меньше ощущать разницу своего положения.

— Мне нужен человек с хорошим английским языком, миссис Колби.

— Ах, с хорошим английским. Значит, речь может пойти скорее о ста пяти долларах в неделю, чем о категории от девяносто до ста.

— Только за хорошее произношение?

— За хорошего человека, мистер Крамер. Мы тут не имеем дела с разными отбросами общества.

— Хорошо, значит, ближе к ста пяти. — Едва только столкнувшись с необходимостью торговаться, Тед сразу же уступил.

— Теперь я хотела бы ознакомиться с вашей личной ситуацией. Значит, как вы говорите, речь идет о вас и о вашем четырехлетием сыне?

— Да.

— А миссис Крамер?

— Выпорхнула из клетки, миссис Колби. — Это новое выражение было достаточно точным и откровенным.

— Ах, вот как. В последнее время мы сталкиваемся с такими ситуациями.

— Неужели?

— Именно так.

«Да, уж ты-то сталкиваешься, — подумал он. — Из своей каморки ты держишь руку на пульсе всего города, черт побери».

— Пока еще нам чаще приходится иметь дело с женами без мужей, конечно. Отцы без жен появляются в результате болезней, аварий, дорожных катастроф, каких-то случайностей, скажем, женщина оступилась на лестнице, поскользнулась в ванной и утонула...

Он заметил, что она отвела глаза в сторону, продолжая перечисление.

— ...сердечный приступ или...

— Я понял вашу мысль.

— Но порой мы сталкиваемся и с... выпорхнула из клетки, как вы сказали. Вот недавно мне пришлось иметь дело: женщина тридцати восьми лет, с двумя детьми — девочкам семь лет и десять, — не оставила ни записки, ни вообще ничего. Взяла рубашки мужа, сказала, что идет постирать их, и исчезла с концами.

— Миссис Колби...

— Завершая свою мысль, хочу сказать, что не всегда женщина просто выпархивает из клетки. Порой это просто помутнение мозгов.

— Не могли бы мы поговорить о том, что меня интересует?

— У меня на уме три прекрасные кандидатуры. По сто пятнадцать долларов в неделю.

— Вы вроде упоминали о ста пяти.

— Дайте-ка мне заглянуть в картотеку. Ах да, сто десять.

— Вы никогда не думали, что могли быть прекрасным коммивояжером?

— Прошу прощения?

— Разрешите мне увидеться с ними, и потом мы поговорим об оплате. После девяти вечера у меня дома. И желательно не тянуть.

— Очень хорошо, мистер Крамер. Я позвоню вам попозже днем.

Явились Тельма и Чарли; Тельма принесла с собой приготовленные ею бифштексы. Худенькая привлекательная женщина, в свои тридцать с небольшим она держалась при помощи американской косметики, выкрашенных волос, контактных линз, которые заставляли ее щуриться, модной одежды и последних диет — без всего этого она была бы обыкновенной женщиной, которой она и становилась, когда уставала и переставала держать себя в форме. Сейчас она была в размягченном состоянии, как человек, разрешивший загадку. Исчезновение Джоанны заставило ее занервничать, поставив лицом к лицу

с проблемами ее собственного брака, из-за чего она и обратилась к психоаналитику.

— Думаю, что знаю, почему она так поступила, — сказала она.

— Может быть, она слегка сдвинулась, — предположил Чарли.

— Вроде бы я выходила замуж за зубного врача, но не за психиатра, — резко ответила Тельма.

Тед избегал их взглядов, потому что он обладал информацией, не украшавшей Чарли.

— Понимаете, она говорила, что хочет, мол, пойти работать, а я объяснял ей, что это нам слишком дорого обойдется. Теперь мне в любом случае придется платить прислуге, так что, если бы даже она и осталась, все было бы так же.

— Довольно забавно, — сказал Чарли. — В любом случае тебе пришлось бы платить. — И он от души расхохотался, хотя ни у кого из остальных предмет разговора не вызывал смеха.

— Помолчи, Чарли! — цыкнула Тельма, и Тед внезапно понял, что его собственное затруднительное положение стало предлогом для их ссор. — Неужели ты не видишь, что человек страдает? — спросила она, скрывая свою собственную боль.

Она все знает, понял Тед. Ей известно о всех любовных интрижках Чарли, и он знает, что ей это известно.

— Но как она могла вот так взять и уйти? Неужели вы даже не общались друг с другом? — спросила Тельма тоном, в котором слышался упрек присутствующим тут мужчинам.

— Наверно, не так много, как надо было бы.

— Ну, я не хотела тебя обидеть, Тед. Так что не принимай мои слова слишком близко к сердцу. Но я думаю, что она в определенной мере проявила мужество.

— Тельма, не пори ахинею.

— Закрой свою грязную пасть, Чарли! Я хочу лишь сказать, что даже для такого антиобщественного поступка ей потребовалось определенное мужество. И некоторым образом я даже испытываю к ней уважение.

— Тельма, я ни в коей мере не считаю, что она

совершила мужественный поступок. Для меня лично такой поступок — отнюдь не смелость! — Ярость, которую он все время сдерживал в себе, наконец прорвалась наружу. — И еще эти дерьмовые феминистки! Джоанна имеет к ним отношение не больше, чем... чем Чарли.

— Только не вмешивай меня во все это, ладно, Тед?

— Какая, черт побери, мне разница, из-за чего она ушла? Она ушла — и все! Похоже, что для тебя, Тельма, это куда важнее, чем для меня.

— В самом деле, Тед?

— Эти паршивые игры кончены. Вы как те шоумены, которые, прыгая вокруг трибуны, задают дурацкие вопросы. Ну и что, если бы даже мы и общались? Игра окончена! Она ушла!

— Но если она вернется обратно, ты так никогда и не поймешь, почему она уходила.

— Она не вернется!

Он схватил записку Джоанны, которую оставил на столе. Они хотят посплетничать? Так пусть сами убедятся, как это отвратительно выглядит. Он не сомневался в оценке Тельмы. Она быстро пробежала ее, чувствуя неудобство от сцены, свидетельницей которой ей пришлось стать. Тед выхватил бумажку у нее из рук и ткнул ее в руки Чарли.

— Прекрасно, не правда ли? Ну, не героиня ли? Как последняя дешевка ускользнула. Она ушла — вот и все! Она ушла!

Схватив записку, он скомкал ее в шарик и отшвырнул от себя.

— Тед, — сказала Тельма, — это была бы хорошая идея... пусть даже Джоанна не хотела бы этого... чтобы рядом с тобой был тот, о ком ты мог бы заботиться. Ты можешь переговорить с моим психоаналитиком.

— Зачем он мне нужен, когда у меня есть хорошие друзья?

— Послушай, Тед, все же не стоит бросаться оскорблениями, — сказал Чарли. — Я понимаю, ты взволнован...

— Ты прав. А сейчас я хотел бы побыть один. Спасибо за ростбиф и разговор, который так мне помог.

— Совершенно правильно, что ты собираешься держать себя в руках, Тед, — заметила Тельма.

Они сухо пожелали друг другу спокойной ночи, и Тед с Тельмой издалека обменялись воздушными поцелуями. Он не хотел ни сдерживаться больше того, что он мог себе позволить, ни других объяснений относительно Джоанны, кроме тех, которые у него уже были. Он не хотел больше никаких теоретизирований от своих друзей. Пусть они собирают воедино куски своего собственного брака и не изучают его. Ему хотелось лишь, чтобы в доме появилась помощница и все пошло заведенным чередом, чтобы тут был кто-то, на кого можно было бы оставить Билли, и чтобы в соответствующий момент Джоанна отдала концы.

Миссис Колби направила к нему мисс Эванс, которая пришла для беседы. Она оказалась худенькой старушкой, которая с безостановочным напором говорила о своей диете, о сельских сырах, но только из Брекстоуна, а не из Френдшипа, о даннонском йогурте, но не силтетском, бессолевом хлебе из магазинов здоровой пищи, но уж ни в коем случае о хлебе, в который кладут сахар. И еще до того как она попросила разрешения осмотреть дом и первым делом нырнула в ванну, даже не посмотрев на спящего Билли, Тед решил, что не сможет выносить ее диетического помешательства.

Он нашел миссис Робертс, обратив внимание на текст ее объявления в «Таймс». Она сообщала: «Хорошая кухарка. Умею обращаться с детьми». Она явилась, ярко выраженная пуэрториканка, которая, скорее всего, прибегла к помощи агента по объявлениям, который написал ей текст объявления и снабдил приличной английской фамилией, потому что ее английский едва можно было понять.

— Я работала, ето... с мой спаньский дифомад.

— Понимаю, — сказал он, стараясь быть вежливым.

— Ето... спаньский синовник.

Напряжение все росло.

— Ну, у меня всего один малыш.

— А вася зенсина?

— Ушла.

— Локо, — сказала мисс Робертс. — Психа.

Она от всей души ущипнула его за щеку и он почувствовал крепость ее пальцев. Он так и не смог понять, был ли то поощрительный щипок или же он носил сексуальный характер, но щека у него заболела.

— Вы умеете ухаживать за детьми?

— Моя сесть деток. В Пуэрто-Рико. В Бронксе.

Тед представил себе, что, если нанять мисс Робертс, к пяти годам Билли будет говорить по-испански.

То ли она запудрила мозги агенту, то ли он не понял, что ей надо. Во всяком случае, в ходе дальнейшего разговора выяснилось, что мисс Робертс сейчас вообще еще занята. Она отправляется на «кайникули» в Пуэрто-Рико, где ее муж пока работает «дифомадом». После того как она удалилась, Тед сообразил, что «дифомад» — это дипломат, «синовник» — чиновник и что, если даже мисс Робертс весьма достойная личность, она явно не Мэри Поппинс.

Следуя газетным объявлениям, он связался с другими агентствами по найму, одно из которых предоставило ему среди прочих «приходящих» прислуг весьма приятную даму из Ямайки с нежным голосом, так и предназначенным, по мнению Теда, для чтения перед сном, но которая, к сожалению, могла работать только летом; а также строгую леди, которая явилась на беседу в накрахмаленном белом халате и с таким же накрахмаленным лицом, этакую типичную английскую няню на пенсии; она сообщила, что несколько поколений детей звали ее Няней, но она больше не хотела бы быть занята целый день (может ли она приходить два с половиной дня в неделю?) и некую ирландку в грубых башмаках, которая прервала беседу по своей инициативе, сурово осудив Теда за то, что он позволил своей жене уйти, ибо женщина должна чувствовать твердую мужскую руку. Миссис Колби, позвонив, сказала, что это дело ее жизни — найти Теду прислугу в течение ближайших нескольких часов, так как она лично заинтересована в его деле, поскольку его жена так неблагородно поступила с ним.

Миссис Колби прислала ему четырех женщин, одна из которых стоила стодвадцать пять долларов в неделю, о чем она незамедлительно сообщила, после чего осведомилась, умеет ли он готовить? Другая оказалась до странности рассеянной женщиной, которую вроде бы все устраивало, но она как-то забыла сообщить, что в августе ее ждет другая работа. Толстушка, которая, повизгивая от удовольствия, выразила полный восторг, тут же сообщила, что предпочла бы жить здесь и получать больше денег. А шведка по имени миссис Ларсен сочла обиталище Теда и Билли слишком грязным, на ее взгляд, что заставило Теда смутиться, поскольку он так старательно все мыл и чистил, что никакая шведка не могла счесть обстановку слишком грязной.

Он подумывал, не дать ли ему самому объявление в газете, но не хотел отдавать себя на растерзание всем психам. Вместо этого он нацепил скромный текст на стенку рядом с супермаркетом по другую сторону улицы: «Нужна домохозяйка, от 9 до 18.00. Приличная семья». Ему часто доводилось слышать такое выражение: «Я работаю только в приличных семьях». У него раздался лишь один звонок от миссис Этты Валевска, которая сообщила, что живет по соседству и давно уже не занималась такой работой, но объявление ее заинтересовало. Она оказалась невысокой, широкоплечей полькой с ангельским личиком, которая, похоже, специально надела для этой встречи свое лучшее платье строгого черного покроя. Акцент в ее речи был еле заметен; они с мужем являются гражданами вот уже тридцать лет, что она не без гордости заметила. У нее был женатый сын. Много лет она была домохозяйкой, трудилась большей частью в механизированных прачечных. Муж ее работал на предприятии в Лонг-Айленде. Она подумала, что было бы неплохо помочь приличной семье. Затем она задала Теду вопрос. Он не относился к числу тех, которые уже успели ему надоесть от других.

— Что собой представляет ваш ребенок?

Тед и сам не знал, что ответить. Он, конечно, имел общее представление о Билли, но никогда не затруднялся углубленным анализом его личности.

— Он очень симпатичный. Порой слишком застенчив. Любит играть. Хорошая речь. — Он не знал, что еще добавить.

— Могу я взглянуть на него? — спросила она.

Приоткрыв дверь, они посмотрели на Билли, спящего в окружении своего народца.

— Он очень хорошенький, — шепнула она.

Свет из холла упал на лицо малыша и он внезапно проснулся.

— Все в порядке, радость моя. Это я. А это миссис Валевска.

— Миссис Валевска, — повторил Билли сонным голосом.

— Засыпай.

Когда они вернулись в комнату, она сказала:

— А он очень умен. Произнес мое имя без ошибок. Многим это не удается.

Тед подумал об обязанности носить фамилию, которую многие люди не могут произнести без ошибки.

— Не уверен, так ли он умен. В четыре года об этом еще трудно говорить. Но думаю, что он неглуп.

— Вы очень счастливый человек, мистер Крамер.

В последние несколько дней он не считал себя таковым.

В общих чертах они договорились о круге ее обязанностей, за которые, как он сказал, будет платить ей сто десять долларов — в конце концов, он мог выложить то, что должен был отдать миссис Колби. Может ли она заглянуть через несколько часов, чтобы ознакомиться с обстановкой? Может ли она начать в понедельник? Она сказала, что будет рада работать для него и заботиться о Вильяме. Прощаясь, она спросила, какие блюда предпочитает Тед, возвращаясь домой после работы. Он даже не представлял, что это тоже входит в условия сделки.

Так он обрел женщину с добрым лицом, которая может готовить им еду и заботиться о Билли. Доверься своим чувствам, посоветовала ему Тельма, когда ищешь себе помощника. И он почувствовал, что нашел подходящего человека. Позвонив миссис Колби, он сообщил ей, что поиски завершены. Порывшись в своей картоте-

ке, она выразила надежду, что его жена чувствует себя получше.

Наконец он мог заняться другими звонками. Их у него было выше головы. Он должен сообщить родителям — меня оставила жена, подождите, не сходите с ума, у нас прекрасная домохозяйка, дома все чисто, все в порядке, я слежу за этим. Он может сказать своим бывшим родственникам — вы знаете, где Джоанна? Вы же знаете, что она ушла. Мы наняли домохозяйку, прекрасную женщину. Он может сказать им — мне не нужна ваша помощь, ни от кого от вас.. Я сам воспитаю его. Мы отлично справимся. Этого я хочу.

Войдя в комнату Билли, он остановился над ним. Каким *он сам* был ребенком? Что можно сказать в четыре года? Каким он вырастет? Какая им достанется жизнь?

Все будет в порядке, Билли. Мы обзавелись миссис Валевской. И мы принадлежим друг другу.

Малыш повернулся, одолеваемый детскими снами. Он пошевелил губами, пробормотав что-то неразборчивое. Он был очарователен, но Тед не хотел таким образом вторгаться в его личный мир. Он чувствовал, словно ненароком прикоснулся к нему. Не волнуйся, малыш. Все будет отлично. Поцеловав его, он вернулся к себе. Малыш видит свои сны. Он сказал что-то вроде «не приставай».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Чуть ли не истерика. Вопли и стоны. «Что ты имеешь в виду — она просто ушла от тебя и ребенка? Что ты хочешь этим сказать? — кричала его мать, повторяя эти слова снова и снова, словно у нее заело пластинку в мозгу. — Просто взяла и ушла? От тебя и ребенка? О-о-о!» Стенания, воспоминания о которых пришли из его детства. Помнишь, как тебя поймали за кражей у Фордхема? И как ты был в кабинете управляющего? Администратор знал их семью. В то время у отца Теда была небольшая закусочная неподалеку, и вместо того, чтобы вызывать полицию, администратор позвонил в магазин. Он с Джонни Мартином хотели проскользнуть в боковую дверь в тот момент, когда Джимми Перетти открыл ее изнутри и они попытались проскочить в них из тени, в которой сидели, притаившись, как командос из фильма «Удар на рассвете» — только для того, чтобы их сразу же перехватил швейцар и теперь их как уголовников ждал «Большой Дом». — «Вы что, хотите сказать, что мой сын преступник? О-о-о!» «Вот уж не представлял тебя в этой роли, малыш», — сказал брат, когда завзя-

того преступника отпустили в обмен на блюдо горячей индейки.

До рождения Билли Тед с Джоанной ездили в Форт Лодердейл познакомиться с новым домиком Доры и Гарольда Крамеров в жилом комплексе, с небольшим садиком вокруг бассейна. Пока Гарольд смотрел телевизор, Дора познакомила их с окрестностями и соседями. «Это мой младший сын Тед и его жена», — говорила она. Соседей, расположившихся около бассейна, интересовал, главным образом, круг занятий сыновей; дочерей же и невесток отличали только по их мужьям. Тед продает, намекнула она, не упоминая, что он продает журнальную площадь под объявления, потому что так и не могла толком разобраться, что это такое. Ей было бы куда легче справляться с объяснениями, если бы он был крупным оптовым торговцем алкогольными напитками, как его брат, о котором мать говорила: «А это мой старший сын Ральф, он крупный оптовик в торговле алкоголем», — или же врачом, как сын Саймонов.

— Так что же ты теперь собираешься делать?

— Разводиться.

— Никогда не слышала ни о чем подобном.

— Это очень современно.

— Как это только могло случиться?

— Тед? — Его отец отвлекся от хода игры по телевизору, решив наконец, что вопрос достаточно важен для разговора по телефону.

— Как ты там, папа?

— И ты позволил своей жене уйти от тебя?

— Решение было принято недемократическим путем.

— И она оставила малыша? О-о-о!

Теперь еще и *он* застонал. Позор, свалившийся на их головы, был просто невыносим. Он никогда раньше не слышал, чтобы отец издавал звуки, свойственные ранее только матери.

— У меня все в полном порядке.

— В порядке? — вскрикнула мать. — Как все может быть в порядке, если...

— Мама, послушай...

— Жена убежала от тебя...

— Я уже нанял экономку, потрясающую женщину. Она сама вырастила сына и может заботиться о другом ребенке.

— Кто она? — быстро спросила мать.

— М-м-м... полька.

— Хорошо. Они умеют работать. Ах, впрочем, какая разница? Это же трагедия, настоящий позор.

— Она очень хороший человек. Она будет приходить каждый день и возьмет на себя все заботы.

— Какой позор! О, эта женщина! Она сущая бродяжка! Бродяжка!

— Мама, в Джоанне в самом деле оказалось много такого, о чем я и сам не подозревал. Но если она бродяга, — сказал он, стараясь подавить смех, — как ее удержать дома?

— Бродяга, — с напором повторила она.

— Шлюха, — решительно вмешался отец.

Он постарался успокоить их, но успеха достичь не удалось. Вешая трубку, он лишь хмыкнул, представляя себе, что они говорят об этой бродяге и шлюхе.

Она называла его Вильям, он же обращался к ней как к миссис Валевска. Тед тоже называл ее миссис Валевска, а она его мистер Крамер, и порой Теду казалось, что такая подчеркнутая вежливость свойственна, скорее, почтенным семьям типа Кеннеди, чем их общению, когда она оказывает ему помощь. Она была мягкая рассудительная женщина, достаточно бережно обращающаяся с ребенком. Для Билли мысль о том, что мама ушла навсегда, продолжала оставаться непредставимой. Реальностью же были детали и подробности его жизни — кто отведет меня в садик, кто заберет, кто сделает мне бутерброды, когда я смотрю телевизор, кто приготовит ужин, кто сделает то, что должна делать мама? Это были ощутимые и реальные вещи, и его пугала возможность, что в их жизнь может вторгнуться что-то непредсказуемое. Отсутствие матери отнюдь не означало, что мир вокруг рухнул. Пока его куда больше волновало, дадут ли ему бутерброд с ореховым маслом. Разыскивая по всему дому

миссис Валевска, он засыпал ее градом вопросов — когда он пойдет в садик и когда вернется, кто его будет ждать, когда будем есть, словом, кто и что делает и кто где. Каждый раз, когда приходила миссис Валевска, он снова сталкивался с тем, что никак не мог себе представить — это не мама? Проблема все еще ждала ответа. В какой-то мере помогало присутствие миссис Валевска. Через несколько дней Билли уже говорил: — Папа, миссис Валевска говорит, что мне хватит пирожных. Но я же съел только одно. — Как-то утром, когда, ведя Билли в садик, Тед ускорил шаги перед переходом, он услышал предупреждение: — Там сказано «Не идти», папа.

— Мы пойдем только, когда там появится «Идите», мистер Крамер. — Он уже знает это назубок.

— Хорошо. — Не хотите ли взять и *меня* за ручку, миссис Валевска, и перевести через улицу?

Она вносила надежность и основательность в их существование. В глубине души оба они еще испытывали растерянность. Но все мелочи — от сандвичей с ореховым маслом до прогулок и знакомства со светофорами — миссис Валевска брала на себя.

Для людей, с которыми ему приходилось встречаться, в случае необходимости у него была наготове краткая информация типа «Моя жена не справилась с обязанностями хозяйки дома и матери» — и обычно он добавлял: «Но мы прекрасно управляемся при помощи чудесной домоправительницы» . Он выдавал эту тираду одним духом, что избавляло его от расспросов.

Через несколько дней, когда дома все наладилось и течение дел обрело почти нормальный характер, он решил позвонить родителям Джоанны, потому что давно не имел от них никаких известий. Может быть, они знают, где сейчас Джоанна. Они не знали. На долю Теда выпала обязанность сообщить им новости.

— Вы ничего не знаете?

— Что именно?

— Джоанна оставила нас, Гарриет. Она ушла. Она бросила Билли и меня и занялась поисками самой себя. — Ах, вы мои сообразительные пампушки. Значит, это я должен вам все рассказывать? На другом конце провода наступила долгая пауза. — Я предполагал, что она сама поставила вас в известность.

— Она оставила сына? Своего собственного ребенка?

— И своего мужа. Она и меня бросила.

— Что ты ей сделал?

— Ровно ничего, Гарриет. Я не просил ее, чтобы она оставляла нас.

— Кажется, у меня сейчас будет сердечный приступ.

— Теперь уж не стоит волноваться, Гарриет. А где Сэм?

— В другой комнате.

— Притащите его. Я жду.

— У меня сейчас будет сердечный приступ.

— Обождите со своими приступами. Приведите Сэма.

Он исходил из того, что человек, который оповещает о сердечном приступе, не собирается испытывать его.

— Алло?

— Сэм, с Гарриет все в порядке?

— Она сидит тут же.

— Она сообщила вам?

— Как только ты решился звонить нам с такими известиями?

— Ну, может быть, мне в самом деле стоило бы написать.

— Джоанна оставила своего ребенка?

— Да, она...

— Ее собственного прекрасного малыша?

— Она сказала, что у нее есть такая потребность.

— У меня сейчас будет сердечный приступ...

— Подождите, Сэм...

— У меня сейчас будет сердечный приступ. Гарриет, поговори с ним. У меня сердечный приступ.

— Сэм, если вы можете говорить об этом, у вас нет никаких приступов. — Он уже сталкивался с подобным его поведением.

— Тэд, это я... Гарриет. Сэм сидит рядом.

— Как он?

— Сейчас мы не можем с тобой говорить. Ты ужасно расстроил нас своими известиями. У тебя железные нервы. — И она повесила трубку.

В течение недели Тед обычно являлся домой около шести; они с Билли вместе обедали, он купал его, после чего они еще немного играли. Тед что-нибудь читал ему, и примерно в половине восьмого Билли шел в кроватку. Полтора часа пролетали незаметно. Уик-энды, когда не было Этты, тянулись долгими ровными часами, которые надо было не просто чем-то заполнять, но и стараться, чтобы Билли был доволен и чем-то занят. Немалое время Тед заполнял путешествиями по Нью-Йорку для закупок и других занятий. Это обычное утро он планировал уделить посещению Музея Естественной Истории. Но у дверей звякнул колокольчик, и на пороге показались родители Джоанны. Стремительно миновав двери, они кинулись осматривать апартаменты, как саперный взвод в поисках взрывчатки. Настежь распахнув двери в детскую, они обнаружили малыша сидящим у телевизора, и ошеломили его каскадом поцелуев, объятий и кучей ярких книжек. Осмотрев весь дом и собственными глазами убедившись в отсутствии дочери, Гарриет объявила: «Ее здесь нет!»

Сэм, лично обойдя дом, словно стараясь найти какое-то важное доказательство, перевел взгляд на Билли, который не сдвинулся с места — «Электрик Компани» представляла своего Человека-Паука, который произвел впечатление даже на дедушку и бабушку из Бостона. Стоя над головой мальчика, Сэм поцокал языком и тяжело опустился на диван.

Они выглядели довольно привлекательной парой. Она была миниатюрной женщиной лет пятидесяти с небольшим, с волосами, тронутыми натуральной сединой, с темными глазами. Он же обладал приятными чертами грубоватого лица, был крепок и подтянут, со снежно-белыми волосами. Тед уже и подзабыл, какими они могут быть напористыми. Хотя Джоанна была их дочерью, и в Билли тоже текла их кровь. Он глубоко заблуждался, подумав было, что ребенок не так уж их волнует.

— Что ты можешь сказать в своих объяснениях? — высокопарно потребовал от него ответа отец Джоанны. Похоже, что всю дорогу от Бостона он репетировал свою роль.

Тед перечислил обстоятельства, связанные с уходом Джоанны, точно передавая ее слова и стараясь сохранять репортерскую бесстрастность — надеюсь, вы ответите мне таким же отношением? — и они внимательно выслушали его, щуря глаза, словно он объяснялся с ними на каком-то иностранном языке.

— Она никогда не доставляла никаких хлопот, — сказала ее мать.

— Ну, так теперь она изменилась, — ответил Тед, придерживаясь своей точки зрения.

Они ничего не понимали. Они вручили ему прекрасную девочку, и вот что он с ней сделал. Они начали вспоминать об успехах Джоанны времен ее детства, в дни, предшествовавшие появлению Теда, забыв о том, что он сидит тут же — помнишь, какой хорошенькой она была в тот вечер, когда... Затем они погрузились в долгое молчание. Из спальни Теда раздался голос Билли, который спрашивал, может ли он посмотреть «Улицу Сезам». О, этот ребенок, этот малыш. Вскочив, они кинулись в комнату, дабы убедиться, что уж *он-то* здесь; они снова стали безостановочно целовать его и обнимать, а он переводил глаза с одной на другого, смущенный, почему эти люди тискают и целуют его в то время, когда он хочет смотреть телевизор. Они обошли весь дом, проверяя решетки на окнах. Как Тед справляется с делами? Он же не подготовлен к тому, чтобы самому заботиться о ребенке. Кто его экономка? А он слышал о сиделке, которая похищала детей и убивала их? Почему Билли так много сидит у телевизора? Что он ест? Кто смотрит за его одеждой? Он старался отвечать на все их вопросы. Но его ответов они не слушали. Они продолжали осматривать дом.

— Конфеты? У вас в доме конфеты? — спросил фармацевт. — Разве ты не знаешь, что сахар вреден для организма, а леденцы плохо действуют на зубы?

Пусть они в Бостоне не волнуются, заверил их Тед. Они выразили желание встретиться с миссис Валевской, чтобы она лично доложила им, чем она занимается весь день. Он отказал им в этом. Они решили взять Билли с собой в зоосад. Он сказал, что это было бы неплохо, но

не будут ли они сетовать относительно Джоанны, расстраивая Билли? Они снова вспомнили свою дочь.

— Мы хорошо воспитывали ее. И я не знаю, как ей тут жилось, — резко сказала Гарриет.

— Вы и сами должны понимать, в чем дело, — ответил Тед. — Может быть, она была слишком избалована и, столкнувшись с трудностями, повела себя, как балованное дитя.

— Тс-с-с! Тут ребенок! — предупредила его Гарриет.

Снова обрушив на ошеломленного Билли град поцелуев, они повели его в зоопарк, а Тед отправился в соседний кинотеатр, где посмотрел вестерн, единственным достоинством которого было то, что он не оказал на него ровно никакого воздействия. Все вернулись во второй половине дня, у Билли слиплись губы от съеденных им леденцов, а рубашка была в пятнах от пиццы. Счет игры: Ребенок — 2, Фармацевт — 0. Они решили остаться в Нью-Йорке еще на день, предпочтя номер в мотеле дивану Теда, который он предложил им, стараясь быть вежливым.

Наутро Гарриет и Сэм появились у их дверей к восьми часам, готовые к путешествию по городу. Билли выразил желание снова отправиться в зоосад, и они пошли будить животных, вернувшись около полудня.

— Нам пора топ-топ, — сказала внуку Гарриет. Топ-топ в Бостон, топ-топ в Линн, если будешь зевать, не успеешь в кровать. Детские игры, которыми Джоанна любила забавляться с Билли. Воспоминание промелькнуло перед Тедом. Теперь в доме от него ничего не осталось, кроме слабых отголосков.

— Если вы что-то услышите от Джоанны, — сказал он им, — передайте ей... — он замялся, не зная, что сообщить, — что у нас все прекрасно.

— В самом деле? — осведомилась она. — Ты в самом деле считаешь, что у вас все прекрасно?

Следственная группа рассталась без рукопожатий. Родители Джоанны сделали свои собственные выводы. Они сочли Теда виновным в том, что их дочь покинула свой дом.

В течение последующих недель, когда стало окончательно ясно, что Джоанна Крамер в самом деле оставила своего мужа и своего ребенка, окружающие стали видеть в ее поступке то, что они считали необходимым для обретения внутреннего спокойствия. Ларри сказал, что наконец-то Теду представилась прекрасная возможность заняться самим собой. Тед ответил, что пока он не испытывает интереса к общественной жизни, она не занимает его мысли. «Кто говорит о твоих мыслях? — удивился Ларри. — Если у тебя есть приятель, Тед, он просто обязан позаботиться, чтобы тебя расшевелить».

Взгляды родителей Теда располагались на другом конце спектра мнений. Самым важным для них было — ситуация с браком. Положение, в котором он очутился, волновало их несколько меньше.

— Мы еще даже не разведены.

— Так чего же ты ждешь? — спросила его мать.

Надо было начинать юридические процедуры. По совету Дена, к которому он обратился в поисках юриста, Тед направился к достаточно известному адвокату, который специализировался на бракоразводных делах.

— Люди не станут осуждать тебя за развод, — сказала ему мать. — Я всем говорю, что вы уже развелись.

— Сомневаюсь, что это событие станет широко известно в штате Нью-Йорк.

— Вовсе не смешно. Во всяком случае, я должна что-то объяснять. Я говорю, что мальчик остался жить с тобой, потому что эта шлюха завела роман.

Он переговорил с братом, отдаленным от него многими десятками миль; Ральф предложил денег. Тед отказался. Предложение займа было единственным, что пришло ему в голову в этот момент, и он передал трубку своей жене Сенди, которая сказала, что вообще никогда не любила Джоанну. Если бы ее дети уже не были в столь зрелом возрасте, она могла бы на какое-то время взять Билли к себе. Отдав друг другу долг вежливости, они попрощались, чтобы в течение нескольких месяцев не испытывать необходимости в общении.

Тельма видела в Джоанне ангела мщения за все распавшиеся браки. Остановившись с кофейником в руках,

она сообщила Теду, что уход Джоанны заставил проявиться «некоторые вещи».

— Чарли сказал мне, что у него была связь. Он просил у меня прощения и получил его. Я тоже развожусь с ним.

Чарли явился на следующий вечер.

— Тельма сказала, что я могу жениться на своей лаборантке. С чего мне на ней жениться? — Когда он покидал его, пропустив несколько порций виски, то сказал: — Если бы не вы, у меня попрежнему был бы счастливый брак.

Родители Джоанны принимали участие в сложившейся ситуации, бесконечно посылая игрушки, стараясь возместить для себя потерю Джоанны подарками внуку и долгими телефонными разговорами издалека с ребенком, который никак не мог привыкнуть к ним.

— Билли, это бабушка!

— И дедушка! Я тоже здесь, Билли!

— А, привет.

— Как ты там, Билли? Что ты делаешь? — задавала она ему вопросы.

— Ничего.

— Ничего ? Ой-ой, такой большой мальчик, как ты, должен чем-то заниматься.

— Играю.

— Восхитительно. Ты слышишь, Сэм? Он играет. А во что ты играешь?

— В удочку.

— Удочку. Просто прекрасно — в удочку. А что это такое — удочка?

— Я лежу в пижаме на кровати и стараюсь, что бы моя писпика качалась как удочка.

— Ах, вот как...

Каким он был ребенком? Билли была свойственна некоторая восторженность. Он мог совершенно искренне воскликнуть, как он делал время от времени: «Какой прекрасный день, папа!» Он был нежным и любящим малышом, решил Тед. Он был не очень агрессивен, и Тед задумался: а что, если Билли вырастет по его образу и

подобию? Что, если Билли, как и его отец, будет страдать отсутствием напора и натиска?

Его поражала яркость воображения ребенка, его сказки о летающих кроликах, об Оскаре-Брюзге, который на подземке ездил в Париж; как он из палочек делал ракеты, а камешки становились двигателями; он настолько увлеченно играл в свои выдумки, что Тед даже осведомился у педиатра, не стоит ли ему обратить на это внимание. Доктор сказал, что этому можно только радоваться. Освободившись от груза беспокойств, он и стал радоваться, как каждый раз, когда они беседовали о смысле существования.

— А что ты делал, папа, когда был маленьким мальчиком?

— Играл в те же игры, что и ты.

— И ты тоже смотрел «Сезам»?

— Тогда не было «Сезама». И телевизоров не было.

Билли попытался усвоить сказанное.

— У вас вообще не было телевидения?

— Оно еще не было придумано. Никому еще не пришла в голову идея о телевидении.

Не существовала такая неотъемлемая часть их жизни, как телевизор? Ребенок пытался понять, как это могло быть.

— А был тогда яблочный сок?

— Да, яблочный сок у нас был.

И Тед пытался сам понять, что же это такое быть четырех лет отроду, когда стараешься усвоить окружающий мир.

Они вышли после «Бюргер Кинга», куда Тед специально водил мальчика вечером в пятницу.

— Когда ты был маленьким, был «Бюргер Кинг»?

— Нет, Билли, его не было.

— Чего же еще не было?

— Ну, не было закусочных Макдональдса. Не было астронавтов. Не было ведерок с мороженым, которых ты можешь держать дома, потому что морозильники еще не были такими большими. — И не было таких мам, которые бросали своих мужей и своих малышей, сказал он про себя.

Ден рекомендовал ему фирму «Шонесси и Филлипс», подчеркнув, что она состоит из поклонников футбольной команды «Гиганты», к которым относится и сам Джон Шонесси. В первые пятнадцать минут их знакомства Шонесси, высокий, элегантный мужчина лет пятидесяти, обсуждал всю историю клуба «Гиганты», явно стараясь установить контакт со своим будущим клиентом. Наконец разговор перешел к делам Теда.

— Я бы сказал, что мое дело можно решить в два счета — начать и кончить.

— Ничего подобного. Я мог бы припомнить вам пару десятков дел, которые, казалось бы, тоже только начать и кончить, как вы выразились — так все зубы на них обломали.

— Не пугайте меня, пожалуйста. Ден ввел вас в курс дела?

— Ваша жена предпочла удалиться от семейного очага. Она высылает вам соответствующие бумаги и она готова подписаться под чем угодно.

— Расскажите мне, как работает этот механизм. И сколько это может продлиться? Сколько будет стоить?

— Ну, первое, что вам стоило бы усвоить, — это то, что мы знакомы с позициями обеих сторон. Клиентами у нас бывают и жены, и мужья. Мы понимаем и тех, и других. Второе — развод может быть довольно запутанным делом. И я бы сказал, что, коль скоро вы живете здесь, приходится подчиняться правилам. Забудьте о том, что она вам причинила. Вы можете действовать двумя путями. Объявить, что она вас просто бросила. Решение займет примерно год. Слишком долго. Или же можно утверждать, что она жестоко и бесчеловечно обращалась с вами — тогда потребуется несколько месяцев.

— Жестоко и бесчеловечно ...

— Вам надо посетить врача. Он явно подтвердит, что вы находитесь в состоянии большого напряжения. Ведь вы испытываете напряжение, не так ли?

— Ну, видите ли...

— Вы в напряжении. Что же касается последней части вашего вопроса... Две тысячи долларов.

— Ух.

— Как говорят, я старый профессионал. Я получил образование в Сент-Джоне. Часто публиковался. Да, мои услуги обходятся недешево. Люди платят, чтобы их дела были в порядке, и я бы сказал, что вам это не помешает.

— Честно говоря, я этого не ожидал. Хотя, какого черта — пусть так и будет!

— Прекрасно. Вы обрели хорошего юриста, Тед. Расторжение брака должно быть проведено четко и ясно. Нас интересует только ваша жизнь.

В юристе он не сомневался. Но две тысячи долларов... Неплохо было бы после завершения всех дел представить счет Джоанне.

Садик Билли организовал недорогую воскресную группу, которая собиралась по утрам, и Тед записал туда ребенка. Воспитательница была очень внимательна к Билли, когда он только начал посещать садик, и сказала Теду, что, по ее мнению, мальчик вполне освоился с коллективом. «Дети куда более гибки, чем мы себе представляем», — сказала она. Тед перестал ломать себе голову, как он должен развлекать Билли в конце недели, не чувствуя больше, что он должен быть рядом с ним каждый час. Игровая площадка в парке, в нескольких кварталах от их дома, была полна конструкций, которые очень радовали Билли; бассейн с брызгалками, а за воротами парка — изобилие лотков, готовых угощать лимонадом и мороженым. Тед сидел сам по себе, почитывая газеты и журналы, а Билли время от времени подбегал к нему, отрываясь от своих занятий, и просил купить мороженое. Тед не собирался убеждать его, что играть надо только со своим папой, но в течение дня они играли и на пару и Тед изображал великана, когда Билли втягивал его в игры, созданные его воображением.

— Давай играть в обезьянок.

— Каких обезьянок?

— Ты будешь папа-обезьяна, а я буду ребенок-обезьяна и мы будем лазать по игровой площадке.

— Но не на все.

— На горку.

— О'кей. Я буду лазить на горку.
— И ты будешь визжать как обезьяна.
— Папа не может визжать как обезьяна.
— И еще ты будешь ползать по земле.
— Почему бы мне не быть прямоходящей обезьяной?
— Таких обезьян не бывает.

В ходе переговоров они решили этот сложный вопрос.

— Ну, хорошо, — сказал Тед, — значит, ты будешь визжать и ползать, а я буду чесаться как обезьяна.

— Здорово. Папа-обезьяна, которая чешется.

И они стали карабкаться на какую-то горку, расположенную в Африке, считая себя обезьянами или, что касается Теда, облагороженными обезьянами.

В жаркое июльское воскресенье они явились на игровую площадку, готовясь провести там время; большую часть его Билли провел над брызгалками, где к нему присоединился и Тед, закатав брюки и сняв туфли и носки, как и большинство родителей. Затем Тед устроился за чтением в сторонке, пока Билли носился вокруг, брызгался водой, прыгал и кувыркался, счастливый от того, что весь день может провести в плавках. — Будь моим водоносом, — сказал Тед, и Билли, наполнив пластмассовое ведерко водой, стал носить его к Теду и поливать склоненную голову отца, заливаясь счастливым смехом. Они оставались тут допоздна, и когда спала жара, а тени удлинились, парк обрел особую прелесть. У Теда было ощущение полноты жизни. Билли весь день хохотал, носясь без устали. Они были одним целым; он не мог отделаться от мысли, что если дети в самом деле умеют приспосабливаться к обстоятельствам, то и взрослые тоже. Оглянувшись, он внезапно обнаружил, что Билли нигде не видно. Его не было ни рядом с брызгалками, ни в песочнице, ни на лесенке, ни на вышке. Тед торопливо осмотрел игровую площадку. Мальчика тут не было. — Билли ! — крикнул он. — Билли! — Тед кинулся ко входу в парк, где располагался бассейн, но Билли не было и там. — Билли! Билли! — И вдруг краем глаза он заметил его. Мальчик, покинув площадку, шел по дорожке парка. Тед кинулся за ним, выкрикивая его имя, но тот не обернулся, прибавив шагу. Но Тед бежал быстрее и наконец оказался в нескольких ярдах от него. И тут он услышал, как мальчик зовет: «Мама! Мама!», обращаясь к высокой женщине с черными распущенными волосами, которая шла перед ним. Билли догнал ее и схватил за юбку. Повернувшись, она посмотрела на него, обыкновенная женщина, прогуливавшаяся по парку.

— А я думал, что ты моя мама, — сказал он.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ларри сказал, что это сделка века: за эти деньги он получит целый дом на Файр-Айленде, совершенно потрясающе, у хозяйки будет нервное расстройство.

— Если останется в доме? — уточнил Тед.

— Понятия не имею. Договорились с четвертого июля, что приходится на конец недели. Она еще никого не видела, но когда уик-энд кончится, она задницы от кресла оторвать не сможет.

Тед усомнился, что стоит ли использовать слабость владелицы дома, в результате чего его обитатели могут вызвать у хозяйки нервное расстройство. Но, по настоянию Ларри, он согласился позвонить организатору коммуны, дизайнеру интерьеров, как назвал ее Ларри, у которой был десятилетний сын.

— Я, как и все, отношусь к числу одиноких родителей, — сказал Тед по телефону. Он засмущался, уловив, с каким интересом она восприняла его сообщение. Словно бы он обрел определенную категорию.

— Мы бы не хотели, чтобы у нас в доме были откровенные холостяки, — сказала она. — Вы вполне подойдете. И вы мужчина. Нам нужен еще один мужчина.

В пятницу в половине шестого Этта привела Билли на станцию Лонг-Айленд. Вокзал был переполнен людьми, которые стремились выбраться из города, сесть на ближайший поезд, доехать до пригорода, на берег моря, и Тед отчаянно проталкивался среди толпы. Увидев Этту и Билли, ожидавших его, он так поразился их виду, что сбился с шага. Билли, человечек, который играл для него такую большую роль, главный персонаж в его жизни, в этой мятущей толпе казался таким хрупким и маленьким. Малыш, хрупкий маленький ребенок, он держал Этту за руку.

— Привет! — крикнул ему Тед, и ребенок, кинувшись к отцу, повис у него на шее, словно они не виделись несколько недель; он был искренне поражен тем чудом, что его собственный папа вдруг возник из кишащей вокруг толпы.

Тед всегда считал, что Оушн-Бич в Файр-Айленде слишком запружен людьми, обливающимися потом. Но вдруг, посмотрев на него глазами Билли, приковавшегося взглядом к лоткам с мороженым, к витринам игрушек, к стойкам пиццы — «А ты и не говорил, что тут есть пицца!» — он понял, что Оушн-Бич не уступает Каннам.

Он нашел дом, ничем не отличающийся от всех прочих бунгало, с портиком над крыльцом, с розовой надписью над дверью, гласившей «Дорогая Глория». Сама обладательница этого имени появилась в дверях — полная женщина, лет под сорок, в обрезанных выше колена джинсах. Ее рубашка-безрукавка отвечала последней моде, поскольку откровенно сообщала надписью под вырезом: «Большие Груди». «Должно быть, вы Тед?» — пробасила она низким голосом, и Билли сразу же спрятался Теду за спину. Она представила его «домоправительнице» по имени Эллен, независимой издательнице с одиннадцатилетней дочерью, психиатру Бобу с шестнадцатилетним сыном, который все лето не отходил от него, и сорокашестилетней владелице магазина «Здоровая пища» Марте, у которой была девятнадцатилетняя дочь. В доме была общая столовая, гостиная и пять спален. Правила предписывали каждому родителю, который

явился сюда без своей половины, спать рядом со своим отпрыском.

В соответствии с правилами, текст которых висел над раковиной, каждый родитель нес полную ответственность за поведение своего ребенка за обеденным столом. На долю домоправительницы приходилась готовка, но никто, кроме соответствующего родителя, не должен был обращать внимания на капризы ребенка во время еды. Любой родитель мог в любое удобное время сварить кукурузные початки или явиться на кухню, чтобы под струей холодной воды остудить их. Эллен, редактор, женщина шести футов ростом, под сорок лет, демонстрировала остальным, как хорошо у нее получаются цыплята. Психиатр, сдержанный сутулый мужчина, сорока с лишним лет, почти не говорил с остальными. Его сын, такой же сутулый, смахивающий на отца, казалось, и по возрасту, тоже был неразговорчив. Владелица магазина здоровой пищи всем своим внешним видом демонстрировала качество своей продукции — при росте в пять футов и один дюйм она весила около ста девяноста фунтов, а ее дочь была на несколько дюймов выше и на несколько фунтов тяжелее. На десерт они предпочитали пирожные из чистого шоколада.

После обеда явился Ларри. За прошедшие несколько лет друзья виделись не так часто, и когда в знакомой обстановке Файр-Айленда снова появился Ларри, они опять почувствовали себя давними друзьями, хотя пышная шевелюра его приятеля поредела и на макушке стала просвечивать тонзура; глядя на Ларри, Тед подумал, что время не щадит и его.

— Вечером предстоит потрясающая вечеринка. Высшего класса. — Это-то у него не изменилось.

— Я предпочел бы остаться с Билли.

— Бери Билли с собой. Мы его там уложим.

— Ларри, ты потрясающ.

— Конечно. Это же Файр-Айленд, старина. — И он обратил свое внимание на Глорию, которая сменила свою безрукавку «Большие Груди», запачканную во время обеда, на чистую с теми же «Большими Грудями».

Тед с Билли прекрасно провел время на пляже, где

Тед даже осмелился сыграть несколько партий в волейбол, пока Билли строил песочные замки. Ларри позвонил с Оушн-Бич в воскресенье днем. Он готов встретить Теда в шесть на материке и подбросит его домой — надежный друг Ларри.

— Одна маленькая штучка. Ничего не говори Глории обо мне. Мы расстались.

— Ларри, когда вы успели расстаться? Вы же еще даже не сошлись.

— Мы занимались этим всю неделю. Но чем ты занимаешься, приятель? Ты еще никого не подцепил?

— Никого не встретилось.

— Так ищи! Иди ищи и хватай первую же леди.

Со времени ухода Джоанны прошло четыре месяца. Женщины пока его не волновали. Шесть лет с тех пор, как он познакомился с Джоанной, Тед не притрагивался к другой женщине.

— Все это было так давно, — сказал Тед. — Я даже не представляю, как они сегодня предпочитают обниматься.

Глория позвонила в колокольчик, собирая все общество. Она извинилась перед Тедом, что сбор носит несколько военизированный характер, но все равно звонила в колокольчик. «Помогает собирать всех», — объяснила она. Он звучал по воскресным вечерам, когда предстояло отчитываться в расходах — сколько пошло на содержание дома, сколько на его обитателей, и так далее. Это была часть совместного бытия, о котором он забыл — паевой взнос. Собирается ли Тед сейчас вносить его? Его доля была двести долларов, что, как Ларри объяснил ему, было исключительно дешево.

— Не уверен, — сказал он и все остальные удивленно воззрились на него, словно он оскорбил каждого из них. — Я хотел бы переговорить с другим членом моей команды.

Билли был на воздухе, играя в прятки с приятелем из соседнего дома. Тед было сказал ему, что им надо отправляться домой, но не успел он продолжить, что они могут и остаться, стоит только решить, как Билли разразился слезами. Он не хочет оставлять ни этот домик,

ни остров, ни своих друзей. Тед выложил двести долларов. Он обрел официальный статус обитателя дома, члена команды и одинокого родителя в обиталище Дорогой Глории.

В конце недели Оушн-Бич бывал заполнен скопищем людей, которые путешествовали из бара в бар и по знакомым компаниям. Соседи же Теда предпочитали сидеть дома. Так им было удобнее и уютнее. Он тоже мог сидеть в гостиной, вместе с остальными, читая или болтая, что избавляло его от необходимости сталкиваться за стенами с обществом холостяков.

— Я испытываю такое напряжение в течение недели, — сказала Марта. — И с нетерпением жду возможности расслабиться.

Но Тед чувствовал напряжение в самом доме, которое росло с первого же уик-энда, что он провел в нем, когда Марта, Эллен и Глория основательно загуляли ночью и утром тихонько, никого не встретив, вернулись домой. Джордж, психиатр, редко покидал свое кресло. Самый широкий круг знакомств из всех жильцов дома был у Билли. Он обзавелся по соседству пятилетним приятелем Джоем, и они постоянно играли то у одного, то у другого, или вместе с другими детьми гоняли на маленьких красных велосипедиках по тротуарам.

В субботний вечер третьей недели своего пребывания здесь Тед остался наедине с Джорджем в гостиной. Оба читали. Он счел себя обязанным перекинуться с Джорджем несколькими словами. Они редко разговаривали.

— Интересно? — спросил Тед, хотя вопрос был не из ряда выдающихся.

— Да.

Джордж продолжал читать.

— О чем эта книга? — Неужели я в самом деле спросил его? Ему захотелось взять свои слова обратно.

— О старости, — ответил Джордж, явно давая понять, что хотел бы положить конец разговору.

Через полчаса Тед закрыл книгу об океанографии, которую он читал, и пожелал соседу спокойной ночи.

— Вас оставила жена? — неожиданно спросил Джордж, удивив его.

— Да. Несколько месяцев назад.

— Понимаю.

Казалось, Джордж обдумывал сказанное. Тед ждал. Все-таки этот человек был психиатром.

— Я думаю, — медленно сказал Джордж, тщательно подбирая слова, — что вам стоило бы больше гулять.

— Стоило бы гулять? Джордж, я наслушался этих советов еще от своей матушки.

Больше терпеть он не мог. Шла уже вторая неделя августа. Билли играл в доме у своего приятеля и его пригласили там на обед. У Теда было как минимум два часа для себя, а неподалеку проходила вечеринка с коктейлями. Налив себе виски, туда он и отправился со стаканом в руках. Когда он шел по дорожке, направляясь к соседнему дому, льдинки позвякивали о стенки стакана. Он оказался в гуще людей и перед собой и сзади, которые прохаживались с бокалами в руках; вокруг стоял шум коловращения. Он заметил ее по другую сторону комнаты, самую красивую девушку на вечеринке, и стал проталкиваться к ней, чтобы узнать, как ее зовут и номер ее телефона — может, они могли бы встретиться в городе, погулять вместе, а потом пожениться, и, ...Джоанна, Джоанна, где ты? Глаза его заплыли влагой, но он смахнул ее. Больше с ним такого не повторится.

Здесь же был и Ларри, обнимая за плечи свою очаровательную пухленькую находку. Он махнул Теду, чтобы тот двигался к нему, и Тед стал проталкиваться в его сторону.

— А, вот и ты, старина. Тед, это Барбара. И ее подруги, Рода и Синтия.

Подружка Ларри была хорошенькой, крепко сбитой, из тех, которым пальца в рот не клади. Всем им было тридцать с небольшим. Рода была невысока, толстовата, с нескладной фигурой. Тед предпочел бы не общаться с ней, хотя сейчас, несмотря на ее внешний вид, он почувствовал к ней расположение. Она тут, как и он, была явно не к месту. Синтия была более привлекательной, хрупкая шатенка с изящной фигурой.

— Тед на пути к окончательному выздоровлению.

— Что-то вроде.

— Я вам кое-что скажу, девушки, но особенно не распространяйтесь. Он один из самых крутых мужиков в своем деле.

Они засмеялись, хотя в их веселье чувствовалась какая-то натужность. Поскольку Тед к ним не присоединился, Синтия быстро остановилась.

— Чем вы занимаетесь, Тед? — спросила она.

— Я продаю место для рекламы.

Ему пришлось подробнее объяснить ей суть своих занятий.

— Когда вы видите в журнале рекламное объявление, кто-то должен найти его автора и предложить ему место для размещения рекламы. Я представляю несколько журналов и я звоню по рекламным агентствам и уговариваю их приобрести место в журналах, которые числятся среди моих клиентов.

— Звучит просто потрясающе.

— А вы чем занимаетесь?

— Я секретарша в юридической конторе.

— Прекрасно.

Барбара пригласила Ларри на обед, а затем такого же приглашения от Синтии удостоился и Тед. Заскочив домой, он попросил Марту уложить Билли спать. «Тебе будет с ней очень хорошо», — успокоил он Билли, после чего отправился по приглашению. Там была и другая женщина, соседка Синтии, которая тоже пригласила на обед мужчину примерно его лет. Мать Барбары собиралась куда-то на уик-энд; она казалась едва ли не моложе своей дочери. Ее гостями были двое мускулистых мужчин в плотных рубашках, с которыми она познакомилась на пристани, где у них стоял катер. Они притащили с собой целый ящик пива.

— Сомневаюсь, чтобы эта вечеринка удостоилась внимания женской странички «Таймса», — шепнул Тед Ларри.

— Подожди, пока мы не сядем к столу.

Внезапно появилась Барбара с бифштексами для каждого, встреченная шумным всеобщим весельем. Владельцы катера взяли на себя их приготовление. Тед с Ларри

занялись салатом. Пиво и алкоголь лились рекой. Выяснилось, что один из владельцев катера — ярый болельщик футбола, и за столом начались нескончаемые спортивные разговоры. Мать Барбары выставила ореховый торт, что вызвало очередной взрыв веселья. Все наперебой восторгались едой, говорили, как здорово они проводят тут время и как было бы хорошо, если бы все они обитали вместе в большом доме. Синтия была среди окружающих самым тихим существом, словно бы опасалась, что, если она будет слишком много говорить, это испугает ее спутника и он может исчезнуть. Она расспрашивала Теда о его работе, он интересовался ее занятиями. Кто-то включил на полную мощность музыку, и Тед оказался на одной из тех громогласных вечеринок, шум которых он слышал из своей комнаты, стараясь уснуть. Когда он танцевал с Синтией, она прижималась к нему своим стройным телом и впервые за несколько последних месяцев он опять ощутил эрекцию.

Когда вечеринка обрела характер беспорядочного гула, он взял Синтию за руку и они отправились прогуляться к океану. Они молча постояли на берегу, и он поцеловал ее. Она приоткрыла губы, они прильнули друг к другу, он почувствовал свой язык у нее во рту, и его руки скользнули по ее телу, под одежду, проникая в укромные места ее тела. Он увлек ее за собой в сторону от дорожки, в дюны, подальше от взглядов, целуя и лаская ее, и она говорила «О, Тед», но он ничего не мог ответить ей, потому что на минуту забыл, как ее, черт побери, зовут; опустившись на песок, он притянул ее к себе, думая, что их могут арестовать за такое поведение, и тут только он вспомнил, что ее зовут Синтия, и смог ответить ей таким же «О, Синтия». Полицейская машина, патрулировавшая пляж, бросила на них свет своих фар, словно в темноте над ними зажегся прожектор, и они вскочили на ноги, торопливо приводя в порядок одежду. Возвращаясь по темной дорожке, каждые несколько футов они останавливались для поцелуев. Вечеринка в доме была в полном разгаре, в окнах его дома по-прежнему горел свет и, не зная, ни куда идти, ни чем заняться, они продолжали бродить по дорожкам,

обмениваясь поцелуями; Тед испытывал глубокую печаль, чувствуя, как тщетно хотел бы одарить ее хоть немного любовью, увести подальше и от этой пристани и от вечеринки — хоть куда-то, чье имя ему не пришлось бы вспоминать. Они прислонились в темноте к какой-то изгороди, и он стал откровенно ласкать ее, как предписывали правила Оушн-Бича.

В его доме погас свет, и он взял ее за руку.

— А как твой малыш?

— Он даже не пошевелится.

Они проскользнули в его комнату, расположившись на кровати рядом с Билли, который в самом деле лишь тихо посапывал; он натянул на них простыню, чтобы, если Билли все же проснется, Тед увидел только простыню, а не людей под ней — оставалось лишь надеяться, что он не воспримет их как привидения — и, двигаясь с подчеркнутой осторожностью, чтобы кровать не очень скрипела под ними, он страстно поцеловал ее еще несколько раз и наконец вошел в нее. Но все кончилось стремительным взрывом, не успев толком начаться.

— Прости, — сказал он. — У меня так давно ничего не было.

— Все в порядке, — сказала она.

Они лежали на узкой кровати, накрывшись простыней, рядом с посапывающим малышом. Передохнув, Тед попробовал снова войти в нее, кровать отчаянно заскрипела, Билли заерзал во сне, и Синтия дала понять, что с нее хватит романтики для одной ночи.

— Ты оставайся, — сказала она, натягивая одежду, которую так полностью и не сбросила с себя. Он последовал ее примеру, увидев, что он тоже полуобнажен, и повинуясь правилу «Леди надо провожать до дома», в молчании вышел вместе с ней. Вечеринка в ее доме еще продолжалась. Он поцеловал ее. Она ответила ему небрежным ответным поцелуем и вошла внутрь. Через пять минут он уже был в постели рядом с Билли.

На следующий день они встретились на прогулке, поздоровались и отвели глаза в сторону, давая понять, что между ними нет никаких отношений, разве что случайная вечерняя встреча. Хотя Синтия, чье имя он ухитрился забыть, даже будучи с ней, значила для него куда больше, чем он мог предполагать. После Джоанны она оказалась его первой женщиной. В следующий раз он отнесся бы к ней с куда большей благодарностью, большей страстью, был бы куда способнее — но это будет с какой-то другой, только не с Джоанной, с Джоанной никогда ничего больше не будет. Он все время гнал от себя эти мысли, не желая признаваться в них, но теперь они его не покидали. Жена оставила его, и если вас оставляет жена, рано или поздно вам приходится вступать в отношения с другой женщиной. Он снова вступил в сообщество холостяков.

Если бы даже он поддался искушению поверить, что все его действия были продиктованы лишь правилами поведения на таких вечеринках и обязательно должны заканчиваться с кем-нибудь в постели, он бы убедился в обратном на подобной же вечеринке в следующий уикэнд, когда никто не привлек его внимания, и на последующей, и на уик-энде за Днем труда, когда все вокруг искали встреч и знакомств, а он в сумерках стоял в стороне от прогулочной дорожки, держа в руке стакан и наблюдая за кишащей вокруг публикой; взгляд его упал на самую красивую девушку, которую он встречал за эти несколько недель, элегантную и стройную, в ее белом платье. Он сделал ей комплимент, что от нее невозможно оторвать глаз, она улыбнулась ему, давая понять, что комплимент не оставил ее равнодушной, но она направлялась на бурлящий весельем прием, куда он не мог последовать за ней. Он смотрел ей вслед, зная, что не сделает попытки снова встретиться с ней, потому что его четырехлетний сын, только что покинув гостиную, отправился в их комнату, а его папа не может оставить его, чтобы поболтать с привидевшейся ему женщиной в белом платье. Глядя на людей, собирающихся на последний коктейль за это лето, он завидовал, насколько свободно они могут распоряжаться сами собой, так как им не о ком заботиться, а он даже не может себе позволить вволю погулять по дорожкам парка.

— Как ты себя чувствуешь, котенок?

— У меня болит животик, папа.

— Я знаю. И, думаю, от того, что ты съел слишком много воздушной кукурузы в доме у Джоя.

— Да, я съел много воздушной кукурузы у Джоя.

— А теперь постарайся уснуть, радость моя. Завтра наш последний день здесь. И мы отлично проведем его. Мы построим самый большой песчаный замок за все лето.

— Я не хочу возвращаться домой.

— Ну, видишь ли, наступает осень. И будет очень холодно. Так что теперь спи.

— Посиди со мной, папа, пока я не засну.

— Хорошо, котенок.

— Я наелся кукурузы в доме у Джоя.

В последний день у «Дорогой Глории», Эллен, издательница, которая за все лето так ни с кем и не встретилась, была не в силах покинуть свое кресло. Джордж, психиатр — наш пострел везде поспел со своими диагнозами, — сказал, что Эллен в высшей степени внушаемая личность и на нее оказали отрицательное воздействие воспоминания об уик-энде после Четвертого Июля, когда ее соседка по комнате тоже не могла встать с кресла. Это событие стало частью фольклора Файр-Айленда, его изустной историей, которая шла под рубрикой самого сильного нервного потрясения в одной из коммун холостяков.

Все происшедшее было не лучшим способом, с помощью которого Тед, действительно, начал выздоравливать, хотя он должен был быть за это благодарен Файр-Айленду, но теперь он знал, что его ждут нелегкие времена.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Развод занял семь минут. Судья назначил слушание в своем кабинете. Джон Шонесси, адвокат и поклонник футбола, двинул в бой основные силы — несколько свидетельств, согласие жены на развод, медицинскую справку, констатирующую, что муж испытывает напряжение от создавшегося положения; Тед ответил на несколько заранее напечатанных вопросов, сказав, что не разочарован таким положением дел, и судья не выразил желания углубляться в суть проблемы. Они одержали полную победу над другой стороной, которая вообще не появилась на поле боя. Было вынесено решение о разводе и передаче ребенка ему на воспитание на основе «жестокого и бесчеловечного обращения, которое делает совместное проживание невозможным». Через пару дней по почте пришли все документы, подписанные судьей, — Тед Крамер и Джоанна Крамер стали разведены законным образом.

Тед решил отметить этот день, когда все наконец встало на свои места. Он повел Билли в «Бюргер Кинг». Празднование затянулось, потому что Билли выразил желание отметить его и большим количеством жареного

по-французски картофеля. У ребенка и так хватало забот, чтобы не отягощать их рассказом, что такое брак и откуда берутся дети, так что Тед решил не утомлять его рассказом о недавней судебной процедуре. Но он хотел, чтобы Билли хотя в общих чертах был в курсе дел.

— Билли, есть такая штука, которая называется развод. Это когда два человека, которые были женаты, становятся не женаты.

— Я знаю. Сет разведен.

— Развелись родители Сета. Как и твои папа с мамой. Теперь твои папа и мама, Билли, в разводе.

— А разве мама не говорила, что будет присылать мне подарки?

— Я говорю с тобой, как с мужчиной, Билли.

— Может быть, она все же захочет... Возьми мне еще картошки.

— Нет, умная голова, с тебя хватит.

Билли, восседающий в «Бюргер Кинге», был хорош, словно на картинке, и все это было весьма приятно, но посещение с сыном дешевой столовки не соответствовало значению события, которое обошлось ему в две тысячи долларов. Он подумал, что должен отметить его как-то более основательно. Из ресторана он позвонил девочке из их дома, которая порой брала на себя обязанности посидеть с ребенком, и договорился с ней, что она придет вечером. В его жизни не было женщины, с которой он мог бы отпраздновать это событие. За два месяца, прошедших после Файр-Айленда, он забыл, что значит показываться в обществе, если об этом вообще можно было говорить. Вот Ларри был погружен в него с головой. Он не хотел, отправившись в бар, излагать историю своей жизни первому встречному. Он позвонил стоматологу Чарли.

Чарли перебрался в студию, однокомнатную квартирку, со своей лаборанткой, но, побыв наедине друг с другом, они расстались через две недели. Тогда-то Чарли позвонил Теду и сказал, что мужики должны держаться вместе и почаще видеться. И когда Тед предложил пообщаться вечерком, Чарли пришел прямо в экстаз. Они встретились на углу Второй авеню и 72-й стрит, в сре-

доточии баров для холостяков, и решили посещать их один за другим, выпивая в каждом. На Теде была плотная куртка, свитер и обтягивающие брюки. Чарли, коренастый мужчина сорока пяти лет, явился в блейзере и в брюках в столь крупную клетку, словно у поклонников оп-парта.

Первым делом они направились в бар «Приятели», который довольно прилично выглядел снаружи. Он был заполнен одними мужчинами, затянутыми в кожу. Ковбой у дверей — с могучим гульфиком и тусклыми глазами — сказал «Привет, тигры», после чего они вылетели из этого загона. Следующим оказался «Рио-Рита» со сверкающим музыкальным ящиком, весьма напоминающий такое же заведение на Файр-Айленде. Как у них в колледже, решил Тед и, пропустив пару рюмок, терпеливо слушал, как Чарли отпускает ему грехи, из-за которых ему пришлось развестись с Тельмой. У «Ханселя» было столько юных девушек и прыщавых юнцов, что Теду показалось, будто они попали на какой-то молодежный фестиваль. Тут Тед узнал, что Тельма ушла от Чарли с его коллегой, другим зубным врачом. У «Запаты» собиралась публика постарше, но Тед с Чарли выделялись и на ее фоне. Затем Чарли отпустил Теду и другой его грех, который заключался в том, что ему пришлось расстаться и со своей лаборанткой. Тед, который уже был крепко под хмельком от нескольких порций, стал сомневаться, может, он в самом деле имеет к ней отношение. В «Глиттере» было так набито, поскольку тут не разрешалось просто стоять у бара, они решили двинуться по улице по направлению к дому, сделав остановку где-нибудь в другом баре-стоячке.

— Во всех этих заведениях мы сказали не меньше шестнадцати глупостей о женщинах, — заметил Тед, которого глупость его реплик волновала куда больше, чем Чарли. Тот, с настойчивостью заевшей пластинки, мог повторять только одно: «Привет, малышка! Как тебя зовут?» Чарли подкатывался к каждой симпатичной девушке, изображая из себя лихого парня и упорно придерживаясь своей линии поведения. Но едва только вызвав к себе интерес, бой-скаут уносил ноги.

Наконец Тед и Чарли остановились, подпирая стенку какого-то дома на Второй авеню и полные решимости поговорить душа в душу, но они были слишком усталы для такого общения.

— Я говорил тебе, как мне жаль, что нет Джоанны? — спросил Чарли.

Тед ответил:

— Я пытаюсь не думать о ней.

— А я думаю о Тельме все время, — сказал Чарли и начал плакать.

Тед помог ему удержаться на ногах и с пьяной непосредственностью предложил пропустить посошок на дорожку в «Изумруде», где подают чистую ржаную водку с содовой, крепостью 85 градусов. Чарли попытался вздремнуть у стойки, но Тед выволок его на улицу, проводил до дома, а затем, попытавшись взять себя в руки, чтобы у его девочки-сиделки не возникло подозрений в том, что он настоящий джентльмен, Тед явился домой и поблагодарил ее за прекрасный вечер.

Кое-кому из окружающих он сообщил о разводе. Он подумал было, что должен был бы проинформировать Джоанну. Когда его юрист начал заниматься делами, он получил от ее родителей адрес, который представлял собой лишь номер почтового ящика в почтовом отделении в Ла Джолле в Калифорнии. Он решил послать ей копии документов. Дипломатических отношений между родителями Теда и Джоанны не существовало. Последние снова явились в Нью-Йорк, но им было нечего сказать *ему*.

«Спроси у него, когда мы должны доставить ребенка домой», — сказал отец Джоанны жене. Тед хотел узнать, известно ли им что-нибудь о Джоанне, но ее мать сообщила ему: «Если она сочтет нужным сообщить вам о своих действиях, она достаточно взрослая, чтобы самой сделать это». Тед отметил, что упоминание ее имени сопровождалось легкой ноткой неприязни, и пришел к выводу, что, скорее всего, они и сами ничего не знают о Джоанне. Тельма, его эксперт-психолог, услугами которой он пользовался вот уже семь лет, сказала, что

Джоанна, скорее всего, восстала и против своих родителей, так что они тоже практически ничего не знают о ней. По сути, как она предположила, Джоанна предоставила Теду сообщить им о ходе событий.

— Тем не менее ты должен позаботиться о своем душевном здоровье, — сказала Тельма.

— Точно. И черт с ней!

— Я не это имела в виду. Я думаю, что тебе стоило бы заняться собой. На тебя столько свалилось. И неужели ты не хочешь разобраться, в чем причина?

— Спроси Джоанну.

— Ты часть ее, Тед. Почему бы тебе не повидаться с моим врачом?

— Я как-то не думал. Уже слишком поздно.

Он сидел, разложив перед собой бумаги из суда, и составлял послание Джоанне. «Ты свободна выходить замуж, где тебе хочется — от Невады до Нью-Йорка, девочка». Нет, это слишком по-детски. «Я думаю, что, высылая тебе эти бумаги, я должен рассказать тебе, как у нас идут дела и, главным образом, как поживает Билли». Нет, она об этом не спрашивала. Он решил засунуть все бумаги в конверт и выслать их ей без всяких комментариев, поскольку документы говорят сами за себя. В свое время они общались взглядами, прикосновениями, словами, а теперь — при помощи свидетельства о разводе.

Как они давно и обещали, родители Теда наконец нанесли ему визит — две округлые фигуры, покрытые солнечным загаром.

— Мальчик слишком худенький, — сказала его мать.

— Он нормален. Он так сложен.

— Я знаю, что такое худой ребенок. Я вволю насмотрелась на них в ресторане.

Решив, что «эта полька» не кормит его как следует — по прибытии они встретились с Эттой, поздоровавшись с ней с той долей теплоты, которая отводится только посыльным, — Дора Крамер решила взять дело в свои руки и набила холодильник приготовленными ею бифштексами и цыплятами, которых Билли в рот не брал.

— Понять не могу, что он любит есть.

— Попробуй предложить ему пиццу, — сказал Тед.

— Билли, неужели ты не любишь, что тебе готовит бабушка? — попыталась она возложить вину на него.

— Нет, бабушка. Я просто не могу прожевать.

Тед хотел тут же на месте заключить его в объятия. Несколько поколений терпеливо сносили готовку Доры Крамер, но только Вильям Крамер, его сын, осмелился восстать против нее. Билли пожелал им спокойной ночи после того, как отказался возиться с подаренной дедушкой и бабушкой головоломкой, с которой не справился бы и десятилетний ребенок.

— Разве тебе не нравится эта прекрасная игра, которую привезла бабушка?

— Нет, бабушка. Ее трудно разжевать.

После его ухода, когда взрослые получили возможность говорить более откровенно, Дора пришла к серьезным выводам:

— С уборкой она явно не справляется, эта Этта.

— Прекрасно справляется. Нас все устраивает.

Она даже не удостоила его ответом. Откуда бы они ни являлись, из Бостона или из Флориды, ее родители или его, они были едины в своих его оценках, человека, который ни в чем не разбирается. Он никогда не удостаивался их похвалы.

— Билли прекрасный ребенок, мама.

— У него отсутствующий взгляд.

— Думаю, что просто от счастья, что он видит вас.

— Что ты об этом думаешь, Гарольд? — спросила она.

— Да, он слишком худ, — ответил он.

Когда они уже собрались к отъезду, Дора решила бросить последний взгляд на квартиру.

— Ты должен все переставить.

— Что вам тут не нравится ? — спросил Тед.

— Это *ее* дом. Могу только удивляться, что ты еще не избавился кое от каких вещей.

Квартира была обставлена в современном эклектичном стиле — беж и коричневое, шведский диван и индийский батик в гостиной, массивный квадратный стол

в нише столовой — довольно красивый, но не во вкусе Теда. Комнаты в самом деле обставляла главным образом Джоанна, сообразуясь лишь со своими взглядами. И после ее ухода он как-то не думал о перестановках.

— Взять вот эту штуку. — Речь шла о большой черной керамической пепельнице, даре родителей Джоанны. — Зачем она тебе нужна?

— Спасибо, что собрались приехать, — сказал он.

Когда они отбыли, Тед остался с головной болью. Неужели мать будет распоряжаться даже в его квартире? Но неужели он столь пассивен, что просто принимает свое сегодняшнее положение, не пытаясь ничего переделать? Может, ему в самом деле стоит изменить облик квартиры, ее квартиры? Но не расстроит ли это Билли? И в таком случае, не должен ли он первым делом думать о Билли? Он взял пепельницу, которая никому не нравилась, даже Джоанне, и кинул ее в мусорный ящик. Может, с ним что-то не так, если ему это раньше не пришло в голову? Он ни в чем не мог быть теперь уверен.

После встречи с Ларри, который, казалось, никогда в жизни не сталкивался с никакими сложностями, но признался, что и он ходит на сеансы к психоаналитику, Теду начало казаться, что он находится во власти каких-то темных сил.

— Я боюсь, что мне свойствен комплекс Казановы, старина. Мне это все чаще приходило в голову с самыми разными бабами, и я уж начал думать, что, может, я извращенец.

— Ларри, ты серьезно?

— Нет, не говорю, что я педик. И не считаю, что у меня уже комплекс Казановы. Я хочу сказать, что боюсь, как бы он на меня не свалился и все, что с ним связано.

— Жутко сложно.

— Знаю. Сплошное дерьмо. Но мне это нравится.

Прошло еще три недели, самым большим событием которых для Теда было посещение с Билли дневного спектакля «Алладин». Даже Чарли забеспокоился и сообщил ему несколько телефонных номеров, убедившись, что вечерами Тед безвылазно сидит дома, беря с собой работу из офиса. Он так никому и не позвонил. Суще-

ствуют ли люди, которым действительно помогает обращение к медику? Он решил связаться с Тельмой и узнать у нее номер телефона ее врача.

Тот сказал, что может проконсультировать его за гонорар в сорок долларов. Учитывая, что недавно он потратил пятьдесят пять долларов, чтобы справиться с простудой Билли, он мог потратить сорок долларов, чтобы восстановить свое душевное здоровье; они договорились о встрече. Доктору Мартину Грехему было лет сорок с небольшим. Он носил яркую спортивную рубашку итальянского шелка с распахнутым воротом.

— Куда вы делись, Зигмунд Фрейд? — вздохнул Тед.

— Простите?

— Я ожидал встретить бородатого мужчину в толстом сюртуке.

— Расслабьтесь, мистер Крамер.

Они сели друг против друга по обе стороны докторского стола. Тед старался быть предельно спокойным — со мной не происходит ничего особенного, доктор, — рассказывая ему о своем браке, уходе Джоанны, о событиях последних нескольких месяцев. Доктор внимательно выслушал его и задал несколько вопросов относительно того, как он себя чувствует в тех или иных ситуациях, и поскольку он не делал никаких заметок, Тед решил, что не сообщил ничего, достойного внимания.

— О'кей, мистер Крамер. Консультация должна была послужить целям знакомства с вами. Из того, что я успел заметить, вас гнетет, что вы постоянно занимаетесь самоанализом.

— Как и вы занимаетесь такими-то и такими-то комплексами, — нервно ответил Тед.

— Что-то вроде. Разрешите поделиться своими впечатлениями. Может быть, они окажутся вам ни к чему, а может, и придутся ко двору. Я не знаю.

Тед подумал, что теперь пойдут научные термины, а не просто «я-не-знаю».

— Похоже, что ваши эмоции по поводу того, что произошло, теряют свою остроту. Так откуда же ваш гнев, ваше раздражение? Вы говорили, что никуда не ходите. Ладно. Вы до сих пор злы на всех женщин? На

вашу мать? Вашего отца? И ваше сидение, кажется, радости жизни вам не прибавляет.

Тед улыбнулся, но ему было не до веселья.

— Вполне возможно — хотя, опять-таки, это только первое впечатление, — что семейные установки предписывают вам подавлять свои чувства, что и сказалось в вашем браке и сейчас постоянно не дает вам покоя.

— То есть вы считаете, что мне нужны сеансы психоанализа.

— К нам приходят самые разные люди, мистер Крамер. У некоторых полностью опускаются руки. Других буквально подавляют, раздирают острые проблемы, и нам приходится оказывать им первую помощь. Кое-кому, говоря в общих чертах, надо просто помочь разобраться, что с ними происходит.

— Как мне?

— Я ни в чем вас не уговариваю. Решать вам. Я думаю, что лечение могло бы вам помочь. Сомневаюсь, чтобы у вас не было никаких проблем, мистер Крамер.

Он сказал Теду, что берет за час консультаций сорок долларов, и дал ему понять, что ему пришлось отказать одному из своих пациентов, чтобы уделить время Теду. Лучше всего было бы два или три сеанса в неделю, но один — это предельно допустимый минимум. Он не рассматривал эти сеансы как курс первой помощи, да и Тед знал, что порой люди ходят к психоаналитику годами. Лечение должно было обойтись Теду в немалую сумму, и доктор согласился с ним, но он не знал никого, кто брал бы меньше. Существовала и методика групповой терапии, но он сомневался, что она могла бы оказать помощь без индивидуальных сеансов. Были и клиники, куда он мог бы попасть, но, хотя там был не очень квалифицированный персонал, и там в последнее время поднялись цены. Тед должен был сам решить, стоят ли затраты того, чтобы он обрел ясное понимание своего места в мире и стал лучше чувствовать себя, как выразился врач.

— Хотя я постараюсь и сам как-то справиться. То есть я хочу сказать, что большей частью мне это уда-

ется, — снова завел он свою песенку «со-мной-ничего-страшного-доктор-все-в-порядке».

— Вы пришли ко мне, чтобы обрести хоть небольшую надежду, мистер Крамер? Умение справляться с собой — это еще далеко не все.

Время визита истекло, и они обменялись рукопожатием.

— Доктор, поскольку я уже здесь, могу я задать вам пару беглых вопросов?

— Если я смогу на них ответить.

— Как вы думаете... — он почувствовал себя сущим дураком, но продолжил: — Как вы думаете, стоит ли менять облик квартиры?

Доктор не осмеял его. Вопрос он воспринял совершенно серьезно.

— Вас не устраивает, как она выглядит?

— Нет, дело не в этом.

— Тогда почему же вы хотите в ней все менять?

— Тоже верно.

У него остался последний вопрос:

— Как вы думаете, мне удастся выкинуть все это из головы? — На этот раз Тед сам рассмеялся, постаравшись сразу же снизить серьезность своего вопроса.

— А вы хотите выкинуть? — не теряя присущей ему серьезности, спросил врач.

— Да, хочу.

— Тогда сможете.

Тед тщательно обдумал идею с психоанализом. Ему нравилась манера обращения врача и его ясный, без медицинского жаргона, язык. Может быть, ему в самом деле удастся оказать помощь. Но он не представлял, как он сможет позволить себе тратить сорок долларов на еженедельные сеансы или тридцать долларов, если будет ходить через неделю. Во всяком случае, не с его тратами на прислугу и оплатой медицинских счетов. Он решил, что его грызет нерешительность. Он должен окончательно оправиться. Пусть квартира остается в прежнем виде. Он все выкинет из головы. Раз и навсегда. Это приказ врача.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тед Крамер выяснил, что картина общества изменилась с тех пор, как он был его неотъемлемой частью. Для некоторых женщин брак теперь был чем-то «отвратительным», как сказала ему Таня, двадцатилетняя танцовщица. У нее бывают «романы с женщинами», как она сообщила ему в постели. «Но пусть тебя это не волнует. Ты прекрасный мужик. С тобой тоже хорошо трахаться».

Многие из женщин были разведены, им опыта первого замужества было достаточно, чтобы они окончательно надломились. Некоторые из женщин, не считая, что он способен на ревность, давали ему имена и телефоны своих приятелей, у которых он может найти их, если к нему придет Большая Любовь. Кое у кого из них был дома ребенок, и вытянуть их по вечерам было сложно. Надо было предварительно договариваться. И он платил сиделке, и она платила сиделке. По два доллара за час, что обходилось им в четыре доллара за час, только чтобы где-то вместе посидеть. Приходилось действовать достаточно быстро, дабы что-то получилось. Они должны были или тут же влюбляться друг в друга, или решать, не стоит ли им первым делом побыстрее отправиться в по-

стель. Да и постель нельзя было в полном смысле слова назвать таковой. Она говорила, что если пройдет много времени по часам, больше денег придется выкладывать сиделке и на такси. Может, придется нанимать такси и сиделке. Если они находились где-то в центре города, неподалеку от его дома, он мог отпустить свою сиделку, но, поскольку лишался возможности проводить женщину домой, приходилось нанимать ей такси. Если он предлагал женщине взять у него деньги на машину, возникала неловкая ситуация: она, мол, берет у него деньги. Они должны были четко прикинуть, может ли он платить сверхурочные своей сиделке, а она сама расплачиваться за такси. В таких ситуациях нередко азарт уступал место усталости, так как они оба были родителями и обоим им, как большинству горожан, надо было рано утром вставать на работу.

Из опыта возникал логический подход. Как-то вечером женщина подсказала Теду, что на часах уже половина одиннадцатого, то есть сиделка обойдется ему в шесть долларов. «Расстанемся или будем заниматься любовью?» В последнем случае на принятие решения остается пять минут — или же сиделке придется сидеть с малышом еще час, но на этой неделе у него туговато с наличностью. Так что он уделял свое внимание не столько ей, сколько часам, что не имело никакого отношения к занятиям любовью. Порой случались вечера, когда он не обращал внимание на счетчик — рядом с ним был хороший человек, с которым у него складывались теплые отношения, — но это бывало не часто.

Личной жизни отца в какой-то мере мешал и Билли.

— Ты снова уходишь, папа?

— У меня, как и у тебя, есть друзья. Ты видишься с ними днем, а я могу встречаться с ними только по вечерам.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Да я и сам не хочу. Но мы увидимся с тобой утром.

— Не уходи, папа, пожалуйста.

— Я должен.

В садике Билли начал отнимать игрушки у других детей, словно хотел подгрести к себе все вокруг. Тед переговорил с детским врачом и воспитательницей; оба они думали, что это была реакция на отсутствие Джоанны, и рано или поздно она пройдет — или нет. Когда Тед проводил время с Билли, он большей частью бывал спокоен, разве что порой Теда так одолевала усталость, что он мог отвечать всем требованиям Билли и того приходилось буквально по частям.отрывать от себя — при всей неприязни к подобным действиям, он не мог позволить, чтобы Билли так висел на нем.

Эту женщину-юриста Тед встретил на каком-то приеме. Филлис была родом из Кливленда, ей было под тридцать лет, и она была сильной личностью. На ней был плотный твидовый костюм, несколько отстающий от моды. Она была исключительно начитанна, и разговор между ними сразу же обрел серьезный характер, поскольку касался высоких материй. Они пообедали в ресторане, и в этот вечер он не смотрел на часы. Возвращаясь, они решили, образно говоря, «выпить кофе» у него дома.

Уже поздно ночью, собираясь уходить, она вышла в холл, направляясь в ванную. Билли в это время тоже совершенно бесшумно поднялся, и она столкнулась с ним, выходящим из ванной комнаты. Остановившись, они уставились друг на друга в темноте, как две удивленные косули — она совершенно обнаженная, а он в своей пижамке с жирафами, прижимая к себе игрушку.

— Ты кто? — спросил он.

— Филлис. Я друг твоего отца, — сказала она, стараясь быть совершенно искренней.

Он пристально поглядел на нее, и она попыталась чем-то прикрыться, решив, что не совсем прилично в таком виде стоять перед ребенком. Они застыли на месте. Он продолжал в темноте разглядывать ее. В мозгу его явно зародилась какая-то важная мысль.

— Ты любишь жареных цыплят? — спросил он.

— Да, — ответила она.

Удовлетворенный беседой, он пошел в комнату спать.

— Я только что встретила твоего сына.

— О?

— Он хотел узнать, люблю ли я жареных цыплят.

Тед не мог удержаться от смеха.

— Ну, и ты?

— Сказала ему, что да, люблю. Вот и все.

— В самом деле?

— Не очень приличная ситуация, — выразилась она несколько книжным языком.

Филлис присутствовала в его жизни примерно два месяца. Она нетерпимо относилась к пустым разговорам, и они беседовали на социальные темы, затрагивая проблемы, например, морали нации. Теду приходилось читать много журналов, и он был в состоянии поддерживать злободневные темы недели. Их интеллектуальные отношения развивались параллельно с сексуальными. Ее конгрессмен из Кливленда предложил ей работу в Вашингтоне. Она решила, что предложение достаточно привлекательно, а их отношения не зашли так далеко, чтобы она из-за них стала подвергать опасности «важное для дальнейшей карьеры решение», как она сказала, и Тед, испытывавший к ней точно такие же чувства, согласился.

— Кроме того, если говорить честно, — сказала она ему, — не думаю, что была бы согласна брать на себя такие обязанности.

Попрощавшись, они тепло расцеловались и обменялись обещаниями обязательно звонить или писать, чего ни он, ни она делать не собирались.

Тед с удовлетворением отметил, что может без труда порывать отношения, длящиеся одну-две ночи. Мало кто оставался в его жизни больше, чем на пару месяцев. Но Филлис дала ему понять, что женщина избегает «брать на себя такие обязательства» по отношению к разведенному мужчине с ребенком.

Тед и Тельма стали близкими друзьями. Он не испытывал желания откровенничать со своими романтическими подружками, но подумал, что если он решит закрутить роман с Тельмой, он может обрести удобные ночи, но потерять друга. Оба они отказались от мысли, что у них могут быть какие-то иные отношения, чем дружба,

что было важно для них обоих: они могли поддерживать друг друга, давать возможность в случае необходимости кому-то из них освобождаться на несколько часов. Если Тед начинал беспокоиться, не слишком ли он сфокусировался на своем ребенке, именно Тельма напоминала ему, что от этого никуда не деться: они были одинокие родители с детьми, а Билли был его единственным ребенком. Как-то они, словно бы одной семьей, пошли на игровую площадку, но день им достался нелегкий. Дети все время цапались.

— Я не люблю Ким. Она толкается.

— Я не люблю Билли. Он дерется.

Они спорили из-за песочных пирожков, яблочного сока, велосипедов, и Теду с Тельмой весь день пришлось играть роль миротворцев. Наконец Тед отвел всхлипывающего Билли по другую сторону площадки, чтобы успокоить его. Когда они пересекли ее, навстречу им попался еще один отец с маленьким ребенком.

— Если их вытащить отсюда, — предложил ему он, — отвести к самому дальнему лотку с мороженым, угостить их там хорошей порцией и только потом привести обратно, у вас уйдет на это минут двадцать.

Тед не мог понять, что именно хочет сказать ему этот человек.

— Двадцать минут — и он успокоится, уверяю вас.

Этот человек был типичным воскресным отцом, на долю которого досталось утомительное пребывание с ребенком, пока его жена бегала по магазинам и должна была скоро вернуться.

— Я провожу с ним гораздо больше времени, чем двадцать минут, — ответил Тед.

День завершился тем, что Ким и Билли объединили свои усилия, чтобы обсыпать песком третьего малыша, мать которого стала орать на них, называя Билли и Кима «животными». Билли был так возбужден прошедшим днем, что пришлось устроить для него горячую ванну и прочитать ему на сон грядущий кучу сказок, прежде чем он успокоился. Тед пытался понять, то ли Билли слишком набегался, то ли перевозбудился. Ким была способна долгое время сидеть, погруженная в свои занятия, рисуя

или раскрашивая; внимание же Билли постоянно отвлекалось. В том ли дело, что мальчики в принципе отличаются от девочек, или же просто дети были слишком разными? Может, он был гиперактивным? Все ли с ним в порядке? Не упускаю ли я что-то из виду? Господи, как я люблю его. Иисусе, до чего же я вымотался!

Повсюду валялись обломки пластмассовых машинок, деревянные куклы с вывернутыми конечностями, вырванные листы из цветных книжек — комната Билли была сплошь завалена мусором, и Тед явился сюда в облике Мрачного Чистильщика с пылесосом, сопровождаемый Билли, который отчаянно сражался за каждый огрызок цветного мелка.

— Когда тебе минет десять лет, комната будет выглядеть так, словно в ней жили Братья Кольеры.

— Кто?

— Два неряшливых старика, и комната у них выглядела точно, как у тебя.

Ему было бы проще убрать помещение в отсутствие Билли, но несколько месяцев назад Билли страшно переживал, обнаружив исчезновение какой-то сломанной машинки.

— Выкидываем! Этот грузовичок уже ни к чему не пригоден.

— Нет. Я его люблю.

Тед обвел взглядом комнату. Она по-прежнему напоминала обиталище Братьев Кольер. Он решил подойти к делу с другого конца. Взяв Билли с собой в магазин хозяйственных принадлежностей, он купил несколько пластмассовых ящиков. Чтобы привести в порядок хаос в детской комнате, ему пришлось выложить четырнадцать долларов.

— Теперь попробуй сложить все мелки в специальный ящичек, а все машинки в ящик для транспорта.

— Папа, когда я рисую, в ящике ничего не остается. Откуда я буду знать, что это ящик для мелков?

Типичный вопрос из дзен-буддизма.

— Я сделаю наклейки на ящиках.

— Я не умею читать.

Тед не смог удержаться от смеха.

— Почему ты смеешься ?

— Прости. Ты прав. Это не смешно. В свое время ты научишься читать. А пока я приклею лентой на стенку ящика предмет, который должен быть в нем. Понимаешь?

— Конечно! Здорово!

— Ах ты, мой котенок.

Ползая по полу на коленях и укладывая три разных набора мелков в предназначенную для них коробку, он испытал озарение, словно яблоко или, точнее, набор мелков свалился ему на голову. Идея! Собрать все воедино!

На следующее утро он уже ждал у дверей кабинета Джима О'Коннора, полный нетерпения скорее изложить ему свою идею.

Компания, на которую Тед работал, публиковала в журналах, используя свободные места на его страницах, материалы, имеющие отношение к отдыху и приятному времяпровождению — горные лыжи, плавание под парусами, теннис, путешествия и так далее. И Теду внезапно пришло в голову, что они могут собрать все публикации из их журналов под одной обложкой. И оповестить о новинке в специальных ежедневных рекламных радиопередачах, за что рекламодатели будут платить специально.

— Все совершенно логично. Мы будем продавать их, как делали до сих пор. Кроме того, что изменится содержание.

— И название.

— Мы можем дать любое название, какое захотим. «Все для приятного отдыха», например.

— Тед, я хотел бы сказать тебе, что идея блистательна, но это не совсем так.

— А я думаю, что она именно такова.

— В сущности, она превосходна. Превосходна! Черт возьми, чем мы тут занимаемся? Почему она никому раньше не пришла в голову? Идея отличная — но не потрясающая.

— Я ее такой сделаю.

И все же никогда раньше не доводилось видеть, чтобы Джим О'Коннор подхватил идею с таким энтузиазмом, который заставил его отправиться в исследовательский отдел, и он с самого утра засел за статистические подсчеты, а затем в отделе развития, где сразу же стали готовить кампанию по рекламе «Наборов для Приятного Отдыха». Через неделю уже была подготовлена презентация нового издания, в ходе которой Тед должен был провести пробные продажи нового изделия компании, а через две недели уже были завершены все расчеты и подготовлены рекламные брошюры, вслед за которыми появились и объявления в профессиональной прессе. Компания, которой до сих пор приходилось бороться за выживание, использовала новую концепцию как свидетельство своей жизнестойкости. Тед вплотную занялся журналом для путешественников, получив заверение, что он будет делаться в соответствии с его указаниями. Издатель и владелец компании, энергичный маленький человечек по имени Мо Фишер в пиджаке за четыреста долларов, который только влетал в свой кабинет и исчезал из него с клюшками для гольфа, остановил Теда в холле. В последний раз Тед говорил с ним несколько лет назад, когда поступал на работу в эту компанию. Шеф сказал ему: «Добро пожаловать в наш коллектив» — и с тех пор не удостоил его ни словом. «Отличный ход», — сказал он сейчас и поспешил на площадку для гольфа.

Поздней осенью Нью-Йорк становится прекрасен — прохладные ясные дни, неторопливо прогуливающиеся люди, кроны деревьев в парках окрашены яркой осенней листвой. По субботам и воскресеньям Тед совершал длинные велосипедные прогулки с Билли на заднем сиденье по Сентрал-парку, останавливаясь у игровых площадок и у зоосада. Билли было уже четыре с половиной года, и, поскольку он уже вырос из детских нарядов, на нем были длинные, как у больших мальчиков, брюки, футболка с большими номерами на груди и на спине, лыжная куртка и лыжная шапочка. В этой одежде Билли, с его огромными глазами-блюдцами и точеным носиком, казался Теду

самым красивым ребенком из всех, кого он когда-либо видел. У Теда была за плечами успешная неделя, и осенние дни этого уик-энда он целиком посвящал Билли, путешествуя по городу; отец был неразлучен со своим малышом.

Новая рекламная кампания приносила свои плоды. Теду была обещана премия в полторы тысячи долларов. В ходе делового визита в новое рекламное агентство он встретил его секретаршу, сущего сорванца в джинсах и свитере. Ей было двадцать лет, а с тех пор, как Теду самому исполнилось два десятка, он не имел дела с такими юными особами. Она жила в однокомнатной квартире-студии где-то в верхней части Гринич-Виллиджа, и он был слегка удивлен, увидев, что кто-то может позволить себе такой образ жизни. Анжелика Колеман. Она безмятежно прошлепала в сандалиях через его жизнь. Иметь дело с человеком значительно старше ее, да еще у которого был ребенок, было для нее «экспериментом». Тот, в свою очередь, получил у нее высокую оценку. Она предпочитала в Нью-Йорке «жить как мне нравится», что не мешало ей «заниматься только делом» — но почему ты не хочешь покурить травку?

— Не могу. То есть в свое время я пробовал. Но теперь не могу.

— Почему бы и нет?

— А что, если я привыкну ? Я уж лучше буду держаться от нее в стороне. У меня дома ребенок.

— До чего умно.

В одно дождливое воскресное утро она без звонка прикатила к Теду на своем десятискоростном велосипеде, разлеглась на полу вместе с Билли и больше часа увлеченно играла с ним. Он никогда не видел, чтобы кто-то раньше так непосредственно общался с Билли. С мокрыми волосами, натянув один из свитеров Теда, она выглядела еще моложе, чем обычно. Он словно оказался под властью машины времени. Так он себя чувствовал, когда под дождем бегал к девчонкам на свидание в летнем лагере.

Через несколько недель он решил, что «эксперимент»

обнаружил между ними не так много общего. Он провел день в размышлениях, далеких от лирики песен Оскара Хаммерштейна и Дэвида Боуи.

Он позвонил ей сообщить о результатах своих размышлений.

— Анджи, я просто слишком стар для тебя.

— Ты вовсе не так уж стар.

— Мне будет сорок.

— Сорок. Фу!

Получив на работе премию, Тед решил отпраздновать ее, заказав столик в «Жоржи», новом дорогом ресторане. Он явился туда вместе с Билли, которому купил новый набор мелков для рисования.

— Столик для Крамеров — это для вас? — надменно осведомился метрдотель.

— Для нас.

— У нас нет высоких стульчиков.

— Я не собираюсь сидеть на высоком стульчике, — с чувством собственного достоинства запротестовал Билли.

Метрдотель, усадив их на не очень привлекательном месте, неподалеку от выхода на кухню, поручил их заботам столь же надменного официанта. Тед заказал мартини и имбирный эль для Билли. Мимо их столика прошел с заказом другой официант с гигантским лобстером на подносе.

— Что это такое? — спросил Билли, не веря своим глазам.

— Лобстер.

— Я не хочу его.

— Ты и не должен хотеть.

— Лобстер живет в воде?

— Да.

— И люди едят их?

Происхождение пищи было довольно сложной темой. Баранья вырезка делалась из ягнят, мясо в гамбургерах из животных, которые походили на Коровку Бесси, и если так пойдет дальше, кто возьмется предсказать, что ему захочется есть? Тед зачитывал названия из меню:

стейк, вырезка, — Билли тут же требовал сообщить ему, откуда они взялись, и сразу же терял аппетит.

— Я возьму горячий сандвич, запеченный с сыром.

— Запеченого сыра не имеем, сэр, — сказал официант голосом, типичным для нью-йоркских представителей его профессии: Я-актер-и-занимаюсь-этим-не-для-пропитания.

— Позовите шефа. Меня не интересует, сколько это будет стоить. Сделайте.

Появился метрдотель.

— Сэр, здесь не обедают.

— Ребенок — вегетарианец.

— Тогда можем предложить ему овощи.

— Он не ест овощей.

— Как же он может быть вегетарианцем ?

— Он может быть кем угодно. Ему четыре с половиной года.

Чтобы успокоить этих психов и не волновать посетителей ресторана, метрдотель позаботился, чтобы заказ был выполнен. Сидя за столом, они обсудили последние события в садике. Билли с удовольствием наблюдал за своим взрослым окружением, и у них состоялся настоящий праздничный обед, когда Билли, в специальной рубашечке, надетой по такому случаю, и в галстуке, сидел у отца на коленях, а тот никого не видел, кроме своего Билли.

Когда они уходили, Тед, вполне довольный обедом, повернулся к метрдотелю, который едва не упал в обморок, увидев, как Билли невозмутимо вытер шоколадное мороженое с подбородка белой скатертью.

— Вам не стоило бы быть столь грубым с его королевским высочеством, — сказал Тед, полуобнимая Билли, который гордо шествовал к выходу.

— В самом деле? — спросил метр, растерявшись.

— Он наследник испанского престола.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Поздравляю с Рождеством, Тед. Это Джоанна.

— Джоанна?

— Я заехала в Нью-Йорк по пути к родителям. Я хотела бы увидеть Билли.

Она говорила быстрым спокойным голосом.

— Как ты поживаешь? — спросил он, совершенно сбитый с толку.

— Прекрасно, — отрезала она. — Я хочу увидеть его. Я буду в Нью-Йорке всю субботу. Если тебе все равно, я бы предпочла не приезжать в квартиру.

Тоном голоса и выбором выражений она все поставила на свои места. Это был отнюдь не телефонный звонок с предложением мира.

— Ты хочешь увидеть Билли?

— Я остановлюсь в «Американе». Можешь ли ты привести его сюда к десяти часам в субботу? Я проведу с ним весь день, мы погуляем. И к вечеру я доставлю его обратно.

— Не знаю.

— В чем дело? Ты что, уезжаешь?

— Нет. Я просто не знаю.

— Что ты не знаешь?

— Эта встреча может его расстроить.

— Брось, Тед. Я не баба-яга. Я мать мальчика. И я хочу увидеть его.

— Я, правда, должен все обдумать.

— Тед, не будь идиотом.

— О, как убедительно!

— Я не это имела в виду. Пожалуйста, Тед. Дай мне увидеть его.

— Впереди еще целая ночь. Я подумаю.

— Завтра я позвоню тебе.

Он посоветовался с Тельмой, которая подтвердила то, что Тед и сам знал, — Джоанна отнюдь не собирается возвращаться в его объятия. Что же до ее желания увидеть Билли, Тельма попыталась встать на позицию Джоанны. — Такова цена независимости, — сказала она. — Которая, может быть, очень нелегка.

Тед попытался прояснить положение и, чтобы определиться, на каком он свете, позвонил своему адвокату.

— Ты опасаешься, что она может его похитить ? — спросил Шонесси.

— Я об этом не думал.

— Такое случается.

— Я не знаю, что у нее на уме. Но сомневаюсь, чтобы она его похитила.

— Ну, у тебя нет никаких законных прав запрещать матери видеться с ребенком. А у нее есть право обратиться в суд. И судья вынесет решение в ее пользу. Ну как же, мама, Рождество... Выиграть тебе не удастся. И с практической точки зрения, я скажу тебе, что если ты не опасаешься похищения ребенка, то избавишь себя от кучи хлопот, просто вручив ей на день ребенка.

Будет ли для Билли лучше, если он повидается со своей матерью, или же избавить его от этого? Должен ли он заставлять ее обращаться в суд за решением? В таком случае он обречет ее на немалые расходы. А может, она в самом деле похитит его? И когда Джоанна снова позвонила ему, он задал ей этот вопрос напрямую:

— Надеюсь, ты не собираешься похитить его, не так ли?

— Что? Тед, если хочешь, ты можешь ходить у нас по пятам весь день. Можешь подсматривать из-за угла

и висеть у меня на хвосте. Я заскочила в Нью-Йорк, черт побери, всего на несколько часов по пути в Бостон, откуда возвращаюсь в Калифорнию. Вот и все. Я просто хочу погулять со своим ребенком в Рождество и купить ему игрушек, черт побери! Что ты еще от меня хочешь — чтобы я тебя умоляла?

— О'кей, Джоанна. Завтра. В «Американе» в десять.

Тед сообщил Билли, что в Нью-Йорк приехала его мама, которая хочет провести с ним субботний день.

— Моя мама?

—Да, Билли.

Ребенок погрузился в задумчивость.

— Может быть, она мне что-нибудь купит, — сказал он.

Утром Тед уделил Билли особое внимание — он тщательно причесал его, одел в лучший костюмчик, да и сам постарался предстать в лучшем виде, далеким от облика яйца всмятку. Когда они точно в десять часов явились в «Американу», Джоанна как раз выходила из лифта. Тед почувствовал, что у него подкосились ноги. Выглядела она потрясающе. Она была в белой блузке, на голове у нее была яркая повязка, и лицо было покрыто здоровым зимним загаром. Ни одна девочка с вечеринки, ни лихие подростки в свободных свитерах — никто не мог сравниться с ней.

Джоанна даже не заметила Теда. Она кинулась прямо к Билли, опустившись рядом с ним на колени и произнося: «О, Билли!» Она обняла его, уткнувшись головой ему в подбородок, и не смогла удержаться от слез. Наконец она встала.

— Здравствуй, мой мальчик.

— Здравствуй, мама.

Только сейчас она повернулась к Теду:

— Спасибо. Увидимся в шесть часов.

Тед только кивнул.

— Идем, — сказала она. — Нас ждет прекрасный день, — и взяв Билли за руку, она вышла с ним из холла отеля.

Тед весь день не находил себе места. Если она в самом деле сдержит слово и, повидавшись с Билли, сразу же

куда-то отправится, не окажет ли это на Билли отрицательное воздействие — он испытает подъем чувств, которые потом опять упадут до нуля. Какое у нее право так вторгаться в их жизнь? Все же он пришел к выводу, что законные права на ее стороне. Так и не решив, как ему себя вести, он, убедившись, что магазины закрылись, оказался в отеле за сорок минут до назначенного срока.

Джоанна вместе с Билли вернулись за несколько минут до шести. Мальчик явно устал после долгого дня, но улыбался.

— Смотри, папа, — сказал он, показывая коробку с пластиковыми фигурками. — Волчки, которые не падают.

— Ах, волчки.

— Это мама мне их купила.

Джоанна бросила на Билли последний взгляд и прикрыла глаза, словно облик Билли потрясал ее.

— Пока, Билли, — сказала она, обнимая его. — Будь хорошим мальчиком.

— До встречи, мама. Спасибо за волчки.

Она развернулась на каблуках и, не посмотрев на них, направилась к лифту.

Так что Джоанна Крамер прибыла на Запад не для того, чтобы похитить своего ребенка; она не собиралась ни мириться с Тедом, ни оставаться. Она лишь мелькнула в их жизни. Она оказалась тут, чтобы повидаться с родителями и провести день с Билли. Позже Тед узнал от ее отца и матери, что Джоанна побыла с ними всего один день в Бостоне и, как и говорила, вернулась в Калифорнию. Естественно, Джоанна не могла проделать такой путь, чтобы не повидать мальчика, но расстояние, отделявшее ее, не позволяло ей больше ничего сделать.

Мальчик пережил этот день без видимых признаков беспокойства, чему способствовало детское умение воспринимать мир таким, как он есть. Мама приезжала. Мама уехала. Небо синее. Люди едят лобстеров. Мамы нет. А папа здесь. У него есть волчки. Волчки крутятся и не падают.

— Ты хорошо провел время? — осторожно спросил Тед.

— Да, просто здорово.

Неужели ты тоже понимаешь, что потерял мать? Но этого вопроса Тед ему не задавал.

Тед с неприязнью воспринял вторжение его бывшей жены в их налаженную жизнь и в его эмоции. Еще одна встреча с ней лишила бы его невозмутимости. После того как, встретив не вечеринке прекраснейшую девушку, он женился на ней и она бросила его, вечеринки перестали его привлекать. «Серийные взаимоотношения» — таков был термин Тельмы, которым она определила стиль их личной жизни: одна за другой — и ни на ком не останавливается внимание. Тед, который провел два месяца с Филлис, юристом, стал исключением среди всех своих друзей. Тельма говорила, что все они искалеченные люди; Чарли настаивал, что вообще жизнь пошла такая, а Ларри все так же предпочитал уделять время подобным отношениям лишь в конце недели.

На игровой площадке, куда Тед ходил по субботам, он качал Билли на качелях рядом с Тельмой, которая была занята Ким, а на следующий день рядом с ним оказывался Чарли, забавлявшийся с дочкой. Чарли с Тельмой окончательно разошлись, и Тед удостоился приглашения на те безрадостные обеды, которыми это событие было отмечено в квартирах каждого из них.

— Ты собираешься снова жениться? — спросил Чарли, когда двое мужчин ежились от холодка рядом с игровой площадкой, пока их дети возились в снегу.

— С меня хватит. У меня уже есть ребенок, и, как говорится в рекламных объявлениях, я уже знаю, что почем.

— А я вот думаю... что, если я снова женюсь, и что, если у меня будет другой ребенок, а я снова разведусь и мне придется вдвое больше выкладывать на детей?

— Чарли, все это если бы да кабы. Не думаю, чтобы этот довод смог остановить тебя.

— Я знаю. Но деньги! У меня будут сплошные дыры.

У Тельмы был собственный взгляд на повторное замужество. Она говорила об этом не очень охотно, считая, что не может позволить себе красть время у ребенка, разве что можно пойти на необременительную любовную связь.

— В первый раз ты выходишь замуж по любви, но она, конечно, кончается разводом. Во второй раз ты уже знаешь, что любовь должна быть отмечена знаком качества. Так что выходишь замуж ради совсем других вещей.

— Ну да, — сказал Тед. — Билли и Ким! Приходится отказываться от самого себя.

— Так что... второй брак должен отвечать твоему стилю жизни или твоим взглядам на мир. Понимаешь, в первый раз ищешь в жене какое-то подобие своей матери.

— Я этого не знал, Тельма. И не думаю, что ты позволишь себе оставаться в таком же положении.

— Ну, а второй раз ищешь свое подобие.

— Ты уберегла меня от кучи хлопот. Значит, я уже женат.

После стольких лет непринужденного холостячества Ларри поразил всех как чертик из коробочки. Он женился на Эллен Фрид, двадцатидевятилетней учительнице из городской школы. Ларри встретился с ней на Файр-Айленде и видел ее несколько раз, пока крутил романы с другими женщинами, что было в его стиле. Наконец он решил поставить на прикол свой «бабомобиль». Тед тоже несколько раз встречал Эллен и замечал, что она оказывает на Ларри умиротворяющее воздействие. По сравнению с другими избранницами Ларри, у нее был мягкий спокойный голос, она была задумчива и непосредственна; вела она себя с чувством внутреннего достоинства.

Брачная церемония проходила в небольшом номере отеля «Плаца», и на ней присутствовали кроме нескольких друзей и неизбежных родственников дети Ларри от первого брака — девочка четырнадцати лет и мальчик шестнадцати. Тед помнил их, еще когда они были детьми. «Как быстро летит время», подумал он.

Сидя на скамейке в парке, он включился в разговор Тельмы с какой-то женщиной.

— Все это неважно. Они почти ничего не помнят из того, что было до пяти лет. — Тед не принял этого положения, ибо ему не хотелось, чтобы Билли забыл те старания, которые он в него вкладывал. Женщина утверждала, что слышала дискуссию на эту тему по телевизору. — Память у них только на эмоции. В сущности, они ничего не помнят. Может быть, твой ребенок ничего не запомнит из событий этого дня. — Именно сегодня Билли врезал какому-то мальчику игрушечной машинкой по голове. — Значит ему повезло, — сказал Тед. В самом деле, интересно, что запомнится Билли. И что у него останется в памяти от своего малыша, когда тот подрастет и достигнет, скажем, такого возраста, как дети Ларри?

— Билли, ты знаешь, как папа зарабатывает себе на жизнь?

— Ты ходишь на работу.

— Да, но ты знаешь, что это за работа?

— В офисе.

— Верно. Вот ты видел рекламы в журналах. А я работаю в такой компании, которая и помещает рекламы в журналах.

Внезапно Тед почувствовал, что ему очень важно объяснить сыну, чем он занимается.

— Хочешь заглянуть ко мне в офис ? Хочешь посмотреть, где я работаю ?

— Конечно.

— И я тоже хочу.

В субботу Тед взял Билли с собой в здание своей компании, размещающейся на углу Мэдисон-авеню и 57-й стрит. В холле их встретил охранник в форме и Билли несколько испугался, пока Тед не показал свое удостоверение и не провел его с собой. «Какой у меня сильный папа, который ничего не боится!» Кабинеты компании были закрыты, но Тед открыл двери своим ключом и включил свет. Длинный коридор показался ребенку настоящей пещерой. Тед впустил Билли в свой кабинет.

— Видишь, вот тут мое имя.

— И мое тоже, Крамер.

Открыв двери, он запустил Билли внутрь. Офис располагался на четырнадцатом этаже, и из своего окна Тед видел 57-ю стрит, тянувшуюся в обе стороны, к западу и к востоку.

— Ох, папа, как высоко! Вот здорово! — и он прилип лицом к стеклу.

Затем, сев в кресло отца, он стал вертеться в нем.

— Мне нравится у тебя, папа.

— Спасибо, друг. Ты мой настоящий друг.

Билли, как Тед и ожидал, вел себя точно так, как и полагалось маленькому-мальчику-который-радует-своего-отца. Билли, *действительно*, был его другом. Все эти месяцы они не расставались. Но, может быть, у него в самом деле ничего не останется в памяти от отца за это время. И его не взволнует, с какой болью Тед будет думать о провалах в памяти. Но они вместе справились со всеми потерями. Они были союзниками.

Я всегда буду рядом с тобой, Билли. Всегда.

— Но кое-что мне тут не нравится, папа. Мне не нравятся картинки.

Стены кабинета были украшены обложками журналов из ранних дней существования компании.

— Тебе надо тут зебру.

— Почему бы тебе не нарисовать ее, и я повешу ее не стенку.

Ребенок намалевал бесформенное создание, исчирканное полосками и отец прикрепил ее на стенку.

Из Бостона явились родители Джоанны. Некоторая нотка раздражения в адрес Джоанны, которую он заметил во время их последнего посещения Нью-Йорка, сменилась печалью.

— А ведь в самом деле, — сказала Гарриет, когда Билли вышел из комнаты, — дедушки и бабушки видят ребенка куда чаще, чем мать.

Тед предположил: они надеялись, что Джоанна останется во время последнего посещения и не вернется столь стремительно в Калифорнию. Но он-то все сразу уяснил.

— Что она там делает? Чем зарабатывает себе на жизнь, я имею в виду?

— А ты не знаешь?

— Я ровно ничего не знаю о ее жизни, Гарриет. Абсолютно ничего.

— Она работает у «Херца». Одной из тех девушек, которые все время улыбаются, сдавая машины напрокат.

— В самом деле?

— Она бросила семью, сына, чтобы отправиться в Калифорнию и сдавать там машины напрокат, — сказала Гарриет.

Тед сразу же отбросил мысль, что Гарриет переживает из-за падения социального статуса дочери; ее куда больше волновало количество мужчин, с которыми Джоанне приходится иметь дело на работе.

— Как Джоанна говорит, она живет сама по себе. И еще она играет в теннис, — без особого воодушевления выложил Сэм, стараясь уберечь свою дочь от живущего в нем же инстинктивного неприятия.

— Могу себе представить, — сказал Тед.

— Да. Она заняла третье место в турнире. — Отец упомянул об этом факте походя, но не без гордости — третья в турнире, но вряд ли это могло служить ему компенсацией за отсутствие дочери.

Тед предложил им остаться вместе пообедать — первое такое предложение с его стороны после развода, и они согласились. Они направились в китайский ресторанчик, и Сэм выиграл битву за право расплачиваться, упомянув, что он тут самый старший.

— У меня родилась хорошая идея для бизнеса, — за десертом сказал Тед, стараясь внести нотку веселья в семейный обед. — Замороженные блюда для неудачников. Открываешь коробку и слышишь оттуда что-то вроде «Ни о чем не спрашивай».

Они не сочли его предложение смешным и погрузились в меланхолическое раздумье о лице, которое отсутствовало у них за столом.

Пожелав ему доброй ночи, Гарриет неловко поцеловала Теда в щеку, чего не делала уже довольно давно. Они планировали явиться на следующее утро и взять

Билли посмотреть Статую Свободы; это был большой день для них, и Теду не удалось отговорить их от этого замысла. Поэтому они и приезжают — дедушка с бабушкой.

— Не слишком ли много он ест сладостей? — спросил Сэм. — Сахар ему не нужен.

— Я даю ему жевательные резинки без сахара.

— А как с витаминами?

— Каждый день, Сэм.

— В них, наверно, есть сахар.

— Ну, а я все же думаю, что ты неплохо справляешься, — сказала Гарриет.

— Да, у него это получается, — сказал Сэм, все еще держась с известной сдержанностью по отношению к Теду.

— Но...

Тед ждал, что сейчас за этим последует.

— ...я думаю, что ребенку все же нужна мать.

Гарриет сказала это с такой болью за свою дочь, с таким отчаянием, что при всем желании он не мог услышать ноток критики в свой адрес.

На следующий день они явились пораньше, готовые показывать Билли Статую Свободы. Тед решил не напоминать им, так же, как он никому не упомянул, что сегодня ему исполнилось сорок лет. Он был не в том настроении, чтобы тушить свечи на торте. Старики будут с Билли до позднего вечера. Время у него есть, но он так и не решил, чем ему заняться сегодня. Первым делом, он поваляется в постели.

Был мягкий зимний воскресный день, и, поскольку Тед не мог забыть о юбилее, он вышел прогуляться по улицам; внезапно им овладело какое-то странное желание. Ему было нетрудно осуществить задуманное, поскольку он был обитателем Нью-Йорка, а не выходцем из другого города. Его детство прошло в получасе от станции подземки.

На ней он добрался до Джером-авеню в Бронксе. Там он остановился у начальной школы, в которую впервые вошел в пятилетнем возрасте, тридцать пять лет назад. Из школы он направился к дому.

Пятиэтажное строение без лифта обветшало и покосилось: оно было создано в другой архитектурный век. Перед парадным входом был небольшой газончик — тщетная попытка обрести элегантность, — но сейчас он принадлежал только кошкам и их отпрыскам. Стены покрывали надписи графитти. «Тони Д., — гласила одна из них, — пошел отсюда!»

В это воскресное утро на улице ему попалось лишь несколько человек. Трое старушек направлялись в церковь, торопливо минуя двух испанцев, возившихся у машины. Тед прошел мимо сгоревшего магазина, огибая кучи мусора и осколки битого стекла — приметы Бронкса, к которым он давно привык.

Его дом, в котором никогда не было лифтов, располагался на Крестон-авеню, неподалеку от 184-й стрит. Он присел на крылечко своего детства. Он не мог скрыть удивления при виде того, каким все стало маленьким и невзрачным. Пространство, через которое ему удавалось с трудом посылать мяч, что было предметом его гордости, оказалось длиной всего лишь в пару десятков ярдов. Улица, на которой играли десятки ребят, была узкой и короткой. Большая горка неподалеку, на которую зимой они карабкались и скатывались с нее, стала узкой улочкой с пологим подъемом. Все это было давным-давно, и, наверно, он был совсем маленьким, если окружающее представлялось ему в таком свете.

По другую сторону улицы был школьный двор, на котором он играл в баскетбол. Стойки со щитами теперь исчезли, и детей тут больше не было видно. Мимо прошла женщина, испуганно отведя глаза в сторону — этот незнакомец на крылечке может наброситься на нее.

Он продолжал сидеть, вспоминая веселые игры, и перед ним, на каждом углу представали призраки — его друзей, их девочек. Однажды на школьном дворе он упустил мяч, посланный Стью Мазловым, лучшим подающим в квартале, и тот жутко разозлился, когда мяч запулил на крышу. Это здание теперь было перед ним. Воспоминания ярко всплыли у него в памяти, словно и не было прошедших тридцати лет. А через несколько лет

и Билли, его ребенку, минет столько же лет, сколько было его папе, когда он обретал этот опыт.

Прекрасное время ему досталось, прикинул он, когда он все время болтался вне дома, в уличных играх. Билли чего-то лишился в жизни: у него нет крылечка, на котором он может посидеть, нет улицы, на которой он может играть, не опасаясь попасть под машину, а если она и появлялась, то кто-то останавливал ее движением руки, пока игроки не убирались на обочины. Все это было тридцать лет назад.

Билли потерял не только это непосредственное окружение. Ребенку нужна мать, сказала она. Сколько времени он еще так протянет, не имея в своей жизни женщину, которая так нужна Билли, нужна ему?

— Эй, мистер Эванс! — По другой стороне улицы ковылял старик. — Вы помните меня? Я любил заходить в вашу булочную. Я Тедди Крамер. Брат Ральфа. Я любил ваш яичный крем. Я занимаюсь рекламным делом. Моя жена оставила меня. Я теперь разведен. У меня малыш. Скоро ему будет пять лет. Когда-то и мне было здесь пять лет.

Он сделал себе самоубийственный подарок ко дню рождения.

Направившись к Гран-Конкур, Тед остановился перед «раем Лью», старым кинотеатром, на потолке которого были звезды и бегущие облака. Теперь он разделился на три кинотеатра: Рай-Один, Рай-Два и Рай-Три.

— Как может быть Рай-Два? — спросил он у ремонтника, который стоял перед зданием.

— Понятия не имею.

— Его стоило бы назвать Потерянный Рай.

Человек явно не разделял взгляды Теда, которые были обращены в историческую перспективу.

Направившись в сторону станции подземки, Тед заметил толстенького человека, двигавшегося в том же направлении. Очертания его лица показались ему знакомыми — Френки О'Нейл из соседнего квартала. Человек прищурился, пытаясь узнать Теда.

— Фрэнки!

— Никак это ты, Тедди?
— Он самый.
— Что ты тут делаешь?
— Осматриваюсь.
— Я не видел тебя уж столько ...
— Давненько.
— Святая яичница! Где ты обитаешь?
— В даунтауне. А ты?
— На углу 183-й и Конкура.
— Даже не смешно. Ты кого-нибудь встречаешь из старых знакомых?
— Нет.
— Чем ты занимаешься, Фрэнки?
— Содержу бар. От Гиллигана. Все там же. Одно из немногих примет времени, которое по-прежнему сохранилось.
— Гиллиган. Потрясающе, — сказал он, стараясь не обидеть собеседника упоминанием того, что он там никогда не бывал.
— А ты?
— Работаю в рекламном деле.
— Кто бы мог подумать! Ты женат?
— Разведен. У меня мальчик. А ты?
— Трое ребят. Я женился на Дотти Маккарти. Помнишь ее?
— Еще бы! Фрэнки, помнишь, как мы однажды подрались? Пиджак задрался мне на голову, и ты выбил из меня всю пыль.

Эту драку Тед помнил. Им было по девять лет. Болельщики из окрестного квартала помирали со смеху, когда Тед размахивал руками, ничего не видя вокруг. Он так и не смог забыть то униженное состояние, в котором очутился.

— Подрались? Мы с тобой?
— Ты не помнишь?
— Нет. А кто победил?
— Конечно, ты.
— Ну, прими мой извинения.
— Рай-Два и Три. Ну, не позор ли?
— Ага.

Они продолжали стоять, смущенные встречей.

— Тедди, как здорово, что я тебя увидел. Если будешь в этих местах, загляни ко мне в бар. Я там с пяти часов.
— Спасибо, Фрэнки. До встречи.

Порция виски у Гиллигана, где он никогда не был, но где все напоминало о прошлом, было отнюдь не то, что он хотел почувствовать в свой сорокалетний юбилей. Он вернулся к себе в даунтаун на метро и сел смотреть баскетбольную встречу по телевизору. Потом уже, когда Билли пошел спать, он позволил себе рюмку коньяка. С днем рождения, сорок лет. Он сидел в молчании весь вечер, попивая шоколадное молоко и слушая музыку по радио.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Теду позвонил Джим О'Коннор и попросил заглянуть к нему в кабинет; когда в половине десятого Тед появился у него, то увидел, что на столе перед Джимом стоит бутылка шотландского виски и две рюмки.

— Выпьем.

— Что случилось?

— Все кончено, Тед.

— *Что?*

— С тобой покончено. И со мной покончено, и со всеми тоже. Старик продал компанию. Ты получаешь двухнедельное выходное пособие, и ту неделю, что еще будешь сидеть в конторе, можешь использовать на поиски работы. Пей.

Тед плеснул себе виски. Его слегка встряхнуло, но виски не оказало на него никакого воздействия. Оно всосалось в него, как в промокашку.

— Он продал компанию! А кто покупатель?

— Какая-то группа из Хьюстона. Они считают, что делом надо заниматься только там. Они перекупили у старика все скопом и избавляются от всех. В нас нет необходимости. Мы не знаем тот район.

— Но мы знаем этот бизнес.

— Они набирают своих людей. Так что мы на улице.

Биржа труда пока ничем не могла обрадовать Теда, но он понимал, что работал в достаточно узкой области и свободных мест не так много. За это время мелькнули три возможные работы, но на каждой он получал бы значительно меньше того, что зарабатывал раньше. Он даже не примеривался к ним. Правда, как-то раз он зашел на собеседование, просто уловить его специфику. От всех, кто уже находился в таком положении, он знал, что безработица деморализующе влияет и на человека, и на семью. Шли дни за днями, не принося заметных сдвигов, когда он, покинув компанию, встречался то с одним, то с другим возможным работодателем. Он зарегистрировался на бирже, чтобы получать пособие по безработице. Выходя из дома, он брал с собой книгу, чтобы читать во время ожидания, а не бесцельно глазеть на пустые стены приемных. Но в конце третьей недели, по завершению последнего собеседования, он понял, что идти ему больше некуда, некому больше звонить, нечего больше делать, кроме как ждать воскресенья, и вместо того, чтобы читать или отправиться в кино, он решил присоединиться к Этте с Билли на игровой площадке — просто чтобы чем-то заняться, ибо сейчас он чувствовал, что на него свалились большие трудности.

Он постарался выкинуть из головы эти ощущения и всецело посвятить себя серьезным поискам работы. Рано поднимаясь, он одевался, словно шел на службу, отправлялся в даунтаун и использовал библиотеку на 42-й стрит словно свой офис, пользуясь для телефонных переговоров общественным телефоном, а в перерывах между назначенными встречами читал газетные полосы. Он внимательно просматривал все объявления, выписывая некоторые из них, и посещал агентства, предлагавшие те или иные занятия. Но всем этим он уже занимался через силу. Случались дни, когда с самого утра до полудня он ломал себе голову над тем, чем бы ему заняться, забыв, что ему надо связываться с очередным агентством. Он продолжал играть в эти игры, надевая деловой костюм и направляясь в даунтаун с рабочим людом, расставаясь с которым, он направлялся в библиотеку, где его единственным занятием было чтение газет. Но и

тут он испытывал неудобства, когда его стали внимательно оглядывать. Ему приходилось прятать свои записи. Он переместил свой офис в небольшое отделение библиотеки поблизости и проводил время, читая «Вестник потребителя», где приводились сведения о предметах, которые ему никогда не понадобятся.

Персоналу биржи труда требовалось знать, чем он занимается в течение дня, насколько старательно сам ищет себе работу, сколько раз он звонил по телефону, сколько у него было собеседований, где данные о них, можно ли в них удостовериться. Он же проводил весь день в библиотеке, в течение которого делал только два телефонных звонка.

— Почему бы вам не проявить побольше гибкости, мистер Крамер? — спросил его как-то один человек. — Почему бы вам, скажем, не продавать вторые оконные рамы?

— Это предмет ограниченного пользования. Зимы становятся теплее. Времена года все более походят друг на друга.

— Никак вы иронизируете, мистер Крамер?

— Я ищу работу. Мне нужны деньги. Вы хоть представляете себе, сколько стоят сигары-черуты?

— Это не тема для...

— Пятьдесят три цента каждая, и они буквально растворяются в воздухе.

Собеседник изобразил усмешку, но она была проникнута злостью. Тед уже начинал нервничать. Каждую неделю ему приходилось долгие часы ожидать очередного собеседования, в ходе которого он старался доказать, что заслуживает тех денег, которые хотел бы получать.

Он прикинул, что ему нужно примерно четыреста двадцать пять долларов в неделю, чтобы хватило и на жизнь, и на оплату аренды, на стирку белья, на Этту и черуты. Пособие составляло всего девяносто пять долларов в неделю. Даже когда он работал, с присутствием в доме Этты расходы у него были большие. Когда приходили чеки с зарплатой, он уже нуждался в деньгах. Поднакопить ему так и не удалось. На счету в банке у него лежало всего тысяча восемьсот долларов. Меньше чем через два месяца они все у него разойдутся.

Он сказал Этте, что потерял работу и ищет новую; она приняла известие достаточно спокойно. Она предложила ему не торопиться с выплатой ей зарплаты, но он предпочел все же платить ей за то время, что она проводила в его доме. Билли он ничего не сказал. Но от его внимательных карих глаз ничего не могло укрыться.

— Папа, тебя уволили?

— С чего ты взял?

— Иногда ты сидишь доме.

— А ты знаешь, что означает это слово?

— У тебя нет работы.

— В общем-то, меня не то, что уволили. Компания, в которой я работал, переехала, и сейчас я ищу себе другую работу.

— Ага.

— И скоро я ее найду.

— Значит, ты завтра сможешь со мной поиграть?

— Лучше я поищу работу, Билли.

Он уже был без работы шесть недель. Он опустился на более низкий уровень, разослав свои бумаги торговым предприятиям, чьи названия нашел в справочнике.

Вильяму Крамеру минуло пять лет. В день его рождения, можно считать, минул целый год их совместной жизни после ухода Джоанны. Тед устроил детям вечеринку. Был подан торт с изображением Бетмена, который разделили с Билли шесть его друзей. Тед прикинул, что маленький «бетмобиль», подарок и скромное угощение для детей обошлись ему в тридцать восемь долларов.

Он подумал, что, может быть, стоит взять какую-то временную работу типа продавца в магазине или телефонного коммивояжера, но в таком случае он лишится пособия по безработице. Он должен получать вознаграждение только за свою работу. Деньги буквально таяли в руках. Все было очень дорого.

— Ты потерял работу. О-о-о!

Он-то собирался, найдя новую работу, тихонечко и спокойно оповестить о ней родителей. Когда мать прямо

спросила его, как у него идут дела, он понимал, что самым лучшим мирным исходом разговора было бы простое «Прекрасно», но у него не повернулся язык.

— Боюсь, что с компанией все кончено, мама. Мы все потеряли работу. Я занимаюсь сейчас поисками. И что-нибудь найду.

— Его уволили. Уволили!

К телефону подошел отец.

— Тед, тебя уволили? Почему?

— Послушай, папа, уволили, например. Фреда. Мне же пришлось уйти.

— Почему увольняли?

— Компания была продана, и нас не поставили в известность.

— И вас не могли взять на новое место? Ты, должно быть, здорово проштрафился, если тебя не пригласили.

— Им не был нужен никто из нас. Они переехали.

— И что теперь?

— Я что-нибудь найду.

— Его уволили! О-о-о! — подключилась по отводной трубке мать. — Тед, ты должен кормить ребенка и платить этой даме, а сегодня все жутко дорого стоит. И ты один, у тебя нет даже жены помочь тебе. Бог простит, что бы с тобой ни случилось, но как же ребенок? И у тебя нет работы! Что с Тобой будет?

Только бы она оставила его в покое. Он завершил разговор заверением, что население Нью-Йорка не собирается вымирать, но когда его отец стал кричать в трубку, что, может быть, Теду стоит переехать во Флориду, где поработать водителем — тут есть много пожилых людей, которые не в состоянии ни ходить, ни водить машину — Тед понял, что в их глазах он полный неудачник.

Женщина на бирже труда, которая восторженно ознакомилась с его данными и заверила, что найдет ему работу через несколько дней, на исходе третьей недели перестала отвечать на звонки. Приближалось лето. В это время люди не уходили с работы, они оставались, чтобы

получить право на свой летний отпуск. Его счет в банке уменьшился до девятисот долларов.

— Билли, черт побери, да кончай же! Я уже наигрался с тобой! Я играл с тобой после ужина целый час! Больше я не могу возиться с тобой. Давай посмотрим книжку.

— Не кричи на меня.

— А ты не хнычь.

— Я не хнычу.

— Кончай же! Отправляйся к себе в комнату!

Схватив его, он выволок Билли из своей спальни, так крепко вцепившись ему в руку, что на ней остались следы.

— Ты сделал мне больно! — он принялся плакать.

— Я не хотел. Но я терпеть не могу, когда ты при мне хнычешь. Поиграй сам по себе, черт возьми! Дай мне покоя.

Мысли о работе ни на минуту не оставляли его. Он отнюдь не считал себя одаренным в какой-то одной области. Ему потребовалось несколько лет, чтобы обрести себя в этой узкой сфере коммерции. Он предлагал идеи реклам, продавал место под них. Его работа, его пиджаки и галстуки, его имя, напечатанное на листках блокнота, секретарши, современный кабинет, деньги, которые позволяли ему существовать, содержать домоправительницу, покупать хорошее вино — все это, кроме непосредственной работы, как-то поддерживало его. Лишившись ее, он чувствовал себя совершенно беспомощным.

А при наличии ребенка все обретало прямо трагическую окраску, потому что на его попечении как отца было существо, полностью зависящее от него. Он и раньше лишался работы, но никогда еще его не посещало такое отчаяние. И просыпаясь по ночам, Тед Крамер часами не мог снова уснуть.

Он старался попадать на глаза служащим биржи труда, которые куда-то засунули его бумаги; они снова заполнили на него карточку, уделяя внимание новым людям, которые только недавно потеряли работу - «Когда вы говорите, это с вами случилось, мистер Крамер?»

Билли, полный желания ему помочь, предложил ему утешение:

— Помнишь, когда уволили Фреда Флинстоуна?

— Да, ты мне рассказывал.

— Ну вот, а сейчас я узнал, что у Фреда новая работа. Здорово, папа? Это значит, что и у тебя будет новая работа.

Он получил известие от Джима Коннора. Тот с женой предпринял поездку в Европу и прежде, чем окончательно уходить на отдых, решил еще раз попробовать свои силы в деле. Он теперь имел дело с новым журналом «Мужская мода». О'Коннор хотел узнать — Тед уже «на приколе» или еще «прохлаждается». Последнее выражение отнюдь не отвечало действительности, потому что ртутный столбик подскочил до 92 градусов по Фаренгейту, и Тед обливался потом во гремя собеседования в «Мире упаковок». О'Коннор поведал ему, что самый долгий период безделья для него был во время спада в пятидесятых, когда он «прохлаждался» целый год, но это было сомнительное утешение.

Пока О'Коннор ничего не мог обещать ему — он сам только начал работать — но ему хотелось, чтобы Тед работал с ним, если ему удастся убедить хозяев найти для него местечко с приличным окладом и если Тед сможет продержаться еще минимум четыре недели, пока он обеспечит ему приглашение.

— Все это очень неопределенно. Давай поговорим попозже.

— Только обещай мне, что ты не клюнешь на какую-то дешевку, прежде чем не переговоришь со мной.

— Постараюсь не клюнуть.

Наличными у него оставалось не больше шестисот долларов. «Мир упаковок» утверждал, что он в нем «очень заинтересован», но они давали только сто девяносто в неделю, максимум двести — меньше этого он не мог себе позволить. И они хотели, чтобы за эти деньги он стоял бы у них на ушах. Он справился, когда ему предложили в шутку продемонстрировать, как он будет рекламировать издание по телефону, словно бы он у них уже работает. Он должен был убедить предполагаемого

клиента, льстивого елейного человека лет шестидесяти, который был и управляющим и автором текстов; ничего не говоря, он продолжал приглядываться к нему.

— Очень хорошо. Мы дадим вам знать через недельку или около того.

Он чувствовал себя так, словно только что спел на прослушивании «Счастливое лицо».

— Мы еще не обговорили оклад.

— Сто восемьдесят пять, плюс комиссионные.

— Вы говорили сто девяносто, может быть, и двести.

— Неужто? Должно быть, я сделал ошибку. Нет. Сто восемьдесят пять. И это предел, который мы можем сегодня предложить кому бы то ни было.

— Маловато.

— Ну, мы не «Лайф».

Интересное замечание, потому что «Лайф» шел явно на спад, а «Мир упаковок» был на подъеме. Во всяком случае, ему представилась возможность обрести работу, хотя, как он прикинул, на пару уровней ниже того, что можно было бы назвать дешевкой. Но, если не считать предложения Джима О'Коннора, пока это было все, на что он мог рассчитывать. Если он устроится здесь, скорее всего, придется переехать в дом поплоше, чтобы сэкономить на арендной плате. Но расходы на переезд съедят все, что ему удастся сэкономить за первый год. Тогда уж ему лучше водить такси. Хотя в Нью-Йорке эта работа считалась довольно опасной. Таксистов за баранкой нередко грабили. Подумав о такой возможности, он решил не покидать избранное поле деятельности. Мало кто из его коллег подвергался ограблению на работе. Но затем он стал размышлять: а что, если со мной в самом деле случится нечто подобное? Что, если он станет жертвой уличной стычки или его убьют? Что станет с Билли? Он вспомнил, что так и не составил завещания. А что, если он внезапно умрет? Кто возьмет ребенка — его родители? Немыслимо. Родители Джоанны? Невозможно. Тед Крамер погрузился в размышления о своей смерти. Он решил поручить своего ребенка заботам одного человека, которому, как казалось, он мог доверять в этом смысле.

— Тельма, если я умру...

— Не говори таких слов.

— Послушай меня. Если случится что-то неожиданное и я умру, ты возьмешь Билли?

— Это самое трогательное и...

— Возьмешь?

— Ты серьезно?

— Да, совершенно. Я понимаю, что ответить на такой вопрос нелегко.

— Тед...

— Можешь ты подумать?

— Я просто ошеломлена.

— Если ты дашь согласие, я впишу его в свое завещание.

— Тед, не надо так говорить.

— Я хочу составить завещание.

— Ты можешь на меня рассчитывать, Тед. Можешь рассчитывать.

— Спасибо, Тельма. Большое, большое спасибо. Ему с тобой будет очень хорошо. Ты отличная мать.

Обуреваемый мрачными мыслями, он направился к юристу и попросил его составить завещание, в котором Тельме поручалась забота о Билли, после чего попросил у своего врача, которого не видел уже два года, провести ему полное обследование, дабы убедиться, что к четвергу он не умрет. Доктор сообщил ему, что пока у него все в порядке — результаты лабораторных анализов будут через несколько дней. Утром первого же выходного дня, демонстрируя прекрасное здоровье, он носился с Билли по игровой площадке, изображая с ним на пару обезьян — занятие, которое весьма нравилось Билли, и подъем духа, избавивший Теда от мрачных мыслей, убедил его, что жить он будет долго.

Он не мог позволить себе, чтобы Этта продолжала работать для него еще несколько недель. И хотя она предложила ему не торопиться с выплатой ей жалованья, он не мог допустить, чтобы эта женщина поддерживала его во время безработицы. В такой ситуации он не может эксплуатировать ее. Год! О'Коннор как-то был год в таком

положении. Он может взять заботы о Билли в течение дня на себя и нанимать сиделку, когда ему приходится ходить на собеседования.

Ральф, его брат, позвонил из Чикаго. Как дела, не подкинуть ли наличности? Он счел бы личным оскорблением, если бы позволил себе что-то взять у старшего брата. Никаких денег ему не нужно, сказал он Ральфу. На следующей неделе он по делам приедет в Нью-Йорк, Ральф предложил ему вместе сходить на бейсбольный матч. Он подозвал к телефону Сенди, свою жену, которая указала, что они не виделись друг с другом вот уже больше года. Они с Ральфом вместе с детьми отправляются летом во Флориду, и, может быть, Тед возьмет Билли, чтобы всем оказаться в кругу семьи. Но пока он еще не знал, сможет ли позволить себе путешествие во Флориду.

Полки буфета были почти пусты. Стопка счетов за продовольствие была просто ужасающей. В нем вспыхнул инстинкт выживания, воспитанный на школьном дворе Бронкса — победитель дерется до конца, проигравший выпадает, так что дерись за победу и ты выиграешь — и Тед Крамер пошел на гастрономическое пиршество. Набрав целую кучу льготных талонов из магазинов, оставшихся еще со времен Джоанны и по-прежнему сохранявших свою силу, поскольку в этих магазинах он ничего не задолжал, Тед пустился на обильные закупки. Он обошел продовольственные магазины и отделы деликатесов. Тед Крамер, который не решался купить хорошую вырезку у мясника или сделать большой заказ в супермаркете, прикинул, что он может накупить товаров в универмаге, а счета придут через несколько недель; со временем он по ним заплатит. Он начал покупать первосортное мясо для хранения, замороженные овощи, очищенные орешки, которые стоили вдвое больше того, что он привык платить за них, форель из Колорадо, лососей из Вашингтона, итальянскую пасту, шотландские пирожные — «Мэм, этот хлеб в самом деле доставлен из Парижа? Прекрасно. Я беру его». Кое-что он притащил домой, кое-что привез, но ни за что он не платил наличными. Теперь у них было вдоволь заморо-

женных обедов и телятины в вине, приобретенной у миссис Уортингтон. Благодарю вас, миссис Уортингтон за ваш вклад! Кроме того, были еще и свежие яйца из Нью-Джерси, и ореховое масло. «Замороженная пицца? Она в самом деле хорошая или ее заморозили кое-как? Отлично. Беру четыре». Он набил морозильник и загрузил все полки в буфете; в кладовке он сложил ящики с консервами. Если даже он потерпит неудачу, у них хватит потрошенных цыплят и пока он может за них не расплачиваться. Магазину главное знать, что вы никуда не исчезли. А он по-прежнему был на месте.

Он встретил своего брата Ральфа в баре «Блерни Стоун» на Третьей авеню. Они решили провести вечер, как в добрые старые времена: пиво и сандвичи с пастрами в баре, а потом на стадион, где «Метсы» встречались с «Доджерами». Ральф был высок и мускулист, обладая грубоватой привлекательностью. На нем была шелковая рубашка, галстук в тонкую полосочку и мокасины из тонкой кожи. Он вполне мог играть в телевизионной постановке преуспевающего гангстера.

— Ты что-то отощал, Тед.

— Сбрасываю вес.

— Эй, принесите-ка этому парню таблетки для аппетита.

— Все в порядке. Я предпочитаю пиво.

— Об этом я уже позаботился.

— Знаю.

Бросив взгляд на ножки проходящих за окном девушек, Ральф обратил все внимание на поставленное перед ним блюдо. Доверительность и теплота никогда не были отличительными черточками их семьи, и сомнительно, чтобы эти чувства возникли вечером за столом. У Теда было смутное ощущение, что, расправившись с пастрами, они не будут знать, о чем говорить друг с другом.

— Эй, Тедди, помнишь старые времена, когда «Гиганты» и «Доджеры» встречались в трех играх? В пятницу вечером на Поло-граунд или на Эббетс-филд? — предложил тему Ральф, очевидно, испытывая то же напряжение.

— Великое было время.

Слава Богу, что им представилась возможность поговорить о давних бейсбольных схватках, о бросках Эрни Ломбарди на четыреста футов, о матчах, которые они посещали в молодости. С них разговор перешел на сегодняшнее положение дел в бейсболе.

— Ты только оглянись, — сказал Ральф. — Дешевые крикуны, которые умеют лишь размахивать флажками. Что они понимают в бейсболе?

— И эта органная музыка...

— Перебирайся в Чикаго, Тедди. Я могу пристроить тебя на продажу напитков.

— Спасибо, Ральф, но мне бы не хотелось.

— Я не имею в виду *непосредственно* в Чикаго. Расположишься в пригороде.

— Я понял, Ральф, но нет, спасибо.

Они направились на матч, а потом, сдавленные в толчее подземки, воздерживались от продолжения нелегкого разговора, пока не добрались до Таймс-сквер, но, двинувшись к «Хилтону», в котором расположился Ральф, они снова обратились к старым играм.

— Как насчет выпить?

— Слишком поздно. Билли рано встает.

— С ним все в порядке?

— Вроде что так.

— У тебя есть какие-нибудь успехи?

— Парочка.

— Тедди, тебе нужно зарабатывать на хлеб.

Его хлеб доставлялся прямо из Парижа.

— У меня в самом деле все прекрасно.

— Как ты можешь так существовать?

— Так и могу.

— Ты просто болтаешь.

— Нет, в самом деле все о' кей, Ральф.

Деньги могли обеспечить ему резерв времени. Он нуждался во времени, он отчаянно нуждался в деньгах и все же он не мог заставить себя попросить взаймы. Доведись ему признаться в своих потребностях, это слишком дорого ему бы обошлось.

— Мы провели прекрасный вечер, Ральф. Давай повторим его, когда ты снова будешь здесь.

Они пожали друг другу руки, но внезапно Ральф стиснул его кисть, не выпуская ее.

— Черт возьми, как наша семья отдалена друг от друга, Тедди...

— Но ты же здесь, Ральф. И у нас был прекрасный вечер.

На лбу у Ральфа вспухла вена.

— Тедди! Я знаю, что тебе надо!

— Говорю же тебе, Ральф...

Ральф запустил руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда чековую книжку, другой рукой продолжая держать Теда за запястье.

— Ничего не говори, Тедди. И не дергайся.

— Ральф, я ничего не возьму.

— Тедди, позволь мне это сделать.

— Нет, Ральф.

— Я обязан. Дай мне что-то для тебя сделать. — Он торопливо заполнил чек и, прежде чем Тед успел вырваться, торопливо сложил его и засунул Теду в карман.

— Когда разбогатеешь, отдашь.

Ральф, стиснув плечи брата в неловком объятии, сказал: «Это всего лишь деньги» — и покинул его.

Тед не успел взглянуть на чек. Он не мог заставить себя развернуть его. Только придя домой и сев за обеденный стол, он наконец развернул листок. Уставившись на него, он опустил голову на руки. Чек был на три тысячи долларов. Брат смог купить ему время. Утром он позвонит в «Мир упаковок» и скажет им, что они могут подавиться своей паршивой работой.

С ним связались из журнала «Тайм», и он провел несколько дней во встречах с руководством компании, которые произвели приятное впечатление на обе стороны. Правда, была одна проблема. Коммивояжер с Западного побережья, который в свое время объявил, что не хочет перебираться в Нью-Йорк, изменил свою точку зрения. И ему было отдано предпочтение.

Он прямо сходил с ума. У него на руках был ребенок, о котором надо было заботиться. Он чувствовал, что не справляется со своей главной задачей: он никак не может считать себя добытчиком.

Он пешком добирался до даунтауна, за тридцать кварталов, и пешком же шел обратно, что предельно изматывало его, но он экономил деньги на транспорте. Чарли дал ему один телефонный номер. «Она просто прекрасна. Фантастические зубы. Я ей делал коронки». — Он говорил, что у него нет денег, нет никаких ни к чему интересов и что у него нет сил начинать все сначала с кем-то, у кого придется узнавать что-ты-любишь и что-ты-нелюбишь.

Позвонил Джим О'Коннор и пустился в долгие объяснения, как он говорил с президентом компании и что они не хотят брать нового коммивояжера, который будет работать только на комиссионных, потому что они перестраивают систему выплат, и Тед отвел трубку от уха. Скорее бы он услышал окончательный отказ. Что угодно, но только побыстрее. Я не могу выносить это ожидание!

— Тем не менее, Тед, мы договорились. Так что ты будешь заниматься тем же самым: предлагать место для рекламы и плюс те подробности, в которых ты так хорошо разбираешься — например исследовательские работы, обучение сотрудников и все такое.

— Хорошо.

— И речь идет не только о комиссионных. Я даже не знаю, как будут называться эти обязанности. Распространение и управление? Помощник управляющего, можно сказать. Для начала двадцать четыре тысячи в год.

— И когда с этим будет решено?

— Уже все решено.

— Ну? И с кем же мне надо встретиться?

— Ни с кем.

— Брось, Джим!

— Будешь работать со мной.

— Джим...

— Ты же моя правая рука, Тед. Так ты хочешь?

— Да, хочу!

— Значит, договорились. Ты нанят. Тед, жду тебя в понедельник в половине десятого.

Повесив трубку, он буквально взлетел на воздух с

радостным воплем, как дирижер команды поддержки у футбольного поля. Билли выскочил из своей комнаты, в которой он строил завод из набора «Тинкер-Той».

— В чем дело, папа?

— Я получил работу, малыш! Твой старик перестает прохлаждаться!

— Вот и прекрасно, — спокойно сказал малыш. — Я же говорил тебе, что все получится.

— Конечно, говорил! — схватив Билли на руки, он стал подбрасывать его в воздух. — У твоего папы все наладилось! Да, вот так! И у нас будет все в по-ряд-ке!

И это никогда больше не повторится, сынок. Я не хочу когда-либо снова пережить такие времена.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Журнал «Мужская мода» был на подъеме, его публикации внушали понятие стиля; в нем было большое количество цветных иллюстраций. Компания была частью конгломерата с центром в Южной Америке, с большими вкладами в индустрию развлечений, и директорам компании был нужен журнал, который мог бы определить направление моды для преуспевающих мужчин. Тед трудился на презентациях, которые он помогал организовывать; при его содействии было заключено несколько многообещающих контрактов. Он с удовольствием освежал в памяти навыки, которые и помогли ему выдвинуться.

Он вернул брату его три тысячи долларов, вместе с подарком, который нашел в букинистической лавочке — изданием «Кто есть кто в бейсболе» 1944 года. «Так что же случилось с «коричневыми» из Сент-Луи ?» — приписал он в записке. Дойдя же до конечных приветов, он стал припоминать, как же он в прошлом подписывал послания к брату — «с наилучшими пожеланиями», «с симпатией», «до встречи»? На этот раз ему захотелось написать: «С любовью, Тед».

По рекомендации Тельмы, он определил Билли в лет-

ний лагерь. Ким была в нем прошлым летом, последним, когда Чарли и Тельма еще были вместе.

— В этом году Чарли не везет с доходами, - сказала она. — И я думаю, он был бы не против, если бы мы все лето сидели в квартире у кондиционера.

Как-то, использовав время ленча, Тед зашел на собрание родителей. Выяснилось, что тут сплошные мамы — он был тут единственным мужчиной. Присев среди женщин, он увидел будущих вожатых Билли, мальчика и девочку, которым было лет по четырнадцать. Тед все записал — на вещах Билли должны быть нашивки с его именем, запасные тапочки, смена одежды. Он чувствовал, что все присутствующие посматривают на него. Вы что, дамы, думаете, я вдовец? Муж, ничем не занятый, пока его жена на работе? Ручаюсь, вы никогда не догадаетесь, кто я такой. Старший вожатый описал, как будет проходить типичный день в лагере, и Тед занервничал. Безопасно ли будет детям купаться в бассейне? Не будет ли Билли одиноко весь день? Ему придется уезжать из города в автобусе с чужими людьми, куда-то далеко, куда можно добраться только на машине. А осенью Билли придется пойти в школу, в настоящую школу, где он попадет под опеку отдела образования, где будут общие собрания и где ему придется приносить присягу в верности. За него возьмутся *другие*. Его драгоценное сокровище попадет под власть других институтов, которые подгонят его под общий ранжир. По возвращении из лагеря Билли сразу же придется отправляться в школу, и Тед стал беспокоиться.

Утром, перед отправлением автобуса, Билли уже стеснялся поцеловать своего отца перед другими ребятами. Рукопожатие казалось ему гораздо более взрослым жестом, но Тед не был к нему готов. Он ограничился тем, что потрепал Билли по спине.

Но окружающий мир не позволил забыть о своем присутствии, что выразилось в тех вопросах, которые Билли стал задавать Теду:

— Папа, а где мама ?

— Твоя мама в Калифорнии.

— Она снова переженилась?

— Снова вышла замуж? Насколько я знаю, нет. Кто тебе говорил такие слова?

— Карла. Ее родители развелись, и мама переженилась.

— Да, так бывает. Порой человек выходит замуж за кого-то другого.

— А ты собираешься переженяться?

— Не знаю.

— Ты не собираешься переженяться с Филлис?

Филлис? Юрист. Он почти забыл ее.

— Нет, Билли.

— Папа?

— Да, Билли?

— А вы не собираетесь с мамой переженяться?

— Нет, Билли, папа с мамой никогда не переженятся.

Джим О'Коннор сказал Теду, что ему стоит взять двухнедельный отпуск и куда-нибудь уехать.

— Может быть.

— Тед, ты прямо переработался. Неужели у тебя нет никого в жизни, кто посоветовал бы тебе сбросить пары?

Он исключил из своих планов Файр-Айленд, чтобы не испытывать там нервную встряску. Он просмотрел объявления агентств путешествий и наборы специального снаряжения, предназначенного для двоих. Тед и был вдвоем — он и его тень. Во время путешествия Билли постоянно будет у него под присмотром, хотя Тед может попросить горничную посидеть с ребенком, если ему захочется кого-то подцепить в баре. Нет, на классный отдых он не тянул. Он для этого слишком устал. Период, когда он искал работу, вымотал его; сейчас он вкалывал не покладая рук и понимал, что если проведет время с Билли, удовлетворяя его типичные непрестанные требования и запросы, он так и не расслабится. Он решил взять две недели в августе, одну из которых проведет с Ральфом и его семьей во Флориде, где наконец все соберутся вместе, а потом он еще недельку побудет в Нью-Йорке. Пока Билли весь день будет проводить в лагере, ему удастся отдохнуть, вволю выспаться, походить по кино; он будет сидеть дома, лакомиться, не

вылезая из постели, шоколадным мороженым, смотря дневные киносеансы по телевизору, и вообще будет расслабляться.

По пути он сообщил Билли большую новость, о которой узнал от своей невестки.

— Билли, когда мы приедем во Флориду, то пойдем в Диснейленд.

У мальчика расширились глаза. Он видел рекламы Диснейленда по телевизору.

— Да, Вильям Крамер. И мы встретим там Микки Мауса.

В аэропорту их встречали Ральф с Сенди, Дора и Гарольд, которые обрушились на Билли с поцелуями, шоколадом и коробкой печений, вид которых привел бы в ужас других дедушку и бабушку. Рот его был набит сладостями, и он всем своим видом показывал, что в Форт Лодердейле ему нравится. План заключался в том, чтобы всем расположиться на ночь в ближайшем мотеле, а день провести у бассейна в комплексе, где жили Дора и Гарольд. Присмотревшись, он примкнул к племяннице и племяннику Теда. Сенди в свое время была участницей шоу в Чикаго, высокая, длинноногая и рыжеволосая женщина, при виде которой большинство пожилых людей, сидящих у бассейна, начинали испытывать опасные сердечные спазмы, когда она приходила сюда. Старшая девочка, Холли, тоже была высокой, с привлекательными чертами лица, и при всей ее застенчивости в ней уже чувствовалось обаяние юности. Молодой спасатель настолько влюбился в нее, что не заметил бы тонущего даже у своих ног. Другой их ребенок, Джеральд, которому минуло пятнадцать, был крепким долговязым неуклюжим подростком, который пулей вылетел из бассейна. Они приветствовали Теда воплем: — О, привет!

— Билли просто сказочно выглядит, — сказала Сенди. — А вот ты ужасно.

— Дай мне только время. Я еще не пробовал стряпню своей матушки. Тогда я буду выглядеть еще хуже.

— Стряпню? Я не собираюсь ею заниматься, — из-за плеча бросила Дора, продолжая болтать с соседками,

сидящими около бассейна. — Я не собираюсь готовить на всю ораву.

— Ральф приглашает всех на обед, — объявил Гарольд.

— Я не хочу, чтобы ты оплачивал мое пребывание здесь, — сказал Тед.

— Не обращай внимания. Я спишу все расходы.

— Каким образом?

— Элементарно.

Ральф подошел к одному из приятелей Доры и Гарольда, костлявому восьмидесятилетнему старичку в шезлонге.

— Мистер Шлоссер, я хотел бы спросить: не заинтересовала бы вас доставка спиртного из Чикаго?

— Вы шутите? Я не заинтересован даже, чтобы добраться до лавочки.

— Благодарю вас. А теперь, Тед, в дневнике появляется запись для отчета: «Обсуждал проблемы поставок напитков с С. Шлоссером во Флориде». Так что считай, у меня деловая поездка.

— У нашей семьи вообще своеобразное чувство юмора. — Он показал на родителей. — Оно не всегда бросается в глаза, но оно присутствует.

— Это мой Ральф, крупный поставщик напитков, — несколько позже оповестила Дора. — А это мой Тед, он продает мужскую одежду.

Билли играл на мелком месте в бассейне с игрушечной лодочкой, но когда другие ребята попрыгали в воду, подняв фонтаны брызг, он подбежал к Теду.

— Мы прямо не разлей вода, — сообщил Тед Сенди со смесью гордости и легкого раздражения.

На встрече по поводу окончания детского садики Тед поговорил с бывшей воспитательницей и она сказала, что, по ее мнению, он легко адаптируется к школе. «Похоже, что он совершенно нормальный ребенок». Он сконцентрировался на этом выражении «похоже». «Есть у него какие-то проблемы, которые бросились вам в глаза?» — «Нет, — сказала она. — А как насчет того, что он бывает излишне застенчив?» — «Все дети очень

разные. Некоторые родители сетуют, что их дети слишком агрессивные».

А теперь Билли сидел у него на коленях и уж агрессивность не была ему свойственна.

Уснул он только около трех часов ночи; рядом тихо посапывал Билли, жужжал кондиционер. К одиннадцати утра выяснилось, что Билли тоже может пулей улепетывать от него, прыгая в бассейн, когда Тед в игре пытался поймать его. Через полчаса таких развлечений, Тед так устал, что у него стали дрожать руки. Билли несколько раз поцапался из-за игрушек с другими детьми, и Теду с его опытом, почерпнутым в песочнице, пришлось вмешаться, предупреждая слезы и огорчения ребенка.

— Если ты считаешь, что это твои игрушки, так и дерись за них, — прикрикнул он на него.

— Ты не имеешь права кричать на меня, — в слезах запротестовал Билли.

Если в Нью-Йорке ему и удавалось решать проблемы с журналами, то во Флориде с игрушечными лодочками дела у него явно не шли. Сенди, наблюдавшая за этой сценой, попросила Холли отвести Билли на ближайшие качели.

— Передохни минут десять.

— Спасибо, Сенди.

— Мне не нравится, как ты выглядишь. Я переговорила с Ральфом, и мы думаем, что какое-то время ты должен побыть сам с собой. И малыш тоже. Порой дети и родители должны на какое-то время разлучаться.

— В тебе чувствуется сильное напряжение, — добавил Ральф.

— Вот что мы сделаем — и не возражай. Мы все отправимся в Диснейленд и возьмем с собой Билли. Ты можешь заниматься чем угодно. Оставайся здесь, отправляйся в Майами, остановись в гостинице. Ему будет отлично с нами. Все будет в порядке.

— Я не уверен. Дайте мне все обдумать.

Непроизвольно возникшая у него эрекция заставила его принять решение. Он был в плотных нейлоновых плавках, Билли ерзал у него на коленях, что и повлекло за собой возбуждение. Ситуация была достаточно неудобная и двусмысленная, и ему страстно захотелось хоть на какое-то время расслабиться. Пусть Билли посидит на коленях у Микки Мауса.

Когда Тед сообщил Билли, что тот отправится в Диснейленд с родственниками, а Тед пару дней побудет без него, ребенок посмотрел так, словно отец его предал.

— А я думал, что мы все время будем вместе.

— Мы и так почти все время вместе.

— Я не хочу ехать.

— В Диснейленд? В настоящий Диснейленд?

Искушение было слишком сильным. Он не мог ему противостоять. Все семейство расположилось в арендованном трейлере, чтобы двинуться в путь, и Дора прихватила с собой большой пакет с леденцами и тянучками для Билли.

— Не волнуйся! С ним все будет в порядке! — крикнула она. — Ешь печенья!

Билли грустно помахал из окна машины, и отец с сыном в первый раз расстались.

Они провели в Диснейленде три дня. Тед мог встретить их по возвращении, но у него, по договору с Сенди, было право заниматься собой весь конец недели. Он мог даже позволить себе не приезжать и всю следующую неделю, но это означало, что Билли все время будет на попечении его родителей, а он не хотел так долго оставлять его в стране печений и конфет. Гарольд был явно не доктором Споком. Когда Тед разбирался в одной из детских ссор из-за игрушек, Гарольд ему крикнул: «Скажи ему, пусть даст ему в брюхо. Это действует как надо. Научи ребенка, пусть бьет в солнечное сплетение». Но пока,Тед обрел свободу. Он с трудом вспоминал, когда он мог позволить себе такую безраздельную свободу. Он мог сам, *по своей воле* вызывать у себя эрекцию и спать до десяти часов утра. Он мог завести роман с вдовой Гратц, моложавой женщиной сорока с лишним лет; как он прикидывал, из всех дам, собиравшихся около бассейна, она была самой привлекательной, со стройной фигурой, если только не обращать внимание на нейлоновый парик у нее на голове. Он поймал себя на том,

что не спускает с нее глаз, но, конечно, если слух о его грешке дойдет до родителей, они устроят ему вечером допрос с пристрастием — «Так что ты сделал?» Тем не менее он был свободен в своих мыслях.

Он решил, что больше не будет проводить время в Форт Лодердейле и вообще в районе Майами. В Нью-Йорке ему доводилось видеть ряд объявлений о новых курортных отелях на западном берегу Флориды, например «Шелл», ничем не отличающийся от средиземноморских клубов — и за ту же цену. Место выглядело достаточно привлекательно и было в Сарасоте, в паре минут лёта отсюда. Вдову Гратц он решил оставить на попечение мистера Шлоссера. Позвонив в отель, он зарезервировал себе место на утро воскресенья. Отлет должен был состояться в ранние вечерние часы, и Тед оставил Форт Лодердейл с куда более легким сердцем, чем когда приехал сюда.

«Шелл» оказался современным строением на кромке пляжа. Оно состояло из примыкающих друг к другу номеров, нечто в стиле мотеля, обращенных фасадами к воде, с террасой под навесом для обедов, с баром и плавательным бассейном. Направившись в обеденный зал, где предполагалось перекусить «а ля фуршет», он тут же убедился, что «Шелл» только что вступил в строй и на две трети отель пуст. Люди, расположившиеся в номерах, похоже, были участниками съезда пилотов гражданской авиации, судя по их одинаковым мундирам. К восьми часам он занял место за столом, где уже сидело восемь человек — пять мужчин и три женщины, все пышущие здоровьем — по сравнению с которыми он явно не смотрелся.

Он выяснил, что «Шелл» был местом отдыха для авиалиний «Делта» и «Истерн», и его соседи по столу, походившие на летчиков, в самом деле были пилотами. Прибыли они сюда еще в среду и вели за столом свои профессиональные разговоры, в которых он не мог участвовать. Дискотека начинала работать в половине одиннадцатого вечера, и он не был уверен, что его не потянет ко сну в это время. Примостившись у бара со стаканчиком выпивки, он заметил тут представителей и других

демографических групп, среди которых была примерно дюжина обитателей Нью-Йорка: они заметно отличались от обладателей крылышек и прибыли сюда в поисках тепла. Он не хотел принимать участие в типичных нью-йоркских разговорах. И когда присутствующие, в основном, разбившись на пары, потянулись в дискотеку, он вернулся к себе в номер, решив спать до полудня. После пяти лет с Билли его внутренний будильник поднимал его ровно в 7.15 утра.

Позавтракав в пустом зале, Тед направился на пляж, щурясь от утреннего света. Диснейленд взял на себя роль сиделки для Билли. Сегодня никто не тащил Теда за руку. Никто у него ничего не требовал. Он мог отвечать только за себя. Он залез в воду и спокойно поплавал. Когда он вылез на берег, его охватило ощущение полной свободы и, подобно Джонни Вайсмюллеру в роли Тарзана, он издал радостный вопль, всполошивший птиц, которые никогда не видели фильмов с его участием; снявшись с близлежащих деревьев, они потянулись в сторону Майами.

Во время своего пребывания здесь он ни разу не вспомнил о Билли. Пару раз, когда разговор касался личных тем, он упомянул, что разведен. Ему не хотелось, чтобы кто-либо знал больше того, что сказано, — он не хотел ни дискуссий на эту тему, ни объяснений, ни упоминаний о Билли. Это касалось только его. Но Билли все равно присутствовал в его мыслях. Несколько раз он хотел позвонить, узнать, все ли с ним в порядке, поговорить с ним. Хотя он поборол искушение. Он оставил номер, по которому его можно найти. В случае необходимости его разыщут.

Несколько летчиков организовали игру в волейбол на пляже, и Тед со своей школой Файр-Айленда сразу же заслужил их уважение. Он был «Тед, приятель» для Билла, Рода и Дона и «Тедди, милый» для Мери-Джо, Бетти-Энн и Дори-Ли в смешанных играх. Дни не отличались один от другого. Он плавал и играл в волейбол, плавал и играл в волейбол. Ночи он проводил с Дори-Ли, приятной молодой женщиной двадцати четырех лет из Джексонвилля, которая никогда не бывала севернее Ва-

шингтона и работала стюардессой на линии Атланта—Майами. Они занимались любовью в его комнате, а потом она отправлялась к себе в номер, который делила с Бетти-Энн, и берегла свою репутацию. Потом он с трудом мог припомнить, о чем они с ней разговаривали. Скорее всего, ни о чем особенном какой хороший был день, как здорово они играли в волейбол, как тут вкусно кормят. О том, чем они занимались, ни Тед, ни Дори-Ли почти не говорили. Он не рассказывал ей о Билли. В субботу утром, когда ей надо было возвращаться на работу, она поблагодарила его за прекрасный отдых и он сказал ей слова благодарности за то же самое. Они обменялись телефонными номерами и пообещали созвониться, если окажутся в соответствующем городе, а может быть, им еще удастся провести вместе отпуск, окрашенный чем-то вроде романтики субтропиков.

В воскресенье и он вернулся в Форт Лодердейл. Выйдя из такси рядом с жилым комплексом, он сразу же направился к бассейну. Первой его увидела Сенди и помахала рукой. Билли выскочил из-за груды шезлонгов и кинулся к нему. Он бежал, размахивая руками и крича: «Папа! Папа!» всю долгую дорогу от бассейна и наконец он прыгнул отцу на руки. И пока мальчик торопливо рассказывал ему, как он пожимал руку Микки Маусу, а Тед нес его к другим ребятам, он понимал, что, несмотря на все его желание побыть одному, отдохнуть, освободиться от забот — несмотря на все это, он очень скучал по нему.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В классе, который ныне должен был стать его миром, было тридцать два ученика, среди которых были еще один Билли и две Саманты. В первый день, когда Тед с Билли пришел в школу, пространство перед ней было заполнено массой детей, которые прыгали, бегали и толкались. Родители, стоявшие вне этой толпы, пытались наводить порядок своими возгласами «Ну, ну, хватит», на которые, в основном, никто не обращал внимания. Билли с интересом озирался, и Тед повел его по ступенькам в 101-ю комнату, номер которой он почему-то помнил. Пробыв в ней несколько минут, он покинул класс.

— Тебя заберет миссис Валевска. До встречи, мой большой сын. — Билли вошел в отлаженную систему. Что бы Тед не думал, расставшись с ним, он ощущал определенное удовлетворение: он привел Билли, устроил его. И тот ничем не отличался от всех прочих детей. Никакой разницы.

Тельма осудила Теда за то, что его личная жизнь сошла на нет.

— Ты весь погружен в дела и заботы. Ты никуда не выходишь.

— У меня есть шесть телефонных номеров стюардесс с линии Атланта—Майами, и я положил глаз на одну из мам в классе Билли, которая выглядит, как Одри Хепберн в «Римских каникулах», и не носит обручального кольца.

— Ты ходишь по кругу. Это хорошо для ...

— Для чего, Тельма?

— Не знаю. Моя мать что-то такое говорила. Будем считать, что ходить по кругу тоже неплохо.

Как-то утром он позвонил матери Саманты Г. и осведомился, не найдется ли у нее время выпить чашечку кофе. Они зашли в соседнее кафе, где стали беседовать о детях; она сообщила ему, что разведена, но, так как она кое с кем встречается, может, их прислуги могли бы по очереди забирать детей, пусть они поиграют вместе. Так что его Одри Хепберн использовала встречу за кофе, чтобы договориться о времяпровождении своей дочери. Он все понял. У детей тоже должна быть своя личная и общественная жизнь.

Стараясь быть образцовым отцом, он вступил в родительский комитет. На классных собраниях Тед сидел на маленьком стульчике под надписью на дубовой доске: «Мы друзья на все времена». Учительницей Билли была миссис Пирс, молодая женщина, носившая индийское сари. Она вызывала у него давние фантазии о его собственных учительницах, от миссис Гаррет до миссис Бинсток, и ему захотелось потискать миссис Пирс в раздевалке, где идет пар от радиаторов и пахнет мокрой обувью.

В компании Теда стали циркулировать слухи. Совет директоров выразил неудовлетворение уровнем доходов, поступающих от журнальной индустрии Америки. Говорилось, что председатель совета директоров высказался, что, мол, через месяц они могут прекратить публикации. Тед был вне себя. Он снова может потерять работу. Он был глубоко поражен тем, насколько он беспомощен в том, что считает своим основным делом и как он не может зарабатывать на жизнь. Он работал много и успешно, но может опять оказаться на улице в результате ситуации, с которой он не в силах справиться.

Джим О'Коннор позвонил шефу в Каракас. На следующее утро пришла телеграмма, текст которой должен был быть распространен и среди работников компании и вне ее: в ней недвусмысленно говорилось, что компания не планирует прекращения публикаций. Тем не менее, рекламодатели были знакомы со слухами и несколько насторожились. Некоторые из них отозвали свои заказы. Обретя былую уверенность, что все будет в порядке, Тед и О'Коннор попытались вернуть доверие рекламодателей. Восстанавливая репутацию компании, Тед спасал и свою работу. Пока О'Коннор сидел на телефоне, Тед старался привлечь как можно больше рекламных объявлений: он писал оповещения о презентациях новых товаров, заставлял проводить исчерпывающее изучение рынка, писал обозрения новых изделий и даже принимал активное участие в выставках мужской моды с целью дать всем понять, что компания по-прежнему существует и занимается бизнесом. Три недели он вкалывал едва ли не круглые сутки, пока угрожающие слухи постепенно сошли на нет и компания заработала по-новому. Усилия Теда помогли избежать кризиса. Компания продолжала функционировать и пока у него была работа. То, что он делал, имело своим источником не стремление заработать деньги на жизнь. Он осознавал, что если он опять останется без работы, то его банковский счет не достигнет тысячи двухсот долларов. А в одной статье в «Нью-Йорк Таймс» приводились подсчеты, что воспитание и содержание до восемнадцати лет ребенка в Нью-Йорке стоит восемьдесят пять тысяч долларов. А ведь в них даже не учитывались расходы на прислугу.

Тем временем его друг Ларри процветал. Они с Эллен купили себе домик на Файр-Айленде.

— Как тебе удалось этого добиться, Ларри?

— Кручусь, как чертик на палочке, в конторе. Да и кроме того, не забывай, мы оба зарабатываем.

Два дохода, волшебная цифра. Он начал искать ко-

го-то, кто живет на свой собственный доход, скажем, дизайнера со студией. Вивиан Фрейзер была привлекательной женщиной тридцати одного года, умная и язвительная, получавшая, как он прикинул, около двадцати тысяч в год. Она, наверно, была бы глубоко разочарована, узнав, что, несмотря на все старания, которые она уделяла своему облику, по крайней мере, один человек рассматривает ее лишь с точки зрения платежеспособности.

Не давая ей понять о своих замыслах, он заводил с ней разговоры типа «интересно, а вы не пробовали себя представить в роли матери?». Его волновала мысль, что в силу определенных усилий в доме может воцариться эмоциональная стабильность и финансовая независимость. Но кого бы он ни привел в дом, рано или поздно она должна будет очутиться в его спальне, куда домашний сыщик тащит все свои дела — от требований сока до плохих снов, и у Теда не было уверенности, что оказавшаяся рядом с ним женщина сможет принять Билли с его «народцем», и он никак не мог отделаться от этих мыслей.

Как-то Билли и Вивиан мельком встретились вечером, и Тед спросил Билли: «Тебе нравится Вивиан?», понимая, что вопрос бессмыслен, ибо на самом деле он хотел бы услышать что-то вроде: «О, да, она прекрасная женщина. Я чувствую, что мы сможем найти с ней общий язык, и, знаешь ли, промышленные дизайнеры неплохо зарабатывают, что было бы нам весьма кстати, не говоря уж о ее эмоциональности, которую она внесет в дом».

— Ага, — сказал мальчик.

Ларри и Эллен пригласили Теда с Билли на Файр-Айленд посмотреть их новый дом и провести в нем уик-энд. Была приглашена еще одна пара с их десятилетней дочерью. Пока дети играли на пляже, взрослые пили шампанское. Тед позволил себе расслабиться, хотя не мог забыть своих намерений. Он бы тоже с удовольствием жил в такой роскоши в пляжном доме, куда его готова была бы каждый уик-энд унести машина; зимний отдых в теплом доме, которого, как и других излишеств, у него никогда не было... восемьдесят пять тысяч долларов, которые ему нужно выложить до восемнадцатилетнего возраста, — и никто, кроме него, не поможет ребенку встать на ноги. Если бы на веранде пляжного домика появилась в мешковатом свитере Добрая Фея из детских сказок Билли и спросила бы: «Что я могу для тебя сделать», — он бы сказал: «Через полгода я хочу окончательно встать на ноги».

В городе погода испортилась. На уик-энд даже высовываться за дверь не имело смысла, так что оставшимся в городе родителям оставалось полагаться лишь на свои внутренние ресурсы и посещение музеев. Тед решил проблему, пригласив в субботу домой трех друзей Билли — Ким и двух его одноклассников — на ленч, после чего днем они могли поиграть. Поскольку дети подружились, между их родителями, в свою очередь, установились приятельские отношения. Тед появлялся на сцене лишь в роли судьи, разбирая случаи их споров, а все остальное время проводил у себя в спальне за чтением, перебарывая искушение посмотреть, как Билли ведет себя с детьми. Похоже, что их устраивало общество друг друга. Надо предоставить их самим себе, и они прекрасно устроят игры с переодеваниями, в прятки и будут пугать друг друга рассказами о Пожирателе Детей. Он слышал, что они вроде цапались — но по-дружески. Через несколько часов они уже носились, играя, по всей квартире. Когда явились мамы забирать своих отпрысков, каждый из которых должен был обойтись в восемьдесят пять тысяч долларов к восемнадцати годам, он вручил их в целости и сохранности, очень довольных проведенным днем.

— Мы сделали фантастическую суперракету... — объявил из комнаты Билли, — ...и у нее есть секрет фантастической скорости!

Тед слышал, как они обсуждали конструкцию самолетика Билли, и, скорее всего, с научными целями разобрали одну из металлических игрушек.

— Летит! — Билли вырвался из комнаты, изображая самолет: он жужжал, подражая мотору, держа в руках раскуроченную игрушку. В дверях он споткнулся о порог и упал. Тед стоял в холле в нескольких футах от него

и увидел, как ребенок летит прямо на него, но в эту долю секунды не успел ничего сделать — Билли полетел лицом вниз на пол, ударившись о него локтем, отчего рука, державшая остатки металлической конструкции, взлетела кверху — и крик «Папа!», когда его резанул острый, как бритва, край металлической пластинки. Он врезался малышу в скулу, прорезав ее до линии волос, и кровь залила ему глаза и все лицо. Тед на мгновение оцепенел. Он смотрел, но ничего не видел.

— Папа, у меня кровь! — в голос заплакал Билли, но Тед уже был над ним, укачивая его, успокаивая и комкая в руках полотенце:

— Все в порядке, малыш, все в порядке, — повторял он, борясь с подступившей дурнотой, от которой сам мог потерять сознание. Лед, ему нужен лед на рану! Тед гладил Билли по голове, целовал его, вытирая кровь и полотенцем и льдом; его рубашка была залита кровью ребенка. Только не терять сознания и самообладания — он держал сына на руках, стараясь рассмотреть рану сквозь заливавшую ее кровь.

— Все уже кончается, Билли. С тобой все будет в порядке.

Кинувшись на улицу, он остановил такси и помчался в больницу, держа на руках всхлипывающего ребенка.

В приемном покое перед ними были подросток со сломанной рукой и женщина, которая упала на улице, но следующим возьмут Билли, сообщил Теду санитар, «потому что тут нужно хирургическое вмешательство». Хирургическое? Ведь кровотечение так быстро прекратилось и, может быть, подумал он, дела не так плохи. Они с Билли оказались в больнице, где практиковал его детский врач, и он попросил санитара позвонить и узнать, если тот на месте. Билли прекратил плакать, но настороженно следил за всеми окружающими, не ожидая от них ничего хорошего.

На рану пришлось наложить десять швов, которые легли параллельно скуле, сверху вниз. Хирург сделал повязку на голову и сказал Билли:

— Постарайся не стукаться головой о стенку, приятель. И пока не принимай душа, о'кей?

— О'кей, — ответил Билли тихим испуганным голосом.

По счастливой случайности, детский врач был в больнице и он спустился вниз. Он похвалил Билли за мужество, и Тед с малышом остановили его для короткого разговора.

— Вам повезло. Могло быть и хуже, — сказал педиатр.

— Вы думаете, что у него останется большой шрам? — шепотом спросил Тед.

— В любом случае, когда нарушается кожный покров, может остаться шрам, — сказал хирург.

— Понимаю.

— Я сделал все, что было в моих силах, но... да, может остаться шрам.

— Посмотрите на это с другой точки зрения, мистер Крамер, — сказал педиатр. — Мальчику крепко повезло. Дюйм в сторону — и он мог остаться без глаза.

Этим вечером Билли достался большой гамбургер..Тед за обедом налил себе двойной скотч. Они совершили нормальный ритуал отхода ко сну, отдав дань и чистке зубов, и чтению сказки на ночь; оба старались вести себя совершенно естественно, чтобы как-то заглушить неприятные воспоминания. Тед пораньше уложил его, и ребенок не протестовал, потому что тоже был предельно измотан.

«А ведь я стоял рядом с ним. Если бы только я успел подхватить его!»

Тед прошелся по дому, вытирая пятна крови. Найдя одежду Билли, которую он ранее отбросил в сторону, он швырнул ее в мусоропровод вместе со своей рубашкой и полотенцем. Он не мог даже глядеть на них. И когда в одиннадцать вечера он попытался посмотреть новости, перед ним опять всплыло все происшедшее; вскочив, Тед кинулся в туалет, где его вырвало только что выпитым скотчем.

Он долго не мог уснуть. В соседней комнате Билли мучился страшными снами, всхлипывая во сне. Подойдя к его кроватке, Тед сел рядом с ней на пол.

Только бы он жил. Только бы жил. Он повторял эти

слова про себя снова и снова, даже не вдумываясь в их смысл. Перед ним опять стали проплывать сцены падения — если бы он вышел чуть пораньше; если бы он увидел игрушку и понял, что Билли собирается с ней делать; если бы он был ближе к нему и успел бы подхватить; если бы у него был не такой день, измотавший его, он бы не замешкался...

Он сидел на полу, продолжая нести вахту, и вспоминал все происшедшее. Что он тут делает — рядом с этим ребенком, который стал неотъемлемой частью его? В самом начале, когда Джоанна только носила его, ему казалось, что ребенок не имеет к нему прямого отношения, а теперь он стал как бы частью, продолжением его нервов. Тед столь остро чувствовал боль малыша, что его тело содрогалось. Не был ли этот день поворотным пунктом, когда его жизнь могла решительно измениться? А что, если бы у него были и другие дети? Какими бы они были? Кем? Кем мог бы стать его ребенок? Должен ли он был заводить еще детей? Или жить без детей? А что, если бы он не пошел на вечеринку в тот пляжный домик? Если бы он не обратился к мужчине, который стоял рядом с Джоанной? Если бы он не позвонил ей, с кем бы он был сейчас? Вел бы он какой-то другой образ жизни? Лучше? Или жил бы так же, на лезвии бритвы? Был бы он более счастлив, если бы ничего не произошло из того, что ему досталось? Тогда не существовало бы Билли. Мальчик всхлипнул во сне и Теду захотелось взять малыша на руки и навеять ему добрые хорошие сны, что было не в его силах.

Ничто не могло сложиться по-иному или быть лучше, решил он. Все это не так просто. И этот несчастный случай... Билли, Билли, я подставил бы под тебя руки, если бы смог.

Взяв Билли из школы на несколько дней, Тед наконец дал Билли возможность выйти из дома. Свою белую повязку тот носил как символ мужества.

— У тебя десять швов? — с почтительным восхищением спросила Ким.

«Хорошо заживает», — объявил хирург. У мальчика

останется метка длиной в четыре дюйма с правой стороны лица; внешность его она не испортит, но шрам все же будет виден. Тед куда медленнее приходил в себя. У него из головы не выходила картина, как Билли падал. Время от времени она мелькала у него перед глазами, и он передергивался, чувствуя, как внутренности сжимает острая, как от удара ножа, спазма. Стараясь обрести освобождение от этих страданий, он специально рассказывал кое-кому об этой истории, подчеркивая ее удачный исход: «Потрясающе повезло. Он мог потерять глаз». Родителям он сообщит попозже.

Тед отправился в зоопарк с Чарли; дети катались на тележке, запряженной пони.

— Это как зубы, — сказал Чарли. — Человек обламывает себе резец и считает, что в нем для него сконцентрировался весь мир. Или ставит себе серебряную коронку на задние зубы и думает, что весь мир должен ее видеть.

— Шрам сильно бросается в глаза? Только честно, Чарли.

— Скорее всего, нет. Разве, что ты мне сказал...

— А я вижу его. Порой я его вижу даже с закрытыми глазами.

— Папа, а мальчик в школе сказал мне, что его брат рассказал ему, что у хоккеистов бывает и по двадцать шрамов.

— Хоккей порой бывает грубой игрой. Случается, что игроки получают ранения.

— Ты мне купишь хоккейную клюшку?

— Не уверен. Она для ребят постарше.

— Я не буду играть с ней на льду. Только дома.

— На поле Бум-Бум Крамер!

— Что ты хочешь сказать, папа?

— Бум-Бум Джофрион — был такой хоккеист. Когда ты подрастешь, у тебя будет хоккейная клюшка, если она тебе еще понадобится.

— Сколько должно исполниться лет, когда можно больше не спать с медвежонком и другими игрушками?

— Тут нет определенного возраста. Как только ты этого захочешь.

— Думаю, что я уже вырос. Попробую не спать с ними.

— Если ты этого хочешь...

— Ну, они останутся в моей комнате. Как живые статуи. И днем я по-прежнему буду с ними играть. Но во сне они будут сидеть на шкафу и смотреть на меня.

— Когда ты собираешься это сделать?

— Сегодня вечером.

— Сегодня?

Когда перед сном сын отложил в сторону медвежонка, отец испытал прилив чувств, больший, чем у малыша. На следующее утро Билли ходил гордый и счастливый: всю ночь он проспал без присмотра игрушек. Он благополучно миновал критическую точку. На полной скорости, без заминки. Он продолжал так же носиться. Но когда он бегал по дому или по игровой площадке, Тед не спускал с него глаз.

— Осторожнее, Билли, не так быстро. — Но эти слова не имели никакого смысла для сына. Билли уже забыл и падение, и как ему накладывали швы. Ему было пять лет и он продолжал расти.

Но воспоминание о его травме осталось в памяти у Теда. Он никогда не сможет забыть этот момент. Острый, как бритва, кусок металла распарывает личико ребенка. Кровь. И конец заблуждений, что его ребенок безукоризнен, что на его прекрасном личике никогда не будет никаких шрамов, тело его будет свободно от таких отметин. Его сын, которого он любил до глубины души, стал жертвой несчастья. Он может снова пострадать. Он может погибнуть. Тед Крамер мечтал, чтобы его сын жил в спокойном безопасном мире, который он, отец, будет полностью держать под контролем. Но ранение свело на нет его мечты. Такой контроль никогда не будет ему под силу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вернувшись в офис после встречи с клиентом, Тед Крамер получил телефонограмму. Звонила Джоанна Крамер. Она просила перезвонить ей и оставила городской номер телефона. В эту минуту весь его продуманный распорядок дня пошел к чертям.

— Это Тед.

— Привет, Тед. Как ты поживаешь? — тепло спросила она. — У тебя никак новая работа, не так ли?

— Да, новая работа. Откуда ты раздобыла номер телефона?

— От твоей экономки.

— Ты звонила домой?

— Если тебя это беспокоит, Билли я не потревожила. Я позвонила, когда он был в школе.

— Да, он ходит в школу.

— Я знаю.

— Джоанна, не можем ли мы перейти к делу? Я очень занят.

— Ну, я в Нью-Йорке и хотела бы обговорить с тобой кое-какие дела. Не думаю, чтобы о них можно было бы говорить по телефону. Можем ли мы встретиться и выпить?

— Что за дела?

— Когда я смогу тебя увидеть?

Он мог бы и дальше препираться с ней по телефону, тянуть время, отказываться от встречи, но, так как в момент ее звонка весь его день и так пошел наперекосяк, он сомневался, что может и дальше оставаться в неведении из-за причины, по которой она позвонила ему.

— Мне было бы удобнее всего сегодня.

— Отлично. Есть такое новое заведение... «Слэттери», на 44-й стрит...

— Знаю.

— Увидимся там в шесть часов, идет?

— Хорошо.

— Как приятно будет снова поговорить с тобой, Тед.

— Неужто? С чего бы?

Он сложил бумаги на своем столе, позвонил Этте и попросил ее побыть дома, после чего в пять часов ушел с работы. По пути, остановившись в баре, он пропустил порцию виски, готовясь к другой порции, которую ему предстояло разделить с Джоанной.

«Слэттери» оказался узким длинным баром с несколькими столиками в задней части. Он прошел вдоль стойки до самого конца зала, где за столиком его уже ждала Джоанна. На этот раз загара, который бросился ему в глаза во время их последней встречи, на ней не было. Она была в свитере и юбке и выглядела одной из тех трудящихся женщин, которые порой посещали этот бар, правда, была самой красивой женщиной из всех тут присутствующих.

— Здравствуй, Тед. Ты прекрасно выглядишь.

— Ты тоже.

Они заказали у официанта мартини с водкой, и Тед сел, позволив ей взять бразды правления. Похоже, она немного нервничала.

— Как твоя новая работа, Тед?

— Отлично.

— Это хорошо.

Он не сомневался, что ей было что-то нужно.

За соседний столик села другая пара.

— Со стороны мы смотримся, Джоанна, словно давние супруги, которые забежали пропустить рюмочку. Кто бы мог в этом сомневаться?

— Я предполагаю, ты хотел узнать, почему я тебе позвонила. — Она улыбнулась, но он ей не ответил, потому что от напряжения у него перехватило горло. — Тед, последние два месяца я обитаю в Нью-Йорке.

— В самом деле?

— У меня квартира на 33-й стрит Ист.

— Потрясающе. Ты здесь живешь?

Она замялась, крутя в руках бокал с напитком. Было ли это лишь вступлением? Не хочет ли она помириться с ним, подумал он. В прошлый раз ее это совершенно не интересовало, но с тех пор прошел почти год.

— Все меняется. Я теперь работаю в теннисном клубе «Гренд Сентрал». Что-то вроде спаринг-партнера по пятницам. И могу играть, когда корты свободны.

— Сдается мне, что все те неприятности, которые ты вывалила на головы многим людям, имели целью, чтобы у тебя были свободные корты.

— Предполагаю, что иначе ты думать не можешь. Как Билли?

— С ним все прекрасно... кроме разве... он упал... — Он испытал искушение все рассказать ей, облегчить душу. — И порезал себе лицо. У него шрам, Джоанна, отсюда и вот досюда.

— Ох!

— Ему повезло, могло быть и хуже.

Они оба замолчали, ощущая в этот момент такую близость, которой были лишены с момента их разрыва.

— Но на расстоянии этого не скажешь, Тед.

— Что?

— Я видела его.

— Видела его?

— Несколько раз я останавливала машину около школы и видела, как ты отводишь его.

— В самом деле?

— Он выглядит совсем большим мальчиком.

— И ты сидела в машине?

— Глядя на своего сына...

Она сказала это почти неслышно. Нотка одиночества, которой была пронизана эта сцена — Джоанна в машине по другую сторону улицы, — тронула Теда, но он покачал головой.

— Больше я ничего не могла себе позволить. Я все думала, старалась принять какое-то решение...

Значит, она в самом деле хочет пойти на примирение! Вот почему она старается быть такой расположенной к нему.

— Тед... я хочу вернуть Билли. Мы можем вдвоем продумать условия, при которых ты можешь видеть его по уик-эндам, но я хочу, чтобы он был на моем попечении.

— Ты хочешь его *вернуть?*

— Я обосновалась на постоянное жительство в Нью-Йорке. И я буду жить тут с ним. И было бы неправильно отделять вас друг от друга.

— Ты смеешься?

— Я хочу своего сына. Я не могу больше сидеть в машине, глядя на него через улицу.

— Нет, ты в самом деле шутишь.

— Нет, не шучу.

— Сколько сил я в него вложил! Сколько я пережил! А теперь ты хочешь его *вернуть!* — Он повысил голос.

— Мы можем обсуждать этот вопрос и в более спокойных тонах!

Люди уже начали посматривать на них.

— И когда наконец я все привел в порядок, наконец... теперь ты хочешь забрать его у меня?

— Я не лишаю тебя возможности видеться с ним. Ты по-прежнему будешь встречаться с мальчиком. По уик-эндам. Ты будешь видеть его, Тед. Ты его отец...

— А кто ты?

— Я его мать. Была и продолжаю оставаться ею. Я никогда от него не отказывалась. Как и ты!

— Джоанна, иди ты знаешь куда!

— Тед, я хочу быть с тобой совершенно откровенной. Есть и другие пути, которыми я могу добиться своего.

— Могу себе представить. Может, я скажу тебе не

самые приятные слова в мире, но уж какие есть. Пошла ты!

— Тед, есть суд. И у меня имеются законные права...

— Я даже не хочу обсуждать их. Они меня не интересуют. Меня интересует лишь, кто будет платить за выпивку?

— О чем ты говоришь?

— Кто оплатит счет? Я? Ты меня опять хочешь оставить в дураках? Ты пригласила меня сюда выпить с тобой — точнее, выслушать то, что *тебе* надо, — и я еще должен за это платить?

— Не имеет смысла, кто оплатит счет. Уплачу я.

— Да. Это точно. Платить будешь ты. Официант!

Официант стоял неподалеку, прислушиваясь к выразительной сцене, разыгрывавшейся за третьим столиком.

— Я хочу еще. Двойного!

— Да, сэр.

— Ты платишь. А я пью.

— Тед, ты просто вышел из себя...

— Что еще могу я себе позволить? Сандвич из бара? Ты мне его тоже купишь или ограничишься только выпивкой?

— Можешь брать все, что захочешь.

— Ты, прямо, кутила.

— Тед, все это я уже прошла. У меня было время подумать. Я сильно изменилась. И кое-что уяснила относительно самой себя.

— И что же ты уяснила? Мне было бы очень интересно это узнать.

— Ничего особенного.

— Только одно. Скажи мне только одно, и я готов платить — что *ты* уяснила.

— Что я никогда не должна была выходить за тебя замуж.

Она произнесла это мягко и спокойно, без желания оскорбить его, словно говоря, скорее, с собой, чем с ним. Он был настолько ошеломлен финалом, к которому пришли ее чувства, что его гнев моментально испарился. Появившийся официант поставил перед Тедом выпивку, на которую Тед тупо уставился.

— Впишите в счет дамы, — сказал он. — Она платит. — И после этих слов он, встав, вышел из бара, оставив ее сидеть на месте.

Вечером он несколько раз рявкал на Билли из-за сущих пустяков и отослал его в постель, не поддаваясь на его привычку тянуть время требованиями яблочного сока и из-за усталости отказавшись почитать ему сказку перед сном.

— Ты в плохом настроении.

— У меня был тяжелый день. И мне хочется, чтобы он кончился как можно скорее. Ты мне поможешь, если *сразу же* пойдешь в постельку.

Она хочет его забрать! В эти мгновения ему хотелось опять оказаться в баре, где он мог выплеснуть напиток ей в лицо.

Зазвонил телефон. Это была Вивиан, она интересовалась билетами на балет, который ей давно хотелось посетить, и в первый момент он не понял, ни кто звонит, ни о чем идет речь. Билетов достать ей не удалось, так что, может быть, сходим в кино? В кино, в балет, какая для него разница? Его совершенно не волновало, ни куда идти, ни чем заниматься в пятницу в восемь вечера.

— Прекрасно, кино — это просто прекрасно! Восхитительно!

— С тобой все в порядке?

— Я себя просто потрясающе чувствую.

— Что-то случилось?

— Ничего. Я поговорю с тобой позже, на неделе.

— В чем дело, Тед?

— Ни в чем.

— Нет, в самом деле...

— Моя бывшая жена обосновалась в Нью-Йорке и хочет взять моего сына.

— Ох...

Вивиан, скорее всего, вполне устроили бы его слова «мне чтото нездоровится, простыл» или даже «у меня кое-кто есть», но такое известие она не предполагала услышать.

— И что ты собираешься делать?

— Я еще толком не знаю.

— Могу ли чем-то я тебе помочь?

— Да, ты можешь ее убить для меня.

Подойдя к бару, он взял из него бутылку коньяка и бокал. Подержав его в руке, он вдруг изо всех сил швырнул его в стенку гостиной; осколки рассыпались по всей комнате. Никогда раньше он не позволял себе ничего подобного. На пару секунд ему полегчало. Но не до конца. Прежде чем пойти спать, он тщательно собрал осколки, что позволило ему чем-то занять себя.

На следующее утро Джоанна позвонила ему в офис, но он не стал снимать трубку. Она позвонила попозже, днем, и снова он не отозвался. Она оставила для него записку у секретарши: «Передайте мистеру Крамеру, что это ничего не даст». Джоанна говорила, что имеется суд и что у нее есть законные права. Он понял, что не обращать внимания на ее звонки — это не самая лучшая позиция при сегодняшней раскладке.

Он встретился со своим юристом, Джоном Шонесси. Юрист записал то, что он счел существенными фактами, и проверил некоторые даты — как долго она не посещала дом, как давно она в Нью-Йорке.

— Она сделала скрытую передачу, — сказал он, верный футбольной терминологии. Затем он захотел точно узнать, что Джоанна говорила Теду, и записал все ее слова себе в блокнот.

— О'кей, Тед, так что же ты собираешься делать?

— Какие возможности предоставляет нам закон?

— Ты говоришь, как юрист. Но закон — это не свод жестких правил. Все зависит от того, что *тебе* надо. Ты хочешь жить с ребенком, продолжая свой образ жизни? Ты хочешь расстаться с ним и изменить образ жизни?

— По твоему голосу мне кажется, что ты уже составил себе мнение.

— Отнюдь. Пока ты на коне. Но ты должен четко себе представлять, что тебя ждет, если ты решишь вступить в игру.

— Я хочу иметь при себе своего сына. Я не хочу отдавать ей его.

— Вот это уже ответ.

— Она не имеет на него никаких прав.

— Тед, а это не ответ. Ты понимаешь, что она права? Есть соответствующая судебная процедура, и пока мать Билли, надо признать, действует со знанием дела.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что я вижу тактику ее плана игры. Я предполагаю, что предварительно она кое с кем посоветовалась. Пока она не сделала ни одной неверной передачи, она не пыталась обвести тебя. Она приехала сюда, обзавелась квартирой в твоем же родном штате. Она сказала, что не собирается лишать тебя возможности видеть ребенка. Все это точно рассчитано.

— Так что мне делать, если она снова позвонит?

— Скажи ей, что тебе нужно еще немного времени. Скорее всего, она не пойдет в суд, пока не будет вынуждена.

— Ну, я не собираюсь...

— Тед, обеспечь себе какое-то время. Я же пока займусь тем, что может оказаться весьма полезным в таких сложных делах. Я взвешиваю все «за» и «против» по делу. В сущности, я даже записываю их и тщательно взвешиваю. Ты должен сделать то же самое.

— Я знаю, что мне надо.

— Сделай мне такое одолжение: составь список всех «про» и «контра». И после этого, если ты по-прежнему будешь уверен, что хочешь заниматься ребенком, и я смогу в этом убедиться, как и ты, мы соберемся и подумаем, как надрать им задницы.

Хотя он и доверял Шонесси, Тед все же решил окончательно убедиться, что он собой представляет. Джим О'Коннор как-то говорил Теду, что у него есть родственник в суде, и Тед попросил порасспрашивать у него, какой репутацией пользуется Шонесси. Звонки от Джоанны по-прежнему оставались безответными. Наконец он связался с ней и сказал, что ему нужно время, чтобы оценить «ее предложение»; он тщательно выбирал слова, не будучи уверенным, что она не записывает все его слова, которые потом попадут к *ее* адвокату. Джоанна осведомилась, может ли она увидеться с Билли.

— Нет, Джоанна. Сегодня такая встреча может повлечь за собой множество проблем. Мне бы не хотелось.

— Восхитительно! Может, мне стоит обратиться в суд, чтобы мне было позволено купить своему сыну «хот-дог»?

— Послушай, робкая овечка, не я создал такую ситуацию — она дело твоих рук. Кстати, как получилось, что ты по-прежнему носишь фамилию Крамер?

— Просто мне нравится, как она звучит. Поэтому я ее и оставила.

— В присутствии духа тебе не откажешь.

Он повесил трубку, закончив разговор на этой едкой нотке. Значит, мысль о возможном примирении пришла в голову только ему одному. О'Коннор выяснил, что в среде юристов, специализирующихся по семейным делам, Джон Шонесси пользуется высокой репутацией. Тед, покончив с проблемой юриста, сделал попытку обратить внимание на остальные аспекты своей жизни — заниматься делами, быть отцом, любовником, но у него как-то все валилось из рук. Встретившись с Вивиан, он отказался обсуждать вопрос о положении с Билли, хотя она предложила ему облегчить душу. «Только не сегодня вечером, — сказал он. — И так слишком много передумал...» Они пошли в кино, на какую-то комедию, которую он воспринял с мрачной серьезностью, словно картину Ингмара Бергмана. Потом в ее квартирке, чтобы заняться с ней любовью, ему пришлось искусственно взвинчивать себя.

Следующей ночью у себя дома он проснулся, как от толчка, весь в поту. Вскочив, он пошел в комнату Билли. Мальчик крепко спал; в первый раз в жизни Билли Тед разбудил его.

— Билли, Билли, — бормотал он, укачивая его. Ребенок посмотрел на него сонными глазами. — Я люблю тебя, Билли.

— Я тоже люблю тебя, папа. Спокойной ночи. — Повернувшись, мальчик вернулся в сон, из которого на

деле так и не вынырнул и о котором утром ничего не будет помнить.

— Спокойной ночи, Билли.

Чарли пригласил Теда на встречу с его новой «приятельницей», как он назвал ее. В воскресенье днем он устраивал прием с коктейлями и хотел, чтобы Тед появился на нем. Он был не в том настроении, чтобы вкушать привычный набор Чарли — колбасу по-болонски с печеньями от «Ритца», но отвлечься ему было больше нечем. Билли днем пошел в гости к своему приятелю, и Тед решил отправиться к Чарли, зная, что вокруг будет столько стоматологов — приятелей хозяина, что если у него в зубах застрянет кусок колбасы, то он тут же получит кучу квалифицированных советов.

Чарли встретил его в классическом наряде холостяка — блейзере свободного покроя, с шарфиком на шее. Он провел Теда мимо своих дантистов, которые пытались танцевать медленный фокстрот с молодыми женщинами, совершая ритуал обольщения, который был явно неуместен в воскресенье днем в жарком помещении. У стойки, за которой расположился Чарли с бокалом белого вина, ливерной колбасой и набором печенья от «Ритца», он представил его высокой темпераментной женщине:

— Это моя приятельница. Сандра Бентли — Тед Крамер.

— Чарли рассказывал мне о вас, Тед. Как здорово вы играете с детьми на площадке.

— Это уж точно. Король качелей.

Он попытался выдавить из себя улыбку — старина Чарли обязательно найдет какую-нибудь потрясающую женщину, зная, что она произведет на него впечатление. Извинившись, Чарли побежал открывать двери, в которые кто-то позвонил, и Сандра словно прочитала его мысли:

— Он не очень умен, наш Чарли. Но он предельно искрен.

— Да, он такой. Он хороший человек.

Женщина казалась очень юной; вокруг кишели зубные врачи, и он не испытывал никакого желания что-то

узнавать об отношениях Чарли с Сандрой, например о выполнении Чарли ее очень сложной и дорогостоящей работы, что говорило о его циничной подозрительности. Извинившись, он удалился в ванную комнату и там, не зная, чем заняться, вымыл лицо. Выйдя оттуда, он прислонился к стене, наблюдая за парами, которые танцевали в середине дня «Пчелку рано поутру». Женщина с сексуальной внешностью, в простой рубашке и джинсах, лет под тридцать, что делало ее едва ли не самой старой среди присутствующих, остановилась рядом с Тедом.

— К какой части этого семейства вы принадлежите? — спросила она.

Ба-ба-ба. Типичные разговоры на таких сборищах. Стоит ему только вступить в беседу, и потянется нескончаемая череда пустых реплик.

— Я отец его дворецкого.

Ответ, конечно глупый, но женщина все равно рассмеялась.

— Вы тоже стоматолог? — спросила она.

— Нет, я пациент.

Снова смех.

Сандра подцепила Чарли под руку и что-то доверительно нашептывала ему в ухо. Может быть, она в самом деле увлечена им. Во всяком случае, к услугам Чарли были все Сандры этого города, он мог вставлять им зубы бесплатно или за деньги, он мог устраивать такие приемы. Тед никогда не устраивал по воскресеньям коктейли, ибо они не доставляли ему никакого удовольствия, и не потому что они ему не нравились, но он должен был бы ориентироваться на интересы своего сына. Примерно через час, который он может посвятить самому себе, он должен позвонить ему. Тед начал мучиться раздвоением личности. Он страдал от необходимости пребывания тут и от того, что ему придется скоро уходить.

— Я говорю, что вы за пациент — зубной или головной?

— Зубной или головной? Неплохо. В сущности, я продаю место под рекламу. Послушайте, в моем распо-

ряжении всего только час. Сомневаюсь, чтобы мы до чего-нибудь договорились за час.

— Но что должно случиться? Вы что, наркоман? Или надо прогуливать собачку?

— Вы очень симпатичная особа, но я должен идти.

Попрощавшись с Сандрой и Чарли, он пошел звонить Билли. Он сомневался, что его привязанность к сыну носит более сильный характер, чем у любого отца-одиночки, во всяком случае больше, чем у Тельмы. Но, конечно же, она была сильнее, чем у любого из его знакомых, потому что все разведенные отцы, которых ему доводилось встречать, оставляли детей матерям. Когда он привел Билли домой, мальчик был просто в эмоциональном ступоре от усталости и внезапного похолодания на улице; за обедом он съел только пирожок.

— Больше ничего не хочу. Его делают из яиц. Я видел по телевизору. — Затем он стал плакать, потому что три дня тому назад потерял какую-то детальку от Бэтмэна и, наконец, перед сном раскашлялся от лекарства, обрызгав свою пижамку. Тед так и не мог решить вопрос, стоит ли включать в программу борьбы за своего сына составление списка всех «за» и «против», но поскольку его адвокат был убежден, что такой подход поможет внести ясность в положение дел, он, взяв листик и ручку, решил посмотреть, куда его может завести такой список.

«Потеря свободы» была первой причиной, по которой он мог бы не оставлять у себя Билли. Вокруг него веселились тысячи разведенных мужчин — взять, например, Чарли, который лишь в конце недели страстно ждал часов встречи с ребенком, — мужчин, которые могли приходить с работы в любое время и спать в любой постели, которая им приглянулась.

«Сон», к проблеме которого он отнесся без большой серьезности, был следующей строчкой. Без Билли он сможет проститься с полной, безраздельной занятостью, спать по воскресеньям до девяти часов, может быть, даже до половины десятого.

«Деньги». Без сомнения, придется их давать Джоанне на содержание ребенка. Но, скорее всего, он еще оспорит, должен ли содержать ее домработницу. Но он прикинул, что в любом случае ему придется выкладывать меньше, чем сегодня, когда он единственный добытчик.

«Личная жизнь». Она у него никак не складывалась, и в глубине души он понимал, что не может винить в этом Билли. Тед понимал, что ему самому не просто устанавливать отношения с людьми. Но не меньше трудностей доставляет и необходимость постоянно присутствовать при Билли.

«Эмоциональная независимость». Они с Тельмой обсуждали эту проблему — как одинокие родители используют своих детей в качестве объяснения, почему они теряют способность общаться легко и раскованно. Конечно, в какой-то мере она присутствует, хотя бы потому, что живешь по соседству с другими людьми.

«Польза для Билли». Он может быть со своей матерью, как и большинство детей из неполных семей. Когда он подрастет, ему не придется ничего объяснять. Он будет жить подобно большинству детей. Ребенку нужна мать, сказала Гарриет, и мать Билли ждет его звонка.

Когда же он приступил к перечислению причин, по которым должен оставить у себя Билли, поток мыслей заметно иссяк.

«С точки зрения профессии», — стал писать он для начала. Тед не сомневался, что заботы о Билли повышают у него уровень чувства ответственности, что способствует успешной работе.

Он попытался придумать что-то еще и не смог. Ему ничего не приходило в голову. Он не мог сформулировать больше ни одной идеи, по которой Билли должен оставаться у него. Ну ни одной. Ничего толкового. Одни эмоции. Часы, которые они проводили вместе, долгие утомительные часы полной близости, которые они проводили бок о бок. Как он пытался привести в порядок их совместную жизнь после ухода Джоанны. Как они вдвоем преодолевали все сложности. Разные смешные случаи. Трудности. Его рана. Болезни и пиццы. Та часть его жизни, которая по-своему была отдана только этому мальчику.

И теперь он *часть* моей жизни. И я люблю его.

Взяв лист, Тед скомкал его. И тут он начал плакать. Он так давно не знал, что такое слезы, что они изумили его. Он забыл, что это такое. Но он не мог остановиться.

Я не отдам тебя... я не отдам тебя... я не отдам тебя...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Адвокат попросил Теда припомнить тех, кто мог бы в суде засвидетельствовать его порядочность и подтвердить, что он прекрасно справляется с ролью отца. Он сообщил Джоанне о своем решении, и теперь оставалось только ждать, рискнет ли она в самом деле обратиться в суд, чтобы получить права на ребенка. Он испытал искушение взять его и скрыться. Не вступать в конфликт, и пусть она ищет их, а они с Билли где-то будут вести на природе самую простую жизнь. Но у него не было на примете природы, на которую он хотел бы вернуться, если не считать Сент-Джеймс-парк в Бронксе. Слишком глубоки были его городские корни. Они не смогут жить в черничнике.

Он позвонил ей в теннисный клуб в «Гранд-Сентрал».

— Джоанна, ты можешь говорить?

— Да.

— Я принял решение, Джоанна. Я не собираюсь ни сейчас, ни в будущем, ни в этой, ни в какой другой жизни дать тебе возможность забрать Билли. И ты не сможешь переубедить меня ни словами, ни поступками. Я не отдам его тебе.

— Тед...

— Мы говорим на разных языках. Но, надеюсь, я выразился достаточно ясно.

— Тед, меня нельзя было считать плохой матерью. Просто я не могла больше выносить такую жизнь. И я знаю, что теперь мне многое под силу.

— И просто предоставила нам возможность подождать, пока ты это осознаешь? Ну, ты и штучка. Ты порхаешь туда и сюда...

— Я в Нью-Йорке. И я тут обосновалась.

— Чтобы произвести лучшее впечатление во время слушания? Джоанна, ты хочешь быть матерью? Так будь ею. Выходи замуж, заводи детей. Можешь даже не выходить замуж и иметь детей. Словом, делай, что хочешь. Только оставь меня в покое. И оставь в покое моего ребенка.

— Я дала ему жизнь. Он и мой ребенок.

— Ты предпочла забыть об этом, насколько мне помнится.

— Я даже дала ему имя! Билли — это имя придумано *мной*. Ты хотел назвать его Питер или как-то еще.

— Это было сто лет назад.

— Ты по-прежнему будешь видеться с ним.

— Да. Каждую ночь во сне. Передай своему адвокату, что я сказал.

— Что я должна ему сказать? Что мы увидимся с тобой в суде?

— Это зависит от тебя. И вот что я тебе скажу. Если ты пойдешь в суд, то проиграешь дело. Ты не одолеешь меня, Джоанна.

Он надеялся, что она отступится от своего замысла, если увидит, какой он преисполнен решимости. Один раз она привела его в растерянность, когда ушла от него. Теперь он надеялся, что она снова оставит его.

Если после этого нелегкого разговора Тед Крамер надеялся получить компенсацию в виде послушного вежливого ребенка, то, уговаривая его пойти спать, он услышал от него только: «Папа, да перестань!» Но потом Билли выскочил из своей спальни и, не в виде извинения, а просто как часть незавершенных дневных процедур, поцеловал отца в щеку, сказав: «Я забыл поцеловать тебя на ночь. То есть, ты поцеловал меня, а я тебя нет», — и направился обратно к себе, оставив растроганного Теда, который представил себе, что так он будет вести себя до подросткового возраста, а он будет ждать его поцелуев; ему оставалось лишь надеяться, что его слова оказали на Джоанну воздействие или же она передумала, представив себе, как отчужденно от нее будет держаться ребенок в зале суда.

— Я могу потерять эту чертову работу? Провалиться мне на месте!

— Прости, Тед, — сказал О'Коннор. — Это я тебя сюда притащил.

Сотрудники компании ломали себе головы, что случилось. Тед не участвовал в обсуждениях — он знал, в чем дело. Совет директоров компании решил сократить расходы, не считаясь с последствиями.

— Я серьезно подумываю, не уйти ли мне на пенсию, Тед. Но обещаю тебе — я из кожи вон вылезу, чтобы обеспечить тебя работой, а потом только буду думать о себе.

— Спасибо, Джим. Но мне надо найти себе работу в ближайшие сорок восемь часов.

— Черт побери, как ты с этим справишься?

— Не знаю.

Часть наиболее мстительных сотрудников компании, разгневавшись, что им придется оказаться на улице как раз перед Рождеством, стала уволакивать из компании все, что попадало им под руку — скрепки, копирку, пишущие машинки. Тед просто бросил свое рабочее место, даже не приведя в порядок бумаги. Закончив разговор с О'Коннором, он кое с кем попрощался и сразу же покинул контору.

— Счастливого Рождества, — пожелал ему на выходе из здания грузный Санта Клаус с колокольчиком.

— Чушь! — ответил Тед. — Хотел бы я в это верить!

Молодой человек в отделе кадров вполне мог принять его за сумасшедшего, с такой лихорадочной поспешно-

стью человек, сидевший на складном стуле у мимеографа, царапал пером по бумаге.

— Мне нужно, чтобы все было готово через час!

— Сэр, текст надо перепечатать и только потом...

— Через час! Плачу втройне!

Ожидая, пока будут готовы копии его послужного списка, он сел за телефон, договариваясь о встречах с агентствами, предлагающими работу.

— Скажите ему, что мы должны с ним увидеться не позже трех часов или же я займусь другими делами.

— Ну, вы их гоните!

— Гоню, гоню.

Тед потерял работу в самое неподходящее время года — деловая активность в предвкушении дней отдыха сошла почти на нет, да и вообще в это время люди старались не менять работу. Всю оставшуюся часть дня, нося с собой копии своих бумаг, он ходил из одного агентства в другое и на такси примчался в отдел объявлений «Нью-Йорк Таймс» просмотреть все подходящие предложения за предшествующие несколько недель. На следующее утро он вылетел из дома уже в половине девятого; нервно переминаясь с ноги на ногу, он пережидал, когда поезд подземки замедлял ход на поворотах, и через две ступеньки бежал на лестнице экскалатора, чтобы первым оказаться у дверей агентства, откуда он должен был бежать в другое, чтобы и там тоже оказаться в числе первых. Он бегал, он звонил, он оставлял свои документы. Он должен получить работу. И *поскорее*. Он не замедлял своего стремительного передвижения, чтобы не дать себе возможности осознать, как он напуган.

За те первые двадцать четыре из сорока восьми часов, которые он в маниакальной уверенности в успехе отвел себе, Тед выяснил, что в его области деятельности предоставляются пока только две возможности: в «Мире упаковок», у того елейного издателя, что представлялось ему весьма сомнительным, разве что он успел кого-то уволить и в журнале «Макколл», где уже два месяца пустовало место. Что-то там было не так, не сомневался Тед. Может быть, серьезно они и не собираются никого

брать. Он стоял в будке таксофона, переминаясь с ноги на ногу, и щеку его подергивал нервный тик, которым он обзавелся к сорока годам.

— Джон, пока она так и не дала о себе знать.

— Может быть, ты убедил ее бросить это дело, — предположил Шонесси.

— Наверно, я должен сказать, что у меня несколько изменилась ситуация. Я потерял работу. Исчезло все наше хозяйство.

Наступила долгая пауза, слишком долгая для Теда.

— Ладно, все в порядке. С этим мы как-нибудь справимся. Когда мы выйдем на слушание, у тебя с финансами будет все в порядке. Держу пари. Во всяком случае, ты сможешь расплатиться, Тед.

— Во сколько мне может обойтись вся эта история?

— Она стоит денег, Тед. Зависит от того, сколько продлится слушание, если мы примем в нем участие. Округленно, скажем, около пяти тысяч.

Джоанна, когда ты перестанешь терзать меня?!

— Если ты проиграешь, может быть, тебе придется оплатить и ее судебные издержки, но давай не будем об этом думать.

— Иисусе! Джон...

— Что я могу тебе еще сказать? Столько это стоит.

— Ну хорошо, а что ты думаешь о том, что я потерял работу? Это явно не в мою пользу. Хочу воспитывать ребенка и даже не имею работы.

Наступила еще одна длинная пауза.

— Было бы куда лучше, если бы у тебя появилась работа. У тебя есть какие-нибудь перспективы?

— Этим я и занимаюсь. Спасибо, Джон, за беседу, — бросил он, вылетая из будки.

Отсюда он прямиком направился в очередное агентство и... остановился. Он уже тут был. Тяжело дыша и переминаясь с ноги на ногу, он стоял на углу Мэдисон авеню и 45-й стрит.

По его настоянию агентство договорилось для него о встрече у «Маккола» в четыре часа дня. Заведующий от-

делом рекламы был человек лет под пятьдесят, который не скрывал, что весь полон предвкушения предстоящего праздника. Его внешний вид выражал нескрываемое желание поскорее покончить с этим собеседованием. Тед выложился перед ним до конца. Он выдал собеседнику свой опыт работы в других изданиях, он сыпал фактами и данными о состоянии рынка, демографии, преимуществах визуальной рекламы по сравнению с другими средствами массовой информации и, выложив грядущие перспективы, он вывел собеседника из равновесия, спросив, с кем еще ему надо было бы встретиться и могут ли они тут же покончить со всеми формальностями?

— Наш директор по рекламе. Но он собирается уезжать из города.

— Прошу вас, можете ли вы притащить его сюда? Или мы можем как-то иначе повидаться с ним?

— Вы несколько опережаете события, мистер Крамер.

— Видите ли, мне очень нужно это место.

Человек внимательно пригляделся к Теду, а потом покинул помещение, захватив с собой его документы. Через десять минут он вернулся с другим спутником, которому было пятьдесят с лишним. Обменявшись с ним рукопожатием, директор отдела рекламы откинулся в своем кресле:

— Значит, личность вы весьма энергичная?

— Может быть, вы еще раз изложите свои идеи? — спросил его хозяин кабинета.

Тед вторично постарался представить себя в самом лучшем свете, на этот раз уделяя большее внимание стоимости своих способностей.

— Насколько я понимаю, вы платите от двухсот пятидесяти до двухсот шестидесяти. Я думаю, что человека с моим опытом больше устроила бы последняя цифра.

— Двести пятьдесят, — отрезал директор.

— О'кей. И вот что я вам скажу, чтобы закончить разговор. Я берусь работать за двести сорок пять долларов в неделю — значительно меньше, чем вы могли бы мне платить. Но только с одним условием — вы дадите согласие тут же, на месте. Ни завтра, ни на следующей неделе, ни, тем более, после рождественских каникул.

Мне настолько важно тут же услышать ваше «да», что я иду на серьезные финансовые потери. Но я планирую возместить убытки за счет комиссионных.

— С вами трудно торговаться, мистер Крамер, — сказал директор.

— Только сегодня. Это разовая сделка. Двести сорок пять.

— Надеюсь, вы нас извините? — сказал директор, давая Теду понять, что просит его подождать в приемной.

«Ну, дерьмо! Я явно рехнулся. Чего я этим добился? Должно быть, я в полной дыре. Я там и сижу».

Когда они попросили Теда вернуться, директор по рекламе как раз проглядывал бумаги Теда.

— Мы хотели бы проверить пару ваших данных, — сказал он.

— Валяйте. Прошу вас.

— Но я не сомневаюсь, что они подтвердятся.

— Еще бы.

— Так что добро пожаловать, мистер Крамер, — сказал директор. — На двести сорок пять долларов.

Я вытянул из них слово! Боже милостивый!

— Ну что же, джентльмены, я буду счастлив работать с вами.

Он помчался по улице в ту сторону, где было расположено здание конторы «Мужских мод». Санта Клаус продолжал пребывать на своем посту, все так же позвякивая колокольчиком. Тед сунул ему пятидолларовую бумажку и в восторге так стиснул ему руку, что Санта Клаус крякнул.

Деловая активность у «Маккола» в эти дни сошла почти на нет, что дало Теду возможность без труда освоиться в новой конторе. Его ноги перестали производить суетливые движения. Он был увлечен организацией распорядка дня и сразу же после Нового Года, обзвонил всех потенциальных рекламодателей. Он столь стремительно обзавелся новой работой, что выходное пособие осталось нетронутым: деньги, предназначенные для любого возможного исхода слушания дела, по-прежнему были в

его распоряжении. Но он все так же не имел известий от Джоанны.

Телефон зазвонил в десять вечера.

— Мистер Крамер, говорит Рон Уиллис. Я друг Джоанны.

— Ну и?

— Я думаю, что могу помочь вам выйти из тупика.

— Мне не кажется, что я в тупике.

— Я считаю, что, если мы с вами встретимся, я смогу прояснить некоторые детали.

— Вы адвокат Джоанны?

— В сущности, я, скорее, поверенный в делах. Но я не адвокат Джоанны.

— Так кто же вы?

— Просто я ее приятель. Думаю, что, если мы встретимся, я мог бы помочь и вам и Джоанне выйти из этого неудобного положения.

— Итак, некто хочет помочь мне избавиться от неудобного положения. Предполагаю, что это не очередной ход?

— Поверьте мне, это не так.

— Почему я должен вам верить?

— Джоанна даже не просила меня звонить вам.

— И она даже ничего не знает, не так ли?

— Она знает. Но это была моя идея.

Ему было не столько интересно встретить «приятеля» Джоанны, сколько он хотел узнать, что планирует другая сторона.

— Хорошо, мистер Уиллис. Встречайте меня у «Мартелля» на углу 83-й и Третьей авеню, в пятницу, в восемь часов. Пропустим по паре пива и поболтаем.

— Очень хорошо, мистер Крамер.

— Просто восхитительно, не так ли?

Джон Шонесси не возражал против встречи с третьей стороной, так как может появиться дополнительная информация, но предостерегал относительно посещения бара и выпивки. Предпочтительнее было бы пойти в достаточно многолюдное кафе и взять там по чашечке кофе — или же вежливо переговорить перед работой Теда. Дело в том, что он не должен позволить себе никаких

оплошностей, никаких историй — может возникнуть спор, драка, к нему пристанут с предложениями гомосексуалисты и он окажется в полиции. Шонесси извинился за свои опасения, но хотел бы подчеркнуть, что такая тактика достаточно хорошо известна, и судья без особой симпатии воспримет характеристику ответчика.

На следующее утро Тед буквально не поверил своим ушам, услышав слова Билли. Неужели ребенок стал ясновидцем? Он был очень осторожен в разговорах дома и позволял себе обсуждать ситуацию по телефону только тогда, когда Билли засыпал. Дожидаясь зеленого света на перекрестке, он ни с того, ни с сего спросил:

— Когда я снова увижу маму?

— Не могу тебе точно сказать.

— Я хотел бы увидеть маму.

— Понимаю тебя, Билли.

Дальше они шли в молчании. Оказавшись рядом со школой, мальчик поднял лицо к отцу, очевидно, что-то решив.

— Миссис Вилевска почти как мама. То есть она не мама, но она почти как мама. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Да. Ты просто потрясающий ребенок, Вильям Крамер.

Решив, что он все толком объяснил отцу, мальчик побежал по ступенькам в школу.

Вечером Билли потребовал прочитать ему историю «Белочка-беглец», книжку с картинками о том, как бельчонок удрал из дома и как его мама-белка, несмотря на все препятствия, все же нашла его. После ухода Джоанны Тед спрятал эту книжку подальше. Читать ее Билли было для него невыносимо. Он сказал, что она куда-то делась, и предложил вместо нее почитать старую историю о Бабаре. Засыпая, Билли стал разговаривать сам с собой, сочиняя какой-то разговор между мамой и сыном. Тед понял, что не может больше мешать встречам сына, которого он так любил, с матерью, которую мальчик так жаждал видеть. На другой день он позвонил Джоанне на работу, и между ними состоялся короткий сухой раз-

говор, как между чужими людьми. В любой устраивающий ее вечер, если она хочет, может взять Билли с собой и покормить его обедом, в любой устраивающий ее день, во вторую половину. Тед даст указание домработнице. Они договорились на пять часов следующего дня. Тед, кроме того, уточнил, что ее приятель должен встретить его перед зданием офиса, но в бар, как было договорено, они не пойдут.

— Это была не моя идея, — сказала Джоанна.

Тед ответил:

— Мне так и сообщили.

Больше им было нечего сказать друг другу.

Тед стоял перед зданием, ожидая представителя Джоанны. Он приехал на такси, высокий, светловолосый, мускулистый молодой человек — Тед прикинул, что ему никак не больше тридцати, — покрытый загаром, в пиджаке с галстуком; через руку у него был перекинут легкий дождевик, наличие которого говорило или о его предусмотрительности, или о глупости, поскольку в Нью-Йорке было влажно и жарко — двадцать градусов выше нуля.

— Мистер Крамер, я Рон Уиллис. Где мы могли бы поговорить?

— Прямо здесь.

— Как вам будет угодно. Для начала должен сказать, что мы с Джоанной добрые друзья.

— С чем вас и поздравляю.

— Думаю, что неплохо знаю ее. Определенным образом, даже лучше, чем вы, если вам угодно. И не сомневаюсь, Джоанна значительно изменилась с тех пор, как вы ее знали.

— С чем ее тоже можно поздравить.

Тед испытывал к нему ненависть. Ему был омерзителен его внешний вид, его стремление впиваться в глаза собеседника, словно он старался подавить своей самоуверенностью, и он ненавидел его за то, что этот тип спал с его бывшей женой.

— Мы встретились с ней после того, как завершился ее калифорнийский период, так сказать. Она работала у «Херца» и еще брала на дом какую-то канцелярскую

работу. Она старалась обрести душевное равновесие, и в ее жизни встречались некоторые мужчины. Но ничего постоянного.

Значит, Джоанна тоже сталкивалась с трудностями в отношениях. Тед испытал легкое удовлетворение.

— Но я видел, что она отнюдь не принадлежит к тем психам, которых полно в Калифорнии. Я-то уж там их навидался.

— Я-то предполагал, что туда собираются искатели приятных приключений.

Тед не собирался облегчать ему задачу. Он видел, что не может испытывать к этому человеку никаких приятельских чувств.

Уиллиса, который набросил плащ на плечи, стала бить дрожь от висящей в воздухе сырости, и Тед решил, что бессмысленно продолжать беседу на тротуаре. Он предложил ему зайти в ближайшую кофейню, где Уиллис залпом проглотил чашку горячего шоколада, дав понять, что он не намерен и дальше продолжать кровавую дуэль.

— Можем ли мы поговорить откровенно, мистер Крамер?

— О, прошу вас. И зовите меня Тедом, если вам хочется быть откровенным.

— Я думаю, что она была чертовски несчастна с вами. И это все время не давало ей покоя, ваш брак и ребенок. Я считаю, что Джоанна излишне бурно реагировала, и теперь она это понимает. Она слишком резко пошла на разрыв.

— Леди хотела обрести свободу. Таково было ее решение.

— Вы знаете, в тот вечер, когда она впервые рассказала мне о ребенке, она плакала три часа. Словно плотину прорвало. Воспоминания о малыше, которые она скрывала от меня да и от себя.

— Скрыть их трудно.

— Послушайте, Джоанне представился шанс стать самой собой. А теперь она кое-что выяснила. Что она сделала ошибку. Перегнула палку. Можете ли вы позво-

лить себе жить с постоянным ощущением сделанной ошибки, если ее можно исправить?

— Может быть, тут уже не исправить. Рон, так же, как вы не знаете, какой дерьмовой может быть погода в Нью-Йорке, вы не знаете, что может представлять собой Джоанна. Для нее все это было так легко...

— Вы считаете, что все переживания так легко ей обошлись?

— Послушайте, все, что ей надо было сделать, — это сказать: «Ах, извините», — и рядом с ней тут же оказался такой, как вы, готовый ее простить и понять. Вы собираетесь жениться на ней?

— Какое вам до этого дело? Вы что, ее отец?

Он выразился достаточно ясно. Впрочем, эта проблема Теда не волновала.

— Мы вместе уже шесть месяцев.

— Какая прелесть. — Тед испытал желание вытолкать этого типа в плаще на улицу.

— Я решил перебраться на восток, организовать здесь наш нью-йоркский офис и помочь Джоанне справляться с ним.

— Об этом вы и хотели мне сообщить?

— Я считал, что могу как-то помочь. Похоже, что между вами долгое время не было никаких контактов. Тед, никто не лишает вас права посещений. И учтите: Джоанна будет великолепной матерью после того, что она пережила и передумала. Она в самом деле изменилась.

— Я в этом не убежден.

— Может быть, вы не в курсе дела. Если она обратится в суд, вы обречены на поражение.

— Я так не думаю. Как и мой адвокат.

— Это входит в его обязанности. Вы в самом деле считаете, что если Джоанна предстанет перед судом, он признает ее неподходящей для роли матери?

— Может быть, я смогу доказать, что я подхожу для роли отца.

— Тед, это время, это расходы, это нервное напряжение для всех, — словом, все это очень неприятно. И я бы не хотел, чтобы Джоанна проходила через все эти

испытания, если она может их избежать. На вас, честно говоря, мне плевать, но просто как человек я не считаю, что и вы должны проходить через них.

Вот тут Тед ему поверил. Эти его слова объяснили вмешательство Уиллиса, что, конечно, не мешало ему надеяться на победу в суде.

— Рон, все, что вы сказали, может быть, и правда. Но вы не убедили меня в одном очень важном пункте. Почему я должен расставаться с тем, кому я отдал так много сил? Вам надо было бы быть его отцом, чтобы понять смысл моих слов. Я его *отец*. И если он будет тем моим бельчонком, который убежит от меня, я его найду.

Джоанна оставила послание у секретарши Теда: «Могу ли я встретиться с Билли в субботу к одиннадцати, приведу в пять часов?» Перезвонив, Тед тоже оставил для нее телефонограмму: «О' кей, в одиннадцать». В субботу, когда у дверей раздался звонок, он послал Билли вниз. В пять она позвонила у дверей и впустила Билли. Они так и не встретились. Ребенок перешел от одного к другой. И обратно.

Билли был очень доволен прошедшим днем. Приехали родители Джоанны, и они все вместе пошли в зоопарк. Тед подумал было, что такое положение дел, когда он избавлен от необходимости встречаться с ней, могло бы его устроить. Билли живет с ним, как и жил, а Джоанна могла бы встречаться со своим сыном. В понедельник утром, отведя Билли в школу, он столкнулся на тротуаре с каким-то человеком.

— Мистер Крамер, мне поручено передать вам данный документ.

Он всунул ему в руку повестку. Джоанна Крамер приглашает Теда Крамера в суд, где будет слушаться дело о попечительстве над ребенком.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Возбуждая дело «Крамер против Крамера», Джоанна в своем заявлении просила суд пересмотреть ее первоначальное решение оставить ребенка на попечение отца. Она сказала, что решение было принято «в состоянии крайнего нервного напряжения из-за распадающегося брака».

«Восстановив свое физическое и душевное состояние, — утверждала она, — чему способствовало изменение места жительства, я вернулась в Нью-Йорк, где ныне живу и работаю. В то время, когда я доверила отцу воспитание ребенка, я находилась в очень трудном периоде своей жизни. В данном вопросе я допустила ошибку. Но она носит очень человеческий и понятный характер. И поскольку я в здравом уме, обладаю отличным здоровьем, экономической самостоятельностью, в силу единственной ошибки лишать мать ежедневного контакта с ребенком, просто бесчеловечно. Моему сыну всего пять лет, он нуждается в специальном уходе и питании, которые может ему обеспечить только мать. Будучи матерью ребенка, я испытываю к нему глубокие и искренние чувства и прошу, чтобы он был передан под мою опеку. Я не сомневаюсь, что теплота добрых отношений,

которые ребенок неизменно испытывал ко мне, найдет свое продолжение, если и ребенку и матери будет позволено ощущать близость и теплоту их взаимной любви и тяги друг к другу».

— Прямо и откровенно, — сказал Шонесси. — Вот на что они решили давить — на материнские чувства.

Тед Крамер провел три часа в конторе Джона Шонесси, где адвокат отрабатывал свой гонорар, знакомя клиента с тонкостями судебной процедуры. Первым делом надо было составить аргументированный ответ на заявление истицы, доказывая, что положение ребенка не нуждается в изменении. С точки зрения Шонесси, оно не могло принести успеха, поскольку судья, не вынося предварительного решения, потребовал представить ему все бумаги. Слушания, как считал Шонесси, избежать было невозможно.

Судебное слушание, как Шонесси описывал его, походило на обычный судебный процесс, участники которого излагали судье свою точку зрения. Каждая сторона имела право вызывать свидетелей: те отвечали на вопросы адвоката своей стороны, потом подвергались перекрестному допросу другой. Выслушав точку зрения обеих сторон, судья оставлял за собой принятие решения — и через несколько дней или недель становилось ясно, кто будет осуществлять опеку над ребенком.

Когда они покончили с деталями их брака и обсудили состав возможных свидетелей, в Теде что-то надломилось. Ему представилась вся абсурдность ситуации, когда он, сидя в конторе адвоката, обсуждает стратегию действий, чтобы у него не забрали сына. Слова доносились до него откуда-то издалека. Он никак не мог сконцентрироваться.

— Тед?

— А может, нам куда-то убежать, скрыться, а? — вернулся он к теме разговора.

— Ни в коем случае, если тебе нужен ребенок. В таком случае суд вынесет заочное решение.

— Нет.

— Значит, мяч сейчас у тебя. А она попытается обвести тебя.

Шонесси знал адвоката Джоанны, чье имя было Поль Грессен. Он считал его весьма способным специалистом. Судью Германа Б. Аткинса он оценил как «очень человечного». Слушание должно было обойтись Теду в пять тысяч долларов в любом случае — выиграет он дело или проиграет — плюс еще немалую сумму, если Джоанна одержит верх и его обяжут платить ее судебные издержки. Такова цена ребенка, подумал он. Деньги он найдет. Тед в этом не сомневался.

Останется ли у него Вильям Крамер или он потеряет его — это должен будет решить суд, который по традиции будет исходить из принципа «в интересах ребенка». Вот что ты должен сделать, Тед, — доказать, что в «интересах ребенка» остаться ему с *тобой*. Им придется доказывать, что Тед как нельзя лучше исполняет обязанности отца, что он обладает качествами, которые Тед никогда не считал своей заслугой — он не алкоголик, не наркоман, не гомосексуалист или бывший преступник, что он работает, что он *действительно* относится к ребенку с большой ответственностью и что он не виновен в «больших моральных пригрешениях».

Он понял, что не может взять на себя вину даже за случайные связи. Вивиан, последняя, с кем он встречался, не ответила ему несколько раз, когда он вечерами звонил ей. Он попытался понять: потому ли, что она не хочет отягощать его трудное положение, или потому, что в их результате они отдалились друг от друга. Но, решив разобраться, в чем дело, он понял, насколько это сейчас для него не существенно.

Пытаясь встать на юридическую точку зрения, Тед предположил, что уход Джоанны из дома может стать главным пунктом обвинения против нее, но Шонесси, сославшись на дело «Хаскинс против Хаскинса», напомнил, что может быть вынесено решение и в пользу матери, которая было отказалась воспитывать ребенка, а потом потребовала его обратно. Судья создал прецедент, присудив ребенка матери на основании того, что «материнство не так легко списать со счета».

По мнению Шонесси, Джоанна уязвима с точки зрения ее истории, ее появлений и исчезновений, которые

могут оказать определенное эмоциональное воздействие, но главным решающим аргументом должен был стать сам Тед Крамер. Тед был преданным, любящим отцом с высоким чувством ответственности, и если бы ребенку пришлось расстаться с заботящимся о нем отцом, это ни в коей мере не послужило бы его интересам.

— И плюс к этому, как я думаю, мы сможем указать на ее душевную нестабильность. Она когда-нибудь говорила сама с собой?

— Джоанна?

— Тед, я понимаю, что это довольно грязная игра. Они пустят против нас в ход все, что им удастся наскрести. Так что и ты должен думать в том же ключе. И слава Богу, если нам удастся доказать, что ее уход из дому был продиктован тем, что ей моча в голову ударила, пусть даже она четко знала, что делает.

— Она никогда не говорила сама с собой, Джон.

— Жаль.

Прикидывая, кто мог бы дать показания в его пользу, он подумал, что свидетельницей могла бы стать Этта Валевска. Она знала Билли лучше, чем кто-либо, она наблюдала отца и сына в домашней обстановке, но он не решался обратиться к ней с такой просьбой. Она была столь простодушна, что, как он выложил свои соображения Шонесси, притащить ее на свидетельское место — значило бы просто эксплуатировать ее.

— Брось, Тед. Ты вступил в игру. Да ты должен был бы представить в суд даже говорящего попугая, если бы он что-то мог сказать в твою пользу.

— Она совершенно неискушенный человек.

— Вписывай. Мы ее подготовим.

Но Этта Валевска была страшно возмущена предстоящим процессом:

— Миссис Крамер хочет забрать Билли?

— Ну, у нее есть право попытаться это сделать.

— Он так вас любит.

Давай, Тед, ты же в игре, и у нее свои правила.

— Миссис Валевска, не могли бы вы повторить это в суде?

— Говорить перед людьми?

— Да. Рассказать им, как мы тут живем.

Он осведомился у адвоката относительно Билли. Неужели и он должен предстать перед судом? Можно ли его считать свидетелем? С чьей стороны?

— Нет, Тед. Судья может изъявить желание поговорить с ним с глазу на глаз в своем кабинете, но я сомневаюсь. Мальчик слишком юн для дачи показаний. Он недееспособен.

— Так что его минует чаша сия, — с облегчением сказал Тед.

Он решил не сообщать Билли, что его родителям придется идти в суд, где предстоит битва за него. Ни словом он не обмолвился и на работе. Он уделял все внимание кругу своих обязанностей — если он будет думать только о предстоящем суде, он рискует потерять работу, а если он потеряет работу, то рискует проиграть дело в суде.

В назначенный день подачи заявления он пришел в суд, высвободив себе время между двумя деловыми звонками. Шонесси сказал Теду, что его присутствие необязательно, поскольку адвокат может изложить точку зрения клиента и сам, но Тед не хотел упускать из виду ничего, что имело отношение к процессу: он встретился со своим адвокатом рядом с залом, в котором проходило обычно слушание таких дел. Джоанна отсутствовала, предоставив своему адвокату изъясняться перед судьей. Адвокат выдвинул предложение, чтобы заявление Джоанны было удовлетворено без специального слушания дела в судебном присутствии и ребенок был передан ей. Судья, невысокий лысый человек шестидесяти лет, отверг его предложение на том же основании, что и прошение Шонесси об отмене слушания, поскольку порядок ухода за ребенком, по его мнению, не имело смысла нарушать.

Пол Грессен был учтивым человеком под пятьдесят лет, предпочитавшим носить костюмы отличного покроя с галстуком и платочком в нагрудном кармане. У него был мягкий голос, и порой он умело пускал в ход свою ироническую улыбку. Но Джона Шонесси не могли сбить с толку ни манера его поведения, ни искусство его портного. Он сам представлял собой высокую внушительную фигуру с серебряной гривой волос, и его костюм-тройка, в котором он появлялся в зале суда, был украшен белой гвоздикой в петлице. Как бы там ни было, ни манеры поведения адвокатов, ни их юридические тонкости не смогли предотвратить того, что Шонесси предсказывал с самого начала — в результате судья назначил слушание дела, выразив свой интерес к «столь юному возрасту ребенка». Дата его была определена через три недели.

Выйдя в коридор с Тедом, Шонесси извинился, что вынужден покинуть его, но его ждут дела другого клиента. Они смогут обговорить все с утра. Оставшись один, Тед прошел через холл и спустился по ступенькам здания суда, понимая, что он войдет сюда в роли «ответчика», которому придется иметь дело с «истцом».

Судья назначил эксперта-психолога, которому предстояло исследовать домашние условия и ознакомиться с личностью обеих сторон. Она явилась к нему вечером уик-энда, грузная угловатая женщина лет сорока, которая, казалось, никогда не улыбалась. Доктор Альварес обошла дом, открыла все ящики на кухне, заглянула в холодильник, в шкафы в спальне и в аптечку в ванной. Она сказала, не может ли Билли поиграть у себя в комнате несколько минут, после чего, вынув блокнот и авторучку, принялась опрашивать Теда. Она хотела узнать, как складывается его день, сколько времени он посвящает Билли, чем они с ним занимаются, что делает мальчик, когда остается один, бывает ли еще кто-нибудь в доме. Тед упомянул об Этте, но подтекст вопроса имел откровенно сексуальный характер, что он понял, когда вопрос был задан напрямую.

— Мистер Крамер, были ли в этом доме у вас с кем-нибудь сексуальные отношения?

«Да когда же я мог себе это позволить, мадам? Вы кого-то имеете в виду?»

— Доктор, я пытаюсь так вести свою личную жизнь, чтобы она не имела отношения к дому. В настоящий момент я ни с кем конкретно не встречаюсь.

— Это доставляет вам беспокойство?

— Не обязательно.

— А что доставляет?

— Что меня расстраивает?

«Твое пребывание здесь, это слушание, Джоанна, ее адвокат, судья, который должен вынести решение относительно самой важной части меня самого».

— Я даже не знаю, как вам ответить. Все, что может расстроить нормального человека. Стоимость жизни, болезни моего ребенка...

— Очень хорошо. А теперь я хотела бы переговорить с ребенком. С глазу на глаз.

За порогом комнаты Билли простиралось его царство — на игрушечных машинках носились супермены; пояс от штанишек изображал автостраду, кубики высились небоскребами, и разбросанные игрушки не позволяли плотно прикрыть дверь. Так что Тед имел возможность из гостиной прислушиваться к ходу разговора.

— Что у тебя тут, Билли? — спросила она.

— Детройт.

— А ты был в Детройте?

— Нет, но я был в Бруклине.

«Интересно, — подумал Тед, — неужели она все это записывает?»

Она спросила, какие у него любимые игры, чем он занимается, кто бывает в доме. Среди обитающих у них в квартире людей он назвал Ким, Тельму, миссис Валевску, папу и Бэтмэна.

— А как насчет мамы?

— О, конечно. Моя мама.

— Тебе нравится бывать с мамой?

Тед начал испытывать неудобство. Ему захотелось влететь в комнату и обвинить ее в том, что она подсказывает ответы свидетелю.

— Конечно.

— А чем тебе больше всего нравится заниматься с ней?

— Ленч в ресторане.

— А чем тебе больше всего нравится заниматься с папой?

— Играть.

— Скажи мне, папа тебя когда-нибудь бьет?

— Много раз.

Тед буквально отпрянул от дверей.

— Когда он тебя бьет?

— Если я плохой.

Билли, что ты делаешь?

— Он побил меня на планете Кританиуме, когда я украл закопанное сокровище со знаменитой фабрики орехового масла.

— А в настоящей жизни он тебя бьет?

— Мой папа никогда не бил меня, вот глупая. С чего это папа будет меня бить?

На этом их общение закончилось. Попрощавшись, доктор Альварес в последний раз обвела взглядом окружение, и вечер завершился для Теда и Вильяма Крамеров полетом на самолете Бетмена в Детройт.

В понедельник, за день до назначенного заседания суда Тед зашел к заведующему отделом рекламы и сказал, что ему нужно не сколько дней, которые он возьмет за счет отпуска, поскольку его бывшая жена хочет вернуть себе ребенка. Он воздержался сообщать об этом в конторе, чтобы избежать слухов или сплетен о нем, но сейчас он должен присутствовать на слушании дела. Он завершил свой рабочий день как обычно, но в ходе телефонных переговоров и встреч он был как-то погружен в себя и его способность сосредотачиваться иссякала с каждым часом. К пяти часам он оказался дома со своим сыном, который по-прежнему не имел никакого представления, что завтра в половине десятого начнется слушание дела «Крамер против Крамера».

На фасаде здания суда значилась надпись: «Справедливое отправление правосудия — надежнейшая опора хорошего правительства». Хорошее правительство? Все, что мне нужно, — это мой ребенок.

Тед Крамер вошел в зал суда, где должно было состояться слушание. Оглядевшись, он был глубоко растроган, увидев тут своих знакомых и друзей, которые пришли сюда поддержать его. Тельма, Чарли, — госпо-

ди, и Чарли, во сколько же ему обойдется этот день? — Тельма и Чарли, сидящие бок о бок, которых объединило желание помочь Теду; Этта, одевшая для такого случая свой лучший костюм; жена Ларри Эллен, которая решила, что, поскольку она учительница, ее присутствие может оказаться полезным; Сенди, его невестка, которая прилетела из Чикаго, и Джим О'Коннор, с тщательно уложенными волосами, в новой рубашке с галстуком — все здесь, полные любви к нему и желания, чтобы сын остался у него.

Вошла Джоанна, которая была удивительно привлекательна в вязаном шерстяном костюме, в сопровождении Рона Уиллиса и своего адвоката. Они заняли места за столом, обращенным к председательскому возвышению. Тед стал проталкиваться вперед, чтобы сесть рядом со своим адвокатом, когда открылась дверь и показались родители Джоанны. Они избегали встречаться с ним взглядами, и ему показалось, что они сильно смущены. Его бывшие родственники, скорее всего, будут свидетельствовать против него. Они заняли места в заднем ряду, поодаль ото всех.

Зал был обширен, с высоким потолком, дубовыми скамьями и массивными столами красного дерева. «В Бога мы веруем» была надпись на стене, обращенной в зал суда, и сбоку стоял американский флаг. Появился судья в своей мантии, пристав скомандовал «Всем встать!», стенографист занял свое место впереди, рядом с трибуной для свидетелей, и все было готово к началу процесса. Тед с трудом набрал в грудь воздуха и сделал глубокий вдох, чувствуя, как у него перехватило горло.

Джоанна в роли истицы имела право первой давать показания, и адвокат сразу же пригласил ее на свидетельское место, чтобы она выступила в защиту своей позиции. Они решили не отвлекать внимание второстепенными подробностями. Материнство, право матери — вот что должно было стать их главным аргументом, и с этой целью Джоанна во плоти предстала перед судом.

Она начала давать показания медленно и не спеша; ее адвокат тщательно уточнял даты и события тех лет,

когда она была с Тедом, а потом рядом с Билли — вплоть до сегодняшнего дня. Тед поймал себя на том, что он тоже вспоминает; воспоминания неслись у него бурным потоком — первый раз, когда они с Джоанной занимались любовью, с этой прекрасной женщиной, которую потом ему не довелось больше узнать и которая так самозабвенно закидывала ноги ему на плечи. Первый раз, когда он взял Билли на руки и каким хрупким казалось его тельце. Как он в первый раз увидел Джоанну, кормящую его грудью. Она в самом деле выкормила его, своим молоком. Этого не было в заявлении. Он и сам забыл.

Грессен перешел к вопросам относительно ее работы и круга обязанностей — как она с ними справляется. Отсюда он протянул ниточку к более ранним временам.

— Миссис Крамер, работали ли вы, когда были в браке со своим бывшим мужем?

— Нет, не работала.

— Но вам хотелось?

— Да.

— Вы когда-нибудь излагали вашему бывшему мужу, что вы хотели бы работать?

— Еще бы. Но он сказал — нет. Он резко возражал против моей работы.

Пошел разговор о Теде, как о человеке, который препятствовал профессиональному росту своей жены. Все это подводило к выводу, позволявшему оправдать уход Джоанны. Тед в *самом деле* сказал «нет» ее желанию работать. Он не мог себе представить, что мог быть таким узколобым, как его изображали. Он с трудом мог узнать себя в этих показаниях. Тем не менее он понимал, что в самом деле был именно таким, хотя с тех пор он серьезно изменился. Судья объявил перерыв на ленч, и Тед увидел, как Джоанна советуется со своим адвокатом. Он подумал, что она тоже, конечно, изменилась и теперь в этом помещении они два разных человека, которые когда-то были в браке, и что, если их снова потянет друг к другу, и если они снова встретятся, вот такие, как они сейчас есть, могут ли они в таком случае положить конец судоговорению?

Шонесси начал собирать разбросанные перед ним на столе бумаги — копии заявлений, сообщение психолога, стенографические отчеты, которые, выползая из его машинки, напоминали длинный белый язык, юридические справочники.

Джоанна первой вышла из зала в сопровождении своего адвоката. После продуманной заминки дипломатического характера, чтобы не оказаться всем вместе в одном лифте, Тед покинул зал вместе с Шонесси — истец отделен от ответчика скопищем людей вокруг, бумагами, юридическим жаргоном и временем...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Адвокат Джоанны подошел к самому уязвимому месту в ее биографии — решению уйти. Он сделал попытку показать это решение как свидетельство глубины ее отчаяния, вызванного ответчиком, который не оставил ей выбора.

— Можете ли вы сообщить суду, любите ли вы играть в теннис?

— Да.

— А как ваш бывший муж относился к вашему увлечению?

— Он отвергал его. В присутствии других людей он называл себя теннисным вдовцом.

В добавление к эмоциональным стрессам, которым он ее подвергал, она была еще обременена и необходимостью заниматься маленьким ребенком.

— Вы любите ребенка?

— Очень сильно.

— Как вы кормили его, когда он был совсем маленьким?

— Я выкормила его грудью. Чтобы я как мать могла ощущать с ним предельную близость.

Эта трогательная сцена явно вызвала симпатии к Джоанне.

— И все же вы решили оставить вашего ребенка?

— Я была в ужасающем положении. Если бы мой муж проявлял бы ко мне больше интереса, я не испытывала бы такого отчаяния.

— Это только часть истины, — шепнул Тед своему адвокату. — Она *не должна* была из-за этого уходить. — Шонесси кивнул. — Я даже говорил ей, что нам надо обратиться за помощью. — Тс-с-с, — шепнул адвокат и положил руку на кисть клиента, чтобы успокоить его.

— Все слилось воедино — брак, мой муж, невыносимое давление, ребенок. Я задыхалась под этим грузом. Мой муж просто не обращал внимания на мое состояние.

— И что же в таком случае вы стали делать?

— Единственное, что могла позволить себе в таких обстоятельствах. Поскольку для меня было все едино, я не могла избавиться лишь от части целого. Я должна была освободиться, сбросить все с себя. И я ушла, чтобы обрести другую, лучшую жизнь.

— То есть, вы бросили ребенка?

— Нет, не столько моего ребенка как такового — мой брак, моего мужа, мою усталость и раздражение — и моего ребенка. Я вырвалась из той петли, которую вокруг меня затягивал муж.

— Миссис Крамер, почему вы предпочли обосноваться на жительство в Нью-Йорке?

— Потому что тут живет мой ребенок. И здесь же его отец. Как мать я не хочу, чтобы ребенок был разлучен с отцом.

— Воплощенная добродетель, — пробормотал Шонесси, склонившись к Теду.

Гессен тем временем обратился к ее первому ощущению потери, связанному с ребенком. Она почувствовала ее в первое же утро после ухода из дома.

— И что вы стали делать, ощутив такую потерю?

— Тогда еще ничего. Во мне еще жили отрицательные эмоции, связанные с неудачным семейным опытом.

— Возражаю. Свидетель пытается высказать свое мнение, дать оценку.

— Возражение принимается.

— Вы когда-нибудь звонили вашему мужу, чтобы выразить свои чувства по отношению к ребенку?

— Да, звонила. Год тому назад на Рождество.

Грессен представил суду телефонный счет Джоанны, который свидетельствовал о ее звонке Теду из Калифорнии, и Джоанна заверила, что целью звонка было договориться о встрече с ребенком.

— И что сказал ваш бывший муж относительно этой встречи?

— Он отнесся к ней с враждебностью. Сначала он сказал, что даст мне знать. Затем, когда мы договорились, он спросил, не собираюсь ли я похитить ребенка.

— А вы собирались его похищать?

— Нет. Я купила ему игрушку, которую он хотел.

Среди доказательств был представлен и отчет психолога. Доктор Альварес не вынесла отрицательного мнения ни об одной из сторон. Джоанна была охарактеризована как «уверенная в себе женщина», а обстановка, которую она планировала создать для сына, как «отвечающая потребностям ребенка», что адвокат привел как доказательство готовности Джоанны выполнить принимаемую на себя миссию. Затем, когда зашел разговор об обстоятельствах ее последней встречи с Билли, Джоанна рассказала, с каким удовольствием ребенок проводит с ней время.

— Какими словами он это выразил? — спросил Грессен.

— Да, он сказал: «Как мне в самом деле хорошо с тобой, мамочка».

Восторженность Билли была представлена в качестве доказательства.

Наконец Грессен спросил ее:

— Можете ли вы сообщить суду, почему вы стремитесь взять ребенка к себе?

— Потому что я его мать. Вы рассказали мне, мистер Грессен, когда мы впервые встретились с вами, что есть случаи, когда матери возвращают ребенка, даже когда она подписала письменное обязательство не требовать его себе назад. Я не разбираюсь в тонкостях закона. Я не юрист. Я мать. Я знаю мудрость не столько закона,

сколько чувств. Я люблю своего ребенка. Я хочу посвящать ему все время. Ему всего пять лет. Ему требуется мое присутствие. Не могу утверждать, что ему не нужен отец, но я ему нужна *больше*. Я его мать.

Грессен выжал из своего клиента все, что мог. Показания Джоанны длились до половины пятого. Судья Аткинс объявил перерыв до следующего дня, оставив у всех впечатление, что он проникся симпатией к измученной, но все же привлекательной матери, которой предстоит бессонная ночь.

— Не волнуйся, Тед, — сказал Шонессен. — У нас в запасе еще есть ты. И завтра мы попытаемся ей кое-что преподнести.

Когда адвокат ответчика приступает к прямому допросу своего клиента, тот представляет собой серию заранее обговоренных между ними вопросов. В ходе же перекрестного допроса Джоанна выглядела далеко не так уверенно. Если Грессен предпочитал придерживаться сдержанного интеллигентного стиля допроса, Шонесси выступал в позиции грубоватого, но умудренного жизнью пожилого человека. Он подверг серьезному сомнению показания Джоанны, заставив ее уточнить время, которое прошло после ее ухода из дома до первого звонка на Рождество, от ее встречи в те дни до недавнего возвращения.

— Когда вы ушли из дома, ощутив это чувство потери, о котором вы нам тут поведали, посылали ли вы ребенку письма, подарки?

— Нет, я...

— Вы что-нибудь посылали ему?

— Я все еще не могла отделаться от воспоминаний о совместной жизни в браке.

— Вы не посылали ребенку ровным счетом ничего, чтобы выразить свою любовь к нему?

— Я посылала ему свою любовь.

— Свою любовь. Может ли столь юное существо понимать символы?

— Возражаю. Адвокат пытается унизить истца.

— Можем ли мы услышать формулировку вопроса? — обратился судья к стенографисту, и Тед склонился

вперед на своем стуле. Неужели судья не слышал его? Неужели, восседая где-то наверху, он пребывает в такой рассеянности, что не обращает внимание на столь важные вещи? Или он хочет создать впечатление, что в самом деле ведет процесс? Хотя он судья. В этом судебном зале он может делать все, что захочет. Стенографист снова зачитал текст вопроса.

— Возражение отклоняется. Свидетель может отвечать.

— Я знаю лишь то, что Билли всегда был рад видеть меня.

— Как долго вы планируете жить в Нью-Йорке, миссис Крамер?

— Постоянно.

Шонесси ухватился за это слово, пустив его в ход как оружие.

— Сколько приятелей было у вас — постоянных, я имею в виду?

— Не считала.

— Сколько любовников постоянных?

— Я их не считала.

— Больше трех, меньше тридцати трех — постоянных?

— Возражаю.

— Отклоняется. Свидетель, будьте любезны отвечать.

— Где-то между...

Шонесси предупредил Теда, что если даже удастся доказать неразборчивость матери в своих связях, это мало что даст, разве что та будет носить разнузданный характер, но, поскольку доказать это очень трудно, он преследовал другую цель.

— Сейчас у вас есть любовник?

— У меня есть друг.

— Является ли он вашим любовником? Нужно ли уточнять, что значит это выражение, или же вы предпочитаете выступать в роли Девы Марии?

— Возражаю.

— Возражение принято. Мистер Шонесси, вы настаиваете на ответе на этот вопрос?

— Я хотел бы получить прямой ответ на прямой вопрос. Есть ли у нее в настоящее время любовник?

— С такой постановкой вопроса я могу согласиться. Свидетель, отвечайте, пожалуйста.

— Да.

— Он у нас на постоянной основе?

— Я... я не знаю.

Шонесси продолжал дожимать ее. Сколько у нее было постоянных работ, чем она постоянно занимается, на постоянное ли жительство она перебралась в Калифорнию, постоянно ли она собирается быть в Нью-Йорке, куда переехала, чтобы видеть ребенка, была ли она постоянна в своих взглядах, когда вернулась в Калифорнию и снова вернулась в Нью-Йорк? Он явно вывел ее из равновесия. Джоанна смешалась, она стала запинаться, не в силах найти слов:

— Я не... в настоящее время я не знаю... — Она говорила еле слышно, и судья был вынужден переспрашивать ее.

— Итак, на самом деле мы не знаем, когда вы говорите о постоянстве, действительно ли вы планируете оставаться в Нью-Йорке или же вы прибыли сюда с целью получить ребенка, ибо вы ни разу в жизни не делали того, что говорило бы о вашей надежности, основательности, словом того, что могло бы быть охарактеризовано словом «постоянно».

— Возражаю! Я вынужден потребовать, чтобы советник воздержался от попыток запугать свидетеля!

— Ну, из его слов можно извлечь допустимый вопрос, — сказал судья. — Собираетесь ли вы оставаться в Нью-Йорке на постоянное жительство, миссис Крамер?

— Да, — тихо ответила она.

— Пока у меня нет больше вопросов.

Приступив к повторному допросу свидетельницы, Грессен постарался тщательно восстановить ее облик женщины, полной жажды материнства — «мать» было ключевым словом: «Как мать, я чувствую...», «Будучи матерью, я могу сказать...», которое попеременно употребляли и адвокат, и его клиентка, словно стараясь вызвать автоматическую реакцию судьи на это святое по-

нятие. Они еще раз шаг за шагом прошли все, что предприняла Джоанна, чтобы обрести опеку над своим ребенком, ее возвращение в Нью-Йорк, ее поиски работы, ее поиски квартиры, в которой она «как мать» знала, что Билли будет удобно, юридические шаги процедуры, которые она предприняла — обратилась к адвокату, составила заявление, появилась в суде в этот день, и все потому, что она глубоко страдает как мать, и все эти подробности доказывают, что в ее лице юное существо обретет надежную и высокоответственную мать.

Шонесси взялся за нее в последний раз:

— Миссис Крамер, почему вы считаете, что можете состояться как мать, если вас постигали неудачи буквально во всем, что вы предпринимали в роли взрослого человека?

— Возражаю!

— Возражение принято.

— Я задам вопрос несколько в иной редакции. Каков был самый длинный период ваших отношений с кем-либо в жизни, кроме родителей и подружек?

— Я бы сказала... с моим ребенком.

— Которого вы видели дважды в году? Миссис Крамер, ваш бывший муж... — нельзя ли утверждать, что отношения с ним были самыми длительными в вашей жизни?

— Да.

— Как долго они длились?

— Мы поженились за два года до появления ребенка. После чего были четыре очень трудных года.

— То есть вы потерпели поражение в самых длинных, самых важных отношениях в вашей жизни?

— Возражаю.

— Возражение отклоняется.

— Я не потерпела поражения.

— А как иначе вы назовете, что произошло? Успехом? Брак кончился разводом!

— Я считаю, что это, скорее, его поражение, чем мое.

— Примите мои поздравления, миссис Крамер. Вы внесли нечто новое в законы о браке и семье. Вы *оба* разведены, миссис Крамер!

— Советник, вы хотели задать вопрос свидетельнице? — спросил судья.

— Я хотел бы спросить, как это представление о надежности и постоянстве, которое старается создать у нас миссис Крамер, сочетается с неудачей самых длительных, самых важных личных отношений в ее жизни?

Она сидела молча.

— Отвечайте, пожалуйста, на вопрос, миссис Крамер, — обратился к ней судья.

— Одно не вытекает из другого.

— Для *вас* не вытекает! Но ведь это *вы* потерпели неудачу в самых важных личных взаимоотношениях вашей жизни, не так ли?

— Да, — еле слышно сказала она.

— Вопросов больше не имею.

Джоанна покинула свидетельское место, и на лице ее читалось предельное изнеможение.

— С чувством материнства спорить трудно, — сказал Шонесси своему клиенту. — Но мы пустили ей кровь.

После перерыва на ленч на свидетельском месте предстал Сэм Штерн, отец Джоанны. В его задачу, которую он предпринял ради Джоанны, входило дать свидетельские показания об отношениях матери и сына. Грессен выстроил линию его показания таким образом, что они касались, главным образом, одного дня, когда в прошлую субботу Билли был с Джоанной, а Сэм и Гарриет сопутствовали им. Услышав, как Сэм описывает этот прекрасный день и ту раскованность, с которой Джоанна общалась с ребенком, Тед понял, для чего он был там нужен. Весь порядок этого дня был заранее продуман. И дедушка с бабушкой принимали в нем участие с единственной целью — чтобы выступить на суде в качестве свидетелей. Шонесси попытался подвергнуть его перекрестному допросу, но не смог ничего извлечь, постольку показания касались ограниченного отрезка времени. В них шла речь только о том, что он видел своими глазами — мать и сын прекрасно проводили время вместе.

Покинув свидетельское место, Сэм попытался проскользнуть мимо Теда не глядя на него. Тед перехватил его за руку.

— Сэм?

У отца Джоанны была опущена голова. Не поднимая глаз, он пробормотал:

— Тед, разве ты не сделал бы того же самого для своего ребенка? — после чего быстро отошел.

Других свидетелей Грессен не вызывал. Он решил не расширять рамки дела, придав ему компактный убедительный характер. Главной темой его было материнство. И мать была главной свидетельницей.

Начались показания в пользу ответчика. К первому свидетелю, которым оказался Чарли, Шонесси неизменно обращался как к «доктору», чтобы придать больше веса его словам. Доктор поручился за прекрасный характер Теда и описал его как превосходного родителя.

— Доверили бы вы ему своего ребенка?

— Я и так доверял. Много раз.

Он описал совместные походы в город вместе с детьми, когда он лично был свидетелем привязанности мальчика к отцу и отца к мальчику. С неподдельной выразительностью в голосе он сказал:

— Сомневаюсь, чтобы я мог быть лучшим отцом в таких обстоятельствах.

Грессен отказался от перекрестного допроса. С легкой улыбкой он просто отверг эти показания как несущественные и непоследовательные. К этой же тактике он прибег и во время показаний следующего свидетеля, невестки Теда, Сенди, которая сообщила, как Тед заботился о благополучии мальчика, чему она сама была свидетельницей, и сказала:

— Мальчик просто обожает его.

Следующей свидетельское место заняла Тельма, которая не могла скрыть нервного возбуждения.

Шонесси спросил ее:

— Могли бы вы оценить компетентность мистера Крамера как отца? Что могло бы быть тому доказательством?

— Их отношения, — сказала она, с трудом удерживаясь от слез.

— Возражаю, ваша честь. Ответ, серьезно говоря, носит несколько неопределенный характер.

— Возражение принято.

— Могли бы вы припомнить какие-то случаи, которые говорили бы о заботе мистера Крамера о своем ребенке?

— Он читает Билли, он купает его, он играет с ним, он любит его, он очень добрый человек... и если бы только видели их вместе... этот процесс вообще не мог бы состояться, — и она начала всхлипывать.

Шонесси сказал, что вопросов у него больше не имеется. Грессен несколько секунд пребывал в задумчивости, словно подбирая вопрос, с которым он хотел бы обрушиться на нее, но человек, который выстроил ход дела, исходя из принципа уважения к материнству, не мог позволить себе оспаривать искренность слез такой же матери — и Грессен отказался от перекрестного допроса.

Джим О'Коннор сообщил о Теде, что он «высококвалифицированный специалист в своей области» и «человек, которого я глубоко уважаю». Когда он подчеркнул, что Тед — компетентный, знающий профессионал, Грессен решил не отпускать так просто этого свидетеля.

— Мистер О'Коннор, вы только что сказали об этом человеке, как о великолепном специалисте и выдающемся профессионале, но разве вы не увольняли его, и причем дважды?

Тед повернулся взглянуть на Шонесси. Откуда они получили информацию?

— Это не совсем так, — ответил О'Коннор.

— А что так?

— Компании прекращали свое существование. И нас всех постигала та же судьба.

— Даже вашего восхитительного сотрудника?

— Возражаю!

— Принято.

— Вопросов больше не имею.

Заняв свидетельское место, Эллен четким, ясным языком школьного учителя заверила присутствующих, что одаренность Билли, чему она была свидетельницей, является результатом превосходного воспитания Теда.

Грессен отпустил ее без вопросов. Шонесси представил в виде доказательства отчет психолога, который содержал положительную оценку ответчика, в частности, что квартира «удобна для пребывания ребенка» и что Тед проявил себя, как «компетентный отец».

Была вызвана Этта Валевска. Шонесси задал ей ряд вопросов относительно ее оценки жизни в доме. Волнуясь и запинаясь на каждом предложении, она простым и безыскусственным языком рассказала об атмосфере, которую ей приходилось наблюдать в доме.

— Он очень милый мальчик. Вы должны были бы видеть, как он любит своего отца. Я могла бы сама отводить его в школу, но они любят бывать вместе.

Грессен, внимательно слушавший ее показания, решил прибегнуть к перекрестному допросу.

— Миссис Валевска, вы работаете у мистера Крамера, не так ли?

— Прошу прощения?

— Он платит вам, верно?

Сарказм, скрытый в его словах, что, мол, ей заплатили за соответствующие показания, не дошел до нее.

— Да, но сегодня, когда я здесь, за Билли присматривает моя сестра.

— Этот человек дает вам деньги, не так ли?

— Да, но я не знаю, как будет сегодня, — смутившись, сказала она. — Может быть, он уплатит моей сестре.

Заметив, что и судья и даже стенографист не могут скрыть своих улыбок при виде такой откровенной наивности, Грессен предпочел отступить. В противном случае он мог вызвать ненужные симпатии к свидетельнице.

— Вопросов больше не имею, — пробормотал он, одарив Шонесси еле заметной улыбкой в знак профессионального уважения: с этой вы одержали верх, Джон.

Очередным должен был предстать Тед Крамер — последний свидетель на слушании. Оно должно было состояться утром.

Он начал свое повествование в половине десятого. Оно длилось весь день и половину следующего. В зале суда

прошло не что иное, как жизнь отдельного человека. Они вернулись ко времени ухода Джоанны, когда он принял решение воспитывать ребенка, найти домработницу, организовать нормальное домашнее хозяйство, день изо дня проводя вместе с ребенком; он вспомнил все ангины и гриппы малыша, друзей и подружек его, дождливые субботы и страхи, которые посещали мальчика под утро. Вопросы Шонесси были проникнуты глубоким чувством симпатии и уважения, словно он, устав от стараний спасать своих неприглядных клиентов, проникся искренней симпатией у этому человеку, который стал его клиентом. Да отдайте же ему ребенка, казалось, старался он взывать к судье. Вы только посмотрите, что он для него сделал. Они проводили вместе долгие дни отдыха, он покупал ему одежду, читал книжки, играл с ним, они постоянно были рядом, он посвящал ему все свое внимание, и к концу его рассказа что-то изменилось в зале суда. Джоанна Крамер, которая, подобно ее адвокату, сидела с отсутствующим выражением, начала прислушиваться к его рассказу, обращая внимание на подробности, не в силах отвести взгляд от свидетеля. Тед Крамер ответил на последний вопрос: почему он хочет сохранить опеку над ребенком? — и сказал:

— Я не питаю никаких иллюзий, что мой ребенок будет всю жизнь испытывать ко мне благодарность. Я всего лишь хочу быть рядом с ним, как все это время, потому что я люблю его.

До начала перекрестного допроса был объявлен перерыв, судья удалился в свой кабинет, и Тед Крамер покинул свидетельское место, попав в объятия своего адвоката и друзей.

В ходе перекрестного допроса адвокат Джоанны стал обстреливать его вопросами о тех днях, ночах и часах, которые Тед проводил не рядом с Билли. Уточняя, как часто Тед нанимал к нему вечернюю сиделку, оставляя ребенка спать под присмотром чужой женщины, адвокат стремился подвергнуть сомнению и моральные качества Теда, и чувства, которые он испытывал к ребенку.

— Я не думаю, и вы должны с этим согласиться, что

когда ребенок спит, а вы дома, что он требует к себе особого внимания?

— Но и в это время ты выполняешь свои обязанности, ты настороже.

— Разве что только у вас нет женщины в постели.

— Возражаю!

— Возражение принято.

— Мистер Крамер, случалось ли, что у вас в постели оказывалась женщина в то время, как в другой комнате спал ребенок?

— Случалось.

— Я тоже так думаю.

Тед подумал, что это просто грубая инсинуация, лишь смутно походящая на правду, но его адвокат тоже достаточно бесцеремонно обращался с Джоанной, да и кроме того, как Шонесси говорил, это была грязная игра. Грессен прошелся по послужному списку Теда, обращая внимания на даты и места работы. Тед наконец понял, что они наняли частного детектива, чтобы собрать информацию о нем, которая сейчас пущена в ход против него.

— Сколько месяцев провели вы в таком положении, мистер Крамер? Сколько работ поменяли вы за последние два года? — Что, по мнению Теда, было достижением, когда ему удалось найти работу, адвокат стремился превратить в его недостаток, первым делом подчеркивая, что Тед оказался без работы.

— Теперь я работаю в «Макколлс». И убежден, что дела у них пойдут хорошо.

— Сколько времени вы у них числитесь?

— Два месяца.

— Однако, вы ветеран!

— Возражаю, ваша честь!

— Я только представил вашему вниманию список работ этого человека, ваша честь. Он утверждает, что может взять на себя роль отца, когда на самом деле не в состоянии обеспечить себя работой. Если свидетель хочет подвергнуть сомнению эти данные...

— Точны ли они, мистер Крамер?

— Да. Но это еще не все...

— У меня нет больше вопросов.

В ходе повторного опроса свидетеля Шонесси постарался восстановить позицию своего клиента: разве потеря работы не является всеобщим бичом, разве он не повысил свой профессиональный статус за эти годы, разве для взрослого человека личная жизнь, в ходе которой порой приходится прибегать к помощи сиделки, не является обычным делом и разве он не отправится домой сегодня вечером после слушания и не будет заниматься малышом, как делал все это время после того, как его с ребенком бросила жена?

Адвокат истицы использовал возможность для еще одного последнего обращения к ответчику.

— Мистер Крамер, в самом ли деле ваш ребенок едва не потерял глаз, когда был на вашем попечении?

На какое-то мгновение Тед просто не понял вопроса. Они подняли историю с тем несчастным случаем!

— Я говорю, мистер Крамер, правда ли, что ребенок поранил себя, когда был с вами и у него навсегда остался шрам?

На свидетельском месте Тед Крамер ощутил физическую слабость, ему стало плохо. Он посмотрел на Джоанну. Она держала подбородок на ладонях, закрыв руками глаза.

— Возражаю, ваша честь. Советник задал вопрос, который не имеет значения для настоящего слушания.

— В то время когда ребенок находился на попечении ответчика, он сильно порезал себе лицо, на котором теперь остался шрам.

— Редакция вашего вопроса позволяет предположить, что речь идет о преступном небрежении, советник?

— Да, ваша честь.

— Понимаю. Ну что ж, вам виднее. Есть ли у вас какие-то свидетельства, подтверждающие, что мы в самом деле столкнулись с преступной небрежностью?

— Нет, ваша честь, но тем не менее...

— В таком случае будем считать это несчастным случаем, советник, пока вы не докажете обратного.

— Собирается ли ответчик отрицать, что ранение ребенка имело место?

— Я предпочел бы прекратить эту линию допроса, советник.

— В таком случае я завершил свои вопросы.

Тед сошел со свидетельского места, по-прежнему не чувствуя под собой ног. Он медленно подошел к Джоанне и остановился перед ней:

— Это предельно низко, Джоанна. Так низко...

— Прости, — сказала она. — Я только мельком упомянула об этом. Я представить себе не могла, что эта история будет пущена в ход.

— Вот как?

— Верь мне, Тед. Я никогда бы не обратила ее против тебя. Никогда.

Но она уже не могла управлять ходом событий. У обеих сторон были свои адвокаты, которые выбирали свою тактику, и она, вместе с адвокатами, существовала отдельно от них. И теперь обе стороны причинили боль друг другу и испытывали боль.

Слушание дела об опеке над ребенком завершилось заключительными выступлениями адвокатов, которые постарались выпукло преподнести ключевые моменты, говорящие в пользу их клиентов. Ни ответчик, ни истица больше не проронили ни слова в этом зале; они не обращались ни к судье, ни друг к другу. Адвокат истицы говорил о материнстве, «этой уникальной животворящей силе, — сказал он, — сравниться с которой на земле ничего не может». Как часть своих доказательств он привел утверждение, что «неестественно отделять такого юного ребенка от его матери, как неестественно продолжать ребенку пребывать с отцом, когда не подлежит сомнению, что мать может великолепно его воспитывать, она может и готова дать ему всю любовь и заботу, на которую только способна мать». Адвокат же ответчика говорил о силе отцовских чувств. «Отцовская любовь — могущественнейшая эмоция, — сказал он. — Она не уступит по своей глубине материнской любви, как мы убедились из показаний в этом зале». Особое внимание он уделил чувству отцовства, свойственного именно Теду Крамеру. «Было бы жестоко и несправедливо решить дело не в его пользу,

— сказал он в завершение своего выступления. — Ребенок должен остаться в теплом уютном доме рядом с любящим отцом, человеком, чье право на воспитание ребенка доказано всей его жизнью».

И наконец все завершилось. Теперь судье осталось вынести решение. Он еще раз проанализирует все показания, руководствуясь лишь законом и фактами, и примет решение. Такое слушание обычно не имеет своим финалом драматические минуты зачитывания приговора. Люди с нахмуренными бровями не дожидаются в зале вынесения решения, когда им приходится в отчаянии вцепляться в край стола, как это обычно показывают в судебных кинодрамах. Решение будет вынесено не в зале суда. Оно, как обычно, будет опубликовано в судебном бюллетене, который будет доставлен адвокатам, а те уже по телефону свяжутся со своими клиентами. Сообщение о том, кому из родителей будет передан ребенок, будет выдержано в сухом и бесстрастном стиле. Но оно будет обязательно для исполнения.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Он не позволял себе отходить от телефона больше чем на пятнадцать минут. Среди тех, кто, выражая беспокойство, звонил ему, была его мать, которая связывалась с ним из Флориды едва ли не каждый день.

— Все ничего не известно?

— Я дам тебе знать, мама.

— Да, дай мне знать.

— Мама, не надо такого напряжения. Может быть, ты позвонишь ей?

— Ей? Ей я звонить не собираюсь. Я звоню тебе.

Он постоянно вспоминал весь ход слушания, задним числом оценивая стратегию своего адвоката и критикуя свои ответы, когда стоял на свидетельском месте, но в конце концов пришел к выводу, что слушание завершилось для него благоприятно.

Все время, последовавшее за завершением дела, он вел себя так, как и описывал в суде, что было для него нормальным времяпровождением. Дни он проводил на работе, а вечера — дома со своим сыном. Но часы текли медленнее, чем когда-либо, медленнее, чем когда он был без работы, даже медленнее, чем те первые три недели в Форте Дикс, когда, ожидая направления в часть, он

маялся в приемном центре, официально считаясь призванным в армию, но на самом деле болтаясь между небом и землей. Сегодня ему было проще, но и гораздо труднее — он отсчитывал часы и дни ожидания; ему не оставалось ничего другого, как ждать решения судьи.

Три дня уик-энда пришлись на празднование для рождения Вашингтона, и Ларри с Эллен предложили открыть их домик на Файр-Айленде. Поскольку там не было ни воды, ни тепла, предполагалось, что они просто разобьют в доме походный лагерь и будут проводить ночи в спальных мешках. Билли назвал это предложение «большим приключением», а Теду представилась возможность как-то перемаяться долгие воскресные дни до начала работы, когда он снова начнет ждать звонка адвоката.

По мере того как приближалось время поездки, он стал испытывать все меньше желания проводить ночи в неотапливаемом летнем коттедже зимой, на берегу океана, но Билли был в полном восторге, сообщив ему, что он уже обзавелся свежими батарейками для своего фонарика, чтобы выслеживать по ночам рядом с домом енотов и скунсов, и подточил свой пластмассовый нож, готовясь к схватке с медведями. Тед, не без юмора, подумал, что другой стороне представится случай начать новый процесс, обвинив его в том, что он сознательно заморозил ребенка.

В пятницу позвонил его адвокат:

— Тед, это Джон.

— Да?

— Решение принято, Тед.

— Да?

— Мы проиграли.

— О, Иисусе...

— Не могу тебе даже сказать, как я огорчен.

— О, нет.

— Судья решил отдать предпочтение материнским чувствам.

— О, нет. У меня сердце не выдержит.

— Я тоже расстроен. Мне очень жаль, Тед.

— Как она смогла выиграть? Как?

— Она мать. В девяти случаях из десяти предпочтение отдается матери. Если ребенок маленький, это случается еще чаще. Все это я знал, но надеялся, что нам удастся обойти противников.

— Нет!

— Это ужасно.

— Я потерял его? Я потерял его?

— Мы сделали все, что могли, Тед.

— Это нечестно.

— Я согласен, Тед.

— Это нечестно, Джон!

— Послушай. Дай-ка я прочитаю тебе решение. Оно носит очень традиционный характер, с сожалением должен признать.

— «В деле "Крамер против Крамера" истица представляет собой подлинную мать ребенка Вильяма пяти с половиной лет. В ходе слушания мать просила передать ей попечительство над ребенком, забрав его у отца, который осуществлял попечительство над ним в течение полутора лет, последовавших после расставания супругов. Суд, руководствуясь интересами ребенка и исходя только из них, поскольку ребенок находится в очень юном возрасте, считает, что для него наилучшим выходом будет пребывание с матерью.

Ответчица ныне живет в Манхеттене и предприняла все необходимые шаги, чтобы создать домашнюю обстановку, удовлетворяющую потребностям ребенка. Предыдущее решение об опеке не соответствует прецеденту в деле "Хаскинс против Хаскинса". Мать, пережив стресс, который имел своим происхождением ее пребывание в данном браке, ныне заявила о себе, как о знающей и серьезной женщине с чувством ответственности. Отец также проявил себя в подобном же качестве. Поскольку оба родителя не заслуживают упреков, суд должен исходить из ситуации, нашедшей отражение в деле "Барни против Барни". Суд, исходя из интересов столь юного ребенка (дело "Ролебин против Ролебина"), принял решение передать его на попечение истицы.

Предписано к неукоснительному исполнению, что истица имеет право начать осуществлять попечение над

ребенком начиная с понедельника, 16 февраля. Ответчику предписывается платить на содержание вышеупомянутого ребенка 400 долларов в месяц. Отцу выделяются следующие дни и часы для свиданий с ребенком: по воскресеньям от одиннадцати до пяти часов дня и две недели в течение июля или августа. Судебные издержки истицы он не оплачивает». Это все, Тед.

— Все? Так что мне досталось — в воскресенье от одиннадцати до пяти? Все, что мне осталось от моего мальчика?

— По крайней мере, тебе не пришлось оплачивать ее судебные издержки.

— Какая разница? Я потерял его. Я потерял его.

— Тед, он по-прежнему будет присутствовать в твоей жизни, если тебе это надо. Жизнь еще не кончается. Порой родители теряют человеческий облик во время слушания, и проигравшая сторона рвет все связи с ребенком, лишаясь возможности вообще видеть его.

— Как бы там ни было, мы становимся чужими.

— Не обязательно.

— В понедельник... все начинается в понедельник. Вот-вот.

— Такое положение не обязательно может длиться вечно. Если ситуация изменится, ты всегда можешь подать иск в суд против нее.

— Конечно.

— Кроме того, у нас есть право на апелляцию. Но пока ты должен выполнить решение. И может случиться, что тебе пойдут навстречу.

— А пока я должен его отдать? Просто отдать?

— Тед, мне очень жаль. Честно говоря, мы выложились до последнего.

— Мой Билли. Мой маленький Билли. О, Господи...

— Просто не представляю, что еще мы могли сделать...

— Ужасно. И теперь еще *мне*, который, как выяснилось, не может его воспитывать, — *мне* придется взять на себя груз сообщить ему обо всем. О, Господи...

Тед Крамер был в таком состоянии, что ему пришлось уйти из офиса — работать сегодня он просто не мог.

Придя домой, он забрел в комнату Билли, пытаясь понять, чем ему сейчас тут заниматься. Надо ли сложить все, что имеет к нему отношение, в ящики? Или оставить все, как есть, для его посещений дома? Он пытался прикинуть, как он все выложит, как объяснит происшедшее.

Рон Уиллис, взявший на себя роль связующей инстанции между Джоанной и им, позвонил домой после того, как тщетно пытался разыскать его на работе. Он был исключительно вежлив по телефону: победившая сторона может позволить себе быть снисходительной с неудачником. Он хотел узнать, устроит ли Теда десять часов утра в понедельник и успеет ли он сложить вещи Билли. Позже они могут договориться о передаче Билли других книжек и игрушек.

Этта вернулась с продуктами из магазина, и Тед сообщил ей, что ребенка придется отдать Джоанне. Невозможно переоценить то, что она дала Билли, сказал он, и добрые основы, заложенные в нем, обязаны только той любви, которую она давала ребенку. Он решил обратиться к Джоанне с просьбой, чтобы она взяла Этту к себе, и Этта сказала, что, конечно же, она с удовольствием будет заботиться о Билли. Затем она занялась работой по дому, готовя еду. Но какое-то время спустя он услышал, как она, заперевшись в ванной, плачет.

Сегодня у Билли школа кончалась пораньше, и Тед попросил Этту немного погулять с ним в парке. Он еще не покончил с делами. Он начал звонить по телефону, надеясь, что трубки будут поднимать только секретарши или он услышит автоответчик, поскольку сейчас предпочитал только оставлять послания, а не вступать в разговоры. Он подумал, что, может быть, в самом деле, как и планировалось, оставить город на субботу и воскресенье. Тед укроется от телефонных звонков, да и Билли будет глубоко разочарован, если приключение не состоится. Передав все, что он считал нужным, переговорив с друзьями, которые выражали ему свое сочувствие, он позвонил матери. Дора Крамер не пустилась в стенания, чего он ожидал.

— Джоанна выиграла, — сказал он ей.

— Этого я и боялась, — тихо ответила Дора. — Неужели я никогда больше не увижу его? — спросила она, и в данный момент Тед не мог ответить ей, ибо не знал, относится ли право посещения к дедушкам и бабушкам.

— Обещаю тебе, мама, ты будешь видеть его. В крайнем случае в то время, когда он будет у меня.

— Мой бедный ребенок, — сказала она.

Он хотел с наигранной бодростью рассказать ей о Билли, когда она спросила:

— Что ты собираешься делать?

Тед понял, что мать хочет утешить его.

Главным для Теда было решить вопрос с Эттой. Он хотел связаться с Джоанной прежде, чем у нее появятся какие-то планы. Если он отправит письмо срочной почтой, Джоанна получит его к утру. Ему не хотелось лично говорить с ней. В крайнем случае им придется говорить относительно Билли. Он не хотел прикалывать записку ему к курточке, словно мальчик был несчастным беженцем. Он написал:

«Джоанна.

Сообщаю тебе некоторые детали, имеющие отношение к Вильяму Крамеру. Он очень ласковый ребенок, в чем ты убедишься. У него аллергия к виноградному соку, но яблочный сок он поглощает в больших количествах. Тем не менее к винограду у него аллергии нет. Не спрашивай почему. Похоже, что у него аллергия к ореховому маслу из магазинов здоровой пищи, но не к тому, что продается в супермаркетах — и опять-таки не спрашивай меня, в чем дело. По ночам к нему иногда приходят чудовища, особенно одно. Оно называется Лицо. Лицо, насколько я мог определить, представляет собой нечто вроде циркового клоуна без тела и, по словам педиатра и из того, что прочел, воплощает в себе сексуальные страхи перед потерей пениса, страх перед его гневом или же страх перед цирковым клоуном как таковым, которого он когда-то видел. Его врач, кстати, доктор Фейнман. Простуды у него лучше всего излечиваются Судафедом. Его любимые сказки — о Бабаре и Винни-Пухе, место которых начинает занимать Бэтмэн. За ним все время ухаживала Этта Валевска,

и она — главная причина, по которой я пишу тебе. Она любящая женщина, чистоплотная и аккуратная, очень преданная Билли, опытная, — словом, в ней есть все, что можно пожелать от помощницы по дому. И, что более важно, Билли любит ее и привязян к ней. Я сомневаюсь, что ты захочешь все начинать с чистого листа и решишь оказаться от ее услуг. Я просил бы тебя взять ее к себе. Номер ее телефона 555-7306 и, я думаю, она согласится работать у тебя, если ты ей это предложишь. Хочу надеяться, что уладится и все остальное. Позвони мне, если тебе что-то будет надо, и мы переговорим с тобой. Пока это все, что пришло мне в голову. В его присутствии постарайся спокойно разговаривать со мной, и что бы я ни чувствовал, я отвечу тем же самым, поскольку это «в интересах ребенка», как принято говорить.

Тед».

Заглянув в почтовое отделение, он отправил послание срочной почтой и вернулся домой ждать Билли. Мальчик влетел в дом с разрумянившимся лицом. Он радостно кинулся к Теду, обхватив его за талию:

— О, папа, ты уже так рано дома!

Он не мог сказать малышу, что больше ему тут жить не придется, так же, как не в силах был вымолвить ни слова и за обедом, и во время последнего посещения «Бюргер Кинга», и когда время пришло ложиться в кроватку и Билли потребовал потушить свет, чтобы проверить свой «сверхмощный прожектор для охоты на енотов». Тед решил отложить разговор до завтрака и, наконец, утром, не в силах выносить и дальше это напряжение, решился на разговор с ним, пока они дожидались Ларри и Эллен.

— Билли, ты знаешь, что твоя мама теперь живет в Нью-Йорке?

— Знаю.

— Видишь ли, порой, когда папа с мамой разводятся, возникает разговор, с кем будет жить ребенок, с папой или мамой. В таком случае появляется очень умный человек, которого зовут судья. У него большой опыт с

папами, мамами, с детьми и вообще с разводами. Он-то и решает, где ребенку будет жить лучше всего.

— А почему он должен решать?

— Ну, так уж принято. У него очень большая власть.

— Как у короля?

— Больше, чем у короля. Судья сидит в мантии в большом кресле. И думает о нас — о тебе, обо мне, о маме, — и вот он-то и решил, что для тебя будет лучше всего жить с мамой в ее квартире. И я очень рад. Потому что, если даже ты будешь жить вместе с мамой, я каждое воскресенье буду приходить к тебе.

«И я в самом деле буду каждое воскресенье, обещаю тебе, Билли. Я не хочу быть одним из тех, о которых говорил Шонесси».

— Я не понимаю, папа.

— Я тоже.

— Что именно ты не понимаешь, мой милый?

— А где будет моя кроватка, где я буду спать?

— У мамы. У тебя тоже будут твоя комнатка с твоей кроваткой.

— А где будут мои игрушки?

— Ты возьмешь игрушки с собой, и, не сомневаюсь, у тебя будут еще и новые.

— А кто будет читать мне мои сказки?

— Мама.

— Миссис Валевска тоже будет там, да?

— Об этом я пока не знаю. Это мы еще обсудим.

— Ты будешь приходить ко мне и желать мне спокойной ночи каждый вечер?

— Нет, Билли. Я останусь жить здесь. Мы будем видеться с тобой по воскресеньям.

— И я буду жить у мамы в доме?

— Да, и все начнется с понедельника. Утром за тобой заедет мама и заберет тебя.

— Но мы же собирались ехать на уик-энд! Ты обещал!

— Мы и поедем. Просто вернемся домой на денек раньше, вот и все.

— Ой, как здорово!

— Да, здорово.

Ребенку потребовалось несколько минут, чтобы оценить полученную информацию, после чего он спросил:

— Папа, это значит, что мы никогда больше не будем играть в обезьянок?

«О, Господи, я этого не вынесу».

— Нет, моя радость, мы еще поиграем в обезьянок. Мы будем воскресные обезьянки.

По пути к Лонг-Айленду взрослые старательно пытались изображать непринужденное веселье, распевая в машине «Я тружусь на железной дороге» и другие песни. В перерывах между приступами натужного веселья Эллен то и дело оглядывалась на Билли и Теда и тут же отводила глаза, не в силах выдержать их вида. Как только наступала заминка с очередной песней, все, кому было больше пяти с половиной лет, погружались в торжественную задумчивость. Только Билли болтал без умолку, восхищаясь зимними пейзажами острова. — Куда улетают птицы? А дети тут живут? Паром разламывает лед, как ледокол? — но потом и он замолчал, погрузившись в раздумья.

— Папа, у меня есть одна тайна, — прошептал он ему на ухо, чтобы остальные его не услышали. — Что, если придет Лицо, когда я буду жить у мамы?

— Мама знает о Лице. И вы вместе с мамой скажете Лицу, чтобы оно убиралось.

На пароме Билли прилип к иллюминатору, боясь пропустить хоть одну деталь начинающегося путешествия, но потом его интерес к водным просторам пропал и он снова погрузился в задумчивость.

— Мама знает, что я не могу пить виноградный сок?

— Да, знает. Она не даст тебе ничего, что вредно для тебя.

Когда они оказались на островке, Билли сразу же окрестил пустой летний домик «Страной привилегий», увлекшись игрой, которой они с Тедом занимались все утро, выслеживая привидения, для чего им приходилось то и дело бегать вокруг домика, пугая друг друга и покатываясь со смеха. «Не стоит так уж радоваться, — думал Тед. — Может, лучше нам расстаться в мрачном настроении?»

Восторги ребенка передались и остальным. После ленча Ларри и Эллен, подогретые порцией рома, который взрослым пришлось выпить в этот прохладный день, тоже подключились к игре в Страну привидений. Все стали носиться по пляжу. После позднего обеда Билли, вооружившись фонариком, пошел на охоту за мелкими животными, но Страна привидений дала о себе знать: он пробыл за дверью всего минут десять и вернулся обратно, подальше от ночных теней и звуков.

— Ты видел тут какую-нибудь косулю? — спросил Ларри. — Ты знаешь, их на острове целые стада.

— Только не в Ошун-Бич парке, — сказал Тед. — Они тут не обитают. Им его не сдают.

Они стали смеяться и Билли тоже присоединился к ним, поскольку счел слова Теда очень смешными.

— Можете себе представить, как косуля заходит в магазин? — сказал Билли, выдав шутку, соответствующую его пяти годам, и вволю нахохотавшись.

После длинного утомительного дня все отошли ко сну в своих спальных мешках.

В воскресенье, которое было их последним днем вместе, Тед с Билли отправились на пляж строить песчаные замки. На побережье было пусто и безлюдно. Этот остров в последний раз принадлежал им, и только им. Они бросались снежками, прогуливались по берегу и сидели на пристани, после чего, продрогнув, наконец вернулись домой, спасаясь от погоды, которая начала портиться. Тед с Билли сели играть в палочки, в чем малыш ловкостью заметно превосходил Теда, а потом, это уже было, он снова стал о чем-то раздумывать. Внезапно повернувшись, он поднял на отца растерянный взгляд. И Тед Крамер понял: какую бы боль он ни испытывал, он должен сейчас быть отцом для этого ребенка и помочь ему пройти через это нелегкое испытание.

— Все будет отлично, Билли. Мама любит тебя. И я тебя люблю. И любому из нас ты можешь выложить все, что хочешь.

— Конечно, папа.

— Все будет хорошо. Вокруг тебя люди, которые тебя любят.

На пароме, по пути обратно, никто больше не смеялся. Боль от предстоящего расставания была так сильна, что Тед с трудом мог дышать.

В городе Ларри с Эллен подвезли их к дому.

— Держись, старина! — сказал Ларри Теду.

Затем Эллен поцеловала Билли и сказала ему:

— Мы будем всегда рады видеть тебя на острове, в любое время. И ты это помни. Мы пойдем смотреть на косуль в магазине.

— Мы будем у вас только по воскресеньям, — ответил мальчик, наконец полностью уяснив ту реальность, которая его ждет.

Тед проследил, чтобы Билли почистил зубы, облачился в пижаму и затем почитал ему сказку. Он сказал ему «Спокойной ночи», стараясь, чтобы у него был спокойный и веселый голос. «До утра, Билли». Он попытался посмотреть фильм по телевизору, но у него не было сил, настолько он был измотан. Наконец он решил в последний раз взглянуть на спящего мальчика. Ведь он так много вложил в этого ребенка, подумал он. В самом ли деле, попытался понять он. Наверно, все же что-то он ему дал. Но, оставаясь наедине с ребенком, это трудно уловить. Джоанну ждет то же самое. Все это долгое время они были неразлучны. Он решил, что должен быть благодарен за представившееся ему время, которое он провел со своим ребенком. Оно было восхитительным. И никто не может его лишить этих воспоминаний. Он чувствовал, что уже никогда не будет таким, как прежде. Он понимал, что вырос и возмужал благодаря этому малышу. Благодаря Билли в нем появилось больше любви, он стал более открытым, более сильным и раскованным. Приобрел опыт в том, с чем ему теперь приходилось сталкиваться в жизни, — и все из-за этого ребенка. Склонившись, он поцеловал его спящего, и сказал:

— Спокойной ночи, малыш. Спасибо тебе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

До появления Джоанны оставалось несколько часов.

— Что ты скажешь, если мы примемся за завтрак, малыш?

— Ты дашь мне орешков?

— После завтрака. — Тед Крамер не мог позволить себе забыть отцовские обязанности.

Добравшись до соседней закусочной, отец с сыном сели в кабинке — с завтраком они расправились быстро. Скоро его ждет унылая судьба остальных воскресных отцов... но об этом лучше не думать. Вернувшись домой, они стали складывать в две сумки самые важные для Билли предметы. Теперь оставалось только ждать Джоанну. Тед позволил Билли посмотреть утреннюю передачу по телевизору, пока он в гостиной читал утренние газеты.

Джоанна запаздывала. Было уже четверть одиннадцатого. «По крайней мере, хоть в этот день она могла бы не доставлять ему излишних страданий!» — подумал он. В половине одиннадцатого он стал расхаживать по комнате. Ну, ты даешь, Джоанна! В одиннадцать он осознал, что у него даже нет ее телефонного номера. Он не был записан.

Он попытался найти Рона Уиллиса, но не смог. В двадцать минут двенадцатого телефон наконец зазвонил.

— Тед?

— Черт бы тебя побрал, Джоанна!

— Прости.

— Где ты, черт возьми?

— Дома.

— Ради Бога!

— Тед, я не приеду.

— Ты не...

— Я не могу.

— Джоанна!

— Я не могу себя заставить, вот и все. Я просто не могу.

— В чем дело, Джоанна?

— Я... я не могу... не могу это вынести.

— Ты не можешь вынести?

— Не могу.

— Ты имеешь в виду сегодняшнее утро, сегодняшний день? Что ты несешь, черт бы тебя побрал?!

— Я не могу... я просто не могу. — И она начала плакать.

— Что ты не можешь?

— Я хочу сказать... когда я сидела в суде... и слушала, что ты для него делал... что ты ему дал... — Он с трудом разбирал ее слова. — Чувство ответственности...

— В чем дело? Джоанна, что ты хочешь сказать?

— Я просто ничего не соображаю.

— Джоанна, мальчик ждет и вещи его сложены!

— Он очень обаятельный ребенок...

— Да, он именно такой.

— Обаятельный ребенок.

— Джоанна...

— Я думала, что все будет как-то по-другому. Но когда дошло до... Я хочу сказать, что когда я поняла, как все на самом деле...

— Что? Что? *Что* именно, черт возьми?

— Я поняла, что не гожусь для того. Я думаю, что трудности, которые заставили меня уйти... остаются ча-

стью меня. И сейчас я испытываю к себе далеко не самые лучшие чувства.

— Джоанна, что ты мелешь? Ради Бога, на каком мы свете?

— Я не могу пойти на это, Тед. Я не могу заставить себя...

— Джоанна!

— Он... он твой, Тед.

— Он мой?

— Я не хочу, чтобы он был со мной. Я в самом деле...

— Это ты мне и хотела сказать?

— Я не приеду, Тед. Я не буду вторгаться в вашу жизнь.

— Это правда?

— Я больше не буду бороться за него.

— И я могу получить Билли обратно?

— И никакой судья не будет оспаривать... — Она захлебнулась в рыданиях. — О, Тед... Тед... Тед...

— Успокойся, Джоанна...

— Знаешь, я в самом деле неудачница. Я потерпела крах, как и говорил твой адвокат.

— Исусе... что же мы сотворили друг с другом!

— Ты имеешь право на него, Тед. Он твой.

— Он в самом деле мой?

— Да, Тед.

— О, Боже...

— Только... могу я попросить тебя кое о чем?

— О чем, Джоанна?

— Могу я иногда видеться с ним?

В этот момент она предстала перед ним столь несчастной и беззащитной, что он понял — он может уничтожить ее одним словом. Просто сказав, что нет, не может, он сотрет ее с лица земли. Но это было бы несвойственно ему; он чувствовал, что у него нет права на такие слова.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо, Тед. Я... я больше не могу разговаривать. — И она повесила трубку.

Он прислонился к стене, чувствуя, что ноги его просто больше не держат. Сев за стол в гостиной и тряся головой, он попытался понять, что произошло. Билли остается с ним! Что бы ни было, но он с ним! Он сидел не в силах скрыть слез, текущих по щекам.

Как-то Этта сказала ему, что он очень счастливый человек. И сейчас он в самом деле чувствовал счастье и облегчение — он действительно счастливый человек. Встав, он направился в холл, где стояли упакованные сумки, и, по-прежнему плача, отнес их обратно в комнату мальчика.

Билли смотрел телевизор. Надо ему всё рассказать. Он попытался взять себя в руки, вошел в комнату, выключил телевизор и встал на колени перед креслом с малышом.

— Бил, только что звонила мама. И... в общем, Билли... словом, ты будешь и дальше жить здесь, со мной.

— Мама не приедет?

— Не сегодня. Она любит тебя. Но все будет идти, как и было.

— Да?

— Потому что я тоже люблю тебя, Билли. — Его глаза снова наполнились слезами. — И... мне было бы... очень одиноко без тебя.

— И я по-прежнему буду спать в своей кроватке?

— Да. В своей комнате.

— И все мои игрушки останутся на месте?

— Да.

— И мой Бэтмэн?

— Да.

— И мои книжки?

— Все-все.

Ребенок постарался понять, что к чему:

— Значит, я никуда сегодня не поеду?

— Совершенно верно, Билли.

— А ты сегодня будешь работать?

— Нет.

— Значит, мы сможем сегодня пойти с тобой поиграть, папа?

— Да, Билли. Мы будем играть с тобой.

День у них прошел как обычно — они направились на игровую площадку, купили домой пиццы, посмотрели

«Маппитс», после чего Билли пошел спать, а Тед Крамер сидел у постели сына, убаюкивая его.

СОДЕРЖАНИЕ

Ричард Озборн

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ 5

Эвери Корман

КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА 209

Редактор — *В. Соболев*
Составитель — *А. Перов*
Художник — *В. Суриков*
Корректор — *Т. Сологуб*

Популярнейший европейский молодежный журнал «BRAVO» в России!

Русское издание популярнейшего европейского молодежного журнала «BRAVO» выходит в России с марта 1993 года, объемом в 32 красочно иллюстрированные страницы отличного полиграфического качества, тиражом 500.000 экз.

Журнал охватывает весь спектр интересов современной молодежи: поп- и рок-музыка, кино, сексуальное воспитание и т.д.

По вопросам приобретения журнала обращайтесь по тел:
(095) 971-55-25, 971-55-71.
Факс: (095) 975-36-58

ПОПУЛЯРНЕЙШИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ «BRAVO» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Подписано в печать 04.10.93г. Формат 84x108/32 Гарнитура «Таймс»,
14 п.л. Тираж 150.000 экз. Заказ 2091 . С03.
Издательство «Лиесма системс» О.О.О.: ЛВ-1082.
г. Рига, ул. Сахарова, отд. св. 82, а/я 20.

Отпечатано в ИПП «Янтарный сказ»,
236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

В СЕРИИ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ВЫШЛИ:	ВЫЙДУТ:
Чужой	Скалолаз
Бегущий по лезвию бритвы	Последний киногерой
Вспомнить все	Чернокнижник
Кошмар на улице Вязов	Индиана Джонс и Храм Рока
Молчание ягнят	Робокоп II
Универсальный солдат	Робокоп III
Чужой-3	Крепкий орешек II
Привидение	Хищник I
Попутчик	Хищник II
Ребенок Розмари	Красная жара
Роман о камне	Поезд-беглец
Жемчужина Нила	Палач
Робокоп	Дерево Джошуа
Другие 48 часов	Честь семьи Прицци
Полуночный ковбой	
Хищник III	
Кокон	

В СЕРИИ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ВЫШЛИ:	ВЫЙДУТ:
Искатели потерянного Ковчега	Некуда бежать
Индиана Джонс и последний Крестовый поход	Кинг Конг
Коммандо	Горец I
Золото Маккенны	Горец II
Мыс страха	Горец III
Чужие	Инопланетянин
Крепкий орешек	Жажда смерти
Конан-варвар	Военные игры
Бэтмэн	Психоз
Бэтмэн возвращается	Восставшие из Ада I
Бэтмэн: по следу Спектра	Восставшие из Ада II
Кобра	Восставшие из Ада III
Семейная тайна	Сёгун
Дракула	Трюкач
Пятница, 13-е	Невезучие
Основной инстинкт	
Крамер против Крамера	

А также многие другие произведения.

СКОРО

в серии

БЛ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

знаменитый роман
всемирно известного
писателя

Джеймса Клавелла

«СЁГУН»

Джеймс Клавелл — неотразим! Перевернув первые страницы его романов, вы прочтете их не отрываясь до самого конца. Сюжет захватывает вас настолько, что вы забываете, кто вы и где находитесь.

Нью-Йорк Таймс Бук Ревью

«Сёгун» это...
приключения, интрига, любовь...
смерть, кровопролитие и секс...
Это колоссальный роман, который понравится всем.

Лайбрери Джорнал

«Сёгун» сделал для Востока то же, что «Унесенные ветром» для Запада.

Тайм Мэгэзин

Романы Клавелла — ...устрашают своей загадочностью. Это лучшее, что я когда-либо читал.

Ян Флеминг

В этой серии будут изданы все сочинения Джеймса Клавелла, вошедшие в его знаменитый «Азиатский цикл».